Дмитрий Волкогонов

Триумф и трагедия

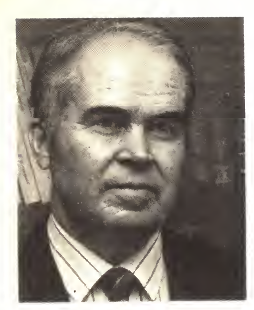
И.В. Сталин

политический портрет

Книга II часть 1

триумф и трагедия

КНИГА
II
часть1

Д. А. ВОЛКОГОНОВ родился
в Забайкалье в 1928 г.
Окончил
Военно-политическую
академию имени В. И. Ленина.
Доктор философских наук,
профессор.
Его перу принадлежат
более 20 книг
по вопросам философии,
истории и политики,
несколько сот научных и
публицистических статей.
Материалы для политического
портрета И. В. Сталина
автор собирал много лет.
Но сама книга
написана им менее чем
за полтора года.
Сейчас Д. А. Волкогонов
работает над книгой
о Л. Д. Троцком.

Дмитрий Волкогонов

триумф и трагедия

Политический портрет

И.В.Сталина

В 2-х книгах

КНИГА II

часть 1

Издательство Агентства печати Новости
Москва, 1989

ББК 66.61(2)8
В67

Автор выражает сердечную признательность товарищам, оказавшим ему бескорыстную помощь в подготовке книги, особенно *Балашову А.П., Бобкову Ф.Д., Волкогоновой Г.А., Выродову И.Я., Ефимову Н.Н., Зуеву М.Н., Калининой И.П., Кораблеву Ю.И., Каптелову Б.И., Фокиной Н.Г., Чернобровкину Г.Г.*

Рецензент
доктор исторических наук, профессор
Ю.И. Кораблев

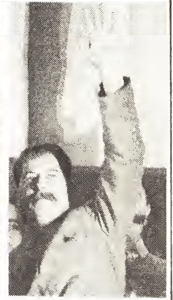
Заведующий редакцией *К.Г. Ликутов*
Редакторы *В.В. Григорьев, Е.Р.Кузнецова*
Художники *В.В. Анохин, В.И. Пантелеев*

Книга издана в авторской концепции

В книге использованы фотографии из Центрального государственного архива кинофотодокументов СССР, Центрального музея революции СССР, Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина, архива АПН и Издательства АПН, личных архивов, фото А. Вологодского, Д. Дебабова, П. Симонова и Я. Халипа.

глава 1

У дверей войны

Самая большая ошибка —
полагать, что ты никогда
не ошибаешься.

Т. Карлейль.

Была глубокая зимняя ночь января 1939 года. Трудовая Москва спала. Лишь кое-где в зданиях наркоматов, Генштаба, огромной коробке на Лубянке сквозь зашторенные окна пробивались слабые блики света. Члены Политбюро, наркомы, военное руководство, как всегда, бодрствовали. Такой распорядок дня — работа до глубокой ночи — сложился постепенно. Сталин и раньше возвращался домой к полуночи, а когда международная обстановка продолжала ухудшаться, стал регулярно задерживаться в своем кабинете до 2 — 3 часов ночи, а иногда и того позже. Ну а для НКВД ночь была чуть ли не основным "рабочим" временем.

Сталин после 12 ночи редко вызывал к себе кого-либо. Исключение составляло только ближайшее окружение — Молотов, Ворошилов, Берия. Обсуждая тот или иной вопрос, они по предложению Сталина нередко делали перерыв и отправлялись ужинать на его дачу в Кунцево, где за трапезой продолжали заниматься делами. Сталин обычно давал возможность высказаться каждому, бросая иногда короткие реплики, а затем, в конце, не спеша резюмировал. Порой его решения существенно отличались от мнения собеседников, однако это их не смущало. Они тут же соглашались. Пожалуй, возражал порой, и то ненастойчиво, Молотов. Берии удавалось чаще, чем другим, угадывать мысли "вождя", и он не скрывал своего удовлетворения. Иногда требовалась какая-то справка, уточнение детали, статистические данные. Сталин тут же звонил по "вертушке" наркому, иному высокому должностному лицу и коротко справлялся о деле. Почти не было случая, чтобы на другом конце провода не оказалось нужного человека. Иной раз складывалось впечатление, что Сталин такими звонками проверял усердие руководителей, которые в свою очередь и ночью держали при себе определенное число работников для решения внезапно поставленной задачи. Ночные бдения накануне войны стали обычными.

Сегодня Сталин сидел над отчетным докладом, с которым он будет выступать на очередном, XVIII съезде партии. В нача-

ле января Пленум ЦК решил созвать съезд 10 марта 1939 года. Первый вариант доклада, подготовленный в аппарате ЦК, уже невозможно было узнать. Десятки страниц Сталин переписал заново. Он хотел выразить две главные идеи. Первая: мир накануне новых потрясений. Рушится система послевоенных мирных договоров. Экономический кризис ускоряет рост военной опасности. На горизонте — тучи мировой войны. А если точнее, подумал и написал Сталин, "новая империалистическая война стала фактом".

Идея вторая, которую хотел популярно изложить "вождь", заключалась в публичном утверждении новых успехов социализма. Он считал, что в результате разгрома "капитулянтов и вредителей" страна стала еще более могучей. Полистав страницы со статистическими выкладками, которые ему подготовили, Сталин после долгих размышлений быстро стал писать: "Мы перегнали главные капиталистические страны в смысле техники производства (?! — *Прим. Д.В.*) и темпов развития промышленности. Это очень хорошо. Но этого мало. Нужно перегнать их также в экономическом отношении. Мы это можем сделать, и мы это должны сделать... Нужно строить новые заводы. Нужно ковать новые кадры для промышленности. Но для этого необходимо время, и немалое. Невозможно в 2 — 3 года перегнать экономически главные капиталистические страны. Для этого требуется несколько больше времени"[1].

Устало отодвинув доклад, Сталин вызвал Поскребышева и попросил принести списки делегатов предыдущего съезда и избранных на нем членов ЦК. Вчера у помощника этих списков под рукой не оказалось. Открыв тоненькую папочку, Сталин погрузился в чтение. Пожалуй, более половины фамилий ему были хорошо знакомы. Этот известен ему еще по наркомнацу, другой по коллективизации, третий памятен беседой при назначении секретарем обкома. Военных делегатов он знал почти всех. Сталин медленно водил пальцем по спискам, иногда задерживаясь на той или другой фамилии. Цепкая память восстанавливала встречи, беседы, разговоры.

Вот В.М. Михайлов, начальник строительства Дворца Советов. Он у него был один или два раза вместе с академиком Б.М. Иофаном. Выслушивали его, Сталина, пожелания по проектированию и развертыванию строительных работ. И.Е. Любимов запомнился тем, что обычно в числе первых рапортовал ему о перевыполнении плана предприятиями легкой промышленности. Взгляд "вождя" долго не мог оторваться от строки:

"А.С. Енукидзе — секретарь Президиума ЦИК СССР". Ведь был другом, а поди ж ты, какой скрытный оказался... А вот целая "обойма" заведующих отделами ЦК партии — К.Я. Бауман, И.А. Пятницкий, Я.А. Яковлев, А.И. Стецкий... Как могут меняться люди! Яков Аркадьевич Эпштейн, которого почему-то называли Яковлевым, так хорошо поработал в годы коллективизации, а тут вдруг "завилял". Сталин вспомнил, что не раз приглашал Яковлева обедать к себе, а это было признаком особого расположения. Стецкий умел работать с писателями, артистами, но у Сталина он никогда особого доверия не вызывал. Стало быть, предчувствие его не обмануло — враг... Взгляд Сталина зацепился за фамилию М.Л. Рухимовича, наркома оборонной промышленности. С ним у него было много встреч; цепкий, исполнительный человек, но оказался замешанным в связях с троцкистами... Вот Л.И. Мирзоян, первый секретарь ЦК КП(б) Казахстана. Он плохо его знал, но помнил, как после обсуждения кандидатуры Мирзояна дал согласие на "избрание".

Сталин взял карандаш и подчеркнул фамилии бывших членов и кандидатов в члены Политбюро — Я.Э. Рудзутак, С.В. Косиор, В.Я. Чубарь, П.П. Постышев. Хорошо, что он вовремя рассмотрел этих людей; они могли быть опасны не только для партии, но и для него. Всплыли в памяти их письма с просьбами разобраться, пощадить, вникнуть в дела НКВД, где, по их мнению, "свила гнездо банда провокаторов".

Листая списки, Сталин обратил внимание, что у большинства фамилий, сразу же после инициалов, рукой Поскребышева сделаны карандашные пометки "в.н.", иногда указана какая-то дата. Тут же понял, что означает дата — приведение приговора в исполнение или просто смерти. Но не сразу уловил смысл буквенных сокращений. И все же, остановившись на фамилии Я.С. Агранова, догадался: "в.н." — враг народа. Да, Я.С. Агранов, его старый товарищ, которого год назад расстреляли, тоже оказался врагом народа... Перед глазами мелькали фамилии тех, кого уже не было в живых: К.В. Уханов, Б.А. Семенов, С.С. Лобов, Б.П. Шеболдаев, И.П. Румянцев, М.М. Хатаевич, Н.Н. Демченко, Д.Е. Сулимов, Ш.З. Элиава, Н.М. Голодед, А.К. Лепа, Г.Н. Каминский, Н.М. Попов, И.А. Зеленский, А.С. Булин, Н.Ф. Гикало... Сталин подумал: кто же остался? Но вспомнив, что почти три сотни делегатов XVII съезда проголосовали против него, успокоился: это дело их рук...

Да, среди делегатов съезда было слишком много скрытых врагов. А ведь подавляющее большинство этих людей вступили в партию еще до революции, в годы гражданской войны. Размышляя над списками, Сталин, возможно, подумал: "Они оказались не готовы жить при социализме. Путы оппозиционеров, видно, держали их крепко. Не смогли понять социализма!" Эти люди навеки замолчали. Они ничего не могут ни сказать, ни даже подумать об очередном съезде, растущей военной опасности, о том, что не бог, а он, товарищ Сталин, был им высшим судьей.

Как бы продолжая свои ночные размышления, Сталин назавтра скажет Г.М. Маленкову, которого все чаще и чаще вызывал к себе и поручал самые различные ответственные задания:

— Думаю, от вражеского балласта очистились мы хорошо. Нужны свежие силы, нужны новые люди в партии...

Да, партии нужны новые люди. Тем более что после XVII съезда ее численность сократилась на 330 тысяч человек! Он неплохо провел операцию по удалению из партии многочисленных врагов. Что и говорить, без роста численности преданных ему, Сталину, коммунистов невозможно браться за дерзкую, фантастическую задачу: перегнать главные капиталистические страны в экономическом отношении. Но партии нужно новое, молодое, сталинское пополнение... И уже в 1939 году кандидатами в члены ВКП(б) было принято более одного миллиона человек. Партия становилась все больше, как об этом прямо писали и говорили, "сталинской".

Вернувшись к докладу, Сталин вписал в текст еще один абзац. "Некоторые деятели зарубежной прессы болтают, — четким почерком с большим наклоном писал "вождь", — что очищение советских организаций от шпионов, убийц и вредителей, вроде Троцкого, Зиновьева, Каменева, Якира, Тухачевского, Розенгольца, Бухарина и других извергов, "поколебало" будто бы советский строй, внесло "разложение". Эта пошлая болтовня стоит того, чтобы поиздеваться над ней". Перо едва поспевало за мыслью:

"В 1937 году были приговорены к расстрелу Тухачевский, Якир, Уборевич и другие изверги. После этого состоялись выборы в Верховный Совет СССР. Выборы дали Советской власти 98,6% всех участников голосования. В начале 1938 года были приговорены к расстрелу Розенгольц, Рыков, Бухарин и другие изверги. После этого состоялись выборы в Верховные Советы союзных республик. Выборы дали Советской власти 99,4%

всех участников голосования. Спрашивается, где же тут признаки "разложения" и почему это "разложение" не сказалось на результатах выборов?"[2]

"Ночная" логика Сталина была, как и он сам, "железной". "Вождь" верил в свои антиистины.

Нет, Сталина не беспокоили муки раскаяния. Чувства раскаяния, как, впрочем, милосердия и сострадания, ему были неведомы. Заглянув во время ночной работы над докладом в недавнее прошлое, Сталин должен был увидеть в нем не просто праведный гнев и скорбный укор. Он не мог не почувствовать опасности, которую невольно нагнетал в той же мере, в какой ослабил за последние годы "первую землю социализма".

Политические маневры

Сталину казалось, что кровавая чистка, которая была проведена в партии и стране, стабилизировала общество. Вопреки целому ряду объективных признаков, свидетельствовавших об ослаблении партии, уничтожении интеллектуального слоя партийных, технических и военных кадров, усилении административно-директивных методов в жизни общества, Сталин продолжал считать (и об этом он сказал в своем докладе на XVIII съезде партии) исторически оправданным курс на "ликвидацию троцкистских и иных двурушников".

С начала 1939 года основное внимание Сталина, пожалуй, было обращено на внешнеполитические проблемы. Хотя принято считать, что вторая мировая война началась 1 сентября 1939 года нападением фашистской Германии на Польшу, Сталин полагал иначе. И это было в определенной мере справедливо. Япония продолжала завоевательные действия в Китае; Италия напала на Абиссинию и Албанию; была осуществлена широкая германо-итальянская интервенция против республиканской Испании. Германия захватила Австрию, а буквально в дни работы XVIII съезда ВКП(б) аннексировала Чехию и фактически Словакию. Мир был подожжен со многих сторон. Сталин спрашивал: чем же объяснить систематические уступки многих государств агрессорам? Задав вопрос, сам же и отвечал: "Главная причина состоит в отказе большинства неагрессивных

стран, и прежде всего Англии и Франции, от политики коллективной безопасности, от политики коллективного отпора агрессорам, в переходе их на позицию невмешательства, на позицию "нейтралитета"[3].

Узнав во время заседания XVIII съезда партии о том, что Германия захватила Клайпедскую область Литвы, что чехословацкий президент подписал Берлинский пакт, означавший ликвидацию чехословацкой государственности, Сталин приказал направить резкий протест в Берлин. В ноте наркома иностранных дел М.М. Литвинова, переданной послу Германии в СССР Ф. Шуленбургу, в твердых выражениях осуждалась немецкая акция и доводилось до сведения руководителей рейха, что Советское правительство "не может признать включение в состав Германской империи Чехии, а в той или иной форме также и Словакии..."[4].

В условиях разгоравшегося всемирного пожара нужно было определить стратегию, которая позволила бы продолжать реализацию социально-экономических планов развития страны и одновременно обеспечила бы надежную защиту Отечества. Сторонники политики невмешательства затеяли, по словам Сталина, "большую и опасную политическую игру". СССР был вынужден принять участие в этих политических маневрах с весьма неясным финалом. Обычно в узком кругу, куда несколько раз приглашался и Литвинов, обсуждался вопрос: какой линии придерживаться в складывающейся обстановке? "Медовые месяцы" народных фронтов в Европе кончились. Революционная волна разбилась о милитаристские и шовинистические барьеры буржуазии. Европейский континент как бы затих в предчувствии, что его вот-вот захлестнут танковые армады Гитлера. Драма гражданской войны в Испании подходила к концу, республика агонизировала. Марксистские партии, многие из которых были разгромлены или ушли в подполье, с надеждой смотрели на Советский Союз. Влияние Коминтерна заметно слабело. И скажу прямо: огромная доля вины за это лежит на Сталине.

Отождествляя фактически политику ВКП(б) и Коминтерна, осуществляя безапелляционный диктат международному союзу коммунистов, Сталин тем самым его дискредитировал. Трагичны, тяжелы и преступны репрессивные действия Сталина в отношении деятелей Коминтерна. Страшные "грабли" террора проредили Коминтерн и его дочерние организации — КИМ, Профинтерн, Комитет международной рабочей помощи. Особенно пострадали руководители компартий Австрии, Венгрии,

Германии, Латвии, Литвы, Польши, Румынии, Финляндии, Эстонии, Югославии, находившиеся в своих странах на нелегальном положении. Интернационалисты, люди, искавшие в СССР убежище от преследований реакции на своей родине, попали в жернова карательной машины. Список репрессированных длинен. Назову хотя бы некоторых товарищей, павших в годы сталинского беззакония. Члены руководства германской компартии Г. Ремеке, Х. Эберлейн, Г. Нойман; польской компартии — Э. Прухняк, Ю. Ленский, М. Кошутская; генеральный секретарь Компартии Греции А. Контас; видный деятель Иранской компартии А. Султан-Заде; югославской компартии — М. Горкич, В. Чопич, М. Филиппович; Компартии Финляндии — А. Шотман и Г. Ровио. Погибли видный деятель международного коммунистического движения Б. Кун, швейцарец Ф. Платтен — близкий друг В.И. Ленина, венгр Л. Гавро (награжденный за мужество, проявленное в годы гражданской войны, двумя орденами Красного Знамени), болгарин Р. Аврамов, удостоенный ордена Ленина, финн Э. Гюллинг и многие, многие другие. Особенно циничными действия Сталина были по отношению к Коммунистической партии Польши. Все руководство партии было фактически уничтожено. Последний член Политбюро КПП Белевский был арестован в сентябре 1937 года. Когда "вождю" показали проект постановления ИККИ о роспуске КПП в связи с тем, что в ней якобы "орудовали агенты польского фашизма", Сталин отреагировал весьма красноречиво: "С роспуском опоздали года на два. Распустить нужно, но публиковать в печати, по-моему, не следует". К слову сказать, постановление Президиума ИККИ о роспуске польской компартии не обсуждалось на заседании, а было принято опросным голосованием с участием всего лишь шести членов из девятнадцати...

Сталин не только обескровил центральные органы Коминтерна, но своими политическими действиями резко усилил сектантские тенденции, низвел деятельность его аппарата до придатка созданной им бюрократической машины. Деформация интернационалистских начал, командные, репрессивные методы, насаждавшиеся Сталиным в Коминтерне, резко ослабили его влияние в массах, объективно способствовали усилению фашизма.

Сталин по-прежнему настаивал на своей оценке социал-демократии, ставил ее, по существу, на одну доску с фашизмом. Во всяком случае, спад революционной волны в мире он объяснял прежде всего "реформизмом" и "предательством"

социал-демократов. "Вождь" обычно упорствовал в своих ошибках. Это была одна из них, но особо тяжелая по последствиям и имеющая дальние истоки. Вернемся ненадолго в 20-е годы.

В январе 1924 года, за неделю до смерти Ленина, проходил Пленум ЦК. Среди других вопросов обсуждался и доклад Зиновьева "О международном положении". В прениях выступил Сталин. Критикуя Радека за допущенные ошибки в "германском вопросе", Сталин сформулировал глубоко ошибочный тезис, который затем постепенно навязал и Коминтерну: опора фашизма — это социал-демократия, которой мы должны дать "смертельный бой". В своем выступлении Сталин фактически представил социал-демократию главным врагом рабочего и коммунистического движения[5]. В том же, 1924 году в своей статье "К международному положению" Сталин охарактеризовал фашизм и социал-демократию как "близнецов". В этом вопросе Сталин не маневрировал, а долгие годы придерживался одних и тех же ошибочных взглядов. Уже в 1933 году, знакомясь с рукописью одного из известных деятелей Компартии Германии Ф. Геккерта "Что происходит в Германии", Сталин делает пометку: "Соц-фашисты? Да". В том месте, где Геккерт пишет, что социал-демократия качнулась и перешла на сторону фашизма, Сталин добавляет, что именно поэтому "коммунисты именуют социал-демократов вот уже три года социал-фашистами"[6]. Глубокая ошибочность, близорукость вывода Сталина очевидны. Вместо объединения сил рабочего класса на борьбу с фашизмом Сталин ориентировал коммунистические партии на борьбу с социал-демократией. Все это ослабляло отпор фашизму — действительно главной опасности для рабочего и коммунистического движения.

Советуясь со своим окружением по международным вопросам, Сталин прислушивался, пожалуй, лишь к Молотову. Его аргументы, представлявшие, по мнению "вождя", некий синтез гибкости и твердости, соответствовали обстановке. Сообща с Молотовым они сформулировали "задачи партии в области внешней политики", которые Сталин изложил на XVIII съезде партии. Четыре пункта этой программы переписывались Сталиным буквально за несколько часов до начала съезда и в конце концов выразили две тесно связанные идеи.

Во-первых. Продолжать поиск мирных средств предотвращения войны или, по крайней мере, максимального ее отдаления. Осуществить новые попытки реализации советского плана

коллективной безопасности в Европе. Не допустить создания широкого единого антисоветского фронта. Соблюдать максимальную осторожность и не поддаваться на провокации врага.

Во-вторых. Принять все необходимые, даже чрезвычайные меры по ускорению подготовки страны к обороне, обратив первостепенное внимание на укрепление боевой мощи Красной Армии и Военно-Морского Флота. (Вопросы дальнейшего упрочения оборонного потенциала были обсуждены позднее на XVIII Всесоюзной партийной конференции в феврале 1941 г.)

Рассмотрение многих вопросов на заседаниях Политбюро в это время было связано с решением именно этой двуединой задачи. Сталин все время думал, как усилить работу внешнеполитического ведомства страны, максимально использовать дипломатические возможности. Его не устраивал нарком: слишком часто имел особое мнение. Сразу же после майских праздников над Литвиновым занес руку Берия. Появились симптомы скорого ареста: создание вокруг него "вакуума", прекращение вызовов на высокие совещания, ночные "беседы" работников НКВД с помощниками и близкими Литвинова. Затем вывод из состава ЦК... Казалось, нужно ждать самого худшего. В наркомате опечатали бумаги Литвинова. Люди Берии листали записи наркома в его дипломатических дневниках. В документах Литвинова копия одного из его последних докладов Сталину: "Посылаю при сем запись своей сегодняшней беседы с английским послом и перевод английского проекта декларации... Она обязывает лишь к совещанию, т.е. тому самому, что мы сами предполагаем. Некоторое политическое значение будет иметь впечатление от создающегося как бы нового пакта четырех, с исключением Италии и Германии (так в тексте. — *Прим. Д.В.*). Я не уверен в том, что Бек согласится подписать даже такую декларацию..."[7] Литвинов хотел и надеялся, что антифашистский альянс с западными демократиями может осуществиться... В своем письме полпреду СССР во Франции Я.З. Сурицу в конце марта 1939 года Литвинов сообщал, что "на прямое предложение о декларации четырех мы дали прямой ответ о согласии". Для себя мы решили, подчеркивал нарком, "не подписывать ее без Польши". Однако ясно, что ответ Польши "достаточно определенен, чтобы понять ее отрицательное отношение"[8]. Литвинов считал, что возможный союз СССР с западными демократиями был бы наиболее надежной гарантией перед лицом угрозы мировой войны. Вместе с тем именно такой

альянс позволил бы защитить и малые государства, которые готовилась поглотить гитлеровская Германия. После приема 29 марта 1939 года посланника Литвы в СССР Балтрушайтиса нарком записал в дневнике: посланник "принес мне копию германо-литовского соглашения о Клайпеде, сообщив при этом подробности переговоров". Риббентроп обращался с министром иностранных дел Литвы Ю. Урбшисом весьма грубо, вручив ему проект соглашения и потребовав немедленного подписания. Когда Урбшис стал возражать, Риббентроп заявил, что "Ковно (Каунас. — *Прим. Д.В.*) будет сровнен с землей, если соглашение не будет немедленно подписано, и что у немцев все для этого готово. Риббентроп наконец согласился отпустить Урбшиса в Ковно с условием, что он немедленно вернется с подписанным соглашением..."[9] После бесед с Литвиновым Сталин почувствовал, что тот совершенно не верит Гитлеру и готов настойчиво добиваться соглашений с западными демократиями. Такая заданность и предопределенность позиции наркома иностранных дел показались Сталину подозрительными. В разговоре с Берией он распорядился внимательнее "присмотреться" к Литвинову. Но худшего, по капризу самого же диктатора, не произошло. Однако уход Литвинова с поста был воспринят в Берлине как "добрый сигнал". Временный поверенный в делах СССР в Германии Г.А. Астахов докладывал в Москву: немцы считают, что появились шансы улучшения германо-советских отношений. "Предпосылки для этого усилились в связи с уходом Литвинова..."[10] Сталин остановил своего Монстра в последний момент и ограничился снятием Литвинова с поста наркома иностранных дел, передав этот пост Молотову. Выдвигая на этот участок фактически второго человека в государстве, "вождь" хотел дать понять всем, какое большое значение СССР придает внешнеполитическим вопросам, делу сохранения мира. Сталин решил, что подписанные в середине 30-х годов договоры о взаимной помощи с Францией и Чехословакией "не сработали". Но все это будет в мае 1939 года...

Когда в 1938 году Гитлер готовился поглотить Чехословакию, Сталин неоднократно (в марте, апреле, мае, июне, августе) поручал Наркомату иностранных дел находить формы и способы публичного подтверждения готовности СССР защитить Чехословакию. Казалось, и президент Бенеш склоняется к тому, чтобы принять эту помощь. 20 сентября из Москвы вновь был послан положительный ответ на запрос Праги о возможности и готовности СССР защитить Чехословакию от готовя-

щегося вторжения[11]. Нарком обороны подписал директиву, согласно которой в Киевском особом военном округе (КОВО) создавалась специальная группировка войск; в Белорусском особом военном округе (БОВО) намечались оперативные передвижения соединений для создания соответствующих группировок. Были проведены учения. Укрепрайоны, система ПВО приводились в боевую готовность. В конце сентября начальник Генштаба Б.М. Шапошников направил телеграмму в западные округа следующего содержания: "Красноармейцев и младших командиров, выслуживших установленные сроки службы в рядах РККА, до особого распоряжения из рядов армии не увольнять"[12]. В ряде регионов провели частичную мобилизацию. В боевую готовность было приведено более семидесяти дивизий. А в это время шел мюнхенский сговор... Сталин понял, что боязнь "коммунистической заразы" будет сильнее голоса рассудка. И он не ошибся.

Чехословацкое правительство в сложившихся условиях не сумело поставить национальные интересы выше классовых. Под давлением Англии и Франции оно капитулировало перед Гитлером. Франция фактически также пошла на аннулирование договора с Чехословакией. В этих условиях, размышлял Сталин, главное — не дать сблокироваться империалистическим государствам против Советского Союза. По его указанию Литвинов, а затем и Молотов стали активно прощупывать возможности срыва империалистического сговора против СССР. Сталина очень беспокоило содержание "мюнхенской корзины": англо-германская декларация о ненападении, подписанная в сентябре 1938 года, и такое же франко-германское соглашение (декабрь 1938 г.). Фактически эти договоренности дали Гитлеру "свободу рук" на востоке. Мало того: при определенных условиях соглашения могли стать основой антисоветского союза. Сталин понимал, что если это произойдет, то худшую ситуацию для страны придумать трудно.

Еще до XVIII съезда Сталин дал указание наркому иностранных дел выйти с предложением к британскому и французскому правительствам начать трехсторонние переговоры, чтобы выработать меры по пресечению дальнейшей фашистской агрессии. Англия и Франция, намереваясь оказать давление на Гитлера, согласились на эти переговоры. Однако их намерения выявились довольно быстро. Многочисленные источники доказывают, что Лондон и Париж скорее всего хотели направить агрессию Гитлера на восток и неохотно слушали о "заградительном вале", который предлагал создать

Советский Союз. М.М. Литвинов писал И.М. Майскому, советскому полпреду в Лондоне: "Гитлер пока делает вид, что не понимает англо-французских намеков насчет свободы действий на востоке, но он, может быть, поймет, если в придачу к намекам кое-что другое будет предложено ему Англией и Францией"[13].

Знакомство с дневниками В.М. Молотова, его заместителя В.П. Потемкина, неоднократно встречавшихся с английским послом У. Сидсом и французским — П. Наджиаром, показывает, что в общей форме эти дипломаты не отрицали вероятности военного соглашения с СССР с целью пресечения возможной германской агрессии. Но от рассмотрения конкретных вопросов явно уклонялись. В особняке НКИД на Спиридоньевке, 17 шли политические маневры. Если бы тогда стороны знали, что они упускают исторической важности шанс! Ведь в случае создания антифашистской коалиции в 1939 году очень многое могло быть по-другому. Представители западных держав неоднократно интересовались: "Означает ли уход Литвинова с поста наркома иностранных дел какое-либо изменение внешней политики СССР"[14]. Во время беседы 11 мая 1939 года В.М. Молотова с временным поверенным в делах Франции в СССР Ж. Пайяром последний спросил наркома:

— Будет ли советская политика такой, какой она была и при Литвинове?

— Да. Во французском и английском правительствах чаще происходят смены министров, не вызывая особых осложнений...

— Можно ли считать, что статья "К международному положению", опубликованная в "Известиях", выражает мнение правительства?

— Это мнение газеты. "Известия" — орган Советов депутатов трудящихся, которые являются местными органами. "Известия" нельзя считать официозом...[15]

Таково было отношение Молотова к Советам и к "Известиям". А официально новый нарком иностранных дел не отмежевывался от линии Литвинова. Хотя проницательные политики понимали, что у Германии теперь больше шансов помешать союзу западных демократий с СССР. В условиях взаимного недоверия это было сделать легче. Сегодня нам ясно, какую роковую роль сыграл кризис доверия, существовавший между договаривающимися сторонами.

Германия делала все возможное, лишь бы помешать возможному сближению СССР с Англией и Францией. Накануне

начала трехсторонних переговоров между СССР, Англией и Францией посол Германии в Москве Шуленбург добился встречи с Молотовым, во время которой достаточно резко проводил главную идею: "Между СССР и Германией не имеется политических противоречий. Имеются все возможности для примирения обоюдных интересов". Молотов, который еще не знал, как пойдут советско-англо-французские переговоры, ответил осторожно и уклончиво: "Советское правительство относится положительно к стремлению германского правительства к улучшению отношений..."[16] В это время английская и французская миссии уже прибыли в Москву, и Сталин одобрил инструкцию советской делегации на переговорах.

В начале августа 1939 года "команда" Берии подготовила справки на членов английской и французской военных миссий, приехавших в Москву для переговоров. В них были дотошно описаны Дракс, Барнетт, Хэйвуд, Думенк, Вален, Вийом, другие члены делегаций. В "объективках" говорилось и о том, что Дракс недавно стал морским адъютантом короля, что он имеет царский орден Святого Станислава, что Думенк в ноябре должен стать членом высшего военного совета и является специалистом по моторизации армии, но политикой никогда не занимался[17]. Сталина эти данные не интересовали. Он сразу обратил внимание на то, что кроме нескольких генералов в делегациях немало младших офицеров вроде капитана Совиша, капитана Бофра и других. Сталин бросил Молотову и Берии, находившимся у него в кабинете:

— Это несерьезно. Эти люди не могут обладать должными полномочиями. Лондон и Париж по-прежнему хотят играть в покер, а мы хотели бы узнать, могут ли они пойти на европейские маневры...

— Но, видимо, переговоры вести надо. Пусть они раскроют свои карты, — глядя в лицо Сталину, произнес Молотов.

— Ну что же, надо так надо, — сухо заключил Сталин.

На начавшихся в августе 1939 года военных переговорах трех делегаций (советская делегация — К.Е. Ворошилов, Н.Г. Кузнецов, А.Д. Локтионов, И.В. Смородинов, Б.М. Шапошников) картина быстро прояснилась. Западные страны не желали распространить свои гарантии на прибалтийские государства. Более того, они способствовали их сближению с Германией. Пока шли англо-франко-советские переговоры, Гитлер навязал свои договоры Латвии и Эстонии. Враждебную линию по отношению к СССР стала проводить хортистская Венгрия. Практически не изменилась позиция польского правительства,

которая обозначилась во время беседы министра иностранных дел Польши Ю. Бека с Гитлером в январе 1939 года. Бек заявил тогда, что Польша "не придает никакого значения так называемым системам безопасности", которые окончательно обанкротились. В свою очередь министр иностранных дел Германии И. Риббентроп, встречаясь с Ю. Беком, подчеркнул: Берлин надеется, что "Польша займет еще более отчетливую антирусскую позицию, так как иначе у нас вряд ли могут быть общие интересы"[18]. Стало известно, что во время секретного визита румынского короля Кароля II в Германию он заявил Гитлеру: "Румыния настроена против России, но не может открыто показывать этого из-за соседства с ней. Однако Румыния никогда не допустит прохода русских войск, хотя часто утверждалось, что она якобы обещала России пропустить ее войска. Это не соответствует действительности"[19].

Такова была международная ситуация перед началом переговоров. У главы советской делегации К.Е. Ворошилова в портфеле были инструкции политического руководства, одобренные 4 августа Сталиным. Документ именовался "Соображения к переговорам с Англией и Францией". В "Соображениях..." рассматривалось пять вариантов, "когда возможно выступление наших сил". Причем Германия в документе именовалась "главным агрессором". Сотрудники наркоматов обороны и иностранных дел дотошно просчитали, сколько танков, артиллерии, самолетов, дивизий должны выставить СССР, Англия и Франция "в зависимости от варианта", предусмотрели "блокаду берегов главного агрессора", определили направления "основных ударов", "порядок координации военных действий" и т.д. Советский Союз был готов выставить против "главного агрессора" 120 пехотных дивизий. "При нападении главного агрессора на нас, — подчеркивалось в "Соображениях...", — мы должны требовать выставления Англией и Францией 86 пехотных дивизий, решительного их наступления с 16-го дня мобилизации, самого активного участия в войне Польши, а равно беспрепятственного прохода наших войск через территорию Виленского коридора и Галицию с предоставлением им подвижного состава. Вариант, при котором "главный агрессор" мог напасть на СССР, имел в виду возможность использования Германией территорий Финляндии, Эстонии, Латвии и, возможно, Румынии"[20].

Но уже на первых заседаниях стало ясно, что западные миссии прибыли в Москву в основном для того, чтобы излагать общие соображения, информировать Лондон и Париж о

"широкомасштабных планах" Москвы, а не для того, чтобы стремиться выработать конкретное и действенное соглашение.

Сталин, раскладывая с Молотовым и Ворошиловым этот политический "пасьянс", все больше убеждался: Запад не имеет искренних намерений достичь взаимоприемлемого соглашения. И все же Сталин посчитал необходимым еще раз обратиться с конкретным предложением к Англии и Франции о заключении на 5 или 10 лет соглашения с СССР о взаимной помощи, которое предусматривало и военные обязательства. Суть его сводилась к следующему: в случае агрессии против любого из договаривающихся государств (как и восточноевропейских) стороны обязуются прийти ему на помощь. Советский Союз конкретно изложил, о каких странах между Балтийским и Черным морями идет речь. Лондон и Париж не давали ответа. Сталин торопил, требовал напоминать. Однако на переговоры в Москву прибыли второстепенные лица, не уполномоченные принимать важные решения. Одновременно, и об этом стало известно Сталину, партнеры по переговорам не прекращали своих тайных попыток добиться приемлемого соглашения с Гитлером. Становилось ясно: Англия и Франция просто тянут время в поисках выгодного для себя варианта, без учета интересов СССР. По существу, западные страны не выдвинули четкой концепции совместных действий против Германии. В позиции их делегаций явно просматривалось намерение отвести СССР главную роль в противостоянии возможной агрессии немецких войск без определенных гарантий собственного пропорционального вклада в дело борьбы с агрессией. Сталин понял, что это означает крах идеи коллективной безопасности. У "вождя" не хватило выдержки. Обычно старающийся идти к цели маленькими, но надежными шагами, Сталин стал вести себя, как шахматист, оказавшийся в цейтноте. Окончательно он поставил крест на трехсторонних переговорах, когда Ворошилов утром 20 августа положил перед ним записку от адмирала Р. Дракса, которого, как и его французского коллегу, просили ускорить ответ на советские предложения. В записке говорилось:

"Дорогой маршал Ворошилов!

Я с сожалением должен поставить Вас в известность, что английская и французская делегации до сего времени еще не получили ответа в отношении политического вопроса, который Вы просили направить нашим правительствам.

Ввиду того, что я должен буду председательствовать на сле-

дующем заседании — я предлагаю собраться в 10 часов утра 23 августа или раньше, если к этому времени будет получен ответ.

Искренне Ваш *Дракс*,
адмирал, Глава Британской делегации"[21].

— Хватит игры, — раздраженно бросил Сталин. В тот момент он едва ли предполагал, что встреча делегаций 23 августа все-таки состоится. Но совсем в другом составе.

В 1938 году Сталин переехал на новую квартиру, тоже в Кремле, размещавшуюся в здании бывшего Сената. В великолепном дворце, построенном знаменитым М.Ф. Казаковым в 1776 — 1787 годах, Сталин занял несколько комнат. Рядом были помещения для охраны, гостей, приемов. Этажом выше — кабинет Сталина и другие официальные апартаменты. С 1918 по 1922 год здесь жил и работал В.И. Ленин. Сталин и сам не мог объяснить, зачем он переехал из двухэтажного здания с подслеповатыми окнами, в котором когда-то жили слуги, в это роскошное помещение. Ведь он почти никогда не оставался на ночь в Кремле — всегда уезжал на дачу в Кунцево. Подъезжая утром к зданию бывшего Сената, посмотрел на купол и вспомнил, что на нем была великолепная статуя Георгия Победоносца — древний символ Москвы. Но Наполеон в 1812 году приказал снять Георгия и увезти во Францию. Опять эта Франция... Похоже, что она равняется на англичан. Как ему говорил Пьер Лаваль еще в середине мая 1935 года: "Только искреннее сотрудничество сделает франко-советский договор действенным". Вот тебе и "искреннее сотрудничество"! Поднимаясь по крутым лестницам к себе, Сталин продолжал думать: что еще можно предпринять в условиях фактического бойкота англичан и французов, чтобы не опалить Отечество пламенем войны? Действительно — что? Есть один вариант, но нужно будет идти, вопреки линии Коминтерна, на крайне непопулярное соглашение.

Ежедневно в эти дни в просторном кабинете Сталина шли совещания, на которых присутствовали некоторые члены Политбюро, дипломаты, военные. К концу лета 1939 года советским руководителям становилось все более ясно: перед лицом фашистской Германии на западе и милитаристской Японии на востоке СССР рассчитывать не на кого. Вывод Сталина, сделанный на XVIII съезде партии, как будто подтверждался: антикоммунизм и нежелание Англии и Франции проводить политику коллективной безопасности открыли шлюзы для агрессии членам "антикоминтерновского пакта". Классовый эгоцент-

ризм, неприязнь к социализму, корыстные расчеты, похоже, не позволили Лондону и Парижу трезво осмыслить контуры реальной опасности. Наиболее недальновидные политики прямо говорили: пусть Гитлер совершит антикоммунистический крестовый поход на восток. Для них он казался меньшей опасностью, чем СССР. Все это предопределило безрадостную для Сталина внешнеполитическую ситуацию летом 1939 года.

У СССР оказался самый ограниченный выбор. Но его нужно было делать. На него нужно было решиться. Сталин это понял раньше других, хотя и предвидел, что реакция на этот шаг во многих странах будет крайне отрицательной. Будучи прагматиком, он отбросил в этот момент идеологические принципы в сторону. Единодержец более чем за полтора десятилетия уже привык принимать решения, которые оказывали влияние на судьбы миллионов людей. Он, при своей исключительной осторожности, не боялся ответственности, уверовав в свою непогрешимость, хотя и прибегал к испытанному методу: сваливать вину за неудачи на других. Сталин привык, что последнее слово в решениях партийного и государственного руководства остается за ним. В то же время, сделав выбор, он не всегда заботился о его пропагандистском обеспечении, полагаясь в этом случае на свой аппарат, в частности на энергичного Жданова.

Итак, когда Сталин убедился, что англо-франко-советские переговоры не дают быстрых результатов (а он и не очень верил, что они приведут к положительному решению), "вождь" вернулся к "германскому варианту", который настойчиво предлагал Берлин. По его мнению, другого выбора уже не было. В противном случае СССР, как он считал, может столкнуться с широким антисоветским фронтом, что чревато наихудшим. Сталину, попавшему в политический цейтнот, некогда было думать, что скажут об этом шаге потомки, что скажет история. На пороге стояла война. Нужно было любой ценой отодвинуть ее начало.

Обсудив на Политбюро шаги по активизации контактов с Берлином и определив инструкции советскому полпреду, Сталин поручил Двинскому, заместителю Поскребышева, подобрать всю имеющуюся литературу о Гитлере, фашизме и его социальных истоках. Ему хотелось глубже понять феномен национал-социализма, о котором еще на XVII съезде он сказал, что "при самом тщательном рассмотрении невозможно обнаружить в нем даже атома социализма"[22]. Сталин помнил, что Бухарин, выступавший на том, последнем своем съезде, половину

речи посвятил анализу характера угрозы для СССР со стороны Германии и Японии. Ему запомнилось образное резюме Бухарина, которое тогда показалось просто пропагандистским, крикливым: свою наглую, разбойничью политику "Гитлер формулирует так, что он желает *оттеснить нас в Сибирь*, и которую *японские* империалисты формулируют так, что хотят оттеснить нас из *Сибири*, так что, вероятно, где-то на одной из домен Магнитки нужно поместить все 160-миллионное население нашего Союза"[23]. Сегодня Сталин, хотя он не привык даже мысленно признаваться в своих ошибках, едва ли счел бы это заявление Бухарина нелепым. За семь лет до будущей страшной схватки с фашизмом, а затем и японским милитаризмом Бухарин в основном верно начертил контуры грядущей угрозы.

Вечером Сталин засел за приготовленные ему Двинским материалы. Долго листал перевод гитлеровской книжонки "Майн кампф". Подчеркнул карандашом два больших фрагмента: "Мы заканчиваем вечное движение германцев на юг и на запад Европы и обращаем взор к землям на восток. Мы кончаем колониальную торговую политику и переходим к политике завоевания новых земель. И когда мы сегодня говорим о новой земле в Европе, то мы можем думать только о России и подвластных ей окраинах. Сама судьба как бы указала этот путь... Организация русского государства не была результатом государственной способности славянства в России, а только блестящим примером государственно-творческой деятельности германского элемента среди нижестоящей расы... Будущей целью нашей внешней политики должна быть не западная и не восточная ориентация, а восточная политика в смысле приобретения необходимой для нашего германского народа территории". Читая эти строки, каждая из которых свидетельствует о преступных планах, Сталин еще больше убеждался в том, что авантюрист с челкой на лбу не остановится ни перед чем. Вопрос один: когда?

Остановившись на книжке Конрада Гейдена "История германского фашизма", Сталин отчеркнул слова, сказанные Гитлером еще в 1922 году: "В правом лагере евреи стараются так резко выразить все имеющиеся недостатки, чтобы как можно больше раздразнить человека из народа; они культивируют жажду денег, цинизм, жестокосердие, отвратительный снобизм. Все больше евреев пробиралось в лучшие семьи, в результате ведущий слой нации стал по существу чужд своему собственному народу.

Это создало предпосылку для работы в левом лагере. Здесь

евреи развернули свою низкую демагогию... Им удалось путем гениального использования печати в такой мере подчинить массы своему влиянию, что правые стали видеть в ошибках левых ошибки немецкого рабочего, а ошибки правых представлялись немецкому рабочему в свою очередь только как ошибки так называемых буржуа..." Сталин, поражаясь столь оголтелому антисемитизму, продолжал листать книгу, отчеркивая заголовки: "Заговор раввинов", "Мастер слова", "Мастер-неврастеник", "Дипломатия сильных слов", "Его честное слово", "Секрет его физиономии"...

С этим выродком ему предстоит бороться. В этом Сталин не сомневался. Но он, первое лицо в социалистическом государстве, в ком персонифицирована фактически вся политическая власть и могущество, имеет дело с фюрером, который олицетворяет государство крайне милитаристского, буржуазного толка. Противоборство двух диктаторов? Или их союз? Может быть, Троцкий не без оснований пишет, что Сталин похож на Гитлера? Отогнав эту мысль, "вождь" продолжил чтение К. Гейдена: "Не умеющий владеть собой Гитлер просто не знает, что он обещает, его обещания не могут считаться обещаниями солидного партнера. Он нарушает их, как только это в его интересах, и при этом продолжает еще считать себя честным человеком"[24]. И этот человек предлагает Сталину заключить пакт о ненападении... Гитлер, наловчившийся оправдывать свои поступки "зовом Провидения", наверняка считает, что договор со Сталиным — это соглашение с дьяволом, в отношении которого все позволено.

Сталин, походив по кабинету, продолжал листать стопку принесенных Двинским книг, брошюр, статей, а также донесений полпреда в Берлине, заключений других дипломатов и разведчиков. Разведчики, например, сообщали, что к середине лета 1939 года сухопутные силы Германии насчитывали 3,7 миллиона человек, 3195 танков, более 26 тысяч орудий и минометов. Почти наполовину войска были моторизованы. Около 400 тысяч человек насчитывали ВВС (более 4 тыс. самолетов), около 160 тысяч — военно-морской флот (107 боевых кораблей основных классов). Это бесспорно была самая сильная армия капиталистического мира. Тысячи антифашистов в Германии были казнены, около миллиона немцев томились в тюрьмах и концлагерях. (По сталинским масштабам — не так уж много.)

Сталин имел все основания, если бы любил самокритику, к которой всегда призывал, посмеяться над своими словами о будущей войне. Его прогноз, сделанный ранее, теперь, в 1939 го-

ду, казался даже ему наивным. А тогда, в 1934 году, Сталин под гром аплодисментов сказал: будущая война станет "самой опасной для буржуазии еще потому, что война будет происходить не только на фронтах, но и в тылу у противника. Буржуазия может не сомневаться, что многочисленные друзья рабочего класса СССР в Европе и Азии постараются ударить в тыл своим угнетателям, которые затеяли преступную войну против отечества рабочего класса всех стран. И пусть не пеняют на нас господа буржуа, если они на другой день после такой войны недосчитаются некоторых близких им правительств, ныне благополучно царствующих "милостью божией"[25]. Да, так тогда прогнозировал "вождь", заведомо ошибаясь. Но Сталин не любил заглядывать в глаза прошлому, если оно смотрело на него с укоризной.

Закончив с шифровками разведаппарата, Сталин долго листал, подчеркивал, вновь возвращался к просмотренным страницам книги английской писательницы Дороти Вудман "Германия вооружается". Его особенно заинтересовала одна глава — "Идеологическая подготовка к войне". Для Сталина стал откровением размах идеологической обработки населения и армии. Призывы, лозунги фашизма были обращены не столько к разуму, интеллекту, сколько к инстинктам и националистическим чувствам. Культовые нормы, слепой фанатизм в исполнении целой иерархии фюреров, специально созданные ритуалы затемняли политическое сознание людей, формировали бездумных, жестоких исполнителей. Фашистские идеологи создавали обстановку психологической экзальтации, националистической истерии, политического психоза и использовали это в своих целях.

Посвятив целый вечер изучению материалов о фашизме и его фюрере, Сталин понял, что фашистская идеология, будучи эклектичной, имеет своим духовным фундаментом антикоммунизм, а также опирается на романтизированную историю предков, фальсифицированную философию истории, культ грубой силы и апологетику арийского "сверхчеловека". "Вождь" поразился столь откровенному социальному цинизму идеологов рейха. Обычно, как он полагал, такие идеи публично не пропагандируют. Да, компромисс с такими людьми крайне опасен. Но схватиться с Германией сейчас, без соглашений с Англией и Францией, он просто не готов.

Сталин созревал для решения. Беседы с соратниками едва ли давали ему многое. Его единовластие зашло так далеко, что большинство из его окружения пыталось просто угадать мне-

ние или желание "вождя", охотно поддакивая Сталину. Объективности ради следует сказать, что в такой обстановке, при выработке "курса", "линии", ему приходилось больше рассчитывать на себя. Окружающие старались говорить ему не то, что они думают, а то, что, по их мнению, он хочет. Но в этом был повинен прежде всего сам Сталин, парализовавший творческие, принципиальные коллективные дискуссии и обсуждения.

В этот момент истины у Сталина было три варианта решения: договориться с Англией и Францией, заключить пакт с Германией либо — что было крайне нежелательным — остаться в одиночестве. Конечно, первый вариант был бы наиболее предпочтителен. Была бы создана антифашистская коалиция, имеющая не только огромный материальный потенциал, но и обладающая большим моральным преимуществом. Но, попав в политический цейтнот, Сталин, как ему казалось, не мог ни ждать, ни рисковать. Ему явно не хватало выдержки. Тем более что Лондон и Париж все что-то выжидали; у них не было искреннего желания идти на сближение с СССР. Но все же просчет Сталина заключался прежде всего в том, что он попросту переоценил возможность создания блока Англии и Франции с фашистской Германией.

В августе сложилась своеобразная ситуация. Заседания трех военных делегаций шли без какого-либо прогресса. Одновременно, уже на политическом уровне, лихорадочно осуществлялись контакты между представителями Москвы и Берлина. Мало кто знал, что в начале августа и в Лондоне шли тайные англо-германские переговоры. Германский посол в Англии Г. Дирксен и доверенное лицо британского премьера Г. Вильсон пытались навести "мосты". Эволюция событий была стремительной. Сталин читает донесение Г.А. Астахова из Берлина от 12 августа: "Конфликт с Польшей назревает в усиливающемся темпе, решающие события могут разразиться в самый короткий срок... Пресса в отношении нас ведет себя исключительно корректно... Наоборот, в отношении Англии глумление переходит всякие границы элементарной пристойности..."[26]

На другой день Астахов сообщал: "Германское правительство, исходя из нашего согласия вести переговоры об улучшении отношений, хотело бы приступить к ним возможно скорее..."[27]

15 августа Шуленбург вручил Молотову памятную записку, в которой, в частности, говорилось: "Германское правительство стоит на точке зрения, что между Балтийским и Черным

морями не существует ни одного вопроса, который не мог бы быть разрешен к полному удовлетворению обеих стран. Сюда относятся вопросы Балтийского моря, прибалтийских государств, Польши, Юго-Востока и т.п."[28]. Цинизм Берлина даже не маскируется.

17 августа Молотов принял Шуленбурга. В беседе тот заявляет: нужно начать переговоры с Риббентропом на этой неделе. Молотов от имени Сталина (он подчеркивает это специально) заявляет: "Прежде чем начать переговоры об улучшении политических взаимоотношений, надо завершить переговоры о кредитно-торговом соглашении"[29].

19 августа Шуленбург вновь добивается приема у Молотова, где сообщает: "В Берлине опасаются конфликта между Германией и Польшей. Дальнейшие события зависят не от Германии". Шуленбург настаивает на немедленном приезде Риббентропа для заключения пакта о ненападении. Молотов соглашается на приезд 26 — 27 августа[30]. Кредитное соглашение было заключено молниеносно. Гитлер торопит, торопит... Его не устраивает 26 — 27 число. В эти дни он намеревался запустить военную машину против Польши. Сталин, что на него не очень похоже, постепенно уступает пункт за пунктом Берлину. Наконец Гитлер не выдержал и 20 августа сам шлет телеграмму Сталину. Вот выдержки из этой знаменательной телеграммы:

"Господину Сталину

Москва

20 августа 1939 г.

1. Я искренне приветствую подписание нового германо-советского торгового соглашения в качестве первого шага к перестройке германо-советских отношений.

2. Заключение с Советским Союзом пакта о ненападении означает для меня закрепление германской политики на долгую перспективу...

3. Я принимаю переданный Вашим министром иностранных дел Молотовым проект пакта о ненападении, но считаю настоятельно необходимым самым скорейшим образом выяснить связанные с ним еще вопросы...

5. Напряженность между Германией и Польшей стала невыносимой. Поведение Польши по отношению к великой державе таково, что кризис может разразиться в любой день...

6. Я считаю, что в случае намерения обоих государств вступить друг с другом в новые отношения, целесообразно не терять времени. Поэтому я еще раз предлагаю Вам принять

моего министра иностранных дел во вторник, 22 августа, а самое позднее — в среду, 23 августа...

Адольф Гитлер"[31].

Фюрер взял инициативу в свои руки. Ультимативный тон телеграммы очевиден. Сталин прочел ее несколько раз, подчеркнув своим синим карандашом: "кризис может разразиться в любой день" и последнюю фразу телеграммы: "Я был бы рад получить Ваш незамедлительный ответ".

Драматический поворот

Сталин с Молотовым долго сидели над посланием, еще раз выслушали соображения Ворошилова о ходе переговоров с англичанами и французами, пытались выяснить достоверность сообщения о контактах Берлина с Парижем и Лондоном, угрожавших, в принципе, широким антисоветским альянсом. После окончательного взвешивания всех "за" и "против" решение наконец было принято. В большой политической игре нужно было сделать ответственный шаг. И он был сделан.

Сталин поднялся, прошел несколько раз по своему кабинету, взглянул на Молотова, остановился и продиктовал:

"Рейхсканцлеру Германии А. Гитлеру

21 августа 1939 г.

Благодарю за письмо. Надеюсь, что германо-советское соглашение о ненападении создаст поворот к серьезному улучшению политических отношений между нашими странами.

Народы наших стран нуждаются в мирных отношениях между собой. Согласие германского правительства на заключение пакта о ненападении создает базу для ликвидации политической напряженности и установления мира и сотрудничества между нашими странами.

Советское правительство поручило мне сообщить Вам, что оно согласно на приезд в Москву г. Риббентропа 23 августа.

И. Сталин"[32].

Сталин спешил. Он полагал, что времени на ожидание и выбор у него больше не было. В последующем Сталин почти никогда не будет вспоминать этот день — 23 августа. Он в какой-то момент поддался нажиму фюрера, утратил инициативу, не оценил в полной мере всех последствий. В немалой степени на Сталина повлияло состояние армии после погрома

1937 — 1938 годов, которое одновременно стимулировало наглость Гитлера. Но каждая из сторон считала, что она выиграла.

23 августа 1939 года Риббентроп прилетел в Москву, и в тот же день Пакт о ненападении между Советским Союзом и Германией был подписан. Он был заключен сроком на 10 лет (хотя Шуленбург еще 19 августа предлагал 25-летний срок). В ходе обсуждения проекта соглашения Риббентроп настаивал включить в преамбулу тезис "о дружественном характере советско-германских отношений". Когда Молотов доложил об этом Сталину, тот отверг предложение министра иностранных дел Германии: "Советское правительство не могло бы честно заверить советский народ в том, что с Германией существуют дружеские отношения, если в течение шести лет нацистское правительство выливало ушаты помоев на Советское правительство"[33]. Увы, в этом Сталин оказался непоследовательным. Через месяц он одобрит тезис, предложенный Риббентропом. Одновременно англо-франко-советские переговоры прекратились. Глава советской делегации К.Е. Ворошилов в своем интервью для печати заявил:

"Не потому прервались переговоры с Англией и Францией, что СССР заключил пакт о ненападении с Германией, а, наоборот, СССР заключил пакт о ненападении с Германией в результате, между прочим, того обстоятельства, что военные переговоры с Францией и Англией зашли в тупик..."[34] 21 августа, в те же часы, когда Сталин изучал телеграмму Гитлера (Шуленбург вручил ее Молотову в 15.00 21 августа), состоялось последнее заседание делегаций на трехсторонних переговорах. Глава французской миссии генерал Ж. Думенк сообщал в Париж Э. Даладье:

"Назначенное на сегодня заседание состоялось утром. Во второй половине последовало второе заседание. В ходе этих двух заседаний мы обменялись вежливыми замечаниями по поводу задержки из-за политической проблемы прохода (через Польшу. — *Прим. Д.В.*). Новое заседание, дата которого не установлена, состоится только тогда, когда мы будем в состоянии ответить положительно..."[35] Однако и в этой ситуации польское правительство не дало согласия на проход советских войск через Польшу в случае войны. Впрочем, это решение уже ничего не могло изменить, стрелки часов мировой политики резко сместились. Сталин получил выигрыш времени около двух лет. Гитлер приступил к поэтапной реализации своих планов. На Западе сообщение о прилете Риббентропа в Москву, как со-

общал из Лондона И.М. Майский, "вызвало... величайшее волнение в политических и правительственных кругах. Чувства было два: удивление, растерянность, раздражение, страх (так в тексте. — *Прим. Д.В.*). Сегодня утром настроение было близко к панике..."[36]

Сталин, неожиданно согласившись на договор с Германией, пошел дальше. Он согласился на ряд дополнительных соглашений, известных как "секретные протоколы", которые придали крайне негативный характер этому вынужденному и, возможно, необходимому шагу. Особенно циничными выглядят договоренности Сталина с фюрером о судьбе польских земель, равносильные сговору с Гитлером о ликвидации независимого государства. Подлинники этих протоколов, складывается впечатление, не видел никто. Вероятно, по рукам уже много лет ходят копии тех документов, которые привез Риббентроп в Москву. Но у меня нет сомнений в том, что если не "протоколы", то дополнительные договоренности (возможно, и устные), касающиеся линий границ "государственных интересов" СССР и Германии, существовали. Думаю, что, по "джентльменскому" соглашению, этими "протоколами" с приложенной картой обе стороны руководствовались в сентябре 1939 года. В разделе о дипломатии Сталина я еще к этому вернусь и приведу подтверждающие мою версию документы.

Конечно, с вершины сегодняшних дней пакт о ненападении выглядит весьма тускло, с точки зрения морали союз с западными демократиями был бы неизмеримо привлекательнее. Но и Англия, и Франция не оказались готовыми к такому союзу, а Сталин не проявил терпения и выдержки. С точки зрения государственных интересов и реального расклада сил, у СССР в тот момент приемлемого выбора не было. Отказ от каких-либо шагов едва ли остановил бы Германию. Вермахт и страна в целом были доведены до такой степени готовности, что нападение на Польшу было предопределено. Помощь Польше затруднялась не только позицией Варшавы, но и неготовностью СССР к войне. Отказ от пакта мог привести к созданию широкого антисоветского альянса, в результате которого была бы поставлена на карту судьба самого социализма. М.С. Горбачев в ноябре 1987 года оценил ситуацию того времени так: "Вопрос стоял примерно так же, как во время Брестского мира: быть или не быть нашей стране независимой, быть или не быть социализму на Земле"[37]. Сталин в той обстановке, видимо, это сознавал. Советские инициативы по созданию системы коллективной безопасности не нашли позитивного отклика у западных политиков.

Но понимая вынужденность пакта, нужно со всей определенностью сказать, что ничто не может оправдать Сталина, который в сближении с Гитлером пошел значительно дальше допустимого.

К слову сказать, похожие пакты Англия и Франция заключили с Германией еще раньше, в 1938 году. А летом 1939 года они вели тайные переговоры с Гитлером с целью создания единого антисоветского блока.

Сегодня многие пытаются доказать, что старт второй мировой войне, мол, дал советско-германский пакт о ненападении от 23 августа 1939 года. При этом забывают, что к тому времени западными державами уже были отданы на заклание Гитлеру Австрия, Чехословакия, Клайпеда, что Англия и Франция мало что сделали, чтобы спасти Испанскую республику.

Обычно не упоминают и того, что и Польша, очередная жертва фашистской Германии, тоже имела пакт о ненападении с ней. А само нападение на Польшу Гитлер спланировал еще 11 апреля 1939 года (план "Вейс"), задолго до того, как Молотов и Риббентроп скрепили своими подписями советско-германский пакт. Вопрос о захвате Польши рассматривался на совещании у Гитлера еще раньше — 22 января 1939 года. Требования о возвращении Данцига (Гданьска) были лишь предлогом для крупномасштабной агрессии. Планы Гитлера в отношении Польши ни для кого не были секретом. Руководству СССР, и прежде всего Сталину, было известно, что окончательное решение о нападении на Польшу Гитлер принял уже в начале 1939 года. В июне 1939 года один из советских разведчиков встречался с доктором Клейстом, заведующим восточным отделом ведомства Риббентропа. Клейст сообщил, что "фюрер не позволит, чтобы исход англо-франко-русских переговоров о пакте оказал влияние на его волю в деле радикального разрешения польского вопроса. Германо-польский конфликт будет разрешен Берлином при условии как успешного, так и безуспешного исхода переговоров... Военные действия Германии против Польши намечены на конец августа — начало сентября..."[38]. О сроках нападения знали Вашингтон, Лондон, Париж, но там надеялись, что захват Германией Польши лишь ускорит нападение Гитлера на СССР. Таким образом, анализ сложившейся на конец лета 1939 года ситуации подтверждает: для Советского Союза заключение пакта было в значительной мере вынужденным шагом, попыткой оттянуть начало войны. А она для СССР грозила быть войной на два фронта. В это же

самое время, год спустя после событий у озера Хасан, японская военщина устроила кровавую пробу сил у реки Халхин-Гол.

Сталин не мог забыть, что когда в сентябре 1938 года в Мюнхене собрались представители Англии, Франции, Германии и Италии, то никто не вспомнил о Советском Союзе. Прагматическая сделка с Гитлером в Мюнхене означала не просто предательство по отношению к Чехословакии. Через несколько дней после постыдного сговора, 4 октября, французский посол в Москве Р. Кулондр откровенно оценил суть соглашения: "После нейтрализации Чехословакии Германии открыт путь на восток". В тот же день, 30 сентября, когда было подписано мюнхенское соглашение, Чемберлен и Гитлер подписали Декларацию о ненападении и консультациях.

Его, Сталина, уличали в непоследовательности и заигрывании с Гитлером, но ведь он же сделал шаг к пакту с Берлином на год позже англичан и французов... Сталин только усмехнулся, когда ему доложили сразу же после Мюнхена, что Риббентроп в своем кругу заявил: английский премьер Н. Чемберлен "сегодня подписал смертный приговор Британской империи и предоставил нам возможность проставить дату приведения этого приговора в исполнение". Для полноты оценки приведу мнение польского посла в Лондоне. Э. Рачиньский писал, что в Англии все считают по-футбольному: Чемберлен защитил английские ворота и перевел игру на восток Европы[39]. В этих условиях Сталину приходилось рассчитывать только на себя. Для него было ясно, что, жертвуя Чехословакией, Англия и Франция одновременно поставили жирный знак вопроса на возможности своего союза с СССР.

Сталин чувствовал, конечно, что соглашение с Лондоном и Парижем, направленное на пресечение фашистской агрессии, было бы неизмеримо привлекательнее для всех прогрессивных сил, нежели пакт с Гитлером, который в узком кругу так оценил его: "Это договор с сатаной, которого мы должны удушить". Но есть вещи, которые не зависят от нас. Сталин, видимо, понимал, сколь значительными будут моральные и идеологические издержки пакта. Троцкий, например, злорадствовал в Мексике: "Сталин и Гитлер протянули друг другу руки. Маски сброшены. Сталинизм и фашизм в альянсе". Во многих компартиях решение о пакте вызвало замешательство; было трудно представить, что возможно какое-либо соглашение с фашистами. Не всем советским людям была ясна стратегия политического руководства страны, направленная на выигрыш времени, недопущение вероятного антисоветского военного союза,

создание более благоприятных условий для подготовки отпора грядущей (несмотря ни на что!) фашистской агрессии. И Сталин, и западные демократии оказались не на высоте подлинно государственной мудрости. Классовые предубеждения, ошибочный политический анализ, взаимное недоверие, попытки перехитрить другую сторону оставили всех в проигрыше.

Повторюсь, ни для кого не было секретом, что Германия вот-вот нападет на Польшу. Машина вермахта была уже заведена несколько месяцев назад. Нужно было только передвинуть рычаг. Об этом даже писали многие европейские и американские газеты. 24 августа президент США Ф. Рузвельт обратился с воззванием к Гитлеру и президенту Польши Мостицкому с призывом сесть за стол переговоров. Днем раньше бельгийский король Леопольд III обратился с аналогичным посланием по радио. 26 августа французский премьер Э. Даладье призвал Берлин к благоразумию и переговорам с Варшавой. Дважды выступил с призывом к миру папа римский. Сталин молчал... Он был уже пленником большой игры, в которой поставил (в условиях дефицита политического доверия) на Гитлера. Выбор был невелик, а затем его и вообще не стало. Сталину оставалось лишь готовиться и ждать неизбежного нападения.

Сталин еще не уехал на дачу, когда в два часа ночи 1 сентября ему принесли шифровку из Берлина, в которой сообщалось, что вечером 31 августа якобы польские военнослужащие ворвались на радиостанцию немецкого городка Глейвиц, убили нескольких немецких служащих и зачитали на польском языке текст, содержащий призыв к войне. Сталин сразу понял: Гитлер состряпал повод для нападения. Тем более неделю назад, как сообщили Сталину, фюрер заявил своим генералам: "Я дам пропагандистский повод для развязывания войны, а будет ли он правдоподобен — значения не имеет. Победителя потом не спросят, говорил он правду или нет"[40]. По требованию Сталина запросили Берлин, советское посольство: как развиваются события дальше? Оттуда ответили, что берлинское радио передает марши. Никаких официальных сообщений пока нет. Сталин понимал: удара немцев следует ожидать в любую минуту.

Рано утром Сталина разбудил звонок Поскребышева: "Войска вермахта вторглись в Польшу". Почему-то Сталину сразу вспомнилась беседа Молотова с послом Польши в СССР В. Гжибовским, о которой нарком недавно ему рассказал. Посол заявил, что "Польша не считает возможным заключение пакта о взаимопомощи с СССР ввиду практической невозможности оказания помощи Советскому Союзу со стороны

Польши..."[41]. Польское правительство, расценили Сталин с Молотовым, просто не хочет связывать себя каким-либо соглашением с СССР или гарантиями безопасности Польши... Польское руководство, как и Сталин, тоже не умело смотреть далеко вперед. Еще одна жертва фашизма. Уже позже, днем, Поскребышев молча положил перед Сталиным шифровку. "Вождь", не глядя на верного исполнителя своей воли, быстро прочел донесение военного атташе в Варшаве П.С. Рыбалко и полпреда Н.И. Шаронова:

"Вне всякой очереди.

Первого сентября немецкая бомбардировочная авиация произвела налеты на Гдыню, Катовице, Краков, Варшаву. Налет на Варшаву был отбит. Второй налет на Варшаву в 8.50 был отбит. Третий налет в 10.00 — результаты неизвестны. Данциг занят немецкими войсками. На Вестерплятте идут бои. Сухопутные части немецкой армии перешли границу в направлениях Млавы, Крыница, Дзялдово и Верхней Силезии. Идут бои. Подробную ситуацию на фронте Второй отдел не может сообщить.

Рыбалко, Шаронов"[42].

Просматривая поздно ночью, через несколько дней после нападения Германии на Польшу, последние донесения, которые принес ему Поскребышев (и когда он спит? "Хозяин" уезжает, лысеющая голова помощника склонена над бумагами, когда приезжает, он всегда на месте, всегда готов, всегда все знает), остановился на нескольких строчках шифровки из Берлина: "Сегодня, 4 сентября, утром Гитлер выехал на Восточный фронт. Он пересек бывшую границу польского коридора и остановился около Кульма".

Мысль зацепилась за это название: Кульм, Кульм... Быстро вспомнил. В 1813 году, в августе, генерал М.Б. Барклай-де-Толли разгромил французский корпус генерала Д. Вандама под Кульмом. Что-то похожее на удовлетворение коснулось сознания. Не осилив глубин философии, слабо постигнув политэкономию, Сталин любил и неплохо знал историю. Ведь то страшное нашествие Наполеона на Россию началось тоже через Польшу. Через неделю-другую солдаты в форме мышиного цвета могут выйти к советским границам. Возникает новая стратегическая ситуация. Войскам пограничных округов еще раньше были отданы распоряжения о повышении боевой готовности. В соответствии с ранее разработанным планом и советско-германской договоренностью, советские войска должны быть готовы к вступлению в Восточную Польшу. Нужно утром с Мо-

лотовым еще раз вернуться к анализу складывающейся обстановки.

Несмотря на мужество и героизм поляков, борьба была слишком неравной. Гитлер бросил против Польши 62 дивизии, в том числе 11 танковых и моторизованных, насчитывающих около 3 тысяч танков и 2 тысячи самолетов. Механизированная лавина прокатилась по польской земле. Сентябрьская катастрофа Польши была не случайной. Перед лицом фашизма СССР оставался для руководителей Польши по-прежнему особо опасным врагом. Отвергнув предлагаемую ранее помощь, Польша на несколько лет утратила государственную самостоятельность.

С нападением Германии на Польшу стало ясно, что для Гитлера эта кампания продлится не более 2 — 3 недель. Англия и Франция помочь не в состоянии. 17 сентября 1939 года Председатель Совнаркома Молотов выступил по радио:

"Никто не знает о местопребывании польского правительства*. Население Польши брошено его незадачливыми руководителями на произвол судьбы... Советское правительство считает своей священной обязанностью подать руку помощи своим братьям-украинцам и братьям-белорусам, населяющим Польшу... Советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии"[43].

Сталин распорядился, чтобы в тот же час нота подобного содержания была вручена польскому послу в Москве. Глядя в зеркало истории спустя десятилетия, можно увидеть, что, с государственной точки зрения, шаг СССР был в значительной мере оправданным: в районах, куда вошли советские войска, жили преимущественно украинцы и белорусы.

Соединения Белорусского особого военного округа, Киевского особого военного округа, не встречая сопротивления, перешли границу. Сталин, рассматривая донесения Тимошенко, Ватутина, Пуркаева, Гордова, Хрущева и других, особенно внимательно читал донесения Мехлиса. Тот сообщал:

"Украинское население встречает нашу армию как подлинных освободителей... Население приветствует наших бойцов и командиров, выносит и старается обязательно всучить нашим красноармейцам яблоки, пироги, питьевую воду и т.п. Как пра-

* Как раз 17 сентября вечером правительство Польши покинуло страну, а высшее военное командование — на следующий день утром (Здесь и далее *примечание редакции.*)

вило, даже передовые части встречаются всем населением, выходящим на улицу. Многие плачут от радости..."

Тимошенко и Борисов сообщали, что соприкосновение с немецкими войсками не всегда было гладким. Под Львовом "наши танки были встречены немецкими орудиями в упор. В результате два броневика загорелись, третий подбит, погибло трое, пять человек ранено. Нашими броневиками уничтожено два немецких орудия, убит один офицер и три солдата..."[44].

Через два дня после гитлеровского нападения на Польшу полпред СССР в Германии А. Шкварцев вручил свои верительные грамоты Гитлеру. В своем донесении в Москву Шкварцев сообщал: "Я прочитал свою речь, составленную в Москве и утвержденную Вами. Гитлер ответил: "Немецкий народ счастлив, что заключен советско-германский договор о ненападении. Этот договор послужит делу содружества двух народов... В результате войны будет ликвидировано положение, существующее с 1920 года по Версальскому договору. При этой ревизии Россия и Германия установят границы, существовавшие до войны..."[45] Красный карандаш Сталина жирно отчеркнул последние строки. Стремясь избежать войны, он становился участником "ревизии".

Здесь я хотел бы коснуться еще одного весьма острого вопроса, связанного с депортацией значительного количества поляков на территорию СССР после поражения Польши в войне с Германией. Наши друзья в Польше должны знать, что мы, советские люди, пережившие тиранию Сталина, решительно осуждаем этот противоправный и бесчеловечный акт. Но я хотел бы сказать вот о чем. В западной печати, а иногда и в Польше появляются цифры депортированных, видимо, не соответствующие действительности. Приведу некоторые документы, публикуемые, возможно, впервые. Работая в архиве Молотова, я встретил такой документ, который подготовил для Берии заместитель наркома внутренних дел Чернышев. В документе, предназначенном для доклада Сталину, говорится:

"В период с 1939-го по июнь 1941 года на территорию Советского Союза прибыло бывших (?! — *Прим. Д.В.*) польских граждан 494 310 человек. Из этого числа в тот же период убыло:

Передано немцам бывших военнопленных (?!) — 42 492 чел.*

---

*Т.е. родившихся в западных районах, оккупированных немцами.

Освобождено и отправлено в УССР и БССР — 42 400 чел.".

Внимательный читатель уловит в тексте ряд несуразностей, вроде "бывших польских граждан", еще раз сможет задуматься, что стоит за графой "передано немцам бывших военнопленных", какова их судьба? Если мы не вели войны, то откуда "военнопленные"?

Скажу также о других данных, которые проливают свет на многие спорные вопросы. В том же документе говорится, что "к моменту заключения договора о дружбе между правительством Союза ССР и правительством В. Сикорского (30 июля 1941 г.) в тюрьмах, лагерях и местах ссылки содержалось 389 382 человека. Из них, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1941 года, амнистировано 389 041 человек. В 1942 году эвакуировано в Иран 119 865 человек (с армией Андерса 76 110 военнослужащих и 43 755 граждан). Сейчас в СССР осталось поляков 218 000 человек"[46].

Справка, предназначенная для Сталина, была подписана 2 ноября 1945 года. Есть ряд документов о возвращении практически всех поляков на родину. Чтобы сделать эту информацию полнее, приведу следующий документ.

"Тов. Молотову В.М.

На 20 октября в лагерях НКВД содержалось 27 010 польских граждан, арестованных и интернированных в 1944 — 1945 гг. на территории Польши в порядке очистки тыла действующей Красной Армии.

Согласно указаниям товарища Сталина из этого количества подлежит освобождению и возвращению в Польшу 12 289 человек. Остальные до конца этого года. Останется некоторое количество арестованных за шпионаж, участие в диверсиях и т.д.

24 ноября 1945 года

Л. Берия"[47].

В десятках изученных мной документов о польских гражданах, оказавшихся по воле Сталина на территории СССР, нет никаких данных о точном количестве погибших и умерших. Все это старая общая боль, связанная с грубым нарушением Сталиным международного права и просто элементарных норм человечности. Но я забежал вперед.

В последующие месяцы Сталин перед лицом дальнейшей грозящей экспансии Германии на восток принял ряд новых ответственных решений по политическому укреплению западных рубежей страны. В момент роковых колебаний — бороться ли дальше за договоренности с западными демократиями или

пойти на сближение с фашистским дьяволом — не последнюю роль сыграли национальные и территориальные соображения. Напомню, Сталин был участником гражданской войны. Война с Польшей, которая официально никогда не объявлялась (началась в апреле 1920 г. походом Ю. Пилсудского на Киев), казалось, увенчается триумфом Красной Армии, которая 12 августа подошла к предместьям Варшавы. Но промедление с наращиванием наступательной мощи, отставание оперативных резервов привело к ее поражению. Как я уже отмечал, Сталин был к этому причастен, отказавшись подписать приказ о выделении из состава Юго-Западного фронта 12-й армии и Первой Конной армии. Сталин не забыл и о том, как он позже, похоже, заметал следы. Сделаю одно отступление.

В январе 1925 года генсек отдал распоряжение предоставить ему некоторые архивные дела Реввоенсовета Южного фронта, хранившиеся в Киевском губархиве.

"Киев. Губархив. Прошу подготовить архив Сталина, отобранный мною для сдачи к понедельнику — 16 февраля 1925 г. в 3 часа утра.

Управделами ЦК *Брезановский*"[48].

Документы были переданы по акту сроком на 6 месяцев тому же Брезановскому. В описи более сорока документов: переписка, распоряжения, секретные циркуляры, запись разговоров по прямому проводу, решения об арестах, доклады и т.д. Самое интересное начинается позже. Архив, доставленный Сталину... исчез. Через 6 месяцев Центрархив, Киевский губархив (Гринберг, Адоратский, Иодко и др.) бомбардируют Управление делами ЦК: где архив? Тот же Брезановский, который ездил в Киев и лично получал архив, отписывается так:

"В Центрархив

Управление делами Секретариата ЦК при сем сообщает, что в Архив ЦК никаких материалов не поступало.

24.X.25 г.

Управделами ЦК *Брезановский*"[49].

Брезановский прав в одном: в архив ЦК документы не поступали, а были переданы непосредственно генсеку. Скорее всего, в архиве было нечто, касавшееся лично Сталина. Архив он смотрел, но куда он делся? В делах того времени мне обнаружить эти документы не удалось. Сталин и впредь еще не раз "почистит" архивы...

Это отступление я сделал еще и потому, что Сталин не скрывал позже: Рижский мирный договор 1921 года, по которому к Польше отходили западные земли Украины и Белорус-

сии, — несправедлив. Линия границы, установленная по договору значительно восточнее так называемой линии Керзона, всегда напоминала Сталину о событиях почти двадцатилетней давности, к которым он был причастен непосредственно. Риббентроп на переговорах несколько раз осторожно напоминал о давней ране. Поэтому сегодня ясно, что неудача на переговорах с Англией и Францией имела еще одну подоплеку. Идя на сближение с Германией, Сталин намеревался вернуть земли, утраченные Советской Россией в годы гражданской войны.

На базе Киевского и Белорусского особых военных округов еще в первой декаде сентября были созданы два фронта в составе 5-й, 6, 12, 3, 11, 10-й и 4-й армий. Войскам было разрешено применять оружие лишь в случае нападения на них. Происходили только отдельные стычки. Сопротивления фактически не было. Этническое большинство (украинцы и белорусы) искренне приветствовали приход советских войск.

К 25 сентября в течение недели советские войска продвинулись на 250 — 350 километров, выйдя на рубеж рек Западный Буг и Сан, как и предусматривалось советско-германскими секретными соглашениями. Но об этом я скажу подробнее в одном из следующих разделов. В ноябре 1939 года эти земли официально вошли в состав Украинской и Белорусской ССР. В июне 1940 года Советскому правительству удалось мирным путем решить вопрос и о возвращении Бессарабии и Северной Буковины. По соглашению с румынским правительством граница была восстановлена по рекам Прут и Дунай. Была образована Молдавская ССР.

Ведя большие политические маневры, Сталин чувствовал, что, несмотря на советско-германские соглашения, Гитлер не отказался от своих планов в отношении Прибалтики. Советская власть, установленная там в 1917 — 1919 годах, была вскоре свергнута, поэтому, полагал Сталин, речь должна идти о ее восстановлении. Буржуазные прибалтийские режимы знали, что население не жалует немцев, долго угнетавших эти народы. В конце сентября — начале октября 1939 года Сталин дал указание Молотову предложить Литве, Латвии и Эстонии заключить договоры о взаимопомощи. После непродолжительных колебаний, внутренней борьбы и консультаций прибалтов с Берлином договоры, согласно которым в эти страны вошли части Красной Армии, были заключены. Численность советских войск, по просьбе правительств прибалтийских стран, была меньше, чем армии Латвии, Литвы и Эстонии. Советские воинские контингенты находились в своих гарнизонах и не вме-

шивались во внутреннюю жизнь этих стран. Хотя, конечно, Сталин понимал, что само присутствие Красной Армии в Прибалтике не может не сказаться на политической атмосфере. Думаю, что все эти шаги были осуществлены в основном в рамках международного права.

В Центральном государственном архиве Советской Армии хранятся сотни документов о событиях тех лет. Это — тема специального исследования. Приведу лишь ссылки на некоторые документы. По приказанию К.Е. Ворошилова заведующему Особым сектором ЦК ВКП(б) А.Н. Поскребышеву переданы для доклада Сталину тексты соглашений между представителями РККА и представителями армий прибалтийских государств. Протокол Соглашения между РККА и Латвийской армией о размещении на территории Латвии советских войск (до 25 тыс. человек) подписали: советская сторона — комкоры Болдин и Павлов, комдивы Алексеев и Морозов, бригадный комиссар Мореев. От военной комиссии Латвийской армии — генерал Гартманис, адмирал Спаде, полковники Еске, Башко, Гросбартс, Карклиньш[50]. Аналогичный советско-литовский протокол подписан командармом второго ранга Ковалевым (и еще четырьмя военными), а также генералом Раштикисом (и еще 13 подписей литовских офицеров)[51]. Советско-эстонский протокол подписан командармом второго ранга Мерецковым (и еще четырьмя советскими представителями) и генерал-лейтенантом Рееком (вместе с восемью эстонскими офицерами)[52].

В соответствии с протоколами и дополнительными конфиденциальными соглашениями оговаривались численность и места размещения советских войск, аэродромы и порты базирования, пути передвижения, плата за аренду помещений, земель, линии связи и т.д. Сталин поручил Председателю СНК Молотову, заместителю наркома иностранных дел Потемкину, заместителю наркома обороны Локтионову, заместителю наркома внешней торговли Степанову, заместителю наркома Военно-Морского Флота Левченко, а также еще ряду лиц в рабочем порядке решить вместе с представителями прибалтийских республик все финансовые, дипломатические, военные и организационные вопросы.

Несмотря на некоторые трения — видимо, неизбежные, — договаривающиеся стороны в целом следовали и духу и букве соглашений. Иногда прибалтийские партнеры шли еще дальше. Так, когда разразилась советско-финляндская война, военный атташе в Риге полковник Васильев докладывал в Москву: "1 декабря генерал Гартманис заявил: если по обстоя-

тельствам военного времени понадобятся вам посадочные площадки для авиации, то вы можете занять все наши существующие аэродромы, в том числе и Рижский"[53]. Литовское правительство сообщило в Москву, что "создан Комитет по обеспечению продуктами питания и фуражом вооруженных сил (Красной Армии. — *Прим. Д.В.*) в Литве"[54]. Во время посещения Москвы в начале декабря 1939 года главнокомандующего эстонской армией генерала Иогана Лайдонера (который накануне Октябрьской революции был подполковником русского Генерального штаба) складывалось впечатление о развитии дружеских отношений между двумя государствами и армиями[55].

Но вот когда фашисты в июне 1940 года захватили Париж, Сталин почувствовал: теперь Гитлер, если не совершит вторжения в Англию, непременно обратит свой взор на Восток. Судорожно пытаясь наверстать упущенное, ощущая свою неподготовленность, Сталин сделал новый шаг. В середине июня Москва обратилась сначала к литовскому правительству, а затем и к правительствам Латвии и Эстонии с требованием согласиться на введение новых воинских контингентов на территории этих государств. Тон и аргументация дипломатических нот были жесткими, ультимативными. Сталин, поощренный предыдущими успешными действиями, шел напролом. Не случайно он направил в Прибалтику Жданова, Вышинского, Деканозова. Н. Поздняков, выехавший в Литву вместе с Деканозовым, докладывал Сталину, Молотову, Ворошилову, Кагановичу, Микояну, Тимошенко, Вышинскому в октябре 1940 года: "Политическое состояние литовского корпуса продолжает оставаться неблагополучным, т.к. ... в корпусе не проведено классовое расслоение, т.е. враждебный элемент еще не вышиблен из седла, который антисоветскую работу ведет путем сплачивания бойцов на национальной почве (так в тексте. — *Прим. Д.В.*)..."[56] Нетрудно представить, как Деканозов, Жданов, Вышинский, да и Поздняков предлагали "вышибать из седла"... Все это горькие страницы из преступной летописи сталинизма, которые мы однозначно осуждаем.

Обстановка в Прибалтике изменилась. Наряду с искренним стремлением народов, компартий республик строить социализм своим черным делом занялись и блюстители "классовой чистоты" в пролетарском государстве.

Нужно признать, что революционные преобразования в Прибалтике были осуществлены народами этого региона под влиянием фактора присутствия советских войск. Анализ дол-

жен быть диалектическим: единство внутреннего и внешнего предопределили изменение ситуации.

В преддверии грозных событий в целом для СССР и прибалтийских народов этот акт был позитивным явлением. Но нравственная сторона вопроса — и в этом, скажу прямо, "заслуга" Сталина — мягко говоря, далеко не безупречна. "Вождь" не привык рассматривать народы как субъекты собственной судьбы. Он больше полагался на нажим. Но в главном, основном, нужно признать: не Сталин "принес" революцию в Прибалтику. Ее мирным путем совершили трудящиеся этих стран, долгие годы боровшиеся с буржуазными режимами. Тот же Деканозов в начале июля 1940 года докладывает Сталину и Молотову: "7 июля в Вильно состоялся большой митинг и демонстрация. Присутствовало до 80 тысяч человек. Основными лозунгами были: "Да здравствует 13-я Советская республика!", "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!", "Да здравствует тов. Сталин!" и т.д. На митинге была принята резолюция с приветствием Советскому Союзу и Красной Армии... Состоялся концерт самодеятельности литовской армии, на котором присутствовали президент, ряд членов правительства, представители генералитета... Приезд в Литву советских артистов был бы очень кстати. Просьба дать указание — срочно направить в Литву Михайлова, Лемешева, Норцова, Шпиллер, Давыдову, Русланову, Козолупову и балетную группу с участием Лепешинской..."[57] Даже артистам — "дать указание...". Деканозовы — продукт сталинизма — были в состоянии осквернить любое чистое намерение. Об этом с горечью написал в своей книге бывший министр Литовской республики Ю. Урбшис, встречавшийся в 1939 году со Сталиным.

Бесспорно и другое: если бы не советские войска, фашисты вошли бы в Прибалтику раньше июня 1941 года. В Берлине уже существовали планы "онемечивания" одной части населения прибалтийских республик и ликвидации другой. Об этом, в частности, говорилось в меморандуме Розенберга в 1940 году. Нельзя отрицать того, что было: подавляющее большинство населения Литвы, Латвии, Эстонии позитивно отнеслось к эволюции политического статуса этих стран, принятых в августе 1940 года, на основании просьб их высших органов власти, в состав Союза Советских Социалистических Республик. Сталин принимал личное участие в переговорах, выработке решений, проектов документов. Так случилось, что волеизъявление народов Прибалтики, которое нельзя ставить под сомнение,

омрачено рядом типично сталинских акций. Все внимание Сталина тогда было приковано к упрочению военно-стратегического положения СССР. Методы, используемые для достижения этих целей, занимали его мало.

"Вождь", ободренный первыми удачными шагами по укреплению западных рубежей, обратил внимание и на северо-запад. Его беспокоила близость советско-финской границы к Ленинграду и явное тяготение Финляндии к Германии. Начались долгие и бесплодные переговоры с целью вынудить финскую сторону отодвинуть границу от Ленинграда за соответствующую территориальную компенсацию. Но переговоры с министром иностранных дел Финляндии В. Таннером не дали результата. Финский фельдмаршал К. Маннергейм, бывший царский генерал, требовал не уступать русским. И здесь обычно осторожному Сталину изменило чувство реального. При поддержке своего окружения он решил добиться цели путем политического и даже военного давления. В конце ноября начались взаимные обвинения в неспровоцированных обстрелах, в частности около советского села Майнила. Молотов вручил посланнику Финляндии А.С. Ирне-Коскинену ноту, в которой выдвигалось требование, похожее на ультиматум: "Незамедлительно отвести свои войска подальше от границы на Карельском перешейке — на 20 — 25 километров...". Через два дня финский посланник по поручению своего правительства ответил, что оно "готово приступить к переговорам по вопросу об обоюдном отводе войск на известное расстояние от границы". Стало ясно: Финляндия приняла вызов. В Хельсинки тоже не проявили гибкости. Там была объявлена мобилизация. 28 ноября 1939 года СССР денонсировал договор о ненападении с Финляндией от 1932 года. Таким образом, и Москва и Хельсинки использовали, мягко говоря, далеко не все средства по предотвращению войны.

Сталин был уверен, что стоит ему предъявить ультиматум и тем более начать боевые действия, как финляндское правительство тут же примет все его условия. Тем более что расчеты Военного совета Ленинградского округа были оптимистичны. Этому способствовали и донесения Берии. Так, 5 октября 1939 года нарком внутренних дел сообщал Сталину и Ворошилову разведданные, полученные из Лондона: "Английский посланник в Финляндии вторично сообщил, что фельдмаршал Маннергейм просил его передать английскому правительству, что в ближайшее время Финляндия ожидает советских требований, аналогичных требованиям, предъявленным

Эстонии, т.е. предоставления морских баз и аэродромов на финских островах. По его заявлению, Финляндия вынуждена будет удовлетворить эти требования Советского Союза"[58]. Сталин был уверен, что финны быстро капитулируют. 30 ноября 1939 года начались военные действия, которые продолжались почти четыре месяца. Предостережения Б.М. Шапошникова об опасности недооценки финнов полностью оправдались. А Сталин между тем допустил еще один крупный политический промах: санкционировал образование в Москве так называемого "правительства Финляндской Демократической Республики" во главе с О.В. Куусиненом. 2 декабря Молотов и Куусинен уже подписали "Договор о взаимопомощи и дружбе между Советским Союзом и Финляндской Демократической Республикой"[59]. Эти решения были приняты типично в сталинском духе. Бесславная война привела Советский Союз к международной изоляции. 14 декабря СССР был исключен из Лиги Наций. В сообщении ТАСС по этому поводу бросается в глаза фраза, продиктованная Сталиным: "По мнению советских кругов, это нелепое решение Лиги Наций вызывает ироническую улыбку, и оно способно лишь оскандалить его незадачливых авторов"[60].

Но было не до улыбок. Войска Ленинградского округа ввязались в тяжелые бои, принявшие затяжной характер. Финны мастерски построили оборону и довольно успешно сдерживали наступление. Наконец, видя складывающуюся ситуацию, Сталин на заседании Главного Военного Совета потребовал "принятия решительных шагов". На Карельском перешейке были сконцентрированы две армии под командованием К.А. Мерецкова и В.Д. Грендаля. Командующим фронтом назначили С.К. Тимошенко, членом Военного совета А.А. Жданова, начальником штаба И.В. Смородинова. Сталин в этой, как ее называют финны, "зимней войне" участвовал в качестве члена Главного Военного Совета. Когда я просматривал многочисленные тома архивов этой бесславной кампании, где на документах стоят подписи главкома Ворошилова, члена Главного Военного Совета Сталина и начальника Генштаба Шапошникова, меня не покидало ощущение того, что политическое и военное руководство перед лицом сильного сопротивления финнов попросту растерялось. Доходило до того, что через голову командования фронта Москва отдавала войскам распоряжения тактического характера[61].

После месячной подготовки прорыва "линии Маннергейма", 11 февраля 1940 года начались активные действия совет-

ских войск. Подавляющее превосходство в конце концов сказалось. В приказе войскам Северо-Западного фронта, подписанном 9 февраля 1940 года Тимошенко, Ждановым и Смородиновым, говорилось: "Прорыв и овладение "линией Маннергейма" покроет неувядаемой славой Красную Армию, доблестную защитницу великого Советского государства... За Великого Сталина!"[62] Но "неувядаемой славы" не получилось. "Линия Маннергейма" была прорвана ценой больших потерь. В начале марта 1940 года советско-финляндский мирный договор был подписан.

Сталин был раздосадован. Весь мир увидел низкую готовность Красной Армии к войне. Вскоре после окончания войны, уже в марте 1940 года, он решил сместить Ворошилова с поста наркома, предварительно заслушав его на Главном Военном Совете и на Пленуме ЦК. В архиве сохранился доклад К.Е. Ворошилова "Уроки войны с Финляндией", на котором видны многочисленные пометы и правки Сталина, просмотревшего материал еще до обсуждения. Приведу несколько фрагментов из пространного, многостраничного доклада Ворошилова.

"...Должен сказать, что ни я — нарком обороны, ни Генштаб, ни командование Ленинградского ВО вначале совершенно не представляли себе всех особенностей и трудностей, связаиных с этой войной... Финская армия, неплохо организованная, вооруженная и обучённая применительно к местным условиям и задачам, оказалась весьма маневренной, устойчивой в обороне и хорошо дисциплнированной.

С началом боевых действий в центре была создана Ставка Главного Военного Совета в составе тт. Сталина, Ворошилова, начальника Генштаба т. Шапошникова и наркома ВМФ т. Кузнецова (последний участвовал в заседаниях только при решении морских вопросов). Постоянным и активным участником Ставки являлся Предсовнаркома т. Молотов, хотя он официально и не был членом Ставки. Ставка, вернее ее активный член тов. Сталин, фактически руководила всеми операциями и всей организационно-творческой работой, связанной с фронтом".

Далее на многих страницах нарком вынужденно признает недостатки разведки Красной Армии, слабое техническое оснащение армии, громоздкую организацию соединений, плохую зимнюю экипировку и питание войск и т.д. "Не на должной высоте оказались многие высшие начальники. Ставка Главного Военного Совета вынуждена была снять многих высших командиров и начальников штабов, т.к. их руководство войсками не

только не принесло пользы, но было признано заведомо вредным... Эту свою победу Красная Армия одержала, прежде всего, сравнительно быстро потому, что с момента возникновения войны и до ее победного конца фактическое руководство войной взял на себя тов. Сталин..."[63]

Война, продолжавшаяся 104 дня, не принесла лавров ни армии, ни Сталину. Понимал это или нет Ворошилов, но, утверждая, что "тов. Сталин фактически руководил всеми операциями", тем самым бездарность управления и неготовность к войне он перекладывал на диктатора. И хотя весь доклад наркома пересыпан ставшими уже обычными хвалебными тирадами в адрес "вождя", Сталин испытывал глухое раздражение.

В своем заключительном слове на Главном Военном Совете, где был заслушан доклад Ворошилова, Сталин сказал как будто правильные слова: нам надо "расклевать культ преклонения перед опытом гражданской войны, он закрепляет нашу отсталость. У нас появились новые люди: Алябушев, Чурюлов, Младенцев, Рычагов и другие, — это мастера, инженеры войны. У нас есть в командном составе засилье участников гражданской войны, которые не могут дать ходу молодым кадрам..."[64]. Да, "культ" гражданской войны надо было "расклевать". Но "засилья участников гражданской войны" уже не было. Многие тысячи их погибли в 1937 — 1938 годах. Да и некоторые "инженеры войны", как, например, Рычагов, по воле Сталина не примут участия в будущей войне...

Сталин наконец понял, что представляет собой Ворошилов как полководец. Война показала крупные недостатки в организации, подготовке, управлении частями и соединениями Красной Армии. Гитлер был удивлен и обрадован. Его стратегические планы, казалось, основаны на верных расчетах. Победа, достигнутая большой ценой, была равносильна моральному поражению. Это понимали и Сталин и Гитлер. Каждый сделал свои выводы. Но у Сталина оставалось меньше времени для реализации задуманного. К нему пришла неведомая в последние годы неуверенность. С этого момента "вождь" непрерывно муссировал одну идею: "если Гитлера не спровоцировать, он не нападет". Когда советские пограничники сбили немецкий самолет-нарушитель, глубоко вторгшийся на территорию СССР, Сталин лично дал указания извиниться. Воюющая Германия получила невоюющего фактически союзника. В Берлине почувствовали это быстро. В больших маневрах Сталину была теперь уготована роль ожидающей стороны. А Гитлер был близок к завершению подготовки похода на Восток.

Политические и теоретические споры по поводу шагов Сталина в 1939 году продолжаются и сейчас. Бесспорно, в его поступках, как и в определении путей решения возникших в то время проблем, было немало ошибок и изъянов (о некоторых из них я еще скажу). Но нельзя забывать, что сейчас мы "судим" Сталина, используя критерии сегодняшнего дня. В те, теперь уже далекие 30-е годы ни Сталин, ни его окружение не обладали тем видением мира, которое мы называем сегодня "новым политическим мышлением". Чтобы правильно понять феномен Сталина, его шаги, помыслы, деяния, часто — преступления, нужно попытаться мысленно перенестись в то яростное, жестокое, суровое время. С этих позиций приходится признать, что многие шаги и меры Сталина по предотвращению войны, отдалению ее сроков, укреплению западных рубежей были в значительной мере вынужденными. Подчеркну еще раз: в этой деятельности Сталин допустил крупные ошибки и просчеты. При всей своей подозрительности он передоверился Гитлеру и совершил ряд однозначно опрометчивых шагов, о которых в последующие годы предпочитал не вспоминать, за исключением одного случая. Выступая 24 июня 1945 года на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии, Сталин, в частности, сказал: "У нашего правительства было немало ошибок..." Скажу точнее: эти ошибки допускались не только в ходе войны, но и накануне ее. И, пожалуй, наиболее крупной, принципиальной ошибкой явилось заключение 28 сентября 1939 года "Германо-советского договора о дружбе и границе между СССР и Германией". В соответствии с этим договором были очерчены границы "сферы интересов" двух государств, с приложением географической карты. Граница уже отличалась от той, что была определена "секретным протоколом" к пакту от 23 августа 1939 года. Она пролегала в основном по рекам Нарев, Буг и Сан.

В ходе переговоров Молотова с Риббентропом в Москве 27 — 28 сентября, в которых участвовал, как и в августе 1939 года, непосредственно сам Сталин, была зафиксирована "дружба" между социалистическим государством и фашистским режимом. Это еще больше обескуражило и дезориентировало антифашистские силы во всем мире, в известной мере связало руки и самому Сталину в осуществлении необходимых шагов по укреплению обороноспособности страны. Есть некоторые доказательства того, что Сталин еще до начала войны почувствовал и понял политическую ошибочность этого шага. Если пакт о ненападении был в значительной мере вынужденным шагом, то

договор о "дружбе" — результатом переоценки Сталиным собственного анализа, отсутствия прогностического видения. Сталин в своем стремлении не допустить войны или, по крайней мере, оттянуть ее начало переступил последнюю идеологически оправданную грань, что имело далеко идущие отрицательные последствия.

Несмотря на отчаянные усилия Сталина отодвинуть войну, эту задачу удалось решить лишь частично. Вскоре после подписания договора о "дружбе" стало абсолютно ясно: война вплотную подошла к нашим рубежам. Время политических маневров кончалось. В любой момент Гитлер мог развязать войну. Правда, в силу ряда причин он, по данным советской разведки, неоднократно переносил сроки нападения на СССР. Трижды в мае — на 14-е, на 15-е и затем на 20-е. Один раз в июне — с 15-го на 22-е. Сталин, который до последнего момента не хотел в это верить, просматривал уже не просто туманные контуры фашистской угрозы, ему была ясно видна агрессивная, изготовившаяся к броску на Восток гигантская гитлеровская военная машина.

Сталин и армия

В те предвоенные годы армия пользовалась всенародной любовью. Отличившиеся в боях на Халхин-Голе, у озера Хасан, в Испании или советско-финляндской войне бойцы и командиры становились национальными героями. Не было недостатка кандидатов для поступления в военные училища. Народ ничего не жалел для армии. Лучших летчиков, танкистов, моряков знала вся страна. Служба в армии была почетным делом. Дисциплина и политическая сознательность личного состава не вызывали беспокойства у политического и военного руководства. Люди в военных шинелях верили Сталину и партии, хотя моральный шок после репрессий еще полностью не прошел. Многонациональные воинские коллективы связывали интернациональная дружба и братство. Центральные газеты регулярно писали о лучших людях армии и флота, достижениях красноармейцев, командиров и политработников в боевой и политической подготовке. "Правда" только в течение августа 1940 года поместила несколько передовых статей, посвященных армии и флоту, — "Священный долг советского гражданина", "В боевые ряды Красной Армии", "Молодежь — в военные

училища!". Большой популярностью в стране пользовался Осоавиахим.

Чтобы привести содержание и характер подготовки молодежи, всего населения страны к военной службе в соответствие с требованиями современной войны, по инициативе Сталина в сентябре 1939 года был принят новый Закон "О всеобщей воинской обязанности".

Лозунг "Защита Отечества — священный долг каждого гражданина Советского Союза", выдвинутый партией, нашел горячий отклик у советских людей. Народ гордился своей армией, которая за короткий срок стала современной, механизированной и — все были уверены — способной защитить рубежи первого в мире социалистического государства.

Однако советско-финляндская война, хотя ее и освещали только в "победном" свете, вызвала недоумение у советских людей: такая могучая армия, какой представлялась в печати РККА, за четыре месяца с трудом одолела армию малой страны. Сталин больше всех других переживал позор "зимней войны", но, как всегда, вины своей не видел. В марте 1940 года он предложил Ворошилову доложить на Политбюро оценку Наркомата обороны действий РККА в войне с Финляндией. Пожалуй, с того дня и до конца жизни у Сталина появилось насмешливо-ироническое отношение к Ворошилову, которого он безжалостно раскритиковал на Политбюро. Но этого ему показалось мало. Через месяц, по указанию Сталина, был созван Главный Военный Совет с той же повесткой дня. На его заседании были выявлены крупные упущения в оперативной, технической, боевой подготовке войск, их комплектовании, в военном строительстве. Выступление Сталина не отличалось глубоким знанием дела, но содержало едва скрытую угрозу тем, "кто отвечает за оборону страны". По его предложению был создан ряд комиссий для обобщения уроков советско-финляндской войны и принятия неотложных мер по выправлению положения в военном строительстве.

Сталин, не будучи профессиональным военным, подспудно чувствовал, что Ворошилов недостаточно умело руководил военным строительством в целом, не обеспечивал должного управления штабами в ходе конфликтов на Халхин-Голе, во время советско-финляндской войны, не успевал за стремительным развитием оперативного искусства. Беседуя после событий на Халхин-Голе с Г.К. Жуковым перед назначением его командующим Киевским особым военным округом, Сталин неожиданно в разговоре раздраженно бросил фразу о Ворошилове:

— Хвастался, заверял, утверждал, что на удар ответим тройным ударом. Все хорошо, все в порядке, все готово, товарищ Сталин, а оказалось...[65]

В мае 1940 года по решению Сталина Ворошилов был освобожден от должности наркома обороны, правда, одновременно был назначен заместителем Председателя СНК СССР и Председателем Комитета обороны при СНК СССР. Наркомом обороны был назначен командующий Киевским особым военным округом С.К. Тимошенко, сразу ставший и Маршалом Советского Союза. Первым крупным шагом нового руководства явилось решение о создании механизированных корпусов (постановление СНК СССР от 6 июня 1940 г.) в составе двух танковых и одной моторизованной дивизии. А всего лишь полгода назад управления танковых корпусов были расформированы... Сталин своего твердого мнения по этим вопросам не имел, полагался то на генералов Д.Г. Павлова и Г.И. Кулика, механически ссылавшихся на опыт войны в Испании, то на начальника Генштаба Б.М. Шапошникова и его заместителя И.В. Смородинова, отстаивавших важность и необходимость таких формирований.

В рабочем распорядке дня Сталина практически ежедневно несколько часов уходило на рассмотрение конкретных вопросов военного строительства: организационных, технических, оперативно-стратегических, кадровых, воспитательных. В конце 30-х годов Сталин, поняв, что в армии слишком уповают на опыт гражданской войны, в чем он не раз упрекал К.Е. Ворошилова, назначил специальную партийно-правительственную комиссию во главе с А.А. Ждановым и Н.А. Вознесенским по проверке состояния армии и флота. Вывод комиссии был серьезным: "Наркомат отстает в разработке вопросов оперативного использования войск в современной войне", что усугубляется большим количеством молодых, неопытных кадров. Это было в значительной мере результатом массовых репрессий, обрушившихся на армию и флот в 1937 — 1938 годах. Смертоносный смерч прошел не только по стране, но и по ее армии и флоту. Репрессии ударили прежде всего по высшим командным кадрам, политсоставу, центральному аппарату Наркомата обороны. По имеющимся данным, с мая 1937 года по сентябрь 1938 года, т.е. в течение полутора лет, в армии подверглись репрессиям 36 761 человек, а на флоте — более 3 тысяч[66]. Часть из них была, правда, лишь уволена из РККА. В результате борьбы с "врагами народа" в 1937 — 1940 годах сменились все командующие округов, на 90% произошло об-

новление начальников штабов округов и заместителей командующих, на 80% обновился состав управлений корпусов и дивизий, на 90% — командиров и начальников штабов. Следствием кровавой чистки явилось резкое снижение интеллектуального потенциала в армии и на флоте. К началу 1941 года лишь 7,1% командно-начальствующего состава имели высшее военное образование, 55,9% — среднее, 24,6% — ускоренное образование (курсы) и 12,4% командиров и политработников не имели военного образования[67].

Для того чтобы попасть в обойму "врагов", нужно было немного. Совсем немного. Вот, например, что доносил комиссар государственной безопасности второго ранга Гай Ворошилову о военном атташе в Болгарии В.Т. Сухорукове:

"В 1924 году, после выпуска академией слушателей восточного факультета, на котором учился Сухоруков, последний был вызван к Троцкому и имел с ним беседу. Сухоруков в честь Троцкого назвал сына Львом"[68].

Судьба человека была решена. Это написано еще в октябре 1936 года. В следующие два-три года столь "основательной" аргументации уже не требовалось.

Вышинский и Ульрих, войдя во вкус, предлагали упростить процедуру расправ. Вышинский, обращаясь к Ворошилову и Ежову, просил дать полномочия Особому Совещанию при НКВД лишать воинских званий, что раньше делалось только по приговору суда. А Ульрих "доказывал" в апреле 1938 года необходимость "санкционировать выделение из Верховного суда СССР военной коллегии и реорганизации ее в Военный трибунал СССР"[69]. Эти люди хотели, чтобы над каждым красноармейцем, краснофлотцем и командиром висел топор "правосудия".

В начале 1939 года Сталин затребовал справку о командном составе армии и флота. Он долго молча всматривался в графы таблицы, скупыми цифрами повествующей о более чем "зеленом" возрасте армейских и флотских командиров: около 85% — моложе 35 лет. В молодости — сила, но и явный недостаток опыта. А опытных кадров остро не хватало. Неторопливо перелистывая страницы доклада, Сталин, может быть, вспомнил, что кроме трех маршалов и группы командармов первого ранга не без его ведома навсегда исчезли такие способные и крупные военачальники, как И.Н. Дубовой, М.К. Левандовский, А.И. Корк, Н.Д. Каширин, А.И. Седякин, И.И. Вацетис, Я.И. Алкснис, П.А. Брянских, С.Е. Грибов, Я.П. Гайлит,

Н.В. Куйбышев, С.Н. Богомягков, Е.И. Ковтюх, Н.Н. Петин, С.П. Урицкий и другие.

Сталин не мог не помнить, что только в 1937 году он дал согласие на арест нескольких десятков военачальников, входивших в состав Военного Совета при наркоме обороны. По существу, оказалось, что Военный Совет на 90% состоял из одних "шпионов" и "вредителей". Но Сталина это нисколько не смущало. Он жил в мире, в котором выдумывал все новых и новых "врагов". Патологическая подозрительность Сталина передалась его окружению и шла по стране страшными волнами.

Именно по его указанию Мехлис "чистил" кадры. В округа, академии, на флоты шли шифровки наподобие такой:

"Москва. ПУРККА. Кузнецову

Назначьте комиссию для обследования и изучения преподавательских кадров Академии Ленина. Если сохранились участники толмачевской группировки, изъять до последнего...

5 июля 1938 года.

Мехлис"[70].

И изымали. Везде. Сотнями. Тысячами. Хотя к порогу Отечества подходила страшная война.

В начале 1939 года волна выискивания "врагов народа" и "единомышленников" Тухачевского, Якира, Уборевича, других безвинно павших военачальников начала спадать. Но еще 14 июня 1939 года В. Ульрих докладывал:

"Тов. И.В. Сталину
тов. В.М. Молотову

В настоящее время имеется большое количество дел об участниках правотроцкистских, буржуазно-националистических и шпионских организаций.

В Московском военном округе	800 дел
В Северо-Кавказском округе	700 дел
Харьковском военном округе	500 дел
Сибирском военном округе	400 дел.

Предлагаем в силу секретности защитников на судебные заседания не допускать. Прошу указаний.

Армвоенюрист *В. Ульрих*"[71].

Резолюции Сталина на докладной нет. Но на основании других данных известно, что в условиях огромного дефицита военных кадров, перед лицом растущей военной опасности Сталин отдал распоряжение еще раз проверить эти дела на предмет "выявления ошибок и наговоров". Указание Сталина прозвучало как команда. С этого момента "прореживание" армейских и флотских кадров пошло на убыль. Но и без того по-

ложение дел в ряде округов было просто катастрофическим. Для иллюстрации приведу один документ, датированный мартом 1938 года.

"Постановление Военного совета Киевского военного округа о состоянии кадров командного, начальствующего и политического состава округа.

1. В результате большой проведенной работы по очищению рядов РККА от враждебных элементов и выдвижения с низов беззаветно преданных делу партии Ленина — Сталина командиров, политработников, начальников — кадры командного, начальствующего и политсостава крепко сплочены вокруг нашей партии, вождя народов тов. Сталина и обеспечивают политическую крепость и успех в деле поднятия боевой мощи частей РККА...

3. Враги народа успели немало напакостить в области расстановки кадров. Военный совет ставит как главную задачу — до конца выкорчевать остатки враждебных элементов, глубоко изучая каждого командира, начальника, политработника при выдвижении, выдвигая смело проверенные, преданные и растущие кадры...

Командующий войсками Киевского военного округа
командарм второго ранга *Тимошенко*

Член Военного совета
комкор *Смирнов*

Член Военного совета,
секретарь ЦК КП(б)У *Хрущев*".

Далее Тимошенко, Смирнов и Хрущев сообщали, что "в итоге беспощадного выкорчевывания троцкистско-бухаринских и буржуазно-националистических элементов" на 25 марта 1938 года произведено следующее обновление руководящего состава округа:

	по штату	обновлено
командиров корпусов	9	9
командиров дивизий	25	24
командиров бригад	9	5
командиров полков	135	87
командиров УРов	4	4
начальников штабов корпусов	9	6
начальников штабов дивизий	25	18
начальников штабов УРов	4	3
начальников штабов полков	135	78
начальников отделов штаба округа	24	19[72]

В военном строительстве кадры были самым слабым местом. А Сталин, истребив лучших людей, повторял свой лозунг "Кадры решают все". Огромный дефицит военных специалистов, образовавшийся в 1937 — 1938 годах, можно было ликвидировать не меньше чем за 5 — 7 лет. Как скоро выяснилось, история не отвела нам такого времени. Кадровые "дыры" приходилось латать за счет краткосрочных курсов. К лету 1941 года около 75% командиров и 70% политработников находились на своих должностях менее одного года... А это значило, что основной костяк армии — офицерский корпус — не обладал должным опытом командования подразделениями, частями, соединениями.

Сталин, видимо, это тоже начал осознавать. Мы не узнаем, мучили ли его угрызения совести, раскаяния в совершенном, но ясно одно: в последний год-полтора до войны он лихорадочно пытался сделать что-либо для ликвидации или, по крайней мере, ослабления голода в кадрах.

Известно, что он дал указание быстро проработать предложения об увеличении численности слушателей военных академий, создании новых училищ. И уже в следующем, 1940 году было образовано 42 новых военных училища, почти удвоено число факультетов академий, организованы многочисленные курсы по подготовке младших лейтенантов. Сталин торопил... Однако времени оставалось слишком мало. Потери в высшем командном составе были слишком велики, чтобы их быстро компенсировать. Командира взвода можно было подготовить за шесть месяцев. А командующего округом, армией? Становление командира такого масштаба — дело многих лет.

Сталин к тому же чувствовал, что острая нехватка командных кадров усугубляется их низким профессиональным уровнем, заметным отставанием боевой подготовки от требований, которые выдвигает современная война. Все эти мотивы весьма заметно прозвучали в его речи на выпуске слушателей военных академий РККА 5 мая 1941 года в Кремле[73]. Кто мог знать, что эта речь прозвучит всего за полтора месяца до начала страшной войны и уже мало что сможет изменить...

В своем выступлении перед выпускниками академий Сталин был на редкость откровенен и говорил многое из того, что составляло государственную тайну. Так, в частности, стремясь укрепить в молодых командирах уверенность в мощи РККА, Сталин говорил о коренной технической перестройке армии и ее резком увеличении. К началу 1941 года наша армия, заявил

Сталин, насчитывает 300 дивизий (он не сказал, что более четверти из них находились лишь в стадии формирования, а почти столько же было только-только сформировано), из которых одна треть — механизированные.

Сталин, как и раньше, сделал акцент на наступательных действиях: "Красная Армия — современная армия, а современная армия — армия наступательная". В этом вновь проявился серьезный изъян принципиального характера: недооценка стратегической обороны и оборонительных операций. Хотя военно-политическое руководство страны всегда подчеркивало оборонительный характер военной доктрины СССР, для ее реализации провозглашалась наступательная стратегия. Уставы, приказы, директивы, выступления наркома, а теперь и самого Сталина на разные лады развивали одну главную мысль: "Война будет вестись на территории противника, и победа должна быть достигнута малой кровью". В духе этой концепции перед войной вышла книга Н. Шпанова "Первый удар", точно выразившая настроения значительной части населения и военнослужащих, которые всячески культивировались в стране. Книга пророчествовала, что после сокрушительного удара Красной Армии в фашистской Германии на второй день вспыхнет восстание против нацистского режима.

Почему Германия побеждает своих противников? Является ли она непобедимой? И здесь Сталин в своей речи весьма откровенно ответил, почему вермахт победоносно прошел по Европе: "Немцы смогли отнять у Франции и Англии союзников". Этим союзником могли быть в тех условиях только мы. "Германская армия не является непобедимой. Сейчас она идет под захватническими лозунгами, в ней крепнет самоуверенность и зазнайство. А это чревато самым худшим", — резюмировал Сталин. К слову сказать, эта ошибочная идея о "зазнайстве" немцев, как это бывает при господстве догматического мышления, тут же была подхвачена и развита. В одном из оперативных обзоров Генерального штаба РККА был сделан вывод, что Германия побеждала в 1940 году в "результате слишком удачно сложившейся для нее обстановки", не без "вмешательства благоприятных случайностей"[74]. А в проекте директивы "О задачах политической пропаганды в Красной Армии" утверждалось, что "германская армия потеряла вкус к дальнейшему улучшению военной техники. Значительная часть германской армии устала от войны..."[75].

В этом выступлении наряду с ошибочными Сталин высказал и ряд верных мыслей, но для их реализации, повторюсь, ос-

тавалось очень мало времени. Он дал резкую оценку работе академий, которые отстают от требований момента и готовят кадры ко "вчерашней войне". Опыт Хасана и Халхин-Гола не имеет большого значения, продолжал Сталин, ибо мы имели дело не с современной армией. Надо изучать опыт войны на Западе, опыт советско-финляндской войны...

Незадолго до очередного выпуска академий по инициативе Сталина было проведено совещание Главного Военного Совета. На нем были заслушаны доклады Г.К. Жукова, К.А. Мерецкова, И.В. Тюленева, Д.Г. Павлова, Г.М. Штерна, П.В. Рычагова, А.К. Смирнова. В основе их анализа теории и практики военного искусства лежали выводы из действий германских войск, уроки войны в Испании, боев на Хасане и Халхин-Голе, советско-финляндской войны. Сталин заинтересованно слушал доклады, не прерывая их, как обычно, своими репликами. Особое внимание в докладах и в ходе их обсуждения было обращено на вопросы повышения боевой готовности, ведения наступательных операций, концентрации сил и средств для достижения стратегического успеха. Собственно проблема начального периода войны, как таковая, на совещании фактически не рассматривалась. Поэтому весьма интересным было выступление начальника штаба Прибалтийского особого военного округа генерал-лейтенанта П.С. Кленова. Он отметил, что особая сложность в ведении операций связана с "начальным периодом войны. Невольно возникает вопрос о том, как противник будет воздействовать в этот период на мероприятия, связанные со стратегическим развертыванием, то есть: отмобилизование, подача по железным дорогам мобресурсов, сосредоточение и развертывание войск. Начальный период войны явится наиболее ответственным; противник приложит все силы к тому, чтобы не дать возможности планомерно его провести"[76].

Сталин обратил внимание на выступление К.А. Мерецкова, аргументированно показавшего, что при высоком развитии военной мысли в РККА уставы отстали от требований современной войны[77]. Прямым следствием этого выступления было немедленное указание Сталина приступить к пересмотру уставов, что полностью выполнить до начала войны не удалось. Но ни Сталин, ни нарком не обратили внимания на то, что, кроме генерала армии И.В. Тюленева, никто, по существу, не поднимал вопросы организации и ведения современных оборонительных операций[78]. Все учились наступать... Хотя официально "исповедовалась" доктрина оборонительная.

В заключительном слове, подводившем итоги совещания

Главного Военного Совета, нарком обороны С.К. Тимошенко сказал, что "мы начали выполнять указания товарища Сталина о поднятии военно-идеологического уровня наших командных кадров и положили начало созданию собственной военной идеологии"[79]. Но если под ней понимать доктринальные, концептуальные выводы и взгляды военной теории на характер и способы ведения современной войны, то они были у Красной Армии всегда. Поэтому весьма сомнительно прозвучал тезис о "начале создания собственной военной идеологии", так же как и о необходимости сделать акцент в дальнейшей работе на подготовку лишь к наступательным действиям при явной недооценке роли действий оборонительных. При всей важности коллективного осмысления оперативных вопросов современной войны на совещании была недостаточно учтена реальная ситуация: возможность внезапного нападения фашистской Германии и в связи с этим необходимость повышения готовности к ведению оборонительных операций стратегического характера.

Сталин, которому вскоре предстоит взять на себя Верховное командование Вооруженными Силами в войне, при незаурядности его злого ума, военную теорию знал слабо. Ворошилов, долгое время бывший наркомом, тоже не очень "жаловал" теоретиков. А таковые, и весьма крупные, в Красной Армии были всегда. К ним прежде всего следует отнести безвинно погибшего М.Н. Тухачевского, еще в 1936 году в своем выступлении на II сессии ЦИК СССР пророчески предупредившего, что нам нужно быть готовыми к внезапному нападению германской армии. Незаурядным военным теоретиком был Б.М. Шапошников, будущий Маршал Советского Союза. Его выдающийся труд "Мозг армии" и сегодня не утратил своей актуальности. Шапошников — яркий пример военного интеллигента, человек широкого стратегического кругозора, высокой культуры, тонкого теоретического мышления. Борис Михайлович был одним из немногих людей, к кому Сталин всегда относился с подчеркнутым уважением и даже почтением.

Крупными теоретиками в области военного искусства были В.К. Триандафиллов, К.Б. Калиновский, Г.С. Иссерсон, А.А. Свечин. Последний, например, еще в 1927 году выпустил оригинальную работу "Стратегия", которая не раз переиздавалась как учебник, но, к сожалению, не была по достоинству оценена высшим политическим и военным руководством страны. Читая ее сегодня, нельзя отделаться от впечатления, что некоторые положения труда были как будто прямо обращены к Сталину, его окружению, высшему военному руководству. А.А. Свечин,

например, писал: "Ответственные политические деятели должны быть знакомы со стратегией. Изучение стратегии требуется не только для высшего командного состава армии... Политик, выдвигающий политическую цель для военных действий, должен отдавать себе отчет в том, что достижимо для стратегии при имеющихся у нее средствах... Она (стратегия. — *Прим. Д.В.*) обречена расплачиваться за грехи политики... Чем гениальнее вождь, тем более он рассматривается массой как пророк... В стратегии пророчество может быть только шарлатанством; и гений не в силах предусмотреть, как фактически развернется война. Но он должен составить себе перспективу, в которой он и будет оценивать явления войны"[80].

Вскоре после завершения польско-германской войны Г.С. Иссерсон написал книгу "Новые формы борьбы", в которой сделал глубокие стратегические обобщения по использованию "механизированных масс" в начальный период боевых действий. Однако Ворошилов продолжал настаивать на том, что "красная кавалерия по-прежнему является победоносной и сокрушающей вооруженной силой...". Даже Сталин, отдавая должное механизации армии, за полтора месяца до войны никак не мог кардинально пересмотреть ее роль: "Хотя конников мы немного сократили, роль кавалерии и сейчас исключительно велика..."

Следует сказать, что с середины 30-х годов по настоянию Тухачевского, Егорова, Шапошникова, ряда других военачальников стала издаваться "Библиотека командира". Это уникальное издание в несколько десятков томов. "Библиотека командира" включала в себя оригинальные труды советских военных теоретиков — В. Триандафиллова "Размах операций современных армий", А. Зайончковского "Мировая война 1914 — 1918 гг.", А. Вольпе "Фронтальный удар", Н. Левицкого "Русско-японская война 1904 — 1905 гг.", Н. Евсеева "Августовское сражение русской армии в Восточной Пруссии в 1914 году". Издавались в рамках "Библиотеки..." и труды зарубежных теоретиков — Ф. Фоша "О ведении войны", В. Сикорского "Будущая война", Г. Куля "Германский генеральный штаб, его роль в подготовке и ведении мировой войны", Ф. Хейгля "Танки" и другие монографии. Были здесь и малоценные работы наподобие "Основы выездки и езды", "Современная конница" и некоторые другие. В этой "Библиотеке..." выделяется объемом и апологетикой Сталина книга К. Ворошилова "Оборона СССР". В ней нарком называл Сталина "первым марша-

лом социалистической революции, великим маршалом побед на фронтах гражданской войны...", "маршалом коммунизма", руководителем, который "как никто другой знает, что нужно делать сегодня, чтобы победить завтра и навсегда...". В будущей войне мы победим безусловно, писал Ворошилов, но должны победить "малой кровью, с затратой минимальных средств и возможно меньшего количества жизней наших славных бойцов". Справедливости ради следует сказать, что данная книга не характеризует в целом достаточно высокий уровень "Библиотеки командира".

В 30-е годы принимались определенные меры по повышению военно-теоретического уровня командного состава, формированию у него гибкого, масштабного мышления. Но нельзя избавиться от горькой мысли, что десятки тысяч командиров не смогли (не по своей воле) применить знания и умение на поле брани, защищая Отечество. В целом накануне войны военно-стратегическая мысль в РККА не уступала немецким доктринальным установкам. Стратегические идеи носили прогрессивный, но, к сожалению, в ряде случаев односторонний и плохо увязанный с практикой оперативного искусства характер. Как уже отмечалось, недооценивалась стратегическая оборона. Многое, что было предвосхищено военной мыслью ранее, в недалеком будущем придется нащупывать путем кровавой эмпирии, в ходе страшной учебы на полях сражений.

Несмотря на заключение пакта о ненападении и договора о "дружбе" с Германией, Сталин чувствовал, что на западных границах сгущаются тучи. В то же время он ошибочно уверовал в то, что, пока Гитлер не добьется решающего успеха на Западе, он не решится вести борьбу на два фронта. В ряде своих выступлений, и в частности 5 мая 1941 года в Кремле, Сталин настойчиво проводил мысль о том, что немцы побеждают благодаря, прежде всего, правильной политической стратегии, исключающей одновременную борьбу и на Западе и на Востоке. Но Сталина поразила легкость, с какой вермахт последовательно сокрушил ряд армий западноевропейских стран. Он не был уверен, что Красная Армия своевременно извлечет для себя уроки из стремительно разворачивающихся событий. Именно поэтому в своих беседах с Тимошенко Сталин, изучив обстоятельные обзоры действий немецких войск, подготовленные для него Генштабом, посоветовал новому наркому обороны усилить внимание боевой выучке войск.

Сталину многое еще было неизвестно. Не знал он, например, как гитлеровские военные оценивали состояние Красной

Армии, ее кадров в начале 1941 года. Как выяснилось уже после войны, Гитлер, зная о прокатившихся по Красной Армии в 1937 — 1938 годах репрессиях, затребовал от своих разведорганов доклад о качестве офицерского состава РККА. За полтора месяца до начала войны, на основании доклада военного атташе Германии в СССР полковника Кребса, других данных, фюреру доложили: офицерский корпус РККА ослаблен не только количественно, но и качественно. "Он производит худшее впечатление, чем в 1933 году. России потребуются годы, чтобы достичь его прежнего уровня..."

Потенциальный (а точнее — реальный) противник не без основания включал в число благоприятных для себя факторов фактическую замену целых звеньев военной структуры СССР. В истории трудно найти прецедент, когда одна из сторон накануне смертельной схватки так бы ослабляла себя сама. И простить, и забыть это невозможно.

Г.К. Жуков вспоминал о том, что во время большой военной игры в декабре 1940 года ему предложили командовать "синими", т.е. играть за немецкую сторону. Генерал армии Д.Г. Павлов, уже ставший командующим Западным особым военным округом, руководил "красными". Так получилось, писал Георгий Константинович, что я, командуя "синими", развил операции как раз на тех направлениях, на которых через полгода развернутся реальные боевые действия. Конфигурация наших границ, местность, обстановка — все это подсказывало мне именно такие решения, которые приняли потом и фашисты. Посредники в игре искусственно замедляли темп продвижения "синих". И тем не менее на восьмые сутки "синие" продвинулись до района Барановичей.

Когда в январе 1941 года, продолжал Г.К. Жуков, мне поручили доложить на Главном Военном Совете итоги этой стратегической игры, я обратил внимание руководства на невыгодно размещенную систему укрепрайонов вдоль новой границы. Было бы целесообразным отодвинуть их на сто километров вглубь. То есть, продолжал Жуков, я, по существу, высказал критическое замечание в адрес решения, утвержденного Сталиным.

Сталин, вспоминал прославленный полководец, внимательно слушал мой доклад. Его особенно озадачил вопрос: почему "синие" были так сильны, почему в исходных данных нашей игры были заложены такие крупные немецкие силы? Жуков ответил, что это соответствует возможностям немцев и основано на реальном подсчете всех тех сил, которые они могут бросить

против нас в начальный период войны, создав на направлении своего главного удара большое преимущество.

Сталину понравилась обстоятельность доклада Жукова, его аргументация, смелость в отстаивании взглядов. Вскоре, в феврале 1941 года, по рекомендации "вождя" генерал армии Г.К. Жуков был назначен начальником Генерального штаба. Интуиция Сталина в данном случае не подвела. Выдвижение Жукова в высшие эшелоны военного руководства, как окажется впоследствии, будет одним из самых удачных кадровых решений Сталина.

Однако проявить себя перед Сталиным было не просто. Пожалуй, прежде всего потому, что во многих вопросах военного строительства, повседневной жизни армии и флота он сковывал самостоятельность и инициативу руководителей. Многие вопросы, которые могли бы решить сами командующие округами, нарком, его заместители, непременно докладывались Сталину. Например, Ворошилов в своей записке на имя Сталина сообщал о том, что 15 июня 1939 года красноармеец приписного состава Чириков совершил покушение на жизнь командира запаса Пяткина. В действительности во время призыва на сборы произошла драка между двумя подвыпившими мужчинами. По докладной же Ворошилова выходило, что это "покушение". Вместо передачи дела в суд или наказания виновных в дисциплинарном порядке нарком докладывает Сталину... Резолюция последнего безжалостна:

"В двухдневный срок судить, приговорить к расстрелу и привести приговор в исполнение, оповестив об этом полк.

И. Сталин"[81].

Замечу, однако, что в ряде случаев Сталин реагировал иначе, соглашаясь с пересмотром тех или иных дел. Так, Ворошилов несколькими месяцами раньше обратился к Сталину с просьбой освободить из тюрьмы бывшего начальника штаба ВВС 1-й армии Володина и оставить в силе ранее сделанное представление к награждению его орденом Ленина за руководство действиями авиации в боях у озера Хасан. В этом случае Сталин "мягок":

"Тов. Ворошилову.
Согласен.
11.02.1939 г.

И. Сталин".

Эти примеры, а их можно было бы привести значительно больше, свидетельствуют о том, что Сталин считал совершенно естественным решать без суда судьбы людей, заниматься

делами, которые не должны были быть его прерогативой. Единодержец приучил окружающих, политических, государственных и военных деятелей к тому, что все более или менее значимые вопросы должны быть освящены его волей и мыслью. И здесь мы сталкиваемся с парадоксом. Как заметил в свое время Фрэнсис Бэкон, человек, бесконтрольно властвуя над другими, сам утрачивает собственную свободу. В данном случае Сталин, не встречая противодействия, постепенно стал пленником своего характера, своей самоуверенности и непогрешимости. Внешне это выглядело как непреклонность и твердость. А в действительности неограниченная власть создавала иллюзию "возможности невозможного". К началу войны иллюзия о непогрешимости Сталина буквально ослепляла людей. Для того чтобы развеять ее, потребовался лишь один июньский день 1941-го ...

Осуществив известные нам дипломатические шаги по предотвращению войны и допустив в этом плане явные политические просчеты, Сталин все время испытывал внутренние противоречия. С одной стороны, действуют соглашения с Германией, которые, как он полагал, немцам более выгодны, чем СССР. Ведь с их помощью Гитлер избежал войны на два фронта, и поэтому он будет соблюдать их положения. Таковой была обычная логика рассуждений "вождя" и его окружения.

С другой стороны, Гитлер, будучи по своей натуре авантюристом (а в этом Сталин был убежден), необязательно будет следовать обычной логике. Вся его импульсивная стратегия построена на учете кратковременных факторов: внезапности, коварства, непредсказуемости. Поэтому Сталин с глубоким опасением следил за всеми военно-политическими шагами Гитлера, ходом "молниеносной" войны на Западе. Не случайно Сталин дал указание Тимошенко лично убедиться в реальной боеготовности и боеспособности войск.

В течение 1940 года нарком посетил все западные военные округа, поднял несколько соединений по тревоге, присутствовал на ряде учений и маневров. Посещение наркомом обороны учений и тактических занятий в Московском, Западном, Киевском военных округах, его выступления на разборах освещались в центральной печати. Также сообщалось, например, об участии Маршала Советского Союза С.М. Буденного в учениях в Закавказском военном округе, а наркома Военно-Морского Флота Н.Г. Кузнецова в учениях на Балтийском флоте. Несколько ранее секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Жданов принял участие в большом морском походе, завершившемся его выступле-

нием перед личным составом линкора "Октябрьская революция".

В ходе этих инспекционных поездок выявились многочисленные серьезные упущения. Командный и политический состав, не обладавший должным опытом, медленно осваивал качественно новые элементы боевой подготовки. Основные компоненты боевой мощи не достигли должной кондиции. Об этом свидетельствуют документы. Нарком обороны в своей директиве "О результатах проверки боевой подготовки за зимний период 1941 года и указания на летний период", подписанной 17 мая 1941 года, констатировал: "Требования приказа № 30 в зимний период 1941 года значительным количеством соединений и частей не выполнены". В директиве отмечается множество недостатков в боевой подготовке личного состава, штабов и даже родов войск. Например, об авиации сказано: "Боевая подготовка ВВС Красной Армии проходила неудовлетворительно"[82].

Анализ многочисленных архивных документов, воспоминания очевидцев тех событий дают возможность сделать вывод, что Сталин в последние два года пытался добиться не только крупного количественного роста Красной Армии и Флота, но и качественного улучшения всей военной машины. Однако сроки этой реорганизации и совершенствования исходили из ошибочной посылки: войну удастся предотвратить или, по крайней мере, существенно отодвинуть. Как пишет К.М. Симонов, воспроизводя записи своих бесед с Г.К. Жуковым, у Сталина "была уверенность, что именно он обведет Гитлера вокруг пальца в результате заключения пакта. Хотя потом все вышло как раз наоборот". В то время, вспоминал Жуков, "большинство окружавших Сталина людей поддерживали его в тех политических оценках, которые сложились у него перед войной, и прежде всего в уверенности, что если мы не дадим себя спровоцировать, не совершим какого-нибудь ложного шага, то Гитлер не решится разорвать пакт и напасть на нас"[83].

В утверждении этой точки зрения особенно велика была роль Молотова, который после своей поездки в Берлин в ноябре 1940 года продолжал настаивать на том, что Гитлер не нападет на СССР. А Сталин считал Молотова весьма компетентным в международных делах. Ошибочная политическая посылка о конкретных намерениях и сроках нападения Гитлера наложила свой негативный отпечаток на весь процесс военного

Торжественное заседание сессии Ленсовета. В президиуме — А. А. Жданов, А. А. Кузнецов. 1940 г.
Фото Я. Халипа.

Сталин и его окружение на параде физкультурников на Красной площади. 1940 г.

Менжинский, Уншлихт, Ягода, Ежов в президиуме торжественного заседания, посвященного очередной годовщине создания школ ОГПУ.

Сталин и Берия на отдыхе... Доверительный доклад.

Жизнь Троцкого оборвалась 21 августа 1940 г.

Советский "кормчий"...

и его "команда": А. А. Андреев, К. Е. Ворошилов, А. А. Жданов, Л. М. Каганович, М. И. Калинин, А. И. Микоян, В. М. Молотов, Н. С. Хрущев, Л. П. Берия, Н. М. Шверник.

VII конгресс Коминтерна.

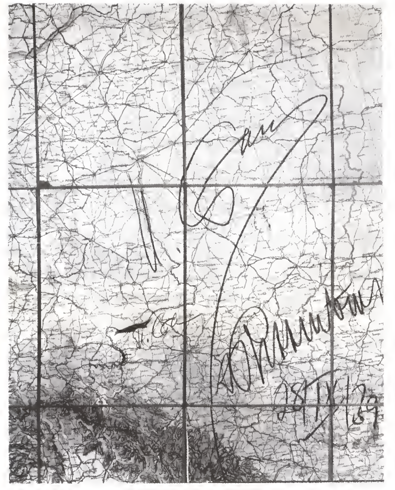
Секретариат ИККИ, избранный на VII конгрессе:
(сидят) Г. Димитров, П. Тольятти, В. Флорин, Ван Мин;
(стоят) О. Куусинен, К. Готвальд, В. Пик, Д. Мануильский.

После подписания пакта о ненападении с Германией. Сталинский тост за здоровье Гитлера. 24 августа 1939 г.

Подписание договора о дружбе и границе с Германией. 28 сентября 1939 г.

Трагедия Польши. Сентябрь 1939 г. Подписи Сталина и Риббентропа на карте-приложении к советско-германскому Договору о дружбе и границе.

Парад советских и немецких войск в связи с передачей Германией Брест-Литовска Советскому Союзу.
В центре — генерал Г. Гудериан и комбриг С. Кривошеин.
22 сентября 1939 г.

В. И. Чуйков (в центре) с офицерами вермахта уточняет линию разграничения немецких и советских войск.
Польша. Сентябрь 1939 г.

Подписание советско-финского договора с "правительством" Куусинена. 1939 г.

Комдив И. Н. Хабаров и эстонский генерал-майор И. Крусс приветствуют части Красной Армии, перешедшие границу Эстонии. 1940 г.

Переговоры Молотова с Гитлером в Берлине. Ноябрь 1940 г.

Молотов выступает на Пленуме ЦК ВКП(б) с докладом "О внешней политике". Март 1940 г.

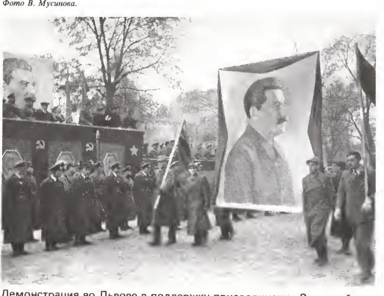

Делегация Латвийской ССР на сессии Верховного Совета СССР, где республика была принята в состав Советского Союза. На трибуне — президент и премьер-министр Латвийской Советской республики А. М. Кирхенштейн. Август 1940 г.

Подписание министром иностранных дел Литвы Ю. Урбшисом договора о передаче Литве Вильно и Виленской области. Октябрь 1939 г.

Митинг в Штерцере по поводу присоединения Бессарабии к СССР. 1940 г.
Фото В. Мусинова.

Демонстрация во Львове в поддержку присоединения Западной Украины к СССР. 1939 г.
Фото В. Мусинова

Жители Западной Белоруссии радостно встретили весть о присоединении к СССР. 1940 г.

Фото Д. Дебабова.

Демонстрация в поддержку Советской власти в Латвии. Рига. 1940 г.

С. К. Тимошенко и Г. К. Жуков осматривают образцы нового оружия. 1940 г.

Указ Президиума Верховного Совета СССР

О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений

Согласно представлению Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов — Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Увеличить продолжительность рабочего дня рабочих и служащих во всех государственных, кооперативных и общественных предприятиях и учреждениях:

с семи до восьми часов — на предприятиях с семичасовым рабочим днем;

с шести до семи часов — на работах с шестичасовым рабочим днем, за исключением профессий с вредными условиями труда, по спискам, утверждаемым СНК СССР;

с шести до восьми часов — для служащих учреждений;

с шести до восьми часов — для лиц, достигших 16-ти лет.

2. Перевести во всех государственных, кооперативных и общественных предприятиях и учреждениях работу с шестидневки на семидневную неделю, считая седьмой день недели — воскресенье — днем отдыха.

3. Запретить самовольный уход рабочих и служащих из государственных, кооперативных и общественных предприятий и учреждений, а также самовольный переход с одного предприятия на другое или из одного учреждения в другое.

Уход с предприятия и учреждения, или переход с одного предприятия на другое и из одного учреждения в другое может разрешить только директор предприятия или начальник учреждения.

4. Установить, что директор предприятия и начальник учреждения имеет право и обязан дать разрешение на уход рабочего и служащего с предприятия или из учреждения в следующих случаях:

а) когда рабочий, работница или служащий согласно заключению врачебно-трудовой экспертной комиссии не может выполнять прежнюю работу вследствие болезни или инвалидности, а администрация не может предоставить ему другую подходящую работу в том же предприятии или учреждении, или когда пенсионер, которому назначена пенсия по старости, желает оставить работу;

б) когда рабочий, работница или служащий должен прекратить работу в связи с зачислением его в высшее или среднее специальное учебное заведение.

Отпуска работницам и женщинам служащим по беременности и родам сохраняются в соответствии с действующим законодательством.

5. Установить, что рабочие и служащие, самовольно ушедшие из государственных, кооперативных и общественных предприятий или учреждений, предаются суду и по приговору народного суда подвергаются тюремному заключению сроком от 2-х месяцев до 4-х месяцев.

Установить, что за прогул без уважительной причины рабочие и служащие государственных, кооперативных и общественных предприятий и учреждений предаются суду и по приговору народного суда караются исправительно-трудовыми работами по месту работы на срок до 6 месяцев и удержанием из заработной платы до 25%.

В связи с этим отменить обязательное увольнение за прогул без уважительных причин.

Предложить народным судам все дела, указанные в настоящей статье, рассматривать не более, чем в 5-дневный срок и приговоры по этим делам приводить в исполнение немедленно.

6. Установить, что директора предприятий и начальники учреждений за уклонение от предания суду лиц, виновных в самовольном уходе с предприятия и из учреждения и лиц, виновных в прогулах без уважительных причин, — привлекаются к судебной ответственности.

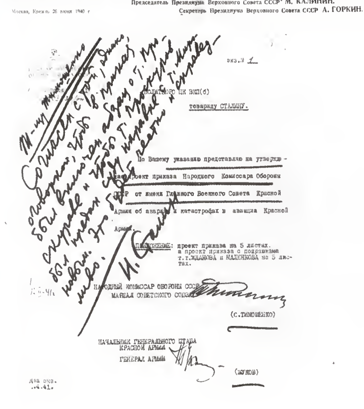
Установить также, что директора предприятий и начальники учреждений, принявшие на работу укрывающихся от закона лиц, самовольно ушедших с предприятий и из учреждений, подвергаются судебной ответственности.

7. Настоящий Указ входит в силу с 27 июня 1940 года.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР **М. КАЛИНИН.**

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР **А. ГОРКИН.**

Москва, Кремль. 26 июня 1940 г.

экз.№ 1

ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(б)

товарищу СТАЛИНУ.

По Вашему указанию представляю на утверждение проект приказа Народного Комиссара Обороны СССР от имени Главного Военного Совета Красной Армии об авариях и катастрофах в авиации Красной Армии.

ПРИЛОЖЕНИЕ: проект приказа на 5 листах.
а проект приказа с поправками т.т. ЖДАНОВА и МАЛЕНКОВА на 5 листах.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ОБОРОНЫ СССР
МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
(С.ТИМОШЕНКО)

НАЧАЛЬНИК ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА
КРАСНОЙ АРМИИ
ГЕНЕРАЛ АРМИИ
(ЖУКОВ)

Два экз.
..4.41.

Маршалы Советского Союза А. И. Егоров, К. Е. Ворошилов, С. М. Буденный на тактических учениях. Докладывает командарм I ранга И. Э. Якир. 1936 г.

Молотов, Сталин, Ворошилов, Маленков, Берия, Щербаков после очередного заседания в Кремле.

Парад на Красной площади.
Фото Д Дебабова.

Риббентроп зачитывает ноту об объявлении войны СССР. 22 июня 1941 г.

Гитлеровская колонна на подступах к Киеву. Июль 1941 г.

Советские военные самолеты, уничтоженные в июле 1941 г.

В неволю... Украина. 1941 г.

В начале войны.

Строительство противотанковых рвов в районе Донбасса. 1941 г.

Сбитый немецкий истребитель. Южный фронт. 1941 г.

В боях под Новороссийском.

Государственный Комитет Обороны

Людей сначала вычеркивали из жизни, а потом — с фотографий (вымаран в начале 50-х гг. Н. А. Вознесенский).
Вверху: Л. П. Берия, В. М. Молотов, И. В. Сталин, К. Е. Ворошилов, Г. М. Маленков. Внизу: Л. М. Каганович, А. И. Микоян.

Трагедия плена. Колонна советских военнопленных под Харьковом. Май 1942 г.

По самолетам противника... Юго-Западный фронт. Май 1942 г.

Танки и конница в атаке. Южный фронт. 1942 г.

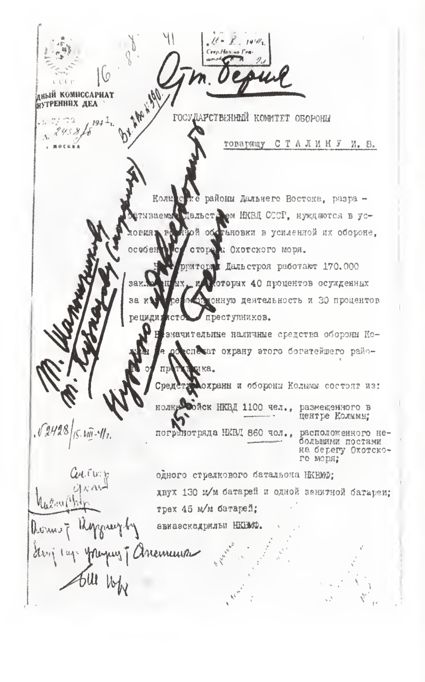
"Новый немецкий порядок". Минск. 1941 г.

В лагере для советских военнопленных. 1941 г.

Дети блокады.

А. А. Кузнецов вручает А. А. Жданову награду. Ленинград. 1943 г.

СССР
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
1941 г.
№ 2438/б
Москва

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

товарищу С Т А Л И Н У И. В.

Колымские районы Дальнего Востока, разрабатываемые Дальстроем НКВД СССР, нуждаются в условиях военной обстановки в усиленной их обороне, особенно со стороны Охотского моря.

На территории Дальстроя работают 170.000 заключенных, из которых 40 процентов осужденных за контрреволюционную деятельность и 30 процентов рецидивистов-преступников.

Незначительные наличные средства обороны Колымы не обеспечат охрану этого богатейшего района от противника.

Средства охраны и обороны Колымы состоят из:

полка войск НКВД 1100 чел., размещенного в центре Колымы;

погранотряда НКВД 860 чел., расположенного небольшими постами на берегу Охотского моря;

одного стрелкового батальона НКВМФ;

двух 130 м/м батарей и одной зенитной батареи;

трех 45 м/м батарей;

авиаэскадрильи НКВМФ.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения.

Установить, что за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения, виновные караются по приговору военного трибунала тюремным заключением на срок от 2 до 5 лет, если это действие по своему характеру не влечет за собой по закону более тяжкого наказания.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН.

Москва, Кремль. 6 июля 1941 года.

Село Хорошево под Ржевом. Здесь останавливался Сталин, выезжая на фронт в августе 1943 г.

СЕКРЕТНО
экз. № 1

ЖУКОВУ, ЖДАНОВУ, КУЗНЕЦОВУ, МЕРКУЛОВУ

Говорят, что немецкие мерзавцы идя на Ленинград, посылают впереди своих войск стариков, старух, женщин и детей, делегатов от занятых ими районов с просьбой к большевикам сдать ЛЕНИНГРАД и установить мир. Говорят, что среди ленинградских большевиков нашлись люди, которые не считают возможным применить оружие к такого рода делегатам. Я считаю, что если такие люди имеются среди большевиков, то их надо увичтожать в первую очередь, ибо они опаснее немецких фашистов. Мой совет: не сентиментальничать, а бить врага и его пособников, вольных или невольных по зубам. Война неумолима, и она приносит поражение в первую очередь тем, кто проявил слабость и допустил колебания. Если кто-либо в наших рядах допустит колебания, тот будет основным виновником падения Ленинграда. Бейте во-всю по немцам и по их делегатам, кто бы они не были, косите врагов, все равно являются ли они вольными или невольными врагами. Никакой пощады ни немецким мерзавцам, ни их делегатам, кто бы они не были. Просьба довести до сведения командиров и комиссаров дивизий и полков, а также до Военного Совета Балтийского Флота и командиров и комиссаров кораблей.

21.9.41г.

И. Сталин

Директива в сталинском духе.

Драматическая судьба сыновей... Я. Джугашвили (справа) и приемный сын Молотова Г. Скрябин в плену.

экз. № 1

ПРИКАЗ

СТАВКИ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОГО КОМАНДОВАНИЯ

№ 0428

г. Москва 17 ноября 1941 года

Опыт последнего месяца войны показал, что германская армия плохо приспособлена к войне в зимних условиях, не имеет теплого одеяния и, испытывая огромные трудности от наступивших морозов, ютится в прифронтовой полосе в населенных пунктах. Самонадеянный до наглости противник собирался зимовать в теплых домах Москвы и Ленинграда, но этому воспрепятствовали действия наших войск. На обширных участках фронта немецкие войска встретив упорное сопротивление наших частей, вынужденно перешли к обороне и расположились в населенных пунктах вдоль дорог на 20-30 км по обе их стороны. Немецкие солдаты живут, как правило, в городах, в местечках, в деревнях в крестьянских избах, сараях, ригах, банях близ фронта, а штабы германских частей размещаются в более крупных населенных пунктах и городах, прячутся в подвальных помещениях, используя их в качестве укрытия от нашей авиации и артиллерии. Советское население этих пунктов обычно выселяют и выбрасывают вон немецкие захватчики.

Лишить германскую армию возможности располагаться в селах и городах, выгнать немецких захватчиков из всех населенных пунктов на холод в поле, выкурить их из всех помещений и теплых убежищ и заставить мерзнуть под открытым небом - такова

Приказ "вождя": "...Сжигать все населенные пункты..."

неотложная задача, от решения которой во многом зависит ускорение разгрома врага и разложение его армии.

Ставка Верховного Главнокомандования П Р И К А З Ы В А ЕТ:

1. Разрушать и сжигать до тла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40-60 км в глубину от переднего края и на 20-30 км вправо и влево от дорог.

Для уничтожения населенных пунктов в указанном радиусе действия бросить немедленно авиацию, широко использовать артиллерийский и минометный огонь, команды разведчиков, лыжников, и партизанские диверсионные группы, снабженные бутылками с зажигательной смесью, гранатами и подрывными средствами.

2. В каждом полку создать команды охотников по 20-30 человек каждая для взрыва и сжигания населенных пунктов, в которых располагаются войска противника. В команды охотников подбирать наиболее отважных и крепких в политико-моральном отношении бойцов, командиров и политработников, тщательно разъясняя им задачи и значение этого мероприятия для разгрома германской армии. Выдающихся смельчаков за отважные действия по уничтожению населенных пунктов, в которых расположены немецкие войска, представлять к правительственной награде.

3. При вынужденном отходе наших частей на том или другом участке уводить с собой советское население и обязательно уничтожать все без исключения населенные пункты, чтобы противник не мог их использовать. В первую очередь для этой цели использовать выделенные в полках команды охотников.

4. Военным Советам фронтов и отдельных армий систематически проверять как выполняются задания по уничтожению населенных пунктов в указанном выше радиусе от линии фронта. Ставке через каждые 3 дня отдельной сводкой доносить сколько и какие населенные пункты уничтожены за прошедшие дни и какими средствами достигнуты эти результаты.

СТАВКА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОГО КОМАНДОВАНИЯ:
И.СТАЛИН

И. Сталин

Сталин на трибуне Мавзолея. 7 ноября 1941 г.

На фронт после парада. 1941 г.

строительства, исходившего из вероятности войны в более отдаленном будущем.

Арсенал обороны

В середине ноября 1940 года "Известия" опубликовали коммюнике о поездке Председателя Совнаркома и народного комиссара иностранных дел В.М. Молотова и о переговорах с германскими руководителями. Сообщалось, что "в рамках дружественных отношений, существующих между двумя странами, в атмосфере взаимного доверия" состоялся обмен мнениями между В.М. Молотовым и рейхсканцлером А. Гитлером, министром иностранных дел И. Риббентропом, а также рейхсмаршалом Г. Герингом и заместителем Гитлера по НСДАП Р. Гессом. Но в действительности никакого "взаимного доверия" как раз не было. Молотов, прибывший 12 ноября на Ангальтский вокзал Берлина, выглядел настороженным. С каждым часом настороженность и недоверие к "друзьям" росли. Когда Молотова проводили в кабинет Гитлера, он поразился его величине — огромное мрачноватое помещение, похожее на банкетный зал. Фюрер в своем зеленовато-мышином френче в углу кабинета был едва виден. Протягивая мягкую потную ладонь, Гитлер немигающими глазами внимательно оглядывал советского наркома.

Без обиняков фюрер приступил к излюбленной теме: страны "оси" накануне своего триумфа. Скоро Британская империя будет продана с молотка. Нужно решить, каким должен быть мир после утверждения "нового порядка". В этом заинтересованы Германия и, как он, фюрер, надеется, Россия. С подчеркнутым цинизмом нацистский диктатор, взмахивая рукой с красной повязкой со свастикой в центре, вел речь о разделе сфер влияния в мире. Молотов с невозмутимым каменным лицом слушал фюрера, не перебивая. Но когда Гитлер иссяк и обратился к высокому советскому представителю, надеясь услышать его мнение о немецких проектах будущего мира, тот холодно заметил, что, по его мнению, нет смысла обсуждать подобные комбинации. Острый нос Гитлера вздернулся еще выше. А Молотов, не обращая внимания на обескураженность фашистского лидера, негромким голосом стал задавать неприятные вопросы: что делает немецкая военная миссия в Ру-

мынии, почему германские войска направляются в Финляндию...

Гитлер как-то сразу потерял интерес к переговорам и предложил их продолжить завтра. Партнеры явно говорили на разных языках. Дух глухого недоверия витал в кабинетах Гитлера и Риббентропа, когда туда приходил Молотов. Стороны уже понимали, что заключенные год назад соглашения — мертворожденные. Они были нужны каждой из сторон для своих целей. Германии — ввести в заблуждение СССР, развязав тем самым себе руки. Советскому Союзу — выиграть время. Шла большая игра. Каждая из сторон считала, что она выигрывает. Молотов, возвращаясь ночью в берлинский отель "Бельвю", чувствовал неуверенность гитлеровских бонз. Постарался успокоить себя старым доводом: немцы не могут позволить себе повторения ошибки первой мировой войны — вести войну на два фронта.

И, судя по всему, успокоил. Потому что и после визита в Берлин Молотов по-прежнему считал, что немецкая сторона будет пока соблюдать подписанные в 1939 году советско-германские соглашения. У Сталина же подспудно начало расти недоверие к германской политике. Он еще не знал, что почти в то же самое время, когда Молотов находился в имперской канцелярии, генерал-полковник Ф. Гальдер, начальник генштаба сухопутных войск, докладывал главнокомандующему сухопутными войсками вермахта генерал-фельдмаршалу В. Браухичу последний вариант Директивы № 21 (план "Барбаросса") о нападении на Советский Союз. Вероломные правители рейха, расточая улыбки на переговорах, форсировали военные приготовления, которые вступили в решающую фазу. Гитлер, слушая доклад Браухича и Гальдера о завершении подготовки плана, который он подпишет в декабре, заявил:

— Я не сделаю такой ошибки, как Наполеон. Когда я пойду на Москву, то выступлю достаточно рано, чтобы достичь ее до зимы[84].

Гитлер одобрил время начала восточной кампании — 15 мая 1941 года. Ее продолжительность, как ориентировочно указывали гитлеровские "планировщики", — восемь недель, т.е. менее двух месяцев. Так разворачивались события в Берлине.

А в западных столицах гадали: как будут развиваться советско-германские отношения дальше? Берия докладывал Сталину агентурные сведения из Парижа, где полагали, что не исключен "германо-советский военный договор"[85]. Сталин не стал читать дальше, углубился в содержание беседы французского посла

Наджиара, записанной службой Берии. Тем более что посол говорил о нем, Сталине. "Вождя" это всегда особенно интересовало. Наджиар сказал своему собеседнику: "Сталин — это бог русских. Они уничтожили иконы для того, чтобы заменить их изображением Сталина. Христос изображался раньше в нимбе, посмотрите, Сталин тоже изображается в свете... Русские свергли царя для того, чтобы вернуться к еще худшему царю. Они всегда хотят чего-то сверхъестественного, сверхчеловеческого. В Англии, например, промышленность достигла большого расцвета, но все это складывалось постепенно, нормально. А здесь сообщают, что рабочий работает на 20 станках, а другой перевыполнил норму на 300%. А то, что ежедневно выпускается никуда не годная продукция, во всем ощущается недостаток, они не замечают... В целом положение у русских не из лучших не только из-за войны с Финляндией, а из-за их системы... Русские поступили с нами низко. Сталин мог бы сказать нам на переговорах: вы требуете от нас вещей, которые не могут быть практическими (так в тексте. — *Прим. Д.В.*). Он мог бы даже заключить договор с Германией, договор о ненападении, но сами они должны были остаться нейтральными, не правда ли?"[86]

Сталин, отложив бумаги, долго смотрел в одну точку, вновь прокручивая в памяти события конца лета и осени 1939 года. К тому, что о нем говорили и писали на Западе как о безжалостном диктаторе, он уже привык. А как еще могут о нем, твердом руководителе, говорить враги? Прервав размышления, он вернулся к текущим делам.

Сталин, продолжая верить созданным вместе с Молотовым мифам о том, что "немцы пока будут придерживаться пакта", что они "не решатся вести войну на два фронта", стремился тем не менее форсировать оборонные приготовления, которые, судя по многим документам (планам создания новых укрепрайонов, технического перевооружения войск, создания дополнительных стратегических запасов и др.), были рассчитаны не менее чем на 2 — 3 года. Хотя Сталин должен был бы учесть, что после падения Франции Гитлер фактически с одним фронтом покончил. Конечно, если бы эти 2 — 3 года история (а точнее — Гитлер) предоставила стране для выполнения задуманного, многое, возможно, было бы по-другому. Но просчеты политического и стратегического характера, допущенные Сталиным, которых я еще коснусь в этой главе, поставили страну в исключительно сложное положение. Усилиями партии, советских органов, наркоматов делалось немало для ускорения решения оборонных задач. Потенциал для этого был. Инду-

стриальная база страны за 30-е годы стала одной из самых мощных в мире, хотя в качественном отношении была невысокой. Во главе наркоматов, игравших первостепенное значение в деле обороны, стояли волевые организаторы И.Ф. Тевосян, В.А. Малышев, А.И. Шахурин, И.А. Лихачев, Д.Ф. Устинов, Б.Л. Ванников и другие.

Накануне войны Сталину, вынужденному вплотную заняться оборонными вопросами, удалось распознать в обычных командирах производства самоотверженных руководителей промышленности, которые в критические месяцы войны смогли вместе с партийными организациями сделать, казалось бы, невозможное в налаживании производства боевой техники и оружия за фантастически короткие сроки. Сталин знал всех наркомов, многих директоров заводов лично, часто вызывал их к себе для доклада вместе с ведущими конструкторами. Как свидетельствуют, например, Ванников и Устинов, Сталин довольно быстро схватывал основную суть процессов производства, тенденции, технологические особенности и трудности. Но преодоление этих трудностей, как всегда полагал Сталин, возможно только при условии предельного напряжения и мобилизации всех человеческих сил. В предвоенные годы, вспоминал Ванников, оборонной промышленностью во многом занимался сам Сталин, хотя ее "шефом", согласно распределению обязанностей между руководителями партии и правительства, был Н.А. Вознесенский, роль которого в войне пока, к сожалению, описана недостаточно. А она значительна. Сталин, не будучи специалистом, в работе с конструкторами, производственниками руководствовался обычно не реальными научно-техническими возможностями, а больше полагался на метод "нажима", "подстегивания" и даже угроз. Как пишет Ванников, после окончания одного из заседаний Сталин сказал:

— Конструкторы всегда оставляют для себя резерв, они не показывают полностью имеющихся возможностей; надо из них выжимать побольше.

И Сталин "выжимал". В мемуарах Устинова приводится поразительный факт, когда одна из артиллерийских систем была создана за невиданно короткие сроки — восемнадцать дней. "Если бы существовала регистрация рекордов скоростного проектирования, то создание 152-мм гаубицы Д-I заняло бы без сомнения самое видное место в их числе. 76-мм пушка, принятая на вооружение в 1939 году, создавалась восемнадцать месяцев, и по довоенным меркам это считалось очень коротким сроком. Сравните: восемнадцать месяцев — и восемнадцать

дней!"[87] Так люди работали в годы войны. Но и перед войной Сталин, беседуя с создателями новых образцов вооружения, всегда ставил предельно короткие, казалось бы, нереальные сроки.

При решении оборонных вопросов единовластие Сталина нередко оказывало исключительно отрицательное влияние. Например, накануне войны маршал Г.И. Кулик, занимавший в то время пост начальника Главного артиллерийского управления, предложил увеличить калибр танковых орудий. Кулик вместе с Ждановым настаивали снять с вооружения 45- и 75-миллиметровые пушки и заменить их 107-миллиметровыми. Сталин сразу согласился, помня по гражданской войне пушку такого же калибра. Но он не учитывал, что то было полевое орудие, а здесь нужна была иная система, обладающая большой бронебойностью. Сталину, Жданову и Кулику пробовали робко возражать специалисты — нарком вооружения Ванников, директора заводов Елян, Фрадкин. Все было напрасно. Доводы и аргументы, основанные на научных, инженерных расчетах, Сталина не убеждали. Собрались вновь. Как вспоминал Ванников, разговор принял уже другой, зловещий характер. Сталин жестко бросил, обращаясь к присутствующим:

— Ванников не хочет делать 107-миллиметровые пушки для танков...

Жданов тут же поддержал Сталина:

— Ванников всегда всему сопротивляется, это стиль его работы...

Дальше спорить было бесполезно и небезопасно.

После этих разговоров Сталин просто подписал подготовленное Ждановым постановление. В результате буквально накануне войны было остановлено производство танковых орудий меньшего калибра. Это было грубой ошибкой. Война вскоре заставила отменить некомпетентное решение Сталина и вернуться к выпуску старых орудий. Но сколько времени было упущено! Сколько было потрачено сил и средств на восстановление ликвидированного производства! Спустя месяц после начала войны Сталин нашел виновников — Кулика и Жданова, ругался, возмущался... Однако в своей долгой тираде на Политбюро даже не вспомнил, что роковая ошибка была допущена непосредственно им. Сталин ошибки признавать не умел и не любил. Тем более он не мог прощать другим те ошибки, которые совершил сам.

Оборонным вопросам была фактически посвящена XVIII партийная конференция, состоявшаяся в феврале 1941 года. В

докладе быстро выдвигавшегося секретаря ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкова "О задачах партийных организаций в области промышленности и транспорта" были рассмотрены вопросы о возможном переводе промышленности на военные рельсы. Предусматривалось, по предложению Сталина, увеличить в 1941 году прирост промышленной продукции на 17 — 18%. И это тогда не выглядело нереальным. Например, в 1940 году, по сравнению с 1939 годом, оборонная промышленность увеличила свое производство на 27%! Мы сегодня спокойно и буднично относимся к этим проявлениям героизма советских людей. Часто мысль, привычно скользя по критическим желобкам осуждения культа личности, как бы абстрагируется от того факта, что кроме негативного, тяжелого, непростительного существовал такой поразительный социальный феномен, как трудовая активность и подвижничество советских людей. Правда, часто людьми двигал и страх. Обходясь часто предельно элементарным минимумом жизненно необходимых благ, миллионы тружеников превращали в материальную плоть планы, которые сегодня кажутся фантастическими! Народ был готов жертвовать очень многим, лишь бы обеспечить безопасность Отечества. И это не просто слова. Если ассигнования на оборону в годы первой пятилетки составляли лишь 5,4% всех бюджетных расходов, то в 1941 году они возросли до 43,4%[88]. Страна до предела затянула ремень.

Сталину еженедельно докладывали о состоянии и ходе технического перевооружения армии и флота. 1 июня 1940 года он несколько раз подчеркнул красным карандашом в справке численность новых танков КВ — 625, Т-34 — 1225... Самолетов новых марок было лишь около 20%. Не лучше обстояло дело и с другими видами вооружений[89].

После каждого такого анализа Сталин с еще большей жестокостью диктовал свою волю наркомам, конструкторам, директорам заводов. Он торопил и требовал: "Сделать во что бы то ни стало!" Невыполнение его указаний могло привести к самому худшему. Это все понимали. Но действовали не только угрозы. Люди сознавали, что страна должна выстоять в приближающейся войне, а для этого нужно сделать невозможное. И они делали... К началу гитлеровского нашествия промышленность выпустила 2700 самолетов новых типов, 4300 танков, около половины — новых образцов[90].

Наряду с чрезвычайными мерами по наращиванию военного производства везде насаждалась жесткая дисциплина. Были, в частности, резко ужесточены требования к нарушителям тру-

довой дисциплины, широко применялись строгие административные и юридические меры. В 1940 — 1941 годах Сталину несколько раз докладывали о выполнении Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года (о переходе на восьмичасовой рабочий день, запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и др.). Количество прогулов резко сократилось, дисциплина на производстве стала выше. Однако Сталин каждый раз говорил Поскребышеву:

— Усилить и продолжить эту работу! Передайте в наркоматы: считать достигнутое в борьбе за дисциплину только началом!

Одновременно Сталин с помощью Мехлиса (теперь уже наркома Государственного контроля СССР), партийных органов резко ужесточил спрос с руководящих работников, держа под постоянным контролем выполнение ими своих обязанностей. По его настоянию, например, на XVIII партийной конференции были приняты необычные меры. Шестерых членов Центрального Комитета, в том числе М.М. Литвинова, Е.А. Щаденко, "как не обеспечивших выполнение обязанностей членов ЦК ВКП(б)", перевели из членов в кандидаты ЦК. Одновременно были исключены из состава кандидатов в члены ЦК ВКП(б) пятнадцать человек (в том числе П.С. Жемчужина — жена В.М. Молотова); девять человек были исключены из состава Центральной ревизионной комиссии, "как не обеспечившие выполнение своих обязанностей". Наркомы М.М. Каганович, М.Ф. Денисов, И.П. Сергеев, З.А. Шашков, А.А. Ишков, В.В. Богатырев были предупреждены в специальном постановлении партийной конференции, "что если они не исправятся, не будут выполнять поручения партии и правительства, то будут выведены из руководящих органов партии и сняты с работы". Для некоторых эти предупреждения стали роковыми.

"Освободившиеся" места в ЦК, по предложению Сталина, заняли в основном военные, в том числе Г.К. Жуков, А.И. Запорожец, И.В. Тюленев, М.П. Кирпонос, И.С.Юмашев, И.Р. Апанасенко и некоторые другие. Словно чувствуя, что в подготовке к защите страны, наряду со сделанным, было допущено немало крупных ошибок, Сталин спешил, страшно торопился. Накануне войны он работал по 16 — 17 часов в сутки, его желтые зрачки словно бы потемнели от недосыпания и усталости. Он стал еще более безжалостным и к себе и к окружающим, по сути, требуя от всех сознательной жертвенности.

Сталин понимал, что от мобилизации всех ресурсов стра-

ны зависит ее способность вынести грядущие испытания, хотя он не думал, не хотел верить, что они так близки. ЦК партии в "целях полной координации действий советских и партийных организаций и безусловного обеспечения единства в их руководящей работе" постановил назначить в мае 1941 года И.В. Сталина, секретаря ЦК партии, одновременно и Председателем Совета Народных Комиссаров СССР. На его плечи легла колоссальная ответственность и нагрузка. Будучи по натуре человеком жестоким, Сталин, решая оборонные задачи, поднимал "планку" требований максимально высоко, обычно на грань человеческих возможностей. С этого времени ночная работа для него стала неизменным правилом. На такой режим, как мы помним, перешли и наркоматы, многие центральные учреждения. Ритм и темп жизни страны заметно изменились. Ее пульс бился мощно и учащенно.

Сталин уделял большое внимание ведущим конструкторам оборонных отраслей промышленности страны. Я уже говорил, что с большинством из них он был лично знаком, часто встречался при обсуждении различных технических и организационных вопросов в Кремле. Решения Сталина были неизменно жесткими, даже безжалостными. Их выполнение всегда требовало жертв. Например, чтобы ликвидировать отставание в авиационной промышленности, по настоянию Сталина Политбюро ЦК ВКП(б) в сентябре 1939 года приняло решение о строительстве в течение 1940 — 1941 годов девяти новых авиационных заводов! Столько же заводов было решено реконструировать. Авиапромышленность стала работать по жесткому графику. Ее нарком ежедневно докладывал в ЦК о количестве выпущенных самолетов и моторов. Люди не уходили из цехов, лабораторий, конструкторских бюро по нескольку суток. В количественном отношении авиационная промышленность добилась резкого скачка, но новые типы самолетов начали создаваться только во второй половине 1940 года.

Однако естественно, что подобный "форсаж" в создании авиационной (и другой) техники имел и серьезные издержки. Качество выпускаемых самолетов часто было невысоким. Это сразу же привело к росту катастроф и аварий в Военно-Воздушных Силах. Ежедневные сводки потерь военной авиации были обескураживающими. Но Сталин видел в этом явлении не столько технические и технологические изъяны производства, эксплуатации и несовершенство самих летательных аппаратов, сколько вину летного состава, вредительство. В начале апреля 1941 года раздраженный после чтения очередной сводки об авариях и катастрофах Предсовнаркома потребовал

подготовить проект приказа наркома обороны и доложить ему.

12 апреля Тимошенко и Жуков доложили Сталину проект приказа, в котором, в частности, говорилось:

"Главный Военный Совет Красной Армии, разобрав вопрос об авариях и катастрофах в авиации Красной Армии, установил, что аварии не только не уменьшаются, но все более увеличиваются из-за расхлябанности летного и командного состава авиации, ведущей к нарушениям элементарных правил летной службы. Из-за расхлябанности ежедневно при авариях и катастрофах в среднем гибнут 2 — 3 самолета, что составляет в год 600 — 900 самолетов. Только за неполный первый квартал 1941 года произошли 71 катастрофа и 156 аварий, при этом убито 141 человек и разбито 138 самолетов".

Далее нарком приказал снять генерал-лейтенанта авиации Рычагова с поста начальника Главного управления ВВС Красной Армии, предать суду ряд командиров авиационных частей.

Проект приказа, на котором есть поправки Жданова и Маленкова, был одобрен Сталиным с выразительным добавлением:

"То-щу Тимошенко

Согласен, с той, однако, оговоркой, чтобы в приказ был включен абзац о т. Проскурове и чтобы т. Проскуров был предан суду наравне с т. Мироновым*. Это будет честно и справедливо.

И. Сталин"[91].

Непростое положение было с производством танков, артиллерии, боеприпасов. Конструкторы М.И. Кошкин, А.А. Морозов и Н.А. Кучеренко за короткие сроки создали прекрасный средний танк Т-34, всеми признанный как лучшая боевая машина второй мировой войны. Но таких машин, вместе с КВ (тяжелым танком), к началу войны армия получила лишь около двух тысяч. Советским ученым удалось накануне войны создать принципиально новое реактивное оружие. Установка БМ-13 ("Катюша") в течение 10 секунд выпускала 16 снарядов, обеспечивая высокую эффективность массированного огня. Но лишь с началом войны промышленность смогла приступить к выпуску реактивных снарядов, применение которых в Великой Отечественной войне сыграло важную роль.

Эти примеры свидетельствуют не только об огромных творческих возможностях научной, инженерной мысли в нашей стране, но и о способности государства мобилизовать мил-

* Проскуров и Миронов — ответственные работники Главного управления ВВС РККА.

лионы людей. В то же время давали о себе знать скрытые да и прямые угрозы тяжелой кары, которая могла последовать в случае производственного неуспеха.

По предложению Сталина самоотверженный труд создателей нового оружия был высоко отмечен государством. Так, в октябре 1940 года крупнейшие конструкторы Ф.В. Токарев (стрелковое вооружение), Н.Н. Поликарпов (авиация), Б.Г. Шпитальный (артвооружение), В.Г. Грабин (артиллерийские системы), А.С. Яковлев (авиация), А.А. Микулин (авиамоторы), В.Я. Климов (авиамоторы), И.И. Иванов (артиллерийские системы), М.Я. Крупчатников (артиллерийские системы) были удостоены звания Героя Социалистического Труда. Достижения конструкторской мысли опережали технологические и производственные возможности. Сказывалась некомпетентность некоторых руководителей, например Г.И. Кулика, который накануне войны из-за своих необоснованных решений допустил серьезное отставание производства противотанковых и зенитных средств.

Война стучалась в дверь, а производство новейших образцов оружия и боевой техники только разворачивалось. В книге "Военная экономика СССР в период Отечественной войны", написанной Н.А. Вознесенским в 1948 году, отмечалось: "Война застала советскую военную промышленность в процессе освоения новой техники, массовый выпуск современной военной техники не был еще организован"[92]. Во многих вновь формируемых соединениях ощущался огромный голод в вооружении. Особенно это было заметно в танковых и моторизованных дивизиях.

Сталин действовал своими обычными методами — угрозы, давление, смена руководителей, принятие специальных решений, направление комиссий на места. В конце 1940 года он поручил Ворошилову проверить работу танковых заводов. В январе 1941 года Маршал Советского Союза направил Сталину и Молотову записку по итогам проверки четырех заводов.

"О состоянии танкостроения

Производство танков КВ на Кировском заводе освоено. На 1.1.1941 г. заводом изготовлено и сдано военной приемке 243 танка при годовом плане 243 шт.

На Харьковском заводе на 1.1.1941 г. Красной Армии сдано 115 штук танков Т-34 при годовом плане в 500 штук. Танк Т-40 (амфибия) прошел всесторонние войсковые и полигонные испытания. Результаты испытаний показали, что танк Т-40 удовлетворяет тактико-техническим требованиям Красной Армии. В

декабре 1940 г. в Ленинграде изготовлено два танка Т-50, которые в настоящее время проходят испытания"[93].

Прочитав доклад, Сталин дал жесткие сроки ряду наркоматов и заводов по выпуску новых сортов танковой брони и производству бронекорпусов, башен и моторов. Ему казалось, что дело пошло.

Когда Сталину после XVIII партийной конференции доложили о том, как много боевой техники не хватает для укомплектования танковых частей, он сначала не поверил. Потребовал обстоятельную справку. Но выкладки военных были упрямы: для полного обеспечения войск к марту 1941 года недоставало 12,5 тысячи средних и тяжелых танков, 43 тысячи тракторов, около 300 тысяч автомобилей. Это означало, что вновь сформированные танковые и механизированные соединения были обеспечены лишь на 30%[94]. Даже при исключительно высоких темпах производства полностью укомплектовать их боевой техникой можно было лишь через 3 — 4 года! Не лучше обстояли дела и в авиационных соединениях. Новых самолетов (как и танков) было очень мало: не более 10 — 20%.

Но плохо обстояло дело не только с авиационной и танковой техникой. Как сообщали Сталину, Жданову и Вознесенскому за месяц до войны Тимошенко и Жуков, "по ряду остродефицитных для Красной Армии предметов вооружения и боевой техники промышленность выполняет план поставки совершенно неудовлетворительно". В этом документе, например, говорилось, что боеприпасов в первом квартале 1941 года выпущено в процентах к плану: к 76-мм дивизионным пушкам — на 62%, к 122-мм гаубицам — на 62%, к 122-мм пушкам — на 74%, к 152-мм гаубицам — на 32%, снаряды к 82-мм минометам — на 73%... Нарком обороны и начальник Генштаба видели основные причины крупного отставания в "недостатках руководства со стороны Народного комиссариата боеприпасов"[95].

Сталин, Политбюро, наркоматы искали выход. Он виделся в принятии чрезвычайных мер: направление всех имеющихся материальных ресурсов на создание новых заводов, цехов, производств; предельное напряжение усилий советских людей. Военные заводы переводились на режим военного времени, при котором, в результате трехсменной работы, резко возрастало число работающих, максимально полно использовалось оборудование, ужесточалась дисциплина. Сталину ежедневно к исходу дня докладывали о выполнении графиков ввода тех или иных объектов. Предсовнаркома согласился с предложениями сократить, даже временно приостановить производство отдель-

ных вооружений, с тем чтобы сделать рывок на более важных направлениях. Например, за счет временного сокращения выпуска некоторых видов стрелкового оружия, полевой артиллерии было резко увеличено производство систем оружия для авиации и танков. Мне, правда, приходилось сталкиваться и с точками зрения, осуждающими подобное решение. Думаю, критики в данном случае едва ли правы.

В последние годы перед войной по предложению Вознесенского, одобренному Сталиным, был резко увеличен объем капитальных вложений в объекты оборонной промышленности на востоке страны. К июлю 1941 года общий объем военной продукции, выпускаемой за Волгой, по некоторым данным, достиг 12%[96].

Сталина беспокоило и сельское хозяйство: производительность труда в аграрном секторе, по сравнению с промышленностью, была очень низкой. Сталин был плохим экономистом, но и он должен был видеть, что в результате форсирования коллективизации, насаждения и утверждения командного стиля управления колхозами социальная энергия крестьян все больше затухала. Это явилось результатом полного отчуждения производителя от конечных результатов своего труда. Была создана крайне уродливая система, когда крестьянин, по существу, мог прокормить себя лишь благодаря подсобному хозяйству. Выращенный урожай, продукты животноводства, произведенные в колхозе или совхозе, автоматически изымались государством. Не покупались, не продавались, а сдавались. Слова "сдать хлеб" стали официальным выражением основной функции колхозов. Рядовой колхозник, как правило, не участвовал в решении мало-мальски острых вопросов: кто будет председателем колхоза, когда и что сеять, что строить, сколько сдавать, как обеспечить расширенное воспроизводство; все решалось наверху. В результате люди постепенно теряли интерес к работе, крепла инертность, безразличие. Крестьянство было похоже на подневольное сословие казенных тружеников. Чтобы обеспечить элементарный прожиточный минимум (колхоз обычно этого сделать не мог), колхозник все больше обращался к своему приусадебному участку, продуктивность которого была значительно выше, чем в общественном производстве.

На высказываемую на заседаниях Политбюро, в личных беседах со своим окружением озабоченность положением в сельском хозяйстве Сталину все чаще говорили, что колхозники занимаются личным хозяйством больше, чем общественным. Мол, в этом все дело. Сталин поручил А.А. Андрееву изучить

вопрос для обсуждения на Пленуме ЦК. И такой Пленум состоялся в конце мая 1939 года. Доклад Андреева назывался "О мерах по ограждению общественных колхозных земель от разбазаривания в пользу личного хозяйства колхозников". Основной тезис: нужно принять новые жесткие меры по ограничению размеров приусадебных участков колхозников, введению необходимого минимума выработки трудодней каждым членом сельхозартели. Ставка вновь была сделана не на экономические, а на административные, репрессивные меры.

Пленум вел В.М. Молотов. Стенограмма его не издавалась. Но в архиве сохранились некоторые выдержки, реплики, другие материалы, свидетельствующие о том, что Сталин и его окружение по-прежнему уповали лишь на директивы, командно-административный стиль управления сельским хозяйством. В докладе Андреев, например, привел такой факт: в Киевской области 5,8% членов артелей не работали в колхозах, а 18% колхозников выработали лишь до 50 трудодней[97]. Напряженную тишину зала, слушавшего докладчика, прервал вопрос Сталина:

Сталин: Кто это такие, не участвовавшие в колхозе, не расшифровано?

Андреев: Не расшифровано, тов. Сталин, не удалось. Часть — отходники, остальные — рвачи, прихлебатели в колхозах.

Сталин: Есть такие, у кого нет ни одного трудодня?

Андреев: Есть. Ни одного трудодня нет. Живет исключительно личным хозяйством.

Сталин: Это трудоспособные или инвалиды?

Андреев: Есть отходники, престарелые. Но они дезорганизуют, разлагают честно работающих колхозников своим поведением...

Далее участники Пленума перешли к обсуждению дополнительных мер, направленных на повышение заинтересованности колхозников в интенсификации своего труда. Но мысль шла не в том направлении, как сделать колхозников подлинными хозяевами своих коллективов, демократизировать управление ими, поднять материальную заинтересованность, возвратиться к идеям ленинского кооперативного плана, а в том, чтобы "заставить", "обязать", "ограничить", "нажать" на труженика.

В выступлениях Пономаренко, Денисенко, Седина, других участников Пленума вносились предложения еще больше сократить размеры приусадебных участков, установить жесткий минимум выработки трудодней. Курбатов из Башкирии посчитал необходимым переселить всех колхозников из хуторов. Ба-

гиров из Баку предложил обобществить все сады, на что Сталин бросил:

— Обдумать надо. Вы должны представить какие-то практические планы.

— Предложения представить?

— Да.

Жданов сразу же оформил реплику "вождя" как пункт постановления ЦК:

"Поручить тов. Багирову представить в ЦК ВКП(б) свои предложения по вопросу фактического обобществления садов".

В выступлении Щербакова говорилось о том, что в Ногинском районе Московской области 32% семей не принимают участия в колхозном производстве, т.к. взрослые трудятся в Электростали, на промышленных предприятиях. А дети, старики в колхозах не работают.

Берия: Должны обязательно работать.

Сталин: Приусадебные участки занимают?

Щербаков: Занимают.

Андреев: Надо распространить на них натурпоставки.

Сталин, никогда не понимавший ни природы сельского хозяйства, ни его внутренних "пружин", как всегда, вел дело к новым силовым, административным решениям.

Общими "усилиями" были выработаны новые меры, еще более жесткие, а по отношению к приусадебному хозяйству иногда просто абсурдные. Вот пример. Жданов предложил Пленуму:

"Есть предложение принять поправку тов. Сталина в 6-й пункт постановления: "Председатели колхозов, допускающие сдачу в лесах под индивидуальные сенокосы колхозникам и лицам, не состоящим в них, будут исключаться из колхоза и отдаваться под суд как нарушители закона". Горе-аграрии подсекали подсобное хозяйство. Тогда была обычной картина: значительная часть травяных угодий оставалась невыкошенной, но колхознику даже в оврагах, лесах косить категорически запрещалось. Увы, в партийном руководстве господствовало абсурдное представление, что запретами можно заставить колхозников активно трудиться в общественном производстве. Все это иначе как разрушением крестьянского производства назвать нельзя. Точнее — довершением разрушения, которое началось десятилетие назад. Абсурдными выглядели попытки регламентировать все и вся в огромной стране, где так велики различия в национальных, природных и климатических условиях.

Возражавших почти не было. Лишь участник Пленума Кулаков (инициалов, как обычно, в документах того времени нет) не удержался и высказал сомнение относительно одного из пунктов проекта постановления:

"Я вынужден вот какое замечание сделать: здесь на странице 3-й указаны сроки сдачи единоличниками зерна. Красноярский край должен сдать в июле месяце 15% зерна. Но мы начинаем уборку только с 1 августа. Откуда в июле брать зерно? Из каких запасов сдавать?"

В конце концов в результате обсуждения родился еще один документ — регламентирующий, запрещающий, обязывающий, угрожающий... Даже Сталин, как свидетельствуют выдержки из стенограммы, засомневался в целесообразности его обнародования:

— Если эту штуку (постановление Пленума. — *Прим. Д.В.*) опубликовать от имени ЦК и СНК, не внесет ли это какого-либо замешательства в колхозное дело?

— Нет, наоборот, подтянутся, — раздались неуверенные голоса из зала. — Народ уже давно ждет...

Привычка одобрять все, сказанное "вождем", уже вошла в плоть и кровь. Тем более, "народ давно ждет" того, как бы его еще больше "ограничили" в своих возможностях... А они, эти возможности, были до предела сужены бюрократическими путами единомыслия и единовластия. И если в той сложной ситуации в промышленности жесткая централизация, чрезвычайные меры давали определенные результаты, то в сфере сельского хозяйства дела обстояли значительно хуже.

В последние предвоенные месяцы, повторюсь, трудовой пульс страны бился учащенно. Газеты много писали о разгоравшемся пожаре войны, воздушной битве над Англией, временном "запрещении танцев в Германии", превращении Польши в "генерал-губернаторство", о "новых достижениях народного хозяйства СССР". Радио и печать широко освещали указания Сталина и его поручение Госплану составить генеральный хозяйственный план СССР на 15 лет, чтобы решить основную задачу: "перегнать главные капиталистические страны в производстве на душу населения — чугуна, стали, топлива, электроэнергии, машин и других средств производства и предметов потребления"[98].

Социалистические будни гулом новостроек словно хотели заглушить приближавшиеся раскаты войны. "Правда" сообщала о строительстве третьей очереди московского метро, о съездах комсомола республик, социалистическом соревнова-

нии металлургов. Под красноречивым заголовком "Фальшивый фильм" громилась лента "Закон жизни", созданная режиссерами А. Столпером и Б. Ивановым, оцененная как проповедь "гнилой философии распущенности". Печатались длинные списки сталинских лауреатов: Ж.Я. Котин, Г.С. Аксельрод, С.И. Вольфкович, Д.Д. Шостакович, А.М. Герасимов, С.М. Эйзенштейн, Б.М. Иофан, И.С. Козловский... Публиковался пространный доклад Н.С. Хрущева на совещании партийно-советско-колхозного актива в Киеве. Член Политбюро, славя Сталина, с пафосом говорил: "Товарищи, успехи наши колоссальны... однако задачу, которую мы поставили перед собой — получить 100 пудов зерна с гектара — мы не выполнили..."

Сегодня, читая эти пожелтевшие страницы, несущие вести из давно ушедшего времени, ощущаешь исключительное напряжение будней, даже когда речь идет о театре, новых стройках или "о кампании по изучению иностранных языков". Даже там, где "вождь народа" не упоминается прямо, чувствуется его беспощадная воля. Власть без воли призрачна. А Сталин, повторю, больше всего на свете любил власть. Но, обладая "стальной" волей, "вождь" считал, что его власть, степень ее совершенства далеки пока от идеала. Его указания выполняются быстро, точно, но не всегда качественно. Повинен в этом, полагал Сталин, аппарат — главный механизм его власти. Бюрократическая система в эти годы достигла новых ступеней совершенства. Предельная централизация, господство директивы, примат дисциплины над инициативой, торжество психологии "винтиков" — вполне соответствовали сталинскому пониманию социалистической "демократии".

Убийство изгнанника

Накануне войны Сталин несколько раз советовался с конструкторами, как добиться качественного превосходства над немцами хотя бы в некоторых компонентах мощи. Были надежды, что скоро войдет в строй реактивная установка БМ-13, танк Т-34, ряд других видов техники. Но однажды (а Сталин всегда находил хотя бы полчаса порыться в своих книгах) он открыл IX том сочинений Троцкого "Европа в войне". В разделе "Война и техника" еще в 20-е годы Троцкий писал: "Если лавинообразное развитие милитаризма в течение послед-

него полустолетия — со всеми изобретениями и "тайнами" военной техники — не довело войну до абсурда, то оно в то же время и не дало ни одной из стран такого особенного, из ряда вон выходящего "средства", которое обеспечивало бы за ней в кратчайший срок победу"[99]. "И здесь успел!" — подумал Сталин, вновь почувствовав приступ злобы.

В самый разгар борьбы за укрепление оборонного потенциала страны из-за океана пришло долгожданное и тем не менее неожиданное сообщение: убит Троцкий. Уже несколько лет шла "охота" за изгнанником. Но тот, охраняемый несколькими десятками полицейских и своих единомышленников, проявлял повышенную осторожность. По указанию Сталина было создано специальное подразделение, решавшее "проблему" Троцкого. "Вождь" уже несколько раз выражал Берии свое глубокое недовольство нерешительностью и ненаходчивостью его людей. И вот свершилось. Дуэль двух, по словам Ленина, "выдающихся вождей" русской революции, продолжавшаяся более полутора десятилетий, закончилась. Из ближайшего ленинского окружения Сталин остался теперь один, если не считать Молотова (хотя его едва ли можно отнести к соратникам Ленина). Но, вопреки логике, Сталин не испытал ни радости, ни удовлетворения. Так много сил он отдал борьбе с этим человеком. Если бы это случилось в 1937 — 1938 годах, тогда другое дело. В те годы за каждым крупным врагом ему виделась тень Троцкого; везде мерещилась его рука; казалось, его наихудшие пророчества могут сбыться. На всех политических процессах судили прежде всего Троцкого, хотя его самого и не было на скамье подсудимых. После безумия тех лет Сталин как бы утолил свою ненависть к Троцкому, отомстив его потенциальным сторонникам, и сам Троцкий не казался уже таким опасным и коварным. Тень войны была более густой и плотной, нежели тень от плакатной фигурки далекого изгнанника.

Сталин поручил перепроверить сообщение, и 22 августа 1940 года в "Правде" появилось короткое сообщение:

"ПОКУШЕНИЕ НА ТРОЦКОГО.

НЬЮ-ЙОРК. 21 августа. (ТАСС). По сообщению американских газет, 20 августа было совершено покушение на Троцкого, проживающего в Мексике. Покушавшийся назвал себя Жак Мортан Вандендрайш и принадлежит к числу последователей и ближайших людей Троцкого".

Сообщения из-за океана подтвердились. И уже 24 августа "Правда" еще раз вернулась к Троцкому, чтобы окончательно

поставить на нем точку. В редакционной статье "Смерть международного шпиона" говорилось:

"В могилу сошел человек, чье имя с презрением и проклятием произносят трудящиеся во всем мире, человек, который на протяжении многих лет боролся против дела рабочего класса и его авангарда — большевистской партии... Ближайшие сподвижники Троцкого (на процессах в Москве. — *Прим. Д.В.*) признались, что и они, и вместе с ними и их шеф Троцкий **уже с 1921 года были агентами иностранных разведок, были международными шпионами**. Они во главе с Троцким ревностно служили разведкам и генеральным штабам Англии, Франции, Германии, Японии...

Его убили его же сторонники. С ним покончили те самые террористы, которых он учил убийству из-за угла, предательству и злодеяниям против рабочего класса, против Страны Советов. Троцкий, организовавший злодейское убийство Кирова, Куйбышева, М. Горького, стал жертвой своих же собственных интриг, предательств, измен, злодеяний".

Сталин еще раз внимательно перечитал статью. Поморщился: все свели к шпионажу. Что же, все эти годы он боролся просто со шпионом? Потом, зачем так откровенно напирать: кто его убил? Как будто убийство совершено в Москве и мы все достоверно знаем. Как все можно смазать несколькими неудачными фразами... Сталин выпустил газету из рук. Ему почему-то вспомнились первые встречи с Троцким.

Тогда, в 1905 году на V съезде партии в Лондоне, Троцкий его просто не заметил. То, собственно, было не встречей, а случайным контактом двух людей, противоборство которых окрасит взаимной ненавистью всю их жизнь. Сталин был буквально потрясен легкостью, с какой Троцкий в перерыве между заседаниями увлеченно растолковывал группе молодых людей и одной красивой женщине разницу между поэзией и философией. "Поэзия, — красиво жестикулируя, говорил человек с копной темных волос, — обращаясь к капле росы, видит ее великолепие, через которое можно увидеть весь мир. А философия, — продолжал Троцкий, — размазав каплю росы по полотну бытия, ищет определения, дефиниции для влаги в этом мире". Собеседники с восхищением смотрели на Троцкого, едва ли зная (Сталин не знал — это не вызывает сомнения), что эрудит пересказывал своими словами образные рассуждения Л. Фейербаха.

Вторая их встреча была зимой 1913 года между двумя очередными арестами Сталина. Они встретились в Вене, куда Ста-

лин приехал по заданию Ленина, чтобы организовать публикацию материалов совещания большевиков, проходившего в Кракове. Сталин остановился в дешевой гостинице. Вечером, взяв стакан, он спустился в буфет за чаем. Там никого не было, за исключением двух человек, оживленно беседовавших у самовара. Одного из них, худощавого, невысокого, с черными вьющимися волосами, синими глазами в оправе очков, Сталин сразу же узнал. Это был Троцкий, меньшевик, часто выступавший в прессе с критическими статьями. Сталин помнил, что он холодно поздоровался, налил чаю. На одну-две минуты в комнате воцарилась тишина. Троцкий испытующе смотрел на Сталина, не зная еще, что этот смуглый, молчаливый человек займет в его жизни такое огромное место... Сталин молча и пристально оглядел Троцкого с ног до головы немигающими, с прищуром глазами и так же молча вышел.

А вот как описывал эту встречу сам Троцкий. Он вместе с меньшевиком Скобелевым пил чай, когда "внезапно вошел человек среднего роста, худой, со смуглым, сероватым лицом со следами оспы... Скобелев объяснил, что то был кавказец Джугашвили, который только что стал членом большевистского ЦК и, кажется, приобрел там некоторый вес". Троцкий почему-то накрепко запомнил эту встречу с будущим противником и то неприятное впечатление, которое Сталин произвел на него. "Бросилась в глаза заурядная внешность кавказца, страшная скованность лица и выражение глубокой враждебности в желтых глазах..." Мог ли предположить Троцкий, что спустя два десятилетия он напишет об этом человеке: "Процесс возвышения Сталина произошел как-то за непроницаемым политическим занавесом. В определенный момент его фигура во всеоружии власти внезапно сошла с кремлевской стены"[100]. Никто этому не помешал. Историки сегодня пытаются понять, почему это произошло. Подчеркну еще раз, помешать генсеку должна была не одна личность, а ЦК, вся партия. Перебирая "альтернативные варианты" — Бухарин, Фрунзе, Рудзутак, другие большевики ленинской школы, — мы почти не останавливаемся на возможном коллективном лидере... Троцкого до конца его дней жгла мысль: своей пассивностью он помог Сталину благополучно сойти "с кремлевской стены" во всеоружии власти... Сталин еще долго не узнает, какое впечатление произвели на Троцкого первые контакты с ним. После 1917 года в течение нескольких лет их встречи будут очень частыми. И чем дальше, тем более неприятными.

После Октября "звезда" Троцкого стремительно подня-

лась. Его имя многие прямо связывали с успехом Октябрьского вооруженного восстания. Сталина коробило, когда на собраниях, митингах, в печати раздавались здравицы в честь "любимчика" революции. А Троцкого действительно тогда славили...

"Народному Комиссару по Военным делам
тов. Льву Давидовичу Троцкому

В ознаменование именин Великой Октябрьской Пролетарской Революции, коммунистическая ячейка Московского военно-аптечного магазина вверенного Вам комиссариата, приветствуя в лице Вас героическую социалистическую Красную Армию, постановила открыть клуб имени нашего дорогого вождя Красной Армии тов. Л. Троцкого. Торжественное открытие клуба состоится 9-го с.м. в $6^1/_2$ часов вечера (Чистые пруды, 12).

Председатель комячейки (подпись неразборчива)"[101].

Сталин помнил, что когда Троцкий появлялся накануне заседания, то сразу привлекал всеобщее внимание; короткие энергичные фразы лишь подчеркивали популярность человека, как будто непрерывно источающего революционные флюиды... Троцкий сухо кивал Сталину и затевал с кем-нибудь (Шляпниковым, Крестинским, Бухариным, Мураловым) оживленный разговор...

Почему Сталин вспомнил сейчас начало и продолжение истории его отношений с Троцким? Почему об этом человеке всегда так много говорили? Почему, оказавшись за рубежом (сколько таких было!), он по-прежнему оставался в центре внимания? Сегодня идет 1940 год, на пороге — война, а он думает о Троцком...

Сталин понимал, что со смертью Троцкого завершается один из драматических этапов борьбы, начавшейся еще у подножия века. Сначала борьба против Ленина велась по организационным, программным вопросам. Голос Троцкого нередко выделялся в этом нестройном хоре. Когда Троцкий вместе с Аксельродом, Даном, Мартовым, Потресовым основали в Женеве бюро меньшевистской партии, свою особую позицию Лев Давидович изложил в брошюре "Наши политические задачи". Называя Ленина "диктатором", "узурпатором", Троцкий фактически вел свои атаки с социал-демократических позиций.

С переходом на позиции антибольшевизма Троцкий, с точки зрения Сталина, до 1917 года неоднократно демонстрировал свою непоследовательность, пытался атаковать партию то справа, то слева. Не случайно, оценивая эти идейные метания,

Ленин воскликнул в феврале 1917 года: "Вот так Троцкий!! Всегда верен себе — виляет, жульничает, позирует, как левый, *помогает* правым, пока можно..."[102] Затем, в годы революции и гражданской войны, наступило время феерического взлета "романтика" революции. Антибольшевизм Троцкого вновь проявился после смерти Ленина, когда он попытался в "Уроках Октября" по-своему интерпретировать историю Октябрьской социалистической революции. Сталин помнил, сколько гнева вызвали у него эти "Уроки...". Хотя против многих аргументов Троцкого он не мог найти убедительных контрдоводов.

Ну а насчет антисоветизма, думал Сталин, вопрос еще более ясен. Борясь с ним, Троцкий сосредоточил огонь своих политических стрел не только против него. Практически все, что было создано в стране за двадцать с лишним лет после Октября, по Троцкому, это лишь выражение "термидора". В наиболее полной форме антисоветизм Троцкого выразился в создании в 1938 году IV Интернационала, оказавшегося настолько живучим, насколько и бесплодным. Даже сегодня, на пороге 90-х годов, троцкистский Интернационал еще жив.

Сталин помнил, что, когда ему принесли специальный выпуск троцкистов, посвященный учреждению IV Интернационала, он обратил внимание, что на первых страницах помещены три портрета: Льва Седова (старшего сына Троцкого), Эрвина Вульфа и Рудольфа Клемента. Текст гласил, что все трое стали "жертвами сталинской контрреволюции". Сталин тогда внимательно прочел вступительную статью лидера IV Интернационала "Большой успех", манифест учредительного конгресса "К трудящимся всего мира", доклады, сделанные участниками первого конгресса. Его неизменный синий карандаш подчеркнул слова: "налицо — усиление бюрократических тенденций в советском обществе", "опасность уничтожения всех завоеваний Октябрьской революции", призыв "свершить новую социальную революцию в СССР", "возродить советскую демократию (легализовать рабочие партии, свободу слова, собраний)" и т.д.

Сталинская рука обвела еще несколько абзацев в журнале. В одном из них провозглашалось, что в приближающейся войне "военные неудачи советского правительства для русского пролетариата явятся наименьшим злом, открывая путь к революционному восстанию".

— Предатели! — с холодной ненавистью подумал Сталин.

"Конгресс IV Интернационала, — продолжал читать человек, о котором давно говорили как о единственном наследнике

Ленина, — шлет Вам (Троцкому. — *Прим. Д.В.*) горячий привет. Варварские репрессии, направленные против нашего движения, и в особенности против Вас, не позволили Вам быть среди нас и внести в наше обсуждение свой важный вклад организатора Октябрьского восстания, теоретика перманентной революции, прямого наследника учения Ленина..."[103]

Два "выдающихся вождя", два "наследника"... Сталина в тексте мало волновали выпады троцкистов против бюрократии (мог ли он знать, что в наши дни эти фразы читаются как поразительные пророчества, которые будет повторять вся партия и народ!). Его больше уязвляло, что кто-то где-то еще видит в Троцком носителя ленинского духа, интерпретатора его идей! Как бы мы ни относились к Троцкому и троцкизму, иногда его критические тирады били в самую точку: "перерождение государственного инструмента рабочего класса в инструмент бюрократического насилия" — одно из достижений сталинизма.

Надо сказать, что "благодаря" Сталину мы до сих пор относимся к троцкизму не как к идеологическому течению, а как к подрывной политической организации. Думаю, что это никогда не соответствовало действительности в полной мере.

Депортированный Троцкий, как я уже говорил ранее, увез с собой немало документов, главным образом копий. А оригиналы затем были "арестованы" и целые десятилетия пролежали в заточении архивов. Знакомство с документами Реввоенсовета Республики, что стало возможно не так давно, показывает: в них мало материалов, свидетельствующих о личной переписке Сталина и Троцкого. А если эти документы и встречаются, то они — сухи, часто безличны, без элементарных обращений. Неприязнь этих людей была сильной уже в годы гражданской войны. Вот выдержки из двух писем-докладов Сталина Троцкому, направленных в Реввоенсовет в 1918 году.

"Троцкому

Копия Ленину

Так как времени мало, пишу коротко и по пунктам.

1. Мы все с вами ошиблись, объявив отдельную казачью мобилизацию (мы опоздали в сравнении с Красновым)...

6. Царицын превращается в базу снаряжения, вооружения военных действий и пр. Такой вялый военрук, как Снесарев, тут не пригодится. Нет ли у Вас других кандидатов?

7. Двери штабов почему-то открыты для членов француз-

ских миссий. Заявляю, что если они (французы) попадут в мои лапы — не выпущу.

Царицын, 12 июля 1918 года.

Народный комиссар *Сталин*"[104].

Ни "здравствуйте", ни "до свидания", ни обращения по революционной форме, если это официальный доклад. Но неповторимый личностный почерк уже виден: "если они попадут в мои лапы — не выпущу".

Другой доклад Сталина похож на первый, но уже с элементами ультиматума.

"Положение с 20 сентября на нашем фронте несколько изменилось не в нашу пользу... Дело можно было бы поправить нажимом с северных участков Южного фронта, но участки эти абсолютно вялы, командующий же Сытин странным образом не интересуется положением фронта в целом... Заявляем, что, если в самом срочном порядке не удовлетворите требований (Сталин требовал снаряды, патроны, снаряжение. — *Прим. Д.В.*), мы вынуждены будем прекратить военные действия и отойти на левый берег Волги"[105].

По-прежнему в донесениях явно чувствуется недоверие к военспецам и неприкрытая неприязнь к Троцкому. С годами она превратится в ненависть.

Но в то же время Сталин не мог не оценивать решительности Троцкого в критические моменты. Ему импонировало, что наркомвоен, не колеблясь, применял репрессии, террор на фронте, если возникали сомнения в отдельных лицах или целых частях. Уже после гражданской войны Сталин однажды просмотрел несколько папок дел того, далекого времени, ища компрометирующие материалы на Троцкого. Его внимание привлекли несколько телеграмм Троцкого Раскольникову. Приведу две из них.

"Казань. Военно-Революционный Совет. Раскольникову

По Волге шатается много судов с белогвардейцами, грабителями и мешочниками точка Необходимо навести на эту сволочь панику точка Для этого несколько пароходов пойманных преступников подвергнуть суровой расправе на месте точка Обсудите в Военном Революционном Совете точка Примите все необходимые меры.

15.VII.1918 г.

Троцкий"[106].

В другой телеграмме Раскольникову, в частности, говорилось:

"Среди комиссаров есть много ротозеев. При сомнитель-

ных командирах ставьте твердых комиссаров с револьверами в руках. Поставьте начальников перед выбором: победа или смерть. Не спускать глаз с ненадежных начальников. За дезертирство лица командного состава комиссар отвечает головой. О принятых мерах донести. Телеграмму опубликовать.

28.VII.18

Троцкий"[107].

Крамольного здесь Сталин ничего не нашел. Он сам поступал на фронте точно так же, а нередко еще более жестоко. Вообще, сам не замечая, во многих вопросах, характеризующих склонность к радикализму, Сталин был бо́льшим троцкистом, чем сам Троцкий.

Сталин отдал столько сил борьбе с Троцким, что после получения известия о смерти своего врага испытывал некое ощущение пустоты, вакуума, который, как он надеялся, со временем "наполнится" удовлетворением. Мысленно Сталин повторил свои слова, сказанные ранее: "Троцкизм, как мелкобуржуазное течение в международном рабочем и коммунистическом движении, стал наростом на здоровых силах, борющихся с буржуазией и милитаризмом". Подобные дефиниции цитировали, заучивали, повторяли. По существу, на борьбе с троцкизмом, другими уклонами Сталин стал "теоретиком".

Да, в первые часы после получения долгожданного известия Сталин не испытает удовлетворения. Но позже, осознав, что самого опасного, самого умного, самого настойчивого противника уже нет в живых, Сталин переживет внутренний триумф победителя, перешагнувшего через труп своего врага, руки которого уже не держали оружия... Сталин давно понял, хотя никогда не говорил об этом своим недалеким соратникам: подлинное ощущение безраздельности власти, исключительности своего "я", некой избранности он испытывал, лишь когда перешагивал через трупы реальных и потенциальных соперников. Сталин мог для внутреннего самооправдания (очень скоро оно ему уже будет не нужно!) полагать, что если бы не он уничтожил их, то тогда бы они его. Власть — это выживание. Подлинная власть — та, когда она в руках единственного. Любой, кто может засомневаться в его абсолютном праве на безграничную власть, должен быть устранен. Ведь он персонифицирует социализм, то обетованное общество, к которому стремятся миллионы его людей! А если сомневаются в нем, значит, сомневаются в социализме! Размышляя о власти и поверженных врагах, Сталин мог подумать: теперь, пожалуй, не осталось ни одного, кто бы близко знал его в "ленинские вре-

мена". Похоже, что из того ядра он остался один. А власть требует **единственности**! Только при достижении этого состояния можно испытать упоение властью. Это дано понять только ему. Это право на уникальность постоянно оспаривал тот, кто теперь навсегда останется в Койоакане под белоснежным обелиском.

"Вождь" вспомнил несколько последних статей, документов, написанных Троцким и опубликованных в его "Бюллетене оппозиции". В своем послании "Учредительному конгрессу" IV Интернационала, напечатанном в 1938 году, Троцкий писал, что "диспропорция между нашей нынешней силой и завтрашними задачами яснее нам, чем нашим критикам. Суровая трагическая диалектика нашей эпохи работает на нас. Война приведет массы к крайнему отчаянию и возмущению, и они не найдут другого руководства, за исключением IV Интернационала". В другом, аналогичном документе Троцкий мистически провозглашал: "В грядущие 10 лет Программа IV Интернационала получит поддержку миллионов, и эти революционные миллионы смогут штурмовать небо и землю". Троцкий с таким жаром предрекал триумф IV Интернационала, который придет к нему в условиях новой, второй мировой войны, что у трезвомыслящих читателей сразу же складывалось впечатление: Троцкий ждет войну, ибо только с ней он связывает свое возвращение на политическую сцену истории, крушение сталинизма, занятие подобающего его уму положения. "Первыми жертвами грядущей войны, — провозглашал Троцкий, — будут партии III Интернационала. И тогда IV Интернационал (возглавляемый, естественно, Троцким! — *Прим. Д.В.*) станет самой великой силой в мире".

Сталин прошел по кабинету и взял пачку "Бюллетеней оппозиции". Нашел 65-й номер за 1938 год, открыл нужную страницу и, стоя, погрузился в чтение передовицы, написанной Троцким. (Немногие люди могут возвращаться к строкам, где их поносят и ругают; Сталин не был таким. Он читал и получал заряд ненависти.)

"Что, Сталин еще посмеивается за кулисами? Фашизм идет от победы к победе и находит главную помощь... в сталинизме. Страшные военные угрозы стучатся в дверь Советского Союза, а Сталин избрал этот момент, чтобы подорвать армию и топтать нацию (речь идет о процессе над военными. — *Прим. Д.В.*)".

Изгнанник пророчествовал (и, пожалуй, был не далек от истины), что будет "другой процесс, настоящий. Тогда в челове-

ческом языке не найдется таких слов, чтобы защитить самого отвратительного из всех каинов, которых можно найти в истории... Памятники, которые он соорудил себе, будут уничтожены или взяты в музеи и помещены в залах тоталитарных ужасов. И победоносный рабочий класс пересмотрит все процессы, публичные и тайные, соорудит памятники несчастным жертвам сталинской злобы и подлости на площадях освобожденного Советского Союза...". Сталин захлопнул "Бюллетень...", бросил журнал на полку и пошел вдоль стола заседаний:

— Неужели когда-нибудь смогут поверить подобному бреду? Разве троцкисты и их пособники не признались публично в своих преступлениях?

Прохаживаясь с потухшей трубкой в руке, Сталин, возможно, размышлял о том, что будущему "не достанется" троцкизма, если довести дело до конца.

Не случайно, вскоре после получения известия об убийстве Троцкого, Берия (не без ведома Сталина) отдал распоряжение о "ликвидации в лагерях активных троцкистов". Накануне войны прокатилась по лагерям еще одна, малозаметная волна, сметающая последних осужденных, причисленных к "активным троцкистам". Печора, Воркута, Колыма, Соловки стали немыми свидетелями кровавой мести "вдогонку" убитому лидеру IV Интернационала. Сталин не хотел понимать, что смерть человека — неэффективное средство для борьбы с его идеями. Он надеялся, что таким способом исключит саму возможность возникновения инакомыслия и оппозиции, даже внутренней, духовной.

Одни названия статей Троцкого могли привести Сталина в бешенство. Например, 2 сентября 1939 года Троцкий написал памфлет "Сталин — интендант Гитлера", а несколько недель спустя — "Звезды-близнецы: Гитлер — Сталин". Читая их, Сталин буквально слышал голос Троцкого: "СССР стоит на краю пропасти. Все сталинские козыри мало что значат по сравнению с ресурсами и мощью, которыми овладел Гитлер и которые он использует против Советского Союза". Троцкий, выступая против Сталина, предрекая ему катастрофу, тем не менее выражал надежду, что "государство рабочих в СССР имеет шанс сохраниться".

Троцкий не хотел поражения СССР, а хотел гибели Сталина. В его пророчествах о грядущей войне чувствовалось смятение: ведь изгнанник понимал, что только поражение его родины может лишить власти Сталина. В размышлениях Троцкого находила выражение эволюция весьма способного, талантливо-

го человека, у которого, однако, всегда были свои, особые приоритеты ценностей. Троцкий однажды заметил, что многих видных, даже выдающихся лидеров революционного движения природа весьма экономно наделила интеллектуальными способностями. Эту нехватку ума такие люди обычно компенсируют напором, волей, энергией. Пожалуй, доля истины в этих рассуждениях есть.

Себя Троцкий считал прежде всего человеком, щедро наделенным тем, что мы сегодня называем интеллектом. Он видел себя эпицентром тех событий, в которых участвовал. Революционные идеалы были для него важны, пожалуй, прежде всего потому, что могли подчеркнуть его интеллектуальную значимость. Даже грядущую войну он невольно торопил, потому что видел в ней единственный способ низвержения Сталина. Но Троцкий не хотел в этом признаться даже самому себе. Так бывает, вероятно, когда человек не может или не хочет верно определить соотношение личного и общественного. Даже его новые революционные проекты будущего, утопические по существу, сводились к старой теории "перманентной революции", но... во главе с ним, Троцким. Так, во введении к брошюре "Живая мысль Карла Маркса" он предсказывал, что в результате новой мировой войны погибнут и фашизм и сталинизм, и новая пролетарская революция "положит начало существованию Соединенных Штатов Европы"[108]. Троцкий не пишет об этом прямо, но словно дает понять, что автор идеи должен стать во главе этих "Штатов".

Сталин почему-то вспомнил, как принималось решение о высылке Троцкого за рубеж. Политбюро несколько раз возвращалось к этому вопросу. Во время неофициальных бесед Киров, Рыков, Томский, Куйбышев, Микоян, Петровский высказывали осторожные соображения: может быть, Троцкий одумался? А если он повинится? Нельзя ли ему дать какой-то второстепенный пост? Ведь популярность этого человека все еще велика. Сталин не хотел никакого примирения. Его злоба и месть не имели "заднего хода". Он знал, что, пока Троцкий жив, пока он в СССР, невозможно чувствовать себя спокойным. После обмена мнениями (тогда это еще было возможно) решили прозондировать, как относится к примирению сам Троцкий. В Алма-Ату послали человека из Центра. Через неделю-другую получили телеграмму: Троцкий не видит своей вины и основы для примирения со Сталиным. Генсек, зачитав сообщение, торжествующе посмотрел на соратников: что он говорил? Он же был уверен: Троцкий — неразоружившийся враг.

Решение о высылке Троцкого из страны больше никто не оспаривал.

Сам Троцкий 18 февраля 1935 года вспоминал об этом факте так:

"Во время нашей жизни в Алма-Ате ко мне явился однажды какой-то советский инженер, якобы по собственной инициативе, якобы мне сочувствующий. Он расспрашивал об условиях жизни, огорчался и мимоходом очень осторожно спросил:

— Не думаете ли Вы, что возможны какие-либо шаги для примирения?

Ясно, что инженер был подослан для того, чтобы пощупать пульс. Я ответил ему в том смысле, что о примирении сейчас не может быть и речи: не потому, что я его не хочу, а потому что Сталин не может мириться, он вынужден идти до конца по тому пути, на который поставила его бюрократия.

— Чем это может закончиться?

— Мокрым делом, — ответил я, — ничем иным Сталин кончить не сможет.

Моего посетителя передернуло, он явно не ожидал такого ответа и скоро ушел.

Я думаю, что эта беседа сыграла большую роль в отношении решения о высылке меня за границу. Возможно, что Сталин и раньше намечал такой путь, но встречал оппозицию в Политбюро. Теперь у него был сильный аргумент: Троцкий сам заявил, что конфликт дойдет до кровавой развязки. Высылка за границу — единственный выход!"[109]

Сталин никогда не прочитает этих строк из дневника Троцкого, хотя он и тогда, в 1929-м, не считал высылку лучшим решением. Но судить, и тем более физически ликвидировать своего главного соперника он в то время еще не мог.

После получения известия о смерти изгнанника вся история их взаимоотношений, вражды, взаимно перешедшей в ненависть, быстро промелькнула перед его мысленным взором. Несмотря на диаметрально противоположные положения всесильного диктатора и изгнанника, последний непрерывно колол, жалил, разоблачал, протестовал, заявлял...

Сталину было известно, что изгнанник приступил к работе над книгой с предельно лаконичным названием "Сталин". Когда диктатор прочитал об этом в сводке новостей, которую ему ежедневно представляли, он внутренне содрогнулся. Нет, Сталин в 1938 году уже не опасался Троцкого, довольно спокойно относился к множеству статей, мелькавших в буржуазных изданиях, которые сочиняли ренегаты, белогвардейцы, троцкисты,

просто ненавистники социализма. Жизнь газетной статьи схожа с судьбой бабочки. Так же как и тощей брошюрки Троцкого "Преступления Сталина", написанной им во время тайного морского путешествия на танкере "Рут" из Норвегии в Мексику. Мысль они занимают недолго. Книги — значительно больше. Сталину были известны способности Троцкого, и он понимал, что из-под его пера может выйти исключительно ядовитый труд. Зная "скорострельность" Троцкого, Сталин ждал появления книги в 1938-м, 1939-м, в этом, 1940 году... Может быть, ее и нет? Но он тем не менее торопил Берию, не скрывал своего недовольства нерешительностью его агентуры.

Но Сталин не мог знать, что Троцкий, решив стать биографом своего смертельного врага, вероятно, обрек себя на творческую неудачу. Это, наверное, самая слабая книга Троцкого. Кроме мести, зла, желчи, у него уже ничего не могло сойти с кончика пера. Да, большим усилием воли Троцкий смог написать семь глав задуманной им большой книги. В ее центре Каин, носивший маски Сосо, Кобы, революционера, могущественного вождя партии и великого народа. Даже не читая книги, каждый, знакомый с отношениями Сталина и Троцкого, может судить о ее содержании. Она написана черными чернилами ненависти, хотя и во многом оправданной. Как заметил однажды Наполеон, "все имеет предел, даже ненависть". Преступая эти пределы, обязательно что-то теряешь: истину, рассудок, спокойствие. Троцкий на страницах незаконченной биографии Сталина растерял свой талант публициста, литератора, а главное — объективного историка. Многое сказанное о Сталине верно. Но в книге немало и выдумок, догадок, служащих одной цели: показать, как Каин стал Сверхкаином. Для этого, например, Троцкому понадобилось даже изобрести, что Сталин "пригрел" буржуазию, опирался на нее, карабкаясь на вершину власти. "Бывшие помещики, капиталисты, адвокаты, их сыновья, поскольку они не бежали за границу, включились в государственный аппарат, а кое-кто и в партию". Троцкий утверждал даже, что в государственном аппарате СССР сохранились "представители крупной буржуазии и помещиков..."[110].

По Троцкому, вслед за которым идут и многие историки, Сталин родился злодеем, с детства был моральным чудовищем. Не нужно доказывать, что такой подход, с которым мы нередко сталкиваемся и сегодня, не научен. Априори никто не может считаться преступником. И никто не рождается злодеем. Отрицательные черты — подозрительность, скрытность, жажда власти, мстительность — не всегда и не сразу реализуются в

преступлениях. Нельзя одинаково смотреть на Сталина в 1918, 1924, 1937 годах. Это тот и ...не тот человек. Конечно, в силу объективных и субъективных причин и обстоятельств Сталин лет через десять после первой "коронации" очень сильно изменился. Им совершено много такого, чему никогда не будет прощения. Но в том-то и сложность создания политического портрета этого человека, что он, борясь как будто за идеалы социализма (понимаемые крайне искаженно, вульгарно, схематически, догматически), да, именно борясь за них, одновременно совершал ошибки и тяжкие преступления.

Конечно, в биографии Сталина, которую начал писать Троцкий, Сталин не рассматривался во всей противоречивости его фигуры. Поэтому, пожалуй, большого научного и исторического интереса (как некоторые другие его книги) опубликованные на Западе главы биографии Сталина не представляют. Но они могут быть свидетельством того, что Троцкий боролся главным образом со Сталиным, а не сталинизмом как явлением.

Сталину не довелось ознакомиться с этим трудом Троцкого. Иначе он прочел бы строки, которые повергли бы его в бешенство. "Пытаясь найти в истории параллель Сталину, — писал в далеком Койоакане Троцкий, — мы должны отвергнуть не только Кромвеля, Робеспьера, Наполеона, но даже Муссолини и Гитлера. Мы подходим ближе к пониманию Сталина, когда думаем в терминах (так в тексте. — *Прим. Д.В.*) Мустафы Кемаль-паши или, возможно, Порфирия Диаса"[111]. Думаю, сказанного достаточно, чтобы оценить степень озлобленности Троцкого по отношению к Сталину, в основе которой лежат личные мотивы. Впрочем, что мог думать Троцкий о человеке, который сделал его скитальцем, "гражданином без визы" и фактически уничтожил всех его близких родственников?

У Троцкого было время, чтобы правильно оценить Сталина и его систему. Он мучительно метался: отвергая полностью Сталина, никак не мог отделить от него то, что оставалось пролетарским, рабочим, марксистским. Троцкий справедливо полагал, что сталинизм был не закономерностью, а "исторической ненормальностью". Он правильно считал, что главный продукт Сталина — создание бюрократического коллективизма и аппаратной машины. Не без оснований Троцкий предполагал, что в будущем будет неизбежен острый конфликт между бюрократией и социальной инициативой. Находясь на закате своей жизни, Троцкий, видимо, заблуждался, утверждая, что СССР "остался рабочим государством лишь в потенции".

Приверженность идее "перманентной революции" сохранилась у Троцкого на всю жизнь. В 1940 году он писал, что если разгорающийся пожар второй мировой войны не приведет к краху капитализма, то историческая перспектива, нарисованная марксистами, будет нуждаться в переосмыслении. "Если международный пролетариат окажется неспособным выполнить свою миссию, то социалистическая программа, основывающаяся на внутренних противоречиях капиталистического общества, превратится в утопию". Годы поражений, изгнаний и гонений не могли не сказаться на пессимистических пророчествах Троцкого. Однако в одном он остался неизменен: все тяготы и лишения пролетариата, рабочего движения связаны с "бюрократическим вырождением" Сталина и его ближайшего окружения.

Конечно, Сталин имел возможность развенчать лидера нового Интернационала. Этим занимался и послушный Коминтерн, давно осудивший "раскольничью и антисоветскую деятельность" Троцкого. Даже в годы наступления реакции, которая активизировалась после триумфов народных фронтов, у Советского Союза было немало друзей в лице различных общественных организаций, которые видели в нем единственный оплот борьбы против фашизма и надвигающейся войны. Советская пропаганда за рубежом, осуществляемая по различным каналам, имела в своем арсенале и такой постоянный аргумент: "Троцкий — пособник империализма, его шпион, один из организаторов подрывных действий против СССР". Подаваемый в различных вариациях, этот тезис "работал", несмотря на явные натяжки. Где бы ни находился Троцкий — во Франции, в Норвегии, в Мексике, — у него везде было много идейных и политических врагов. Это были не только члены компартий, профсоюзов, прогрессивных организаций, но нередко и люди из числа сторонников Троцкого, разочарованные бесплодием его программы.

Конфедерация мексиканских рабочих, Мексиканская коммунистическая партия и ее лидер Ломбардо Толедано яростно протестовали против приезда Троцкого в Мексику. У изгнанника была прочная репутация "врага социализма и рабочего класса". Пребывание Троцкого в Мексике сопровождалось непрерывной борьбой многих общественных организаций за выселение его из страны. Троцкий действительно оказался, как он выражался, "человеком планеты без визы".

Боясь покушений, Троцкий резко ограничил свои поездки в горы, в Мехико, прием знакомых и посетителей. Постепенно исчезли, покинули Троцкого многие друзья его семьи. До кон-

ца были близки с ним Альфред и Маргарита Росмеры, знавшие Л. Троцкого и Н. Седову со времен первой мировой войны. Троцкий метался, как в клетке, в своем Койоакане, ища пути активизации борьбы со Сталиным. Но безуспешно. Его голос далеко не всегда был слышен в мире и тем более в СССР. Сектантство, лозунг, фраза, часто оторванные от жизни, были не в состоянии что-либо изменить в Советском Союзе.

Троцкий хранил в памяти безвозвратно ушедшее; там были его триумфы и несбывшиеся надежды. Вечерами он порою предавался воспоминаниям. Однажды Троцкий, беседуя с Росмерами, выдвинул версию о том, что Сталин отравил Ленина. Не располагая какими-либо данными, далекий изгнанник делал все новые и новые мрачные, зловещие мазки на портрете, который писал. Троцкий полагал, что, узнав о письме Ленина к съезду, Сталин не захотел искушать судьбу и ускорил события[112]. Но даже Росмеры высказывали сомнения по поводу этой версии. У Троцкого был лишь один довод, который он, кстати сказать, привел в своей книге "Сталин": если Сталин убил всех соратников Ленина, то почему не мог отравить и самого вождя?

Но Сталин не приказал сделать ему перевод книги. Это была, возможно, единственная работа изгнанника, которую диктатор не пожелал ни видеть, ни читать. Поскольку незавершенная книга Троцкого вышла уже после его смерти, она Сталина не интересовала. "Вождь" хотел, чтобы пропасть Истории быстрее поглотила то, чего он страшился.

Троцкистские организации с помощью мексиканских властей приобрели в местечке Койоакан для Троцкого большой дом, который превратили в настоящую крепость, окруженную высоким бетонным забором со смотровой вышкой. Это было здание с обитыми железом дверями, сложной системой сигнализации. Троцкого постоянно охраняли не менее десяти полицейских и специальных агентов. У него был даже бронежилет, которым он пользовался, покидая пределы двора. Находясь в своем убежище, Троцкий выступал с заявлениями, давал интервью, в которых предрекал скорый конец Сталина, вероятность победы Германии над СССР. Последние два года Троцкий полностью переключился на идеологическую войну со своей бывшей родиной. Буржуазная пресса, радио многих капиталистических стран охотно разносили по свету пышащие ненавистью к Сталину откровения Троцкого. В апреле 1940 года он подготовил воззвание "Письмо к советским рабочим:

вас обманывают", в котором фактически призывал в канун войны сместить Сталина. За четыре месяца до своей смерти Троцкий писал: "Октябрьская революция была совершена в интересах трудящихся, а не новых паразитов. Но вследствие запоздалости мировой революции, усталости и, в значительной мере, отсталости русских рабочих, особенно же крестьян, над Советской республикой поднялась новая антинародная, насильническая и паразитическая каста, вождем которой является Сталин..." Далее Троцкий, утратив чувство реальности, призывал к восстанию против "новой касты". Для подготовки "такого восстания нужна новая партия, смелая и честная революционная организация передовых рабочих. Четвертый Интернационал ставит себе задачей создать такую партию в СССР". Воззвание кончалось словами, в которых были выражены многолетние неизменные приоритеты Троцкого: ненависть к Сталину и приверженность его мировой революции:

"Долой Каина Сталина и его камарилью!
Долой хищную бюрократию!
Да здравствует СССР, крепость трудящихся!
Да здравствует мировая социалистическая революция!

25 апреля 1940 г. С братским приветом

Л. Троцкий"[113].

Когда Сталин прочитал "Письмо к советским рабочим...", он еще раз вызвал Берию и зловеще предупредил, что ему все это надоело и он уже сомневается: хотят ли в НКВД положить этому конец? Нарком провел серию совещаний; были удвоены усилия, направленные на ликвидацию изгнанника, который каркал беду Сталину. По-видимому, было решено максимально использовать недовольство ряда общественных организаций деятельностью троцкистов, в частности во время гражданской войны в Испании. Как писал Давид Альфаро Сикейрос в книге "Меня называли лихим полковником", еще в Испании он с друзьями решил: "Будь что будет, но штаб-квартира Троцкого в Мексике должна быть уничтожена, даже если бы пришлось прибегнуть к насилию"[114].

Деятельность Троцкого в этот период объективно способствовала (хотел он того или нет) интересам Берлина, где внимательно следили за "словесной войной" между Троцким и коммунистическими организациями различных стран, публично не показывая своего глубокого удовлетворения сложившейся ситуацией. Коминтерн в ряде своих документов одно-

6 2023

значно осудил деятельность IV Интернационала и его лидера Троцкого, "играющих на руку силам войны".

В этой обстановке на Троцкого было совершено два покушения, последнее из которых окончилось смертью изгнанника. 24 мая 1940 года, рано утром, "группа неизвестных" в форме полицейских разоружила охрану и атаковала дом, где жил Троцкий. (Как писал Сикейрос, "мы, участники национально-революционной войны в Испании, сочли, что настало время осуществить задуманную нами операцию по захвату так называемой крепости Троцкого в квартале Койоакан".) Нападавшие буквально расстреляли комнату, где прятались Троцкий с женой. Но те успели забиться в угол, за кровать. Несколько десятков пробоин от пуль оказалось на месте, где они только что находились. Ни Троцкий с женой, ни их внук не пострадали. Но каждый последующий прожитый день они расценивали как подарок судьбы. Они понимали: на них идет серьезная охота. Троцкий жил, как смертник в камере, не зная, когда наступит момент казни. У него уже больше не было ни сил, ни желания бежать куда-либо. Скрыться и замолчать он не мог. А война со Сталиным оставляла ему крайне мало шансов на выживание. Его противник не любил и не умел останавливаться на полдороге к цели, которую наметил.

Расследование, которое вели мексиканские власти, поначалу не дало результата — нападавших не нашли. Возникло даже подозрение, о чем писали американские и мексиканские газеты, что сам Троцкий инсценировал этот налет, чтобы скомпрометировать Мексиканскую коммунистическую партию, Сталина и всех тех, кто стоит за ними.

Полицейский, приехавший для допроса, спросил Троцкого:

— Подозревает ли господин конкретно кого-либо в покушении?

— Конечно, — ответил чудом уцелевший изгнанник. Наклонившись к уху полицейского, он не без шутовства сказал заговорщицки:

— Автор нападения — Иосиф Сталин...

Однако убийца был уже рядом с Троцким. Еще в 1939 году он стал вхож в дом Троцкого, назвавшись "Жаком Морнаром", бельгийским подданным, другом американской троцкистки Сильвии Агелоф, работавшей одним из секретарей у Троцкого. Морнар, занимаясь кинобизнесом, в деловых кругах представлялся еще и гражданином Канады "Фрэнком Джексоном". Сначала "Джексон" познакомился с друзьями Троцкого Росмерами, что облегчило в конце концов доступ к тщательно

охраняемому изгнаннику. В мае 1940 года "Джексон" наконец лично познакомился с Троцким. После этого он эпизодически бывал в Койоакане и в частных разговорах давал понять, что ему симпатична позиция Троцкого, предлагал различные планы улучшения финансовых дел IV Интернационала. Так или иначе, как стало известно позднее из американской печати, он вошел в доверие к Троцкому. "Джексон" не раз заводил разговоры о "сильных личностях", "твердой руке". У Троцкого, как вспоминала впоследствии его жена, даже возникли подозрения, не является ли этот бизнесмен фашистом? Но в действительности это был испанец Рамон дель Рио Меркадер, один из исполнителей воли "вождя народов", с которым он так никогда и не встретится.

Как-то в середине августа "Джексон" попросил Троцкого поправить его статью по какому-то мелкому вопросу. Троцкий высказал несколько замечаний. 20 августа, во вторник вечером, "Джексон" пришел вновь с выправленной статьей, прошел в кабинет Троцкого и попросил посмотреть текст. Троцкий сидел над рукописью. Он только что закончил главу "Термидор" своей книги "Сталин", в которой с сарказмом написал: "По приказу Троцкого, отделенного тысячами километров, становились иностранными шпионами глава правительства Рыков и большинство народных комиссаров: Каменев, Рудзутак, Яковлев, Розенгольц, Чернов, Иванов, Осинский и другие... все они состояли в заговоре против Советской власти, когда она находилась в их руках..." Подыскивая самые уничижительные слова для характеристики сталинских преступлений, Троцкий закончил главу фразой: "Под этой картиной нужно поставить подпись мастера: Иосиф Сталин"[115].

Войдя в кабинет, как показал позже "Джексон", он "положил плащ на стул, достал из-под него альпеншток и, закрыв глаза, обрушил его на голову читающего Троцкого со всей силой". Жертва, по словам "Джексона" на суде, издала "ужасный пронзительный вопль. Я буду слышать этот крик всю мою жизнь". Агония Троцкого длилась еще сутки.

Троцкий был старше Сталина лишь на полтора месяца. Бывший предреввоенсовета часто обращался в прошлое, ища тот час и день, который стал роковым в его судьбе. Искал и — не находил. Его сверстник оказался более удачливым в их многолетнем смертельном споре. В трагедии Троцкого — трагедия междоусобной борьбы, которая после смерти Ленина, благодаря Сталину, приняла такие уродливые, страшные формы. Белый обелиск с выбитыми на нем серпом и молотом, ус-

тановленный на могиле Троцкого во дворе его последнего прибежища в Койоакане, отделяют тысячи километров от Яновки под Бобринцами на Украине, где родился один из "выдающихся вождей" русской революции. Его могила давно уже стала местом праздного туристского внимания.

Судьба Троцкого неотделима от нашей истории. Трагедия изгнанника действительно ужасна: крушение личных надежд, гибель по воле Сталина всех близких ему людей, иллюзорность главной идеи его жизни — "мировой социалистической революции" и, наконец, смерть от рук сталинского убийцы. Но в конечном счете трагедия Троцкого, хотя и с большим запозданием, как бы окрашивается в оптимистические тона: его главный враг и антипод предан историей анафеме. Троцкий, этот Дон Кихот мирового революционного пожара, навсегда останется в истории как личность сколь яркая, столь и противоречивая, сколь пророческая, столь и тщеславная. Если Ленин был человеком, по словам Луначарского, "объединяющим мир завтрашнего дня", то Троцкий и Сталин, уже став "выдающимися вождями", навсегда разошлись, ибо каждый из них не мыслил торжества идеи без собственного триумфа...

Из кармана арестованного "Джексона" изъяли письмо, в котором он называл себя "разочаровавшимся сторонником Троцкого, приехавшим в Мексику с другими целями", но здесь у него созрело "решение убить преступника". Он не мог простить Троцкому, говорилось в письме, его "сговор с лидерами капиталистических держав". Общественность немедленно задалась вопросом: кем был убийца на самом деле? Кто двигал его рукой? Буржуазная печать, естественно и не без оснований, дружно, хором скандировала: Сталин, Москва, НКВД, коммунисты. Однако "Жак Морнар", он же "Джексон", он же Рамон Меркадер, получив двадцать лет одиночки и полностью, день в день, отсидев их, не отступил от своих первых показаний. Врачи и психиатры в течение двадцати тюремных лет пытались приподнять завесу над тайной этого человека. Но Меркадер стоял на своем.

Он стал орудием давно вынашиваемой операции, в которой участвовала большая группа специально подобранных людей под руководством сотрудника НКВД Эйтингона. В конце концов выбор пал на бывшего лейтенанта испанской республиканской армии Рамона Меркадера, которому было в то время 27 лет. Он не только имел боевой опыт, но и был убежден, что восстание анархистов и троцкистов против республиканского правительства в Испании в мае 1937 года благословил сам за-

творник из Койоакана. Меркадер еще не "остыл" от войны, видел в убийстве благородное революционное деяние. Террорист имел при себе пистолет, кинжал, но использовал ледоруб, надеясь незаметно выйти из дома после исполнения "приговора", вынесенного далеким Сталиным в Москве. Может быть, Меркадеру сохранили жизнь потому, что суд учел последние слова истекающего кровью Троцкого, брошенные им охранникам, схватившим убийцу:

— Не убивайте его! Пусть он скажет, кто его послал!

Сталин страстно хотел смерти Троцкого. Это бесспорно. Для него были невыносимы заявления мексиканского затворника, еженедельно разносившиеся по миру:

— "в международном отношении сталинизм есть фактор реакции и контрреволюции";

— "марксизм и социализм уже потерпели банкротство и началась эпоха бюрократического коллективизма";

— "грядущая война вызовет новую пролетарскую революцию и приведет к свержению сталинизма в СССР...".

Сталин не мог забыть, что ему по-прежнему противостоял человек, которого великий Ленин назвал "выдающимся вождем". Пусть IV Интернационал оказался мертворожденным, но "вождь" опасался: кто знает, каким он может стать через годы? Кто еще приносил в течение многих лет ему, Сталину, социализму, коммунистическому движению столько зла? Пожалуй, никто. Троцкий без конца возвращал прошлое в настоящее, предрекал новые беды, сеял сомнения в мудрости Сталина. Пока ходил по этой земле Троцкий, он оставался живым носителем того далекого времени, когда "вожди" обменивались холодным рукопожатием, слушали Ленина, спорили и враждовали. Троцкий знал Сталина лучше, чем Молотов, Ворошилов, Маленков, другие его соратники. Троцкий смог понять Сталина изнутри, его глубинные мотивы и намерения. Они оба хотели стать первыми. К великому несчастью для истории и народа, "старая ленинская гвардия", оставшись без Ленина, отстранила от руля лишь одного, но оставила на капитанском мостике партии другого. Здесь таился один из истоков грядущей трагедии.

Сталин, воюя с Троцким полтора десятилетия, уничтожив почти всех его сторонников, превратив изгнанника-изгоя в постоянную мишень террора, не смог избавиться от ощущения своей второсортности по сравнению с Троцким. Его цезаризм не мог быть полным, пока был жив далекий изгнанник в Койоакане. Оглядываясь на прошлое, мы не можем не осуж-

дать грязные террористические методы борьбы Сталина со своими идейными противниками. Но Сталин не мог лишить Троцкого приверженности к марксизму, Ленину, идеям мировой революции. Затворник из Койоакана навсегда остался в памяти тех, кто относился к нему без предвзятости, как певец всемирного "революционного пожара" и грядущего торжества коммунистических идеалов.

Берия после смерти Троцкого получит повышение: через семь месяцев он станет генеральным комиссаром государственной безопасности, передаст дела госбезопасности В.Н. Меркулову, сохранив за собой пост наркома внутренних дел, и присовокупит к нему должность заместителя Председателя Совнаркома. На Западе долго писали, что именно Берия был главным исполнителем и организатором убийства Троцкого. Думаю, однако, что в обозримом будущем прямые документальные свидетельства, подтверждающие или отвергающие эту версию, едва ли удастся получить, хотя она, пожалуй, и не нуждается в особых доказательствах.

После смерти Троцкого было обнародовано его завещание, основная часть которого была написана 27 февраля 1940 года. Сталин не мог удержаться, чтобы не прочесть последнего волеизъявления своего главного соперника. Троцкий не обошел его вниманием и здесь. На трех страничках завещания нашлось несколько строк и для него: "Мне незачем здесь еще раз опровергать глупую и подлую клевету Сталина и его агентуры: на моей революционной чести нет ни одного пятна. Ни прямо, ни косвенно я никогда не входил ни в какие закулисные соглашения или хотя бы переговоры с врагами рабочего класса. Тысячи противников Сталина погибли жертвами подобных же ложных обвинений".

Затворник Койоакана пытался составить завещание в духе последних писем Ленина. В несколько приемов. Но этого не получилось. У Ленина его последняя мысль и воля были обращены только к народу, партии, ее Центральному Комитету. Только и исключительно! Троцкий же составил свое завещание из нескольких небольших текстов и приписок, говоря в них главным образом о себе, о своей преданности делу, своей чести, жене, своих принципах. "Если бы мне пришлось начать сначала, — писал Троцкий в завещании, — я постарался бы, разумеется, избежать тех или других ошибок, но общее направление моей жизни осталось бы неизменным. Я умру пролетарским революционером, марксистом, диалектическим материалистом... Моя вера в коммунистическое будущее человечества сейчас не

менее горяча, но более крепка, чем в дни моей юности". Троцкий в своем завещании даже не упомянул своего детища — IV Интернационал...

Значительная часть завещания носит очень личный характер и посвящена его жене, Наталье Седовой. Необычны заключительные строки первой части завещания: "Наташа подошла сейчас со двора к окну и раскрыла его шире, чтобы воздух свободнее проходил в мою комнату. Я вижу ярко-зеленую полосу травы под стеной, чистое голубое небо над стеной и солнечный свет везде. Жизнь прекрасна. Пусть грядущие поколения очистят ее от зла, гнета, насилия и наслаждаются ею вполне"[116].

Видимо, Троцкий думал и о самоубийстве. В завещании есть строки: "в случае смерти нас обоих..." — фраза не окончена. В приписке далее говорится, что они с женой неоднократно соглашались, что лучше совершить самоубийство, чем позволить, чтобы старость превратила их в инвалидов. Он понимал, что светильник горит лишь до тех пор, пока его питает надежда. "Я сохраняю за собой право самому определить срок своей смерти..." — писал в завещании Троцкий. Но время его смерти определили другие. Истории было угодно, чтобы драма Троцкого завершилась иначе, чем он предполагал, тем более что в этой драме участвовали люди, многие из которых были не просто противниками Троцкого, но и ненавидели его всей силой своей души. Последние две фразы завещания Сталин прочел несколько раз: "Каковы бы, однако, ни были обстоятельства моей смерти, я умру с непоколебимой верой в коммунистическое будущее. Эта вера в человека и его будущее дает мне и сейчас такую силу сопротивления, какого не может дать никакая религия".

Сталин, поднявшись, в задумчивости расхаживал по своему большому кабинету, по привычке держа в руках потухшую трубку. Даже если бы он поверил словам Троцкого, то не испытал бы никаких сомнений. Изгнанник думал об идеях и идеалах, а Сталин — лишь о власти. У библейского Давида, почему-то вспомнил Сталин, было шесть сыновей, а у Троцкого два, которых Сталину не раз доводилось видеть в 20-е годы в Кремле. Они жили неподалеку друг от друга... Младший, Сергей, сгинул где-то в лагере в 38-м... А старший, Лев, уехал в 29-м в изгнание, был правой рукой отца в его бурной политической деятельности. Кажется, умер от аппендицита в одной из эмигрантских клиник Парижа... Также незаметно ис-

чезли две его дочери от первого брака. Сталина они не интересовали.

Его, Сталина, сыновья, славу богу, живы. И Яков и Василий — военные. Если случится самое страшное — война, оба будут на фронте. Сталин раскурил трубку, сел за стол. Газету с сообщением о "смерти международного шпиона" отложил в сторону и придвинул к себе папку с надписью "Документы Наркомата иностранных дел".

Тайная дипломатия

Однажды Сталину попалась на глаза книга, изданная в России еще в начале века, "Очерк истории министерства иностранных дел". Листая пожелтевшие страницы, он скользил взглядом по заголовкам, рисункам, фотографиям, отдельным строкам: посольский приказ, посольские или думные дьяки, русские дипломаты А.Л. Ордин-Нащокин, Н.И. Панин, К.В. Нессельроде, А.М. Горчаков, коллегии, департаменты, конгрессы, союзы...

Для Сталина дипломатия означала поиск таких решений, а возможно и компромиссов, которые обеспечили бы благоприятные внешние условия для реализации грандиозных планов, выдвинутых им на последнем съезде. Легко сказать: он, вождь, нацелил страну на то, чтобы догнать и перегнать развитые капиталистические страны в экономическом отношении! Нужно время, нужен мир. Нужно его обеспечить. Любой ценой! Вот почему он и рекомендовал Молотова на пост наркома иностранных дел (Литвинов был, по мнению Сталина, слишком ярым антифашистом). В сегодняшней сложнейшей обстановке надо нащупать те связи, отношения, балансы, использование которых позволило бы уберечь СССР от пожара войны. Классические формы, методы дипломатической деятельности он не любил: визиты, конгрессы, международные конференции, встречи в верхах... Лучше всего — доверительная переписка, спецмиссии полномочных представителей, переговоры в узком кругу. Личное непосредственное участие — в крайнем случае, для придания особой важности тому или иному акту. А главное, дипломатией как средством осуществления внешней политики государства, полагал Сталин, должен заниматься очень узкий круг лиц. Аппараты НКИД и НКВД должны обеспечивать его, Сталина, необходимыми данными, знанием реальной

ситуации, скрытых пружин и тенденций для принятия решений. В дипломатии он особенно ценил тайны. Он уже не вспоминал о том, что в первом декрете Советского государства — Декрете о мире — осуждалась тайная дипломатия, и Советское правительство с декабря 1917 по февраль 1918 года опубликовало в "Правде" и "Известиях" свыше ста секретных документов из архива бывшего МИДа. Сталин вообще любил тайны. И дипломатия не была для него исключением.

Сталин понимал самое главное: надеяться ему не на кого. СССР — хоть и гигантский остров, но одинокий в море капиталистических государств. Разве что Монголия на востоке... Жизненно важно не допустить общего сговора основных империалистических хищников против СССР. Сделать все, чтобы избежать одновременной войны на западе и на востоке. Ведь его, Сталина, тезис — окончательная победа социализма пока не достигнута — есть и признание возможности его гибели... Царям было проще, думал Сталин, ставя книгу по истории дипломатии на место. Монархам было легче договориться: брачные союзы, дипломатические конгрессы, совместные выступления против революций... А здесь перед тобой — Гитлер, заявляющий, что коммунизм можно уничтожить, только истребив носителей этого мировоззрения, миллионы людей...

Правда, у Сталина неоднократно возникала мысль о привлечении США к тушению разгоравшегося мирового пожара. Но активных шагов по установлению конструктивных контактов с американским президентом Сталин до войны не предпринимал. С одной стороны, давало о себе знать сильное недоверие к заокеанскому гиганту, а с другой — Сталин очень сомневался, что Соединенные Штаты могут что-либо реально сделать здесь, в Европе. Однако Сталина весьма заинтересовало послание Рузвельта, в котором тот 14 апреля 1939 года обратился к Гитлеру и Муссолини с предложением сесть за стол переговоров и решить все спорные проблемы. Рузвельт предложил свои услуги "доброго посредника". У Сталина, правда, вызвала скептическое удивление инициатива Рузвельта, призывавшего Гитлера и Муссолини дать обязательство в течение десяти (или двадцать пяти) лет не нападать на перечисленные в послании тридцать (!) стран Европы и Ближнего Востока[117]. Обсуждая с Молотовым столь неожиданный шаг президента США, Сталин произнес:

— Только идеалист может надеяться хотя бы на обсуждение этих предложений. Гитлер закусил удила и остановить теперь его трудно.

— Но шаг благородный, — ответил Молотов. — Правда, мир еще не созрел, чтобы его оценить.

Обменявшись соображениями по поводу послания Рузвельта, решили публично выразить к нему свое отношение. Тут же составили телеграмму Рузвельту за подписью М.И. Калинина (последний, конечно, никакого участия, кроме формального, в этой акции не принимал).

"Господин Президент!

Считаю приятным долгом выразить Вам глубокое сочувствие вместе с сердечными поздравлениями по поводу благородного призыва, с которым Вы обратились к правительствам Германии и Италии. Можете быть уверены, что Ваша инициатива находит самый горячий отклик в сердцах народов Советского Социалистического Союза, искренне заинтересованных в сохранении всеобщего мира.

16.IV.39 г.

Калинин"[118].

Однако, когда полпред СССР в США К.А. Уманский был принят Рузвельтом 30 июня 1939 года, президент ограничился лишь общими пожеланиями успешно завершить англо-франко-советские переговоры. Сталин прочел телеграмму Уманского, в которой говорилось, что Рузвельт "не решился воспользоваться имеющимися в его распоряжении моральными и материальными средствами для воздействия на англичан и французов с целью повлиять на их внешнеполитическую линию"[119]. Положив шифровку Уманского на стол, Сталин имел все основания подумать: "Каждый думает прежде всего о себе". Как и он сам. В разобщенном мировом сообществе, не осознавшем глобальности и всеобщности проблем планеты, иначе и быть не может. В то, далекое для нас теперь время сама идея тесной взаимосвязи мира и приоритета общечеловеческих проблем над классовыми казалась ирреальной.

Замечу, что, хотя некоторые вопросы внешнеполитического характера обсуждались и решались на Политбюро, их предварительная проработка осуществлялась обычно в беседах Сталина с Молотовым. Иногда они приглашали для рассмотрения конкретных, частных вопросов специалистов из наркоматов иностранных и внутренних дел, военной разведки. Но основные решения принимались единолично Сталиным с учетом мнения и предложений наркома иностранных дел. А его точка зрения поначалу не всегда совпадала с мнением Сталина.

Как рассказывал Г.К. Жуков К.М. Симонову, ему приходилось не раз присутствовать при обсуждении ряда важных во-

просов в кабинете Сталина с участием его ближайшего окружения. "...Я имел возможность, — говорил Жуков, — видеть споры и препирательства, видеть упорство, проявляемое в некоторых вопросах в особенности Молотовым; порой дело доходило до того, что Сталин повышал голос и даже выходил из себя, а Молотов, улыбаясь, вставал из-за стола и оставался при своей точке зрения"[120]. На Сталина производили впечатление рассказы Молотова о встречах с гитлеровским руководством. Сам Предсовнаркома встречался только с Риббентропом. Нередко в узком кругу он называл Гитлера и его окружение "жуликами". Даже во время переговоров о заключении пакта о ненападении, как свидетельствовал руководитель юридического департамента германского министерства иностранных дел Ф. Гаус, Сталин не преминул бросить немецкой делегации ядовитое слово, идентичное слову "обман". Разумеется, подписывая пакт, сказал советский руководитель, "мы не забываем того, что вашей конечной целью является нападение на нас". Сталин, пытаясь утвердиться в верности своих расчетов на оттягивание войны, несколько раз возвращался в беседах с Молотовым к теме Гитлера, лучше чем кто-либо понимая, сколь много зависит в тоталитарном государстве от диктатора.

В отношениях с гитлеровцами Сталин почти не скрывал своего макиавеллизма. Когда завершилась церемония подписания пакта, рассказывал Молотов Ф. Чуеву, Сталин поднял бокал шампанского и сказал не без иронии:

— Выпьем за нового антикоминтерновца Сталина! Выпьем за здоровье вождя немецкого народа Гитлера!

Риббентроп тотчас бросился к телефону (переговоры шли в кабинете Молотова) и сообщил Гитлеру в Берлин о подписании пакта и словах Сталина. Тот ему ответил, как тут же радостно передал Риббентроп:

— О мой великий министр иностранных дел! Вы не знаете, как много Вы сделали! Передайте поздравления господину Сталину, вождю советского народа!

Сталин, когда ему перевели эти слова, повернулся к Молотову и едва заметно хитро подмигнул.

Каждый из лидеров двух государств преследовал свои цели. Сталин видел в Гитлере авантюриста, а тот в свою очередь — "большевистского дьявола".

В библиотеке Сталина были работы Н. Макиавелли. Как свидетельствуют его пометки на полях книги "Князь", "вождь" знал изречение знаменитого флорентийца: "Хорошая цель оправдывает дурные средства". Вместе с Молотовым, по всей

вероятности, они считали допустимым на фальшивую игру Гитлера отвечать своим сугубо прагматическим планом, имевшим лишь одну цель: отодвинуть начало неизбежной войны с Германией.

В решении международных вопросов другие соратники Сталина выглядели явными статистами. Иногда еще Жданов мог высказать достаточно самостоятельное суждение, хотя и локального значения. А в целом на всех важнейших политических решениях лежит печать мысли и воли Сталина. "Вождь", не зная философии Канта, руководствовался девизом, сформулированным немецким мыслителем: "Имей мужество пользоваться собственным умом". Как удачи во внешней политике, так и промахи в ней в то время в решающей мере обусловливались политической позицией Сталина, спецификой видения им той или иной проблемы, теми расчетами и планами, которые рождались у него в голове. Самой слабой стороной сталинской дипломатии, пожалуй, была неспособность заглянуть в завтра. Пророческого дара Сталин был лишен.

Здесь я вновь вынужден обратиться к истокам единоличных решений. Демократия — не антураж. Либо демократия есть, либо ее нет. Когда она есть, народ, его полномочные представители участвуют в принятии крупных решений. Когда ее нет, решения принимаются узким кругом лиц или, как было при Сталине, преимущественно им самим. На XX съезде партии цезаристские методы решений по важнейшим внешнеполитическим и внутренним вопросам были осуждены, но постепенно все затем вернулось на "круги своя". Многие из этих решений отозвались и болью и кровью.

Почти десять лет назад в нашу речь прочно вошло слово "Афганистан". Название красивой горной страны, которая на протяжении десятилетий, с первых лет Советской власти была для нас другом, стало по сути синонимом нашей беды. И вновь, как раньше, те, кто принимал решения, остались в стороне: некоторые и сейчас находятся на высоких постах, другие спокойно, без угрызений совести умерли в своих постелях, в отличие от почти 15 тысяч наших парней, сложивших свои головы в ущельях и песках Кандагара, Герата, Мазари-Шерифа. Некомпетентное, непродуманное, легковесное решение было принято узким кругом лиц. Какое участие принимали в нем народные представители? Обсуждалось ли оно действительно крупными специалистами? Прогнозировались ли последствия нашего втягивания в дела этой страны? Я не раз бывал в Афганистане, в том числе и до ввода туда наших войск. Хочу высказать

свое мнение: эта акция не вызывалась необходимостью. Афганская драма — не только пример политического легкомыслия, но и свидетельство отсутствия демократических форм принятия крупных внешнеполитических решений. Сам по себе этот факт нашей жизни говорит о том, что никакие объяснения не снимают ответственности с тех, кто, принимая решения, остался в тени. История теней не признает. Судьба сталинского единовластия тому пример. Это отступление я сделал не для того, чтобы кого-то "уколоть". Хочу лишь напомнить: единовластие в любой форме — тиранической, аморфно-рыхлой, "гуманной" — не только оскорбляет народ, но и с неизбежностью порождает ошибки, нередко трагические.

К крупным шагам дипломатии Сталина накануне войны следовало бы, видимо, отнести три политические акции. Первая связана с заключением советско-германского пакта о ненападении 23 августа 1939 года. Я уже писал об этом выше. Добавлю некоторые детали. Сталин, наблюдая прохладное отношение англичан и французов к переговорам с СССР, не видел шансов на их успешное завершение. Терпения и мудрости у него не хватило. По его инициативе Молотов дал понять Шуленбургу, немецкому послу в Москве, что стоило бы вернуться к предложению Берлина о заключении пакта о ненападении между СССР и Германией. Несколькими месяцами раньше Сталин ответил молчанием на аналогичное предложение Берлина. Теперь же Гитлер сразу согласился. Началась оживленная "перестрелка" телеграммами. Но Москва осторожничала, считала необходимым все взвесить. Сталин решил пойти на этот шаг только тогда, когда окончательно стала ясной бесперспективность переговоров с миссиями адмирала Р. Дракса и генерала Ж. Думенка. Гитлер, находясь с Риббентропом в Оберзальцберге, нервничал. Ему нужен был пакт: ведь он развязывает руки. А русские все пытались договориться с англичанами и французами. Тогда, как я уже упоминал, Гитлер, поборов гордость, сам направил телеграмму Сталину, прося срочно принять Риббентропа 22 августа, не позднее 23-го. "Заключение пакта о ненападении с Советским Союзом означает для меня, — фарисейски писал Гитлер, — установление нового долгосрочного курса политики Германии. Она возобновит политический курс, который на протяжении прошедших веков был выгоден обоим государствам..."[121]

23 августа два больших транспортных "Кондора" доставили делегацию Риббентропа в Москву. К слову сказать, в результате несогласованности действий средств ПВО в коридоре

полета, в районе Великие Луки самолеты были обстреляны зенитной артиллерией и лишь по счастливой случайности не были сбиты. Этот факт мне подтвердил М.А. Лиокумович, служивший в то время в части, открывшей огонь по немецким "Кондорам". Естественно, в тот же день из Москвы прилетела большая группа работников НКВД для выяснения: кто организовал "провокацию". 23-го пакт мог бы быть и не подписан... А накануне Гитлер собрал своих военачальников и объявил о предстоящем выступлении против Польши. Англичане и французы как будто подтолкнули Сталина к пакту, хотя и сам Сталин не проявил терпения, мудрости и прозорливости. Он не понял, что в то время в пакте был больше заинтересован Гитлер. Пакт дал СССР выигрыш почти в два года. Непопулярное решение Москвы, повторюсь, было в немалой степени вынужденным.

Конечно, когда Германия напала на Советский Союз, уже не было ни польской, ни французской армий, а английский экспедиционный корпус потерпел поражение. К этому времени на Гитлера работала почти вся Европа. Мы оказались один на один с Германией, и нам оставалось одно: сражаться, сражаться и ждать открытия второго фронта. Западные страны не захотели открыть второй фронт в 1939 году. Не хватило терпения и Сталину, и антифашистскую коалицию, которая могла начать "работать" раньше, пришлось создавать в разгар войны.

Сталин хорошо запомнил долгую беседу с Риббентропом после обеда 23 августа. Высокий сухой немец давал понять, что Германия хочет развязать себе руки перед вероятной схваткой на Западе. Сталин, слушая министра иностранных дел Германии, думал о своем: нужно любой ценой выиграть время. Страна и армия не готовы к большой войне. Если удастся заключить этот пакт, то хотя бы объединенного альянса капиталистических государств против СССР не будет. Это главное.

Во время вечерней беседы, которая закончилась подписанием пакта, Сталин мог подумать, что 3 — 4 года передышки страна получила. Но здесь же Сталин почувствовал, что в этом сложном, бурном мире проводить политику нейтралитета будет исключительно непросто. Этот странный нейтралитет в глазах антифашистов, многих друзей Советского Союза будет выглядеть ущербным, возможно даже сепаратным. Сталин это предвидел, но другого выхода, как он полагал, не было. Сейчас мир ему был нужен, чтобы выстоять потом. Для этого Сталин и сделал шаг в духе времен "тайных договоров". Речь идет все

о тех же "секретных протоколах" — приложениях к советско-германскому пакту. К некоторым аспектам этого шага Сталина я хотел бы вернуться.

Вторая крупная акция, как бы о ней ни говорили и ни писали, связана с переносом границ СССР дальше на запад. Решение взять под защиту население Западной Белоруссии и Западной Украины перед лицом надвигающейся оккупации германских войск, думаю, было оправданным. Оно совпало с настроениями и желаниями трудящихся этих районов. Печально то, что эту акцию, денонсирующую Рижский договор 1921 года, Сталин обусловил секретным соглашением с Гитлером о будущих границах и территориальном "упорядочении". Может быть, действительно это был компромисс, подобно Брестскому миру? Но Брестский мир Ленин заключал в **открытой** борьбе. Были сторонники и противники этого соглашения. Подписав тяжелый мир, мы, отмечал Ленин, не перешли "грани, подрывающей или порочащей социалистическую власть..."[122]. А здесь был сговор о будущих границах и сферах интересов. Мне хотелось бы процитировать документы, подтверждающие секретную договоренность Сталина и Гитлера (неважно в какой — письменной или устной форме). 10 сентября 1939 года Берия писал Молотову записку:

"В связи с предстоящим изменением дислокации пограничных войск НКВД Киевского и Белорусского округов, протяжение (так в тексте. — *Прим. Д.В.*) охраняемой войсками этих округов линии государственной границы Союза ССР увеличивается с 1412 до 2012 километров, или на 600 километров". В связи с этим Берия предложил сформировать новый Западный пограничный округ в составе пяти пограничных отрядов[123]. Когда же советские войска вошли в Западную Украину и Западную Белоруссию, то граница соприкосновения между советскими и немецкими войсками устанавливалась в соответствии с секретной картой, которая, по-видимому, была согласована в августе на переговорах. Об этом свидетельствует следующий документ.

Немецкий военный атташе в Москве генерал Кестринг передает в Генеральный штаб РККА:

"1. Прошу передать начальнику Генерального штаба РККА Шапошникову, что я получил в 22.30 мин. от своего правительства ответ, что сегодня 24.9.39 г. в 18 часов г. Дрогобыч после переговоров передан частям Рабоче-Крестьянской Красной Армии без каких-либо осложнений.

2. Одновременно они договорились, что г. Самбор будет передан 26.9. утром. Еще раз повторяю — никаких трудностей

при переговорах не выявилось. Очень рад, что все дело пошло хорошо.

3. Считаю долгом сообщить, что в Дрогобыч горят большие цистерны уже 10 дней, что нам было известно по докладам наших летчиков. На месте ходят злые слухи, что их зажгли немцы, прошу этому не верить, т.к. этот материал и нам был бы нужен.

4. В отношении вагонов, этот вопрос начальник Генштаба РККА знает, — мы здесь поступили как сказано в протоколе. Вот все, что я хотел столь быстро передать. *Кестринг*.

Принял: Адъютант начальника Генштаба РККА
полковой комиссар Москвин"[124].

Можно было бы привести еще и другие подобные документы. Но и так все ясно: Сталин счел нужным согласовать все эти "детали". Видимо, были и другие "детали", о которых, в частности, стало известно сегодня: о передаче, например, Гитлеру нескольких групп немецких и австрийских антифашистов, которые были репрессированы в 30-е годы и находились под следствием или в заключении. Во время августовских встреч Шуленбурга с Молотовым посол Германии несколько раз поднимал вопрос "об арестованных в СССР германских гражданах" и их выдаче рейху[125]. После заключения пакта и тем более договора о "дружбе и границе" Гитлеру не составляло труда добиться желаемого. В большинстве случаев это делалось вопреки воле арестованных[126]. Все это в чистом виде циничная "тайная дипломатия", которую так осуждал Ленин.

Как я уже отмечал, народы Прибалтики восстановили Советскую власть в Эстонии, Латвии, Литве. Эти государства оказались между Германией и СССР. Правящие круги долго лавировали, выбирая наименьшее зло. Но решающим в этом выборе оказалась воля народов, простых людей, не забывших, кто задушил здесь Советскую власть двумя десятилетиями ранее. Становилось ясным, что прибалтийские страны могут оказаться в руках Гитлера.

Отказ Англии на трехсторонних переговорах дать расширенные гарантии безопасности прибалтийским государствам не оставлял сомнений в том, что в свете планов фашистской Германии они станут легкой добычей Гитлера. В результате переговоров 28 сентября 1939 года был заключен договор о взаимопомощи с Эстонией, 5 октября с Латвией, 10 октября с Литвой, к которой были присоединены Вильно и Виленский край. Очевидно, что, решая задачи укрепления СССР в преддверии войны, Сталин не особенно заботился о тонких национальных ма-

териях (да и не умел их учитывать). Многие его действия были грубы и даже оскорбительны.

В годы гражданской войны и интервенции силы международной реакции и внутренней контрреволюции насильственно оторвали Советскую Прибалтику от молодой Республики Советов, что было противоправным актом. Перед угрозой неизбежного германского нашествия помощь СССР и принятие в 1940 году прибалтийских государств в состав Союза, по мнению Сталина и не только его, полностью отвечало интересам как Литвы, Латвии и Эстонии, так и всего Советского Союза.

Сталин присутствовал на всех переговорах и церемониях подписания пактов о взаимопомощи между СССР и каждой из прибалтийских республик в отдельности. Сам факт его участия подчеркивал особую государственную важность этих шагов.

В ряду других важнейших внешнеполитических шагов сталинской дипломатии следует отметить и требование Советского правительства к Румынии, выраженное в ноте от 26 июня 1940 года, о возвращении Бессарабии, насильственного захвата которой Советский Союз никогда не признавал.

Но Сталин не был бы Сталиным, если бы, решая какие-либо задачи, не приносил вреда и даже горя. В воссоединенных районах Западной Украины и Западной Белоруссии, в республиках Прибалтики, Молдавии тут же стали "отсеивать враждебные элементы": кулаков, буржуазию, торговцев, бывших белогвардейцев, петлюровцев, просто "подозрительных" людей. Многие из них прошли по печально известному маршруту — за Урал, в Сибирь. Таких набралось немало.

Я уже упоминал, что в сибирском селе, где мы с братом, сестрой и матерью жили до войны, находился большой лагерь НКВД. Построили его в 1937 году за несколько недель: огромная зона, обнесенная деревянным забором с колючей проволокой наверху, смотровые вышки с часовыми, колонны "зэков", которые все прибывали и прибывали. Когда быт в лагере немного наладился, отдельных заключенных расконвоировали, более того, им разрешили ходить по селу (бежать было бесполезно: более ста километров тайги до железной дороги, повсюду охрана). Мать работала в семилетней школе директором. Учились в школе и дети лагерных охранников. Не знаю уж почему, но однажды в школу прислали двух заключенных для переплетения старых библиотечных книг. Одного из них звали пан Худерски, "из-под Варшавы", как он говорил, фамилии другого я не помню. Худерски был добрый человек, который вместе со своим товарищем привел библиотеку в порядок.

Мать носила им картошку, молоко. Худерски, помню, рассказывал, что он попал сюда потому, что его посчитали богачом. Старик все порывался объяснить матери, что никакой он не богач, произошла ошибка... А теперь вот объявили — десять лет... Зимой его не стало. Старый человек не вынес лагерных тягот. А сколько было таких судеб!..

Сталин стремился закрепить советско-германские договоренности о нейтралитете экономическими, хозяйственными, пограничными соглашениями. И, удивительное дело, при исключительно подозрительном характере Сталина его не настораживали некоторые действия Берлина. Например, в январе 1941 года немцы отказались подписывать так называемое "Хозяйственное соглашение" на большой срок, ограничив его рамками лишь 1941 года. Сталину докладывали, что накануне заключения договора о советско-германской границе от реки Игорка до Балтийского моря немецкие официальные лица охотно шли на компромиссы, не спорили из-за каждого "бугра", что обычно бывает в пограничных делах. Передовая "Правды" радостно отмечала (вместо того, чтобы насторожиться), что "договор о границе был разработан в чрезвычайно короткий срок, не встречающийся в мировой практике".

У Сталина, других руководителей должна была возникнуть мысль, что немцы не придают серьезного значения границам, потому что они для них временны. Согласно сопутствующему "Барбароссе" плану "Ольденбург", будущие границы империи должны были быть далеко на востоке. Рассуждения фюрера о "жизненном пространстве" не были отвлеченными. Однако Сталину не хватало подлинной государственной мудрости, чтобы верно оценить эти и другие подобные факты. Он уже стал пленником собственных ошибочных расчетов в отношении сроков грядущего нападения. Отодвинув границы СССР на запад, Сталин глубоко не проанализировал весь комплекс сопутствующих этому обстоятельств. А ведь война, борьба всегда — минимум двухсторонний процесс, в котором противная сторона обязательно пытается ввести своего оппонента в заблуждение.

Наконец, в эти годы была осуществлена еще одна важная дипломатическая акция, у истоков которой стоял Сталин: заключение пакта о нейтралитете между Советским Союзом и Японией. В конце марта 1941 года в Москву прибыл японский министр иностранных дел И. Мацуока. Первый раунд переговоров не принес успеха; японская сторона настаивала на продаже Японии Северного Сахалина. Сталин, принимавший участие

в переговорах, долго молча слушал японского министра, а затем парировал его требование одной короткой репликой: "Не шутка ли это?" Казалось, переговоры сорваны. Мацуока, холодно попрощавшись, отбыл в Берлин. Вернувшись из Германии в Москву 8 апреля, японский министр вновь встретился с советскими руководителями. По всему было видно, что пакт заключить не удастся: японцы выдвигали неприемлемые условия. Но твердость Сталина на этот раз помогла. В день отъезда из Москвы, 13 апреля, Мацуока, получив новые инструкции из Токио, наконец снял неразумные требования, и вечером пакт о нейтралитете между СССР и Японией был подписан. Этим договором заметно улучшилось стратегическое положение Советского Союза на Дальнем Востоке. Японская сторона обязалась уважать территориальную целостность и неприкосновенность Монгольской Народной Республики. Хотя заключение этого пакта ставило перед советским правительством ряд трудностей. Так, китайское правительство давно и недвусмысленно выступало против такого шага. Еще 27 августа 1939 года, после заключения пакта о ненападении между СССР и Германией, заместитель народного комиссара иностранных дел С.А. Лозовский принял посла Китая Сунь Фо (по его просьбе). Китайский посол откровенно сказал: "Нас заботят два вопроса: 1) это слухи о заключении пакта о ненападении между СССР и Японией и 2) слухи о возможном соглашении между Японией и Англией. С точки зрения национальных интересов Китая, и то и другое нам невыгодно. Если бы СССР заключил пакт о ненападении с Японией, то это неминуемо привело бы к ослаблению его помощи Китаю". На эти опасения Лозовский ответил:

"Что касается пакта о ненападении между Японией и СССР, то нам об этом вопросе ничего не известно. Было время, когда СССР предлагал Японии заключить пакт о ненападении. Япония отказалась. Сейчас этот вопрос в повестке дня не стоит"[127]. Да, полтора года назад этот вопрос не стоял. Теперь же Сталин, чувствуя приближение военной грозы, сделал попытку ослабить напряжение на Востоке.

Последние пять лет в отношениях с Японией у СССР были сплошные конфликты, жесткие трения, частые обмены резкими нотами, серьезные военные столкновения. Наиболее крупные конфликты — у озера Хасан и на Халхин-Голе в Монголии. Сталин, принимая участие в переговорах и церемонии подписания пакта, мог подумать: как непредсказуема политика! Сколько раз СССР предлагал Японии заключить подобный договор! Потребовалась демонстрация советской военной мощи в воен-

ных конфликтах с Японией в 1938 — 1939 годах, чтобы японцы осознали бесперспективность разговора с нами на языке силы.

Сталин с любопытством читал в русском тексте пакта подписи полномочных лиц Японии:

Иосука Мацуока, министр иностранных дел, Жюсанми*, кавалер ордена Священного Сокровища первой степени.

Иосицугу Татекава, чрезвычайный и полномочный посол в СССР, генерал-лейтенант, Жюсанми, кавалер ордена Восходящего Солнца первой степени и ордена Золотого коршуна четвертой степени...

Какие все мы, живущие на одной планете, разные! Но оказалось, что уже в то время, когда превалирующее значение имела военная мощь государства, можно было договариваться о чем-то существенном... Как долго постигало человечество эту простую истину и необходимость!

После подписания пакта обе делегации, как обычно, сфотографировались. Затем отдельно — Сталин с Мацуокой, полуобнявшись. На фотографии — довольное лицо Сталина: "важный шаг по недопущению войны на два фронта". Сияет и Мацуока: такая фамильярная поза с одним из самых могущественных людей на планете! Кавалер ордена Священного Сокровища, подписав пакт, считал, что развязал Японии руки в "великом восточно-азиатском пространстве". Мацуока действовал в соответствии с принципами известного меморандума Г. Танаки, представленного им императору Хирохито еще в 1927 году. Меморандум ставил целью поэтапное завоевание "великого восточно-азиатского пространства". Сталин знал об этом плане японских милитаристов. Но выбора у него и здесь не было: болела голова от одного упоминания о Гитлере. Ради того чтобы ослабить устремления японцев на советский Дальний Восток, можно было обняться и с Мацуокой.

Мацуока вечером ночным поездом отбывал на родину. Когда до отхода эшелона осталось несколько минут, неожиданно на вокзал, в окружении многочисленной охраны, приехал попрощаться сам Сталин, чем поверг японского министра в полное изумление. Советский лидер, пожимая руки японцам, вновь повторил, что придает большое значение подписанному пакту, как и принятой одновременно Декларации о взаимном уважении территориальной целостности и неприкосновенности Маньчжоу-Го и Монгольской Народной Республики. Сталин улучил мгновение, чтобы высказать любезности и провожав-

---

* Жюсанми — высокий государственный ранг.

шим Мацуоку немецким дипломатам. Зная о неподготовленности страны к войне, Сталин готов был говорить, встречать и провожать кого угодно, лишь бы это работало на сдерживание сил войны.

Хотя были заключены пакт о ненападении и договор о "дружбе" с Германией, Сталин видел — тучи войны сгущались. Он понимал, что война неизбежна, и одновременно отказывался верить, что она так близка. Находясь в плену этих двух постулатов, Сталин все время повторял: "Не поддаваться на провокации!", "Не дать себя спровоцировать!", "Быть выше провокаций!". В конце концов в Берлине хорошо поняли линию Сталина на выигрыш времени и стали вести себя еще более нагло. Например, с начала 1941 года десятки немецких самолетов систематически нарушали границы СССР, углубляясь все дальше в его воздушное пространство. Даже если летчиков принуждали к посадке, экипажи и машины неизменно быстро передавали немецкой стороне. Когда, например, незадолго до начала войны наши пограничники сбили нарушивший границу немецкий самолет-разведчик, повлекший гибель двух фашистских летчиков, Сталин приказал наказать виновных, а в Берлин полетела телеграмма: "Скорнякову. Немедленно посетите Геринга и выразите сожаление по поводу случившегося"[128].

После того как Муссолини сам, без Гитлера, не смог закрепиться на Балканах, он обратился к фюреру за помощью. Тот согласился на условиях полного подчинения итальянской армии германскому военному руководству. Когда гитлеровские войска стали концентрироваться для нападения на Грецию и Югославию, последняя предложила СССР заключить договор о дружбе и ненападении. 5 апреля договор был заключен: Сталин хотел предупредить Берлин о нежелательности распространения войны на Балканский полуостров. Но Гитлер не упустил случая, чтобы унизить Сталина. Он полностью проигнорировал "сигнал Москвы": через сутки после подписания договора германские войска совершили нападение на Югославию. Фюрер просто отмахнулся от жеста Сталина как и от более раннего предупреждения, сделанного 17 января 1941 года германскому послу в Москве Ф. Шуленбургу, что Советский Союз считает восточную часть Балканского полуострова зоной своей безопасности и не может быть безучастным к событиям в этом районе. Берлин все подобные дипломатические жесты как бы не замечал.

То, что отношения между СССР и Германией стали резко и

быстро ухудшаться, Сталин понял еще в середине 1940 года. Гитлер тоже почувствовал возросшую настороженность Советского Союза. Это не входило в планы фюрера. Здесь следует напомнить, что среди важнейших компонентов внешней политики гитлеровской Германии были скрытность, секретность, коварство, двуличие. Не один Сталин любил тайны. Макиавелли для Гитлера был давно пройденным этапом. В его действиях и методах вероломство прочно заняло ведущее место. Фюрер, не смущаясь (поскольку он давно объявил совесть "химерой"), систематически прибегал к дезинформации, обману, пытаясь любой ценой добиться поставленных целей. Почувствовав рост напряженности в отношениях с Москвой, Гитлер пригласил Сталина посетить Берлин. Сталин не колебался: он не любил заграницы. Кремль, ближняя дача, Сочи долгие годы были единственными местами его обитания. В Москве решили, что поедет Молотов. Накануне отъезда Сталин с Молотовым в присутствии Берии долго ночью гадали: что хочет Гитлер, что можно сделать, чтобы пакт "продержался" хотя бы еще пару лет?

Уже на берлинском вокзале, где Молотова встречали Риббентроп, Кейтель, Лей, Гиммлер, другие гитлеровские бонзы, ему внушали, какое большое значение этой встрече придает фюрер. Накануне неизбежного краха Англии, мол, важно посоветоваться с "дружественным Германии государством". В Берлине хотели успокоить лидеров соседней могущественной державы и усыпить их бдительность.

Напомню еще раз, Гитлер и Риббентроп во время переговоров более двух часов пытались увлечь советского наркома разговорами о "сферах влияния", близком "конце Британской империи" и другими аналогичными темами. Молотов демонстративно не проявил никакого интереса к глобальным планам Германии и настойчиво требовал ответа на некоторые конкретные вопросы: почему немецкие войска находятся в Финляндии, когда будут выведены войска вермахта из Болгарии и Румынии, почему произошло присоединение Венгрии к тройственному пакту и т.д. Фюрер был обескуражен. Он ничем не мог увлечь наркома иностранных дел СССР. А тот давал лишь понять: Москву беспокоят сейчас только советско-германские отношения. Партнеры на переговорах говорили на разных языках и в прямом и переносном смысле. Гитлер, провожая Молотова до выхода из Большого зала новой имперской канцелярии, бесшумно шагая по мягкому ковру, коснулся рукой локтя советского наркома:

— Я знаю, история навеки запомнит Сталина. Но она запомнит и меня...

— Да, конечно, запомнит, — по-прежнему сухо и бесстрастно ответил Молотов.

Гитлера встреча разочаровала. Он почувствовал, что русские хотят одного: отодвинуть начало войны, которую, возможно, они считают неизбежной. Не случайно после отъезда Молотова Гитлер приказал быстрее доложить ему переработанный план нападения на Советский Союз. 18 декабря 1940 года Директива № 21 (план "Барбаросса") была Гитлером подписана. Сталин еще не знал, что по замыслу фюрера "основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в Западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого быстрого выдвижения танковых клиньев. Отступление боеспособных войск противника на широкие просторы русской территории должно быть предотвращено"[129]. Это была обнаженная плоть войны. Но Молотов в полной мере ее не почувствовал; война, вероятно, будет, но не сейчас, не завтра.

Сталин очень внимательно следил за соблюдением советской стороной советско-германского пакта. В годовщину подписания пакта в советской печати появилось немало материалов о его значении. Немцы же едва вспомнили эту дату. Но когда через месяц, 28 сентября 1940 года, исполнилась годовщина со дня подписания советско-германского договора о "дружбе и границе", в Берлине ее отметили, но весьма своеобразно. Сталин, читая на следующий день шифровку полпреда, все больше поражался наглости нацистов. В Большом зале новой имперской канцелярии 27 сентября был подписан пакт трех держав — Германии, Японии и Италии. В документе подчеркивалось:

"Правительства этих стран признают, что предпосылкой длительного мира является получение каждой нацией необходимого ей пространства.

Статья 1. Япония признает и уважает руководство Германии и Италии в деле создания нового порядка в Европе.

Статья 2. Германия и Италия признают и уважают руководство Японии в деле создания нового порядка в великом восточно-азиатском пространстве..."

Сталин пригласил Молотова обсудить новость. Возможно, в такие кульминационные моменты и проверяется истинная способность руководителя делать правильные выводы. А они были вновь двойственными: "война неизбежна, но не раньше чем через два-три года". Созданная в сознании Сталина модель

возможного развития событий не менялась. Вера в свою непогрешимость уже накладывала отпечаток на все решения "вождя". Казалось, в такой ситуации необходимо коллективное обсуждение проблемы с приглашением военных, дипломатов. Сталин не считал это нужным и потому, что понимал: все сведется к угадыванию его мнения. Он пожинал плоды единовластия. Бюрократическая система, которую он так настойчиво создавал, способна была только одобрять его решения... Как вспоминал Г.К. Жуков, однажды Сталин бросил присутствующим при разговоре двум ответственным работникам его аппарата:

— Что с вами говорить? Вам что ни скажешь, вы все: "Да, товарищ Сталин", "Конечно, товарищ Сталин", "Совершенно правильно, товарищ Сталин", "Вы приняли мудрое решение, товарищ Сталин"...

Анализ архивных документов того времени показывает, что всегда соглашались с "вождем" и крайне редко вносили какие-то, даже мелкие предложения на заседаниях Политбюро А.А. Андреев, Л.П. Берия (вот кто лучше всех читал мысли "Хозяина"), К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович, М.И. Калинин, А.И. Микоян, Г.М. Маленков, Н.С. Хрущев, Н.М. Шверник, А.С. Щербаков. Чаще других что-либо предлагали, хотя бы сколько-нибудь рассуждали В.М. Молотов, Н.А. Вознесенский, А.А. Жданов. Состав Политбюро, избранный Пленумом ЦК 22 марта 1939 года (Вознесенский, Маленков, Щербаков стали кандидатами в члены Политбюро в феврале 1941 г.), полностью олицетворял единовластие не только в партии, но и в государстве. Добившись в конце концов безграничной власти, отторгнув ее у народа, Сталин лишил себя путей, способов интеллектуального "питания". С ним не спорили. Мало предлагали. Соглашались. Поддакивали. Для Сталина зто были просто высокопоставленные *функционеры*, исполнители его воли. Не больше.

Но жаловаться "вождю" было некому и незачем. Подобострастие и согласие со всем, что выходило из уст Сталина, было одним из следствий его обожествления и возвеличивания. Воспоминания многих лиц, работавших вместе со Сталиным в те годы, подтверждают: практически никто не сомневался в прозорливости Сталина. Даже когда его решения накануне войны шли вразрез с реальной обстановкой, никто не допускал и мысли о том, что Сталин ошибается. Просто считали, что не всё поняли из того, что ясно Сталину. "...У меня была огромная вера в Сталина, — говорил Г.К. Жуков, — в его политиче-

ский ум, его дальновидность и способность находить выходы из самых трудных положений. В данном случае — в его способность уклониться от войны, отодвинуть ее. Тревога грызла душу. Но вера в Сталина и в то, что в конце концов все выйдет именно так, как он предполагает, была сильнее"[130].

До конца 30-х — начала 40-х годов Сталин сравнительно мало занимался внешнеполитической деятельностью. Враждебное окружение, ощетинившийся чужой мир с трудом шли на контакты с социалистическим государством. Как, впрочем, и Сталин. Но по мере роста экономической и военной мощи приоткрывалась то одна, то другая "форточка" чужого дома, с тем чтобы взглянуть на СССР, бросить дюжину официальных фраз, а то и попытаться поговорить с "красными". Одним из первых капиталистических деятелей, с кем довелось беседовать Сталину, был Пьер Лаваль, министр иностранных дел Франции. Вскоре после подписания в Париже 2 мая 1935 года договора о взаимной помощи между двумя странами Сталин принял П. Лаваля в Москве. "Вождь" с любопытством смотрел на энергичного человека, убежденно рассуждавшего о "политике государственной обороны Франции", которая открывает двери доверия для сотрудничества во имя мира. Сталин, конечно, не мог знать, что перед ним сидит один из будущих "квислингов", запятнающий себя позором служения Гитлеру.

Через месяц Сталин встретился с Э. Бенешем, тогдашним министром иностранных дел Чехословакии. Советского руководителя немного удивило, что Бенеш говорил не столько о недавно заключенном Пакте о взаимной помощи между СССР и Чехословакией, сколько о "желательности сближения народов в области науки, литературы, искусства, укрепления интеллектуальных связей".

На Сталина всегда производили впечатление западные напористые газетчики, хотя принимал их очень редко. Обычно он это делал, преследуя какую-либо политическую цель. Сталину запомнился, например, председатель одного американского газетного объединения Рой Говард, который буквально забросал его вопросами. На американца особое впечатление произвел ответ советского лидера на такой вопрос:

— Во всем мире говорят о войне. Если действительно война неизбежна, то когда, мистер Сталин, она, по-Вашему, разразится?

— Это невозможно предсказать. Ныне войны не объявляются, они просто начинаются. Но друзья мира могут работать открыто, они опираются на мощь общественного мнения. В

этом плюс для друзей мира. Что касается врагов мира, то они вынуждены работать тайно. В этом минус врагов мира...

Поскольку встречался Сталин с зарубежными дипломатами, иностранными корреспондентами редко, каждая такая встреча становилась событием. Как свидетельствуют очевидцы, во время бесед Сталин всегда точно и четко формулировал свои идеи, иногда подкрепляя, подчеркивая свою мысль скупым жестом, прищуром живых, внимательных глаз. Ни одна деталь не оставалась не замеченной им. В конце бесед Сталин обычно кратко резюмировал итоги встречи независимо от того, каковыми они были. Таким запомнился Сталин А.А. Громыко[131].

В последние два месяца перед войной Сталин получил немало сообщений, разного рода информацию о прямой подготовке Германии к нападению на СССР. Предупреждения шли по линии разведки, от дипломатов, друзей Советского Союза. Поступили сообщения и от правительств США и Англии. Черчилль, ставший премьер-министром Англии, послал в апреле 1941 года специальное послание Сталину о крупных перемещениях германских войск на восток. Сталин внимательно ознакомился с информацией, но, полагая, что британский премьер хочет столкнуть его с Гитлером, попросту отмахнулся от нее.

Когда отрывочные сведения о подготовке нападения Германии на СССР в конце концов выстроились в один ряд, Советское правительство попыталось проверить реакцию Берлина на эти факты. В качестве зондажа было решено опубликовать Заявление ТАСС с прозрачными упреками в отношении соблюдения Германией условий пакта. Сталин сам одобрил эту идею. 14 июня 1941 года было опубликовано известное, печальной памяти, Заявление ТАСС, которое фактически призывало Германию приступить к новым переговорам с СССР по вопросам двухсторонних отношений. К слову, в этот день Гитлер проводил с военным руководством последнее совещание, посвященное началу практической реализации плана "Барбаросса"...

Сталин и Молотов полагали, что если Берлин согласится на такие переговоры, то их можно было бы затянуть на месяц-полтора, а в результате фактически был бы снят вопрос о нападении в этом году. Сталин не без оснований считал, что в конце лета, тем более осенью, Гитлер не решится начать войну. А это означало бы, что СССР получит еще минимум семь — десять месяцев для подготовки к отпору. Как писал в своих мемуарах У. Черчилль, в тот момент Сталин думал уже не о годах, а лишь о месяцах отсрочки. В августе 1942 года, беседуя в Моск-

ве с британским премьером, Сталин сказал: "Мне не нужно было никаких предупреждений. Я знал, что война начнется, но я думал, что мне удастся выиграть еще месяцев шесть или около этого"[132].

В Заявлении ТАСС говорилось, что в английской, и не только в английской, печати стали муссироваться слухи "о близости войны между СССР и Германией", о том, что "Германия стала сосредоточивать свои войска у границ СССР с целью нападения". Далее отмечалось: "Несмотря на очевидную бессмысленность этих слухов, ответственные круги в Москве все же сочли необходимым, ввиду упорного муссирования этих слухов, уполномочить ТАСС заявить, что эти слухи являются неуклюже состряпанной пропагандой враждебных СССР и Германии сил, заинтересованных в дальнейшем расширении и развязывании войны". По данным СССР, говорилось далее, "Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся от операций на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям...".

Позже, после войны, кое-кто из советских высокопоставленных деятелей, объясняя появление этого странного, дезориентирующего советских людей Заявления ТАСС, представлял его обычным "дипломатическим зондажом". Допустим, что это так. Зондаж потенциального противника. Но ведь это же Заявление читают и миллионы советских людей, весь личный состав армии и флота! Если этот зондаж был так необходим, почему бы по закрытым служебным каналам не сориентировать в нужном направлении хотя бы высший командный состав, руководство Наркомата обороны, военных округов? А Заявление было воспринято, как вспоминал известный военачальник Л.М. Сандалов, однозначно: "Такого рода выступление авторитетного государственного учреждения притупило бдительность войск. У командного состава оно породило уверенность в том, что есть какие-то неизвестные обстоятельства, позволяющие нашему правительству оставаться спокойным и уверенным в безопасности советских границ. Командиры перестали ночевать в казармах. Бойцы стали раздеваться на ночь"[133].

Все это результат решений, принимаемых узкой группой лиц, а чаще всего одним человеком, без должного анализа всех сопутствующих и побочных явлений. Результат был противоположным задуманному: Берлин просто проигнорировал Заявление ТАСС. В то же время советские люди, приученные неуклонно принимать все на веру, еще больше утвердились во мнении: война сейчас маловероятна. Пожалуй, Сталин в последние месяцы перед войной переоценил возможности дипломатии. Когда было уже ясно, что Гитлер явно направляет войну на Восток, Сталин все еще цеплялся за Заявление ТАСС, ноты, письма, не решаясь максимально быстро привести войска в состояние полной боевой готовности. Переход от тайной и ублажающей Гитлера дипломатии к решительным военным шагам оказался для Сталина страшно трудным.

В Москве напряженно ждали реакции Берлина. Но шифротелеграммы из советского посольства говорили: официальные круги полностью уклонились от ответа на Заявление ТАСС от 14 июня 1941 года. Была направлена нота по поводу нарушения самолетом вермахта государственной границы СССР. Официальный Берлин не реагировал. Тогда советский нарком пригласил в связи с этим инцидентом германского посла, попросив также объяснить отношение Берлина к поднятым в Заявлении ТАСС проблемам. Одновременно советский полпред пытался добиться аудиенции у Риббентропа в столице Германии. Напрасно. Выбор в Берлине был сделан давно. День "икс" наступал. Ни Сталин, ни Молотов, тщетно надеявшиеся в последние перед страшным нашествием дни услышать из Берлина заверения в неуклонном соблюдении условий советско-германского пакта, не знали, что Гитлер только что написал доверительное письмо Муссолини "о планах ликвидации России". Приведу две выдержки из послания фашистского фюрера.

"Дуче!

Я пишу Вам это письмо в тот момент, когда длившиеся месяцами тяжелые раздумья, а также вечное нервное выжидание закончилось принятием самого трудного в моей жизни решения... Что касается борьбы на Востоке, дуче, то она определенно будет тяжелой. Но я ни на секунду не сомневаюсь в крупном успехе. Прежде всего я надеюсь, что нам в результате удастся обеспечить на длительное время на Украине общую продовольственную базу. Что бы теперь ни случилось, дуче, наше положение от этого шага не ухудшится; оно может только улучшиться. Если бы я даже вынужден был к концу этого года оставить в России 60 или 70 дивизий, то все же это будет толь-

ко часть тех сил, которые я должен сейчас постоянно держать на восточной границе.

Я чувствую себя внутренне снова свободным после того, как пришел к этому решению. Сотрудничество с Советским Союзом, при всем искреннем стремлении добиться окончательной разрядки, сильно тяготило меня. Ибо это казалось мне разрывом со всем моим прошлым, моим мировоззрением и моими прежними обязательствами. Я счастлив, что освободился от этого морального бремени.

21 июня 1941 года

Адольф Гитлер".

Даже в последние часы, когда пружина германской военной машины была до предела сжата в готовности совершить свой роковой прыжок, у Сталина еще теплилась надежда, что страшное столкновение удастся (хотя бы на несколько недель!) оттянуть. Но Берлин молчал. Там решили, что время дипломатических жестов закончилось. Пришло время говорить на языке войны.

Роковые просчеты

Двери войны по мере ее приближения как бы открывались все шире и шире. К началу нашествия они были гигантскими: от Ледовитого океана до Черного моря. Запереть их наглухо уже было нечем. Сталин до последнего момента надеялся на свою прозорливость. Еще за месяц до начала войны он в узком кругу сказал:

— Пожалуй, в мае будущего года (т.е. 1942 г. — *Прим. Д.В.*) столкновение станет неизбежным.

Но чем ближе приближался роковой день, тем становилось яснее: война на пороге, а страна и армия еще далеко не готовы к решающей схватке с Гитлером. Хотя нужно сказать (тем более, что порой об этом забывают), накануне войны немало было сделано для укрепления обороноспособности страны и боевой мощи армии. Так, в соответствии со специальной директивой Генерального штаба, направленной в войска 13 мая 1941 года после совещания у Сталина, началось выдвижение ряда объединений и соединений из внутренних округов в приграничные районы (16-я, 19, 21, 22-я армии). Согласно постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) от 21 июня 1941 года, большая часть этих объединений должна была составить группу резерва Глав-

ного Командования. Однако объединения, естественно, не смогли прибыть в указанные районы до начала боевых действий[134].

Сталин одобрил, учитывая взрывоопасную обстановку, досрочный выпуск военных училищ. Молодые командиры и политработники, как правило, без отпуска, сразу же направлялись в войска, где был их значительный некомплект. После долгих колебаний Сталин решился и на такую крупномасштабную акцию, как призыв около 800 тысяч запасников, благодаря чему была укомплектована 21 дивизия в приграничных округах. К сожалению, эти шаги были сделаны лишь за две-три недели до начала войны...

Приказом наркома обороны от 19 июня войскам ставилась задача по маскировке аэродромов, парков машин, баз, складов, по рассредоточению самолетов на аэродромах. Но приказ только-только начал выполняться... Вывод полевых пунктов управлений армий начался также лишь накануне войны. Правильные, необходимые мероприятия безнадежно запоздали. Но и на них Сталин шел очень неохотно, часто подчеркивая свою навязчивую идею, что все "эти шаги могут спровоцировать германские войска". Тимошенко, Жукову порой приходилось докладывать Сталину тот или иной вопрос по два-три раза, добиваясь одобрения мер оперативного характера. Председатель Совнаркома, соглашаясь с военными, где-то в глубине души все еще надеялся, даже верил, что Гитлер не решится вести войну на два фронта. Но он никак не хотел понять: настоящего второго фронта на Западе не было! В своих выступлениях Сталин не раз повторял одну и ту же мысль: немцы должны извлечь уроки из своего поражения в первой мировой войне. Воевать на два фронта — безумие! Но и безумие может быть реальностью. Ведь в истории господствует не цикл в виде круга, а спираль, уходящая в бесконечность. Сталин, придерживаясь очевидной прямолинейной, одномерной логики, глубоко заблуждался. Никто, однако, не мог даже подумать о том, чтобы поправить "вождя". Ведь уже все привыкли к его "безгрешности".

Понимал ли Сталин в июне 1941-го, что в последние годы им и его окружением были допущены серьезные политические и военно-стратегические просчеты? Об этом можно только догадываться. Хотя позже, в беседах с Черчиллем, Жуковым, а после войны, как мы помним, в своем выступлении на приеме в Кремле в честь командующих фронтами он нашел в себе силы в общих чертах сказать об ошибках и просчетах, которые допустило правительство. Не он, а правительство! Но и в

этих случаях Сталин ни разу не сказал, что это были прежде всего его собственные ошибки. На это он уже давно был не способен.

Природа ошибок кроется не только в неверных расчетах, неоправдавшихся прогнозах, злой воле агрессора. Все это, разумеется, было. Главная же причина просчетов, ошибок, непростительных промахов коренится, подчеркну еще раз, в единовластии. Трудно винить наркомов, Главный Военный Совет, когда уже сложился образ "непогрешимого и мудрого вождя". Любое принципиальное несогласие с той или иной его концепцией, точкой зрения вполне могло быть расценено как "непонимание", "противопоставление", "политическая незрелость" со всеми вытекающими отсюда последствиями. У всех еще были свежи в памяти политические процессы, на которых было подсудно все: позиция, занятая при подписании Брестского мира; знакомство, допустим, с Я. Петерсом, комендантом Кремля, а значит, участие в подготовке "дворцового переворота"; встреча за рубежом с официальным лицом — естественно, "передача шпионских сведений" и т.д.

Хотя Сталин, субъективно, ставил перед страной, партией, казалось бы, благие цели, их реализация и осмысление не были выстраданы коллективным разумом, не явились результатом противопоставления различных точек зрения. Своим единовластием, "непогрешимостью", безапелляционностью выводов "вождь" невольно перекрывал каналы поступления объективной информации, оригинальных предложений, нестандартных решений. Ему, как правило, говорили то, что он хотел слышать. Часто пытались угадать его желания. Отсутствие демократической и истинно коллегиальной формы выработки и принятия ответственных решений обедняло, ограничивало интеллектуальные возможности власти.

В угоду "вождю" все дружно говорили о "непобедимости Красной Армии", об "усилении в Германии пролетарских настроений", о том, что внутренние трудности капиталистических стран "подорвут их изнутри". Об этом писала печать, вещало радио, утверждали теоретики. Например, академик Е. Варга, которого Сталин ценил и даже не раз беседовал с ним, в своем докладе в Военно-политической академии им. Ленина 17 апреля 1941 года утверждал, что сейчас "возникает вопрос — будут ли в этой войне победители и побежденные или война затянется так долго, что ни одна из воюющих групп не сможет победить другую?". Интересы СССР, утверждал Варга, "требуют сохранения мира до тех пор, пока не назреет революционный кризис

в капиталистических странах". Дальше академик делал вывод чисто в троцкистском духе (но раз это говорил не Троцкий, то Сталин не возражал): "Если создастся такая ситуация, что в некоторых странах в результате войны возникнет революционный кризис, буржуазная власть будет ослаблена и пролетариат захватит власть в свои руки, то Советский Союза должен будет пойти и пойдет на помощь пролетарской революции в других странах"[135].

В этих взглядах, которые были широко распространены, явно переоценивались силы СССР и Красной Армии, "читались" настроения времен гражданской войны — стремление вызвать мировой революционный пожар. Однако нужно сказать, что и в то, культовое время, были трезвомыслящие, мужественные личности. Так, например, в 1940 году группа ученых из Военно-политической академии им. Ленина подготовила записку "О военной идеологии", с которой ознакомился и Сталин. Наряду с традиционными для тех лет тезисами в документе были смело изложены некоторые "еретические" вопросы. Авторы записки остро поставили вопрос о причинах неудач в советско-финляндской войне: низкая культура военных кадров, ложные пропагандистские установки (лозунг о "непобедимости" Красной Армии), "неправильное освещение интернациональных задач Красной Армии". Подчеркивалось, что глубоко "вкоренился вредный предрассудок, что якобы население стран, вступающих в войну с СССР, неизбежно и чуть ли не поголовно восстанет и будет переходить на сторону Красной Армии". Разговоры "о непобедимости ведут людей к зазнайству, верхоглядству и пренебрежению военной наукой; в области техники — к отставанию, в области военной теории — к однобокой разработке одних видов боя в ущерб другим". В том, что касается технической мощи, наша пропаганда, писали дальше авторы записки, на "ложном пути шапкозакидательства". Нельзя "возводить в степень культа" опыт гражданской войны. "Не следует считать отступление в соответствующих условиях позором, нужно учить людей не только искусству наступления, но и организованному отступлению, когда этого требует обстановка". Нужно "гибче, быстрее делать выводы из того нового, что вносит в военное дело современность". В записке указывалось, что в "полном загоне находится дело изучения иностранной военной мысли". Не популяризируются лучшие традиции русской армии. "Всех русских генералов до недавнего прошлого скопом зачисляли в тупицы и казнокрады". Опыт боев Красной Армии у озера Хасан, на реке Халхин-Гол, в других местах "не

известен начальствующему составу. Материалы об этих боях лежат под спудом в Генеральном штабе". Записка объемом в тридцать пять страниц дает не только критический анализ положения дел в Красной Армии, развития советской военной мысли, но и содержит немало конструктивных идей, не потерявших актуальности и в наши дни. Однако резолюция "вождя" была более чем краткой: "В дело"[136]. Судьба авторов записки мне неизвестна, хотя ясно, что едва ли записка могла понравиться Сталину и Ворошилову.

Все, что не вписывалось в представления "вождя", не принималось. Всплески творчества, талантливой мысли, если это не соответствовало устремлениям единодержца, просто отбрасывались, не замечались, гасились. В культовом единомыслии коренится один из самых глубоких истоков политического и стратегического просчетов, повлиявших на весь ход войны, особенно на ее начало. Каковы были наиболее характерные просчеты политического руководства, и прежде всего Сталина, накануне войны? В чем они выразились?

Прежде всего, по моему мнению, самой большой ошибкой было заключение 28 сентября 1939 года Договора о дружбе и границе между СССР и Германией. После подписания месяцем раньше пакта о ненападении как шага, видимо, вынужденного и исторически оправданного (без "секретных протоколов"), нужно было остановиться. В резолюциях Коминтерна, решениях XVIII съезда партии фашизм справедливо квалифицировался как наиболее опасный отряд мирового империализма, режим террористической диктатуры и милитаризма. В мировоззрении советских людей фашизм олицетворял собой в концентрированном виде классового врага. И вдруг — "дружба" с фашизмом?! Трудно объяснить такое беспринципное сползание Сталина и Молотова к невольному обелению фашизма. Можно понять стремление закрепить действие пакта о ненападении торговыми соглашениями, хозяйственными связями, экономическими отношениями и т.д. Но пойти на фактическое дезавуирование всех своих прошлых антифашистских идеологических установок — это было уже слишком! Стараниями Сталина, который участвовал в переговорах с Риббентропом, аннексионистские планы Германии не получили должной оценки со стороны Советского правительства. Например, в подписанном в тот же день "Заявлении советского и германского правительства" говорится: СССР и Германия "в обоюдном согласии выражают мнение, что ликвидация настоящей войны между Германией, с одной стороны, и Англией и Францией, с другой

стороны, отвечала бы интересам всех народов"[137]. Но народы вправе спросить: а как это сделать? Смириться с тем, что Германия захватила чуть ли не всю Европу? Разве Польша, лежавшая в руинах, могла одобрить "обоюдное согласие", подписанное Молотовым и Риббентропом? Представляется, что в своем стремлении оградить СССР от войны Сталин зашел слишком далеко. Тем более что эти принципиальные уступки ничего не прибавили к пакту. Только наглости фашистам и растерянности советским людям. Нельзя не видеть, что в "германском вопросе" Сталин оказался под весьма большим влиянием Молотова, упорно настаивавшего на своих односторонних выводах. Целый ряд заявлений наркома иностранных дел просто внес сумятицу в сознание советских людей и наших друзей за рубежом. Например, как можно расценить положения доклада Молотова, одобренного Сталиным, на внеочередной сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939 года?

"Германия находится в положении государства, стремящегося к скорейшему окончанию войны и к миру, а Англия и Франция, вчера еще ратовавшие против агрессии, стоят за продолжение войны и против заключения мира... В последнее время правящие круги Англии и Франции пытаются изобразить себя в качестве борцов за демократические права народов против гитлеризма, причем английское правительство объявило, что будто бы для него целью войны против Германии является, не больше и не меньше, как "уничтожение гитлеризма"... Не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война за "уничтожение гитлеризма", прикрываемая фальшивым флагом борьбы за "демократию"... Наши отношения с Германией... улучшились коренным образом. Здесь дело развивалось по линии укрепления дружественных отношений, развития практического сотрудничества и политической поддержки Германии в ее стремлениях к миру..."[138]

Подобная политическая и идеологическая переориентация сбивала людей с толку, деформировала классовые установки в общественном и индивидуальном сознании. Вместе с тем эти тезисы как нельзя полно характеризуют дипломатическую близорукость Сталина и Молотова, их идеологическую беспринципность. Диктатор, без колебаний посылавший многие тысячи людей на смерть, в лагеря за одно подозрение в идеологической "нечистоплотности", проявил удивительную неразборчивость в "братании" с фашизмом. Хотя многие в Коминтерне не понимали причин быстрой идеологической эволюции Сталина, влиять на официальную позицию Коминтерна они объективно

не могли. До июня 1941 года Коминтерн не соглашался с оценками европейских коммунистических и рабочих партий в отношении антифашистского характера борьбы их стран. Вновь острие критических стрел было нацелено не на фашистов, а на социал-демократов, как "пособников милитаризма". Беспредметным оказался и лозунг: "Положить конец войне". Непонятно, как можно было "положить конец": фактически согласившись с захватом Гитлером доброй половины Европы? Разъяснений на этот счет не последовало.

Слово "фашизм" временно исчезло из политического словаря Сталина и Молотова. В Берлине, надо полагать, были довольны. Не случайно сразу после ратификации пакта о ненападении фюрер заявил в рейхстаге 1 сентября 1939 года: "Пакт был ратифицирован и в Берлине и в Москве... Я (Гитлер. — *Прим. Д.В.*) могу присоединиться к каждому слову, которое сказал народный комиссар по иностранным делам Молотов в связи с этим"[139].

Просчет Сталина и Молотова очевиден. Понятное стремление любой ценой уберечься от пламени войны сопровождалось принципиальной идеологической уступкой, внесшей сумятицу не только в сознание наших друзей за рубежом. Постоянная демонстрация нейтралитета СССР невольно дезориентировала, что еще важнее, советских людей. Агитаторы в стране и армии были поставлены в чрезвычайно тяжелое положение.

Например, начальник Главного управления политической пропаганды РККА (ГУПП РККА) армейский комиссар первого ранга Л. Мехлис в своей Директиве № 0246 ставил такую задачу политорганам и партийным организациям: "В основу политической учебы с молодыми бойцами положить "Закон о всеобщей воинской обязанности", доклад тов. Ворошилова на четвертой сессии Верховного Совета СССР, военную присягу, Закон о каре за измену Родине, уставы и наставления... сообщение тов. Молотова "О ратификации советско-германского договора о ненападении"[140]. Мехлис эту фразу вставил собственноручно. Когда накануне он был у Сталина, тот, выслушав доклад начальника ГУПП РККА о политической работе в войсках, бросил:

— Не дразните немцев... — А затем пояснил: — "Красная звезда" часто пишет о фашистах, фашизме. Прекратите. Обстановка меняется. Не надо громко об этом кричать. Всему свое время. У Гитлера не должно складываться впечатления, что мы ничего не делаем, кроме как готовимся к войне с ним.

Сталин посмотрел на Мехлиса. Тот быстро что-то записы-

вал, бросая верноподданнические взгляды на "вождя". Точь-в-точь, как и десяток с лишним лет назад, когда Мехлис работал у него с Товстухой. Это был идеальный исполнитель. Сталин любил такой тип людей. Вот и сейчас он был уверен: Мехлис "прикроет" публичную газетную ругань в адрес фашистов и в то же время даст команду осторожно подогревать недоверие к гитлеровцам на армейских политзанятиях. Но поворот сделан довольно крутой, и инерцию мышления бойцов и командиров, миллионов рабочих, колхозников, интеллигенции преодолеть было не просто.

В донесениях, которые после советско-германских договоренностей стали поступать в ГУПП, при всей осторожности оценок и выводов, содержалось немало конкретных примеров искаженного представления о политических реалиях, конкретном "адресе" классового врага. Приведу несколько высказываний, содержащихся в донесениях:

— Военный инженер второго ранга Нечаев: "В связи с ратификацией договора о ненападении теперь нельзя употреблять термин "стрельба по фашизму" при стрелковом упражнении. Агитацию и пропаганду против фашизма нельзя проводить, т.к. наше правительство не видит никаких разногласий с фашизмом".

— Преподаватель Военно-инженерной академии Каратун: "Сейчас вообще не знаешь, что писать и как писать, нас раньше воспитывали в антифашистском духе, а сейчас наоборот".

— Старший лейтенант Громов (в/ч 5365), Харьковский военный округ: "Если внимательно присмотреться, то Германия, оказывается, околпачила всех. Германия теперь будет прибирать к рукам малые страны, а договор о ненападении будет лежать и ничего нельзя будет сделать"[141].

Я привел лишь несколько высказываний военнослужащих, свидетельствующих о царившей идейной растерянности, смещении классовых ориентиров. Сейчас трудно установить, кому принадлежит инициатива "вмонтировать" слово "дружба" в германо-советский договор. Если это было сделано советской стороной, то в лучшем случае свидетельствует о политическом недомыслии. Если стороной германской, то тонко рассчитанной диверсией против общественного сознания целого народа. И в том и другом случае Сталин оказался не на высоте положения. Хотя Молотов позже и скажет, что Сталин, мол, "вовремя разгадал коварные планы гитлеризма", в данном случае в это поверить трудно.

Другой крупный просчет, уже в оперативно-стратегической области, связан с принятием плана обороны страны и мобили-

зационного развертывания Вооруженных Сил. По личному указанию Сталина осенью 1939 года, вскоре после заключения договора о "дружбе" с Германией, Генеральный штаб приступил к разработке этого документа. Под руководством Б.М. Шапошникова основным разработчиком был будущий прославленный Маршал Советского Союза, тогда полковник, А.М. Василевский. Его основная идея заключалась в следующем: обеспечить готовность к ведению борьбы на два фронта — в Европе против Германии и ее союзников и на Дальнем Востоке против Японии. Предполагалось, что "западный театр военных действий будет основным". Считалось, что именно на западном и северо-западном направлениях противник сконцентрирует свои силы. Здесь соответственно и предполагалось сосредоточить основные силы Красной Армии[142]. Однако нарком, рассмотрев план, не утвердил его, полагая, что в нем недостаточно разработаны наши возможные действия по разгрому противника.

К августу 1940 года уточненный план обороны был пересмотрен. Теперь его подготовкой руководил новый начальник Генерального штаба К.А. Мерецков. Разработчиком по-прежнему был А.М. Василевский. Он все так же считал, что главные силы нашей армии целесообразно сосредоточить на Западном фронте, имея в виду возможную концентрацию сил противника в районе Бреста. 5 октября план обороны страны доложили Сталину. Он внимательно слушал наркома и начальника Генерального штаба, несколько раз подходил к карте, долго молчал, расхаживая вдоль стола. Наконец Сталин произнес:

— Мне не совсем понятна установка Генерального штаба на сосредоточение усилий на Западном фронте. Мол, Гитлер попытается нанести главный удар по кратчайшему пути на Москву... Думаю, однако, что для немцев особую важность представляет хлеб Украины, уголь Донбасса. Теперь, когда Гитлер утвердился на Балканах, тем более вероятно, что он будет готовить основной удар на юго-западном направлении. Прошу Генеральный штаб еще подумать и доложить план через десять дней...

Одновременно с переработкой плана по указанию Сталина Генеральный штаб готовил концептуальный документ — "Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил на Западе и Востоке на 1940 — 1941 годы". В "Соображениях..." верно определялось, что главную военную опасность представляет собой Германия. В качестве основной

выдвигалась следующая задача: упорной обороной на рубежах государственной границы на базе полевых укреплений не допустить вторжения противника на нашу территорию, обеспечить время для отмобилизования и затем мощными контрударами отразить наступление противника, перенеся боевые действия на его территорию. Предполагалось, что главные силы вступят в действие не раньше чем через две недели. Однако ни "Соображения...", ни готовящийся план обороны не уделяли должного внимания оборонительным операциям как таковым. Их положения и параметры не были определены. Фактически исключалась возможность прорыва крупных сил противника на большую глубину. Когда на одной стратегической игре накануне войны "проиграли" такой вариант, Сталин ядовито заметил:

— Зачем культивировать отступательные настроения? Вы что, планируете отступление?

В "Соображениях..." и плане обороны предусматривалось равномерное построение войск первого стратегического эшелона по глубине (в первом эшелоне прикрытия — 57, во втором — 52, в резерве — 62 дивизии). В начале войны это привело к тому, что соединения Красной Армии действовали разрозненно, как бы поочередно, и противник получил возможность расправляться с ними также "по частям". Забегая вперед, скажу, что гитлеровские армии, наоборот, по фронту были расположены очень неравномерно, сосредоточивались на направлениях главных ударов, тем самым создавая четырех- и пятикратное превосходство над советскими войсками. Именно это в значительной степени позволяло немцам быстро прорывать оборону и стремительно продвигаться в глубь территории страны.

Характерно, что незадолго до начала войны Сталин затребовал в свою личную библиотеку Полевой устав Красной Армии. Его страницы испещрены подчеркиваниями, свидетельствовавшими о том, что Сталин, решая оборонные вопросы стратегического характера, стремился как-то повысить свой уровень знаний в области военного искусства. Однако его замечания на Главном Военном Совете, совещаниях с военным руководством говорят больше о наличии у него здравого смысла, замешенного на осторожности, нежели высокой оперативной и стратегической компетентности. Сталин подошел к порогу войны как осторожный и в то же время самоуверенный политик, а не как военный стратег.

14 октября 1940 года переработанный план обороны вновь

доложили Сталину. Естественно, все его пожелания были учтены полностью, а это означало коренную переориентировку основных усилий Вооруженных Сил. Направление главного удара противника теперь уже ожидалось на юго-западе[143]. А ведь Главное разведывательное управление РККА знало, что основные ударные силы вермахта (три танковые армии из четырех) нацеливались на Смоленск и далее на Москву. Но у военачальников не хватило мужества и аргументов убедить Сталина. Как показали дальнейшие события, Гитлер именно здесь и нанес главный удар. А ведь это можно было предвидеть. Но... Почему так произошло?

Напомню, что в годы гражданской войны Сталин был членом Военного совета Южного и Юго-Западного фронтов. Тогда хлеб и уголь были действительно так же важны для Советской Республики, как и победы над контрреволюцией. Сталину казалось, что большие безлесные пространства, равно как и экономические соображения (кратчайший путь к кавказской нефти, украинскому хлебу и углю), побудят Гитлера направить главный удар именно на юго-запад.

А теперь о другом. Так уж случилось, что на основных постах в Генеральном штабе накануне войны оказались "выдвиженцы" из Киевского особого военного округа: С.К. Тимошенко — нарком обороны, Г.К. Жуков, ставший в феврале 1941 года начальником Генштаба, Н.Ф. Ватутин — первый заместитель начальника Генштаба, С.К. Кожевников — начальник политотдела Генштаба. Естественно, что эти люди, занимавшиеся в свое время оперативными делами в КОВО, в какой-то мере считали юго-западное направление первостепенным, особо важным. К тому же им была известна и точка зрения Сталина. К слову сказать, Военный совет КОВО и до принятия плана обороны страны придерживался точки зрения, что "главный удар объединенных сил противника следует ожидать в их зоне ответственности". В документе "Решение Военного совета Юго-Западного фронта по плану развертывания на 1940 год", подписанном начальником штаба Киевского особого военного округа М.А. Пуркаевым, однозначно говорится, что острие нашествия германской армии следует ожидать на юго-западном направлении[144].

Когда план обороны был одобрен Сталиным, в должность начальника Генерального штаба вступил Г.К. Жуков. Фактически за полгода состоялось назначение трех начальников Генштаба. В августе 1940 года Б.М. Шапошникова на этом посту

сменил К.А. Мерецков, уступивший, в свою очередь, эту должность Г.К. Жукову. Но такая кадровая чехарда была по вкусу Сталину.

Здесь я должен упомянуть об одном интересном документе. Г.К. Жуков, по натуре очень решительный и волевой человек, чувствовал, что немецкие войска, нанеся удар первыми, могут добиться решающего перевеса. После размышлений, сомнений и бесед с Тимошенко он 15 мая 1941 года от руки написал Сталину записку следующего содержания:

"Председателю Совета Народных Комиссаров

Соображения по плану стратегического развертывания

Вооруженных Сил Советского Союза.

Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отмобилизованной, с развернутыми тылами, она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар. Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий германскому командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск..." Далее Жуков определил первую и последующую стратегические цели, заключающиеся в разгроме основных сил центрального и северного крыла германского фронта[145].

Самый прославленный в будущем полководец Великой Отечественной войны предлагал Сталину за пять недель до ее начала радикальное решение: нанести удар по изготовившимся к броску германским войскам. Смелое, политически чрезвычайно острое предложение. Письменных следов на документе Сталин не оставил; в тот период "вождь" был сверхосторожен и осмотрителен. Он по-прежнему полагал, что у страны есть еще достаточно времени для подготовки к схватке с фашизмом.

А тем временем, в начале июня 1941 года, было принято решение, одобренное Сталиным: усилить юго-западное направление еще 25 дивизиями. Тем более что накануне, в конце апреля 1941 года, в Генеральный штаб поступила следующая информация НКВД, полученная по разведывательным каналам: "Выступление Германии против Советского Союза решено окончательно и последует в скором времени. Оперативный план наступления предусматривает молниеносный удар на Украину и дальнейшее продвижение на Восток..."[146]

Фашисты пытались дезориентировать советское руковод-

ство в отношении направлений главного удара, сроков начала войны, ее стратегического замысла. Г.К. Жуков писал после войны, что "сейчас у нас в поле зрения, особенно в широких, общедоступных публикациях в основном факты предупреждений о готовившемся нападении на СССР, о сосредоточении войск на наших границах и т.д. Но в ту пору, как это показывают обнаруженные после разгрома фашистской Германии документы, на стол к И.В. Сталину попадало много донесений и совсем другого рода"[147].

К сожалению, Сталин, располагая немалой информацией, стекавшейся к нему по разным каналам, далеко не всегда доводил ее даже до сведения Генерального штаба. Например, телеграмму Черчилля о подготовке германского нападения на Советский Союз Сталин, повторяю, просто счел попыткой быстрее столкнуть его с Гитлером, и предупреждение из Лондона попало на стол начальника Генштаба спустя много времени после его получения. Было немало и других донесений и сообщений, которым Сталин, по существу, не придал должного значения.

Однажды, беседуя с академиком Б.Н. Пономаревым, бывшим секретарем ЦК партии, давним коминтерновским работником, я услышал от него, например, о таком случае.

— Где-то весной 1941 года, — рассказывал Б.Н. Пономарев, — похоже, в конце мая, со мной встретились два австрийских коммуниста, приехавших "оттуда". Они возбужденно рассказали об огромных военных приготовлениях в Германии на западных границах СССР, о бесконечных военных эшелонах с танками, артиллерией, машинами, следующих день и ночь в восточном направлении. Такое может быть, считали они, при подготовке военного нападения.

Я передал содержание информации Георгию Димитрову, тот имел специальный разговор со Сталиным. Через день Димитров мне сказал:

— Сталин спокойно отнесся к сообщению австрийских коммунистов и сказал, что это далеко не первый сигнал такого рода. Но что он не видит оснований для чрезмерного беспокойства. Вчера, например, они на Политбюро рассмотрели график отпусков, и большей части его членов и кандидатов предоставлена возможность пойти отдыхать летом. Первым, в частности, поедет на юг А.А. Жданов, а ведь он член Военного совета приграничного округа... На этом Сталин, — по словам Г. Димитрова, — счел разговор законченным.

— Как можно объяснить такое, — рассуждал Б.Н. Пономарев. — Недооценка опасности? Самоуверенность? Господство навязчивой идеи о том, что события будут развиваться именно так, как спланировал он, Сталин?

Подобные недоуменные вопросы содержатся и в воспоминаниях Г.К. Жукова, А.М. Василевского, М.В. Захарова, многих других военачальников. Думаю, прав был Г.К. Жуков, когда утверждал, что накануне войны все помыслы и действия Сталина были пронизаны одним стремлением: избежать, не допустить войны, и это породило уверенность в том, что так оно и будет. Но разве начальник Главного разведывательного управления Красной Армии Ф.И. Голиков не докладывал Сталину, что к началу марта 1941 года мощь вермахта достигнет 8 миллионов человек, 12 тысяч танков, 52 тысяч орудий, около 20 тысяч самолетов? Разве не ясно, что долго держать без дела такую колоссальную военную машину Германия не в состоянии? И разве не было известно "вождю", что основные силы этой армады были уже сконцентрированы на востоке?

Объективности ради следует сказать, что шли к Сталину донесения и другого рода — о "нежелании немецкого народа воевать", о "дезертирстве в германской армии", о "пораженческих настроениях в вермахте" и т.д. Из Берлина по специальным каналам поступали сообщения о том, что в германских войсках, сосредоточенных на востоке, ведутся едва ли не пацифистские разговоры: "Если Германия ввяжется в войну с СССР, то она будет побеждена"; "эта война доведет народ до гибели"; "мы не хотим воевать и хотим домой"[148]. Возможно, такие настроения и встречались, но главное заключалось в другом: донесения подобного рода соответствовали желаниям Сталина. Не исключено, что все эти данные о "настроениях" тоже были тонкой дезинформацией.

Как рассказывал Г.К. Жуков К.М. Симонову, в начале 1941 года, когда поток сообщений о концентрации немецких войск в Польше особенно возрос, Сталин обратился к Гитлеру с личным письмом, в котором писал, что это обстоятельство нас удивляет и создает у нас впечатление, что Гитлер собирается воевать против нас. В ответ Гитлер прислал Сталину письмо, тоже личное, и, как он подчеркнул в тексте, "доверительное". В этом письме он писал, что эти сведения верны, что в Польше действительно сосредоточены крупные войсковые соединения, но что он, будучи уверен, что это не пойдет дальше Сталина, должен разъяснить, что сосредоточение его войск в Польше не

направлено против Советского Союза, что он намерен строго соблюдать заключенный пакт, в чем ручается своей честью главы государства. В своем письме Сталину фюрер нашел аргумент, которому, как говорил Жуков, Сталин, по-видимому, поверил. Мол, территория Западной и Центральной Германии подвергается сильным английским бомбардировкам и хорошо наблюдается англичанами с воздуха. Поэтому он был вынужден отвести крупные контингенты войск на восток.

А германский военный атташе Кестринг, усиливая дезинформацию при контактах с советскими официальными лицами, часто говорил: "Сейчас у нас войска освобождаются — пусть отдохнут"[149].

В то же время в директиве наркома обороны "О результатах проверки боевой подготовки за зимний период 1941 года и указаниях на летний период", подписанной Тимошенко, членом Главного Военного Совета Ждановым и начальником Генштаба Жуковым 17 мая 1941 года, совершенно ничего не говорилось ни о задачах западных военных округов, ни о повышении бдительности, боеготовности, устойчивости в обороне, ни о подготовке к отражению массированных налетов авиации и вторжения крупных масс танков. Рутинные замечания о "недостатках в одиночной подготовке бойца" и полное отсутствие указаний оперативного характера[150]. Война была на пороге, гигантская военная машина Германии была готова вот-вот сорваться с места и ринуться на восток, а Наркомат обороны, Генеральный штаб действовали так, будто Гитлер и не думал, пока того не пожелает Сталин, сделать свой роковой и страшный шаг.

А разведка между тем сообщала все новые и новые тревожные данные. Начальник разведотдела КОВО полковник Бондарев информировал в конце мая 1941 года о непрерывном прибытии новых танковых, артиллерийских и пехотных частей в районы Люблина, Красностава, Замостья, Грубешова, Томашува, Белжеца. В своих выводах, оценивающих обстановку, начальник разведотдела подчеркивал: "Сосредоточение войск к границе с СССР продолжается... Подготовка театра военных действий проводится форсированными темпами"[151]. Аналогичная картина была и в ЗапОВО. Полковник Блохин, начальник разведотдела штаба округа, также доносил своему командованию: "На основании ряда проверенных агентурных данных, военная подготовка Германии против СССР за последнее время, особенно с 25 мая, проводится более интенсивно..." В

донесении, в частности, говорилось, что один из засланных на территорию СССР германских агентов заявил при допросе, что со своими данными он должен вернуться в г. Цеханув не позже 5 июня, т.к. им сказали — скоро возможно начало военных действий против СССР...[152]. Такие донесения шли не только в штабы приграничных округов, но и в Москву.

Нарком обороны, обеспокоенный положением дел, направил несколько комиссий в приграничные округа для проверки положения дел в танковых войсках. А в остальных? 16 июня по результатам проверки в Военные советы округов и армий, штабы механизированных корпусов ушла шифровка:

"Проверкой танковых войск в КОВО, ЗапОВО, ПрибОВО и ОдВО установлено:

1. Обучение бойцов и командиров проходит оторванно от основной задачи, вытекающей из боевой готовности механизированных войск, и протекает нецелеустремленно.

2. Огневая подготовка стоит на низком уровне и отстает от плана огневой подготовки на один-два месяца.

3. Взаимодействия родов войск внутри мехсоединений отрабатываются мало и плохо.

4. Мотополки готовятся как стрелковые части. Не учитывается их назначение и характер боевого использования.

5. Подготовка радистов до сих пор стоит на низком уровне.

6. Артполки ведением огня с открытых позиций прямой наводкой не овладели и этому не обучаются.

7. Ночные занятия проводятся как исключение и только в отдельных частях. Системы подготовки к ночным действиям нет..."[153]

Подобных недостатков "нанизано" целых семнадцать пунктов. Но в директиве, подписанной Тимошенко и Жуковым, опять ничего не говорится о крупных оперативных вопросах, связанных с повышением готовности к отпору неизбежного германского нападения. Они как бы загипнотизированы уверенностью Сталина; война не начнется, пока они к ней не готовы...

А не готовы были во многих отношениях: в оперативном, техническом, мобилизационном. Еще до указанных событий Сталин послал А.И. Запорожца, начальника Главного управления политической пропаганды Красной Армии, проверить готовность укрепрайонов на западной границе. Запорожец, возглавивший комиссию, проехал вдоль новой границы, где строились оборонительные позиции. Его доклад Сталину (одновре-

менно направленный Молотову, Андрееву, Жданову и Маленкову) был неутешительным:

"Укрепленные районы, строящиеся на наших западных границах, в большинстве своем не боеспособны. Законченные строительством боевые сооружения (ДОТ) не имеют должного вооружения... Укрепленные районы не обеспечены в необходимом количестве постоянными и специально подготовленными гарнизонами"[154].

Сталин переадресовал доклад наркому обороны, посоветовав тому более круто спросить с исполнителей за медленное создание системы укрепрайонов, которые, к сожалению, с началом войны не сыграют той роли, которая им предназначалась. Сталин спешил, торопил, но, когда дело касалось принятия радикальных решений, проявлял свою обычную осторожность.

По свидетельству Жукова, уже в самый канун войны Сталин, вопреки настояниям военного руководства, категорически запретил привести войска западных округов в повышенную боевую готовность. Его боязнь "спровоцировать" немцев была просто-таки маниакальной. Конечно, можно понять стремление Сталина не дать Гитлеру повода для военного нападения. Но в то же время он должен был понимать, что едва ли Германия нападет на СССР только в результате "провокации", если это не входило в ее стратегические планы. Однако ни Ворошилов, ни Тимошенко, ни Жуков не смогли найти достаточных аргументов для того, чтобы показать, что полумеры ничего не решают.

Таким образом, военно-стратегический просчет, связанный с определением направления главного удара вермахта, усугубился упорным стремлением Сталина не видеть того бесспорного факта, что война уже на пороге Отечества.

Гитлер тем временем созвал совещание высшего военного руководства, в ходе которого заслушал сообщения генералов о завершении подготовки к нападению на СССР. Ему докладывали, что с 22 мая железные дороги Германии переведены на график ускоренного движения и сосредоточение войск будет закончено 19 июня, что военно-воздушные соединения первого удара, дислоцированные западнее Вислы, к вечеру 21-го на малой высоте перебазируются на аэродромы вблизи границ СССР. После уточнения деталей фюрер внес в план лишь одно небольшое изменение: начало нападения перенести с 3.30 на 3.00 22 июня.

Сталин, получая тревожные и, как впоследствии оказалось, в основном правдивые сигналы и сообщения, не решился на принятие чрезвычайных мер военного характера в соответствии с планами оперативно-стратегического развертывания. Если бы заблаговременно, энергично и по возможности скрытно были осуществлены необходимые оперативные и мобилизационные мероприятия, начало войны могло быть совсем иным. Думаю, что очень точную оценку действиям Сталина в этот период дал Маршал Советского Союза А.М. Василевский: "...Причин для того, чтобы добиться оттягивания сроков вступления СССР в войну, имелось достаточно, и жесткая линия Сталина не допускать того, что могла бы использовать Германия как повод для развязывания войны, оправдана историческими интересами социалистической Родины. Но вина (именно вина! — *Прим. Д.В.*) его состоит в том, что он не увидел, не уловил того предела, дальше которого такая политика становилась не только ненужной, но и опасной. **Такой предел следовало смело перейти** (выделено мной. — *Прим. Д.В.*), максимально быстро привести Вооруженные Силы в полную боевую готовность, осуществить мобилизацию, превратить страну в военный лагерь. Следовало, видимо, тянуть время где-то максимум до июня, но работу, какую можно вести скрытно, выполнить еще раньше. Доказательств того, что Германия изготовилась для военного нападения на нашу страну, имелось достаточно — в наш век их скрыть трудно. Опасения, что на Западе поднимается шум по поводу якобы агрессивных устремлений СССР, нужно было отбросить. Мы подошли волей обстоятельств, не зависящих от нас, к рубикону войны, и нужно было твердо сделать шаг вперед. Этого требовали интересы нашей Родины"[155]. Может быть, на это потребовалась бы всего неделя?! Кто скажет? Если бы директива о приведении в боевую готовность западных округов ушла хотя бы на несколько дней раньше!.. Помешало единовластие Сталина.

Трудно не согласиться с этими трезвыми рассуждениями, но... если бы они были высказаны накануне войны! К сожалению, никто из политического и военного окружения Сталина не попытался убедить его в зернах тех истин, которые так мудро, но поздно, изложил Василевский! О доле — и немалой! — вины военных в этом важнейшем стратегическом просчете говорил и Г.К. Жуков: "В период назревания опасной военной обстановки мы, военные, вероятно, не сделали всего, чтобы убедить И.В. Сталина в неизбежности войны с Германией в самое бли-

жайшее время и доказать необходимость проведения в жизнь срочных мероприятий, предусмотренных оперативно-мобилизационными планами"[156]. Просил бы читателя обратить внимание на слово "убедить" И.В. Сталина...

Величие, мудрость, зрелость руководителя заключается, видимо, в том, что именно вождь должен убеждать окружающих в истинности своих решений. Как это делал В.И. Ленин. И в данном случае мы вновь сталкиваемся с порочным стилем руководства Сталина, который, по сути, автоматически отвергал альтернативные предложения и решения. Воля Сталина проявлялась как державное упрямство, не признающее других мнений. Конечно, говоря словами Клаузевица, "война — это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю". Но она, воля, может добиться этого, если выступает в союзе с мудростью.

Волевой интеллект Сталина в данном случае показал, каково соотношение его некоторых компонентов. Сталин непреклонно держался поставленной цели: не допустить войны. Но в этом случае стремление к цели, во имя достижения которой хороши были, как считал "вождь", любые средства, как бы отодвинуло остальное на второй план. Пытаясь проникнуть в духовный мир Сталина на основе анализа конкретных фактов того времени, мы видим, что упорство "вождя" базировалось на чрезмерной уверенности в себе, неспособности признать ошибочность своего решения, самолюбии. Подобное, во многом "бесконтрольное", упорство, близкое к упрямству, в конце концов подтачивает и саму волю, которая является его источником. А это ведет к тому, что на каком-то этапе упрямство как бы парализует волю, сковывая ее путами вдруг появляющейся нерешительности, сомнений и колебаний. Человек никак не может совершить чрезвычайно нужный и ответственный шаг. Именно таким предстал в последние дни перед войной, особенно в решающие часы, Сталин, человек несомненно волевой. Воля, подавленная упрямством, не внемлет доводам интеллекта. Это есть, по словам Энгельса, "ослепленное упрямство", которое вступает в конфликт с аргументами ума.

Ко всему этому, подчеркну еще раз, Сталин не обладал даром предвидения, способностью приподнять завесу над грядущим и заглянуть за горизонты сегодняшнего бытия. Он продолжал пристально вглядываться в настоящее, находясь под гипнозом желаемого. У него не было способности "опережающего" отражения бытия. В противном случае разве он не мог

предвидеть, например, последствий репрессий десятков тысяч высших армейских командиров накануне войны? Можно, конечно, сказать, что здесь он руководствовался только политическими и личными соображениями, однако так или иначе трагедия этих горьких лет свидетельствует не только о глубокой моральной ущербности "вождя", но и о его ограниченной способности видеть будущее. Ошибки в оценке военно-политической ситуации накануне войны — неоспоримое тому доказательство.

Концентрация политической власти в руках одного человека может вести к тому, что нравственный, волевой, интеллектуальный изъян, который у простого, рядового человека выглядит лишь как его личная слабость, у руководителя такого масштаба, каким был Сталин, приобретает судьбоносное значение. Поскольку политические, военно-стратегические просчеты, допущенные Сталиным и его окружением накануне войны, советский народ, его армия смогли "исправить" в конечном счете ценой огромных жертв. Мы привычно говорим, что в этом еще раз проявилась решающая роль народных масс в историческом процессе. Значительно реже мы анализируем, **какой ценой** утверждается эта роль. Анализ разумности этой цены, о чем пойдет речь в одной из последующих глав, позволяет глубже судить о подлинном или мнимом величии руководителей, стоящих во главе народов.

На исторической сцене народ является главным действующим лицом. Но он часто вынужден платить непомерную цену, если решающим образом не влияет на выдвижение "солистов". Почти все военные, многие политические деятели, большое количество простых людей видели, чувствовали весной 1941 года необъяснимое упорство, с каким Сталин оценивал развитие событий, но никто не смог, а точнее, и не пытался освободить "вождя" от слепого упрямства. Здесь дело уже не просто в неиспользованных шансах совести. Иногда этот шанс крайне трудно использовать: и прежде всего тогда, когда у пульта управления государством стоит лишь один человек, а время на принятие особо важного решения исчисляется неделями, затем сутками и, наконец, часами...

Начальник штаба ЗапОВО генерал-майор В.Е. Климовских по поручению командующего округом Д.Г. Павлова в 2.40 ночи 21 июня (за сутки до начала нападения) шлет шифротелеграмму:

"Вручить немедленно.

Начальнику Генштаба К.А.

Первое. 20 июня в направлении Августов имело место нарушение госграницы германскими самолетами: в 17.41 шесть самолетов... в 17.43 — девять самолетов... в 17.45 десять самолетов. По данным погранотряда, самолеты имели подвешенными бомбы.

Второе. По докладу командарма-3 проволочные заграждения вдоль границы у дороги Августов, Сейны, бывшие еще днем, к вечеру сняты. В этом районе, в лесу будто бы слышен шум наземных моторов. Пограничниками усилен наряд...

В. Климовских"[157].

Такие донесения шли и из других округов. Климовских, назначенный в июле 1940 года на должность начальника штаба Западного особого военного округа, не мог тогда знать, что ровно через год, в июле 1941 года, он будет расстрелян с группой других генералов по личному указанию И.В. Сталина. Правда, с предварительным "оформлением" понаторевшего на этих делах В.В. Ульриха. Сознание Сталина до самых последних часов не могло перестроиться и адекватно отразить нарастающие грозные реальности. Он все еще находился в плену иллюзий своего "провидчества" и "всемогущей" воли.

Чтобы лучше понять драму тех последних предвоенных часов, нужно еще раз обратиться к личным качествам Сталина. О многих из них речь уже шла. Теперь следует сказать и о таком, как осторожность. Конечно, Сталину было не занимать смелости и решительности при принятии обычных решений. Но в больших делах он был до предела осмотрителен. Это выразилось, например, в дни Октября, когда во многом в силу сложности и неясности обстановки его личная инициатива была минимальной. Это можно проследить и на кровавых событиях 1937 — 1938 годов. Сегодня ясно, что Сталин хотел еще в начале 30-х годов нанести удар по всем потенциальным противникам его единовластия, но долго не решался на этот шаг. Даже смерть Кирова, давшая ему предлог для репрессий, в "полной мере" была им использована не сразу. Хотя позже он неоднократно публично говорил о том, что с "выкорчевыванием врагов народа опоздали на четыре года". Сталин умел терпеливо ждать, накапливать по крупицам нужное качество, желаемое духовное состояние в обществе, готовить подходящую обстановку. Не случайно в свое время Бухарин назвал Сталина "великим дозировщиком". "Вождь" умел медленно, постепенно

создавать, "дозировать" такую ситуацию, когда все убеждались: этот шаг необходим! Час настал! Пора! Таким шагом, например, явился в годы репрессий февральско-мартовский Пленум ЦК ВКП(б) 1937 года.

Но в отношениях с Гитлером его сверхосторожность в конце концов дала обратные результаты. Фактически в большой политической игре Гитлер перехитрил Сталина. Осторожность Сталина диктовалась не только пониманием им последствий "преждевременной" войны, но и в определенном смысле большой внутренней неуверенностью. СССР был один на один с капиталистическим миром. Любой неосторожный шаг мог привести к непоправимым последствиям. Эта мысль не могла не довлеть над сознанием Сталина в моменты принятия ответственных государственных решений.

Сталин так настойчиво боролся с возможностью "провокаций", что это заметили в Берлине и сделали соответствующие выводы. Его осторожность, отсутствие должной реакции на многочисленные нарушения Германией заключенных договоренностей, подчеркнутая "лояльность" — вот что действительно подталкивало Гитлера, наглевшего день ото дня, убеждало его в слабости СССР. Например, по указанию Сталина в июне советским войскам западных округов было отдано дополнительное распоряжение: не применять оружия против германских самолетов, нарушавших границы СССР. Одновременно была передана аналогичная директива и пограничникам[174]. Немцы это сразу заметили. Осторожность — качество, необходимое политику, — превратилась в нерешительность и перестраховку, питаемые маниакальной уверенностью в исполнении собственного желания: не допустить войны. В конце концов это привело к непоправимому...

Накануне войны от командующего Киевским особым военным округом генерал-полковника М.П. Кирпоноса поступило несколько донесений о перебежчиках — немецких солдатах. Они сообщали о том, что этой ночью германские войска совершат нападение на Советский Союз. Нарком сразу же доложил по телефону Сталину. Тот, помолчав, приказал Тимошенко, Жукову и Ватутину прибыть к нему. Как вспоминает Жуков, там уже были все члены Политбюро. Сталин, как всегда, расхаживал вдоль стола. Когда вызванные военачальники вошли, он сказал, обращаясь ко всем:

— Что будем делать?

Все молчали.

— Надо немедленно дать директиву о приведении всех войск приграничных округов в полную боевую готовность, — в напряженной тишине наконец прозвучал голос Тимошенко.

— Читайте, — бросил Сталин.

Жуков прочел проект директивы, подготовленный в Генштабе, в котором подчеркивалась необходимость решительных действий в соответствии с оперативным планом отражения нападения. Сталин перебил начальника Генштаба:

— Такую директиву сейчас давать преждевременно. Может быть, вопрос еще уладится мирным путем. Надо дать короткую директиву, в которой указать, что нападение может начаться с провокационных действий немецких частей. Войска приграничных округов не должны поддаваться ни на какие провокации, чтобы не вызвать осложнений.

Когда военные ушли отдавать необходимые распоряжения, Сталин как бы про себя сказал:

— Думаю, что Гитлер нас провоцирует... Неужели он решился на войну?

Разъехались члены Политбюро в третьем часу. Самая короткая ночь пришла в столицу. Сталин устало смотрел из окна своего бронированного автомобиля на безлюдные улицы. Он еще не знал, что немецкие самолеты уже летят бомбить советские города и аэродромы, что экипажи фашистских танков выводят свои машины на исходные позиции, что гитлеровские генералы все чаще смотрят на циферблаты своих часов. Их стрелки приближались к роковой отметке. Но едва Сталин стал засыпать, разложив постель на диване в своем кабинете на даче, где он и работал и отдыхал, в дверь осторожно постучали. Стук больно отозвался в сердце: Сталина никогда не будили. Должно быть, произошло самое худшее. Неужели он просчитался?

Натянув пижаму, Сталин вышел. Начальник охраны доложил:

— Генерал армии Жуков просит Вас, товарищ Сталин, по неотложному делу к телефону!

Сталин подошел к аппарату.

— Слушаю...

Жуков коротко доложил о налетах вражеской авиации на Киев, Минск, Севастополь, Вильнюс, другие города. После доклада начальник Генштаба переспросил Сталина:

— Вы меня поняли, товарищ Сталин?

Диктатор тяжело дышал в трубку и ничего не говорил. Па-

рализующая, колоссальная, фантастическая тяжесть легла на его плечи, и до сознания плохо доходил вопрос Жукова. Вопреки его желанию, воле, уверенности Гитлер решился начать войну. Возможно, в сознании мелькнул текст поздравительной телеграммы Гитлера в день 60-летия Сталина:

"Господину Иосифу Сталину.

Ко дню Вашего 60-летия прошу Вас принять мои самые сердечные поздравления. С этим я связываю свои наилучшие пожелания. Желаю доброго здоровья Вам лично, а также счастливого будущего народам дружественного Советского Союза..."

Сталин молчал. А из трубки вновь раздалось тревожно-удивленное:

— Товарищ Сталин, Вы меня поняли?

Он наконец понял. Земные боги тоже ошибаются, и цена их ошибок безмерно велика.

Было четыре часа утра 22 июня тысяча девятьсот сорок первого года.

глава 2

Катастрофическое начало

За ошибки государственных деятелей расплачивается нация.

Н. Бердяев.

Сталин с трудом постигал смысл слов Жукова, который продолжал тревожно-удивленно бросать в телефонную трубку:

— Товарищ Сталин, Вы меня слышите? Вы меня поняли, товарищ Сталин? Алло, товарищ Сталин...

Наконец человек, на плечи которого навалилась такая фантастическая тяжесть, ответил глухим голосом:

— Приезжайте с Тимошенко в Кремль. Скажите Поскребышеву, чтобы вызвал всех членов Политбюро...

Положив трубку, Сталин с минуту постоял около стола, невидящими от потрясения глазами скользнул по циферблату старинных часов, стоявших в углу комнаты: меньшая стрелка едва переползла временной рубеж у цифры четыре. Вчера Политбюро своей нерешительной Директивой № 1 дало как бы робкий сигнал тревоги Военным советам ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО, подчеркнув при этом: "Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия..."[1] На запоздалый, едва "читаемый" сигнал войска не успели ответить активными действиями. Сталин подсознательно понимал, что произошло: началось нечто страшное, огромное и трагическое в судьбе страны, народа и, конечно, его, первого человека в этом гигантском государстве. Но даже он, хорошо знавший, какие колоссальные военные силы стояли лицом к лицу на границе, не представлял, сколь катастрофическим будет начало войны. Зная многие технические, оперативные, организационные слабости Красной Армии, он даже мысленно не мог допустить, что, скажем, через шесть дней после начала войны падет Минск и танковые клинья немцев будут с треском распарывать все новые и новые безуспешно создаваемые рубежи обороны... Автоматически застегивая пуговицы на френче, известном миллионам советских людей по бесчисленным фотографиям и портретам, Сталин не мог слышать далекой канонады десятков тысяч немецких орудий, обрушивших прицельный огонь по позициям советских войск, пограничным

заставам, долговременным укреплениям. В те минуты, когда он садился в машину, в Бресте, Бобруйске, Вильнюсе, Вентспилсе, Гродно, Кобрине, Киеве, Минске, Житомире, Слониме, Севастополе, десятках других городов рвались немецкие бомбы, оповещая о приходе молоха войны. Машина Сталина в сопровождении двух автомобилей охраны мчалась по пустынным улицам Москвы к Кремлю, а в это время тысячи немецких танков уже кромсали своими гусеницами земную твердь Отечества. Тот, кому довелось когда-нибудь видеть таежный пожар, знает, сколь стремительно гонит ветер огненный вал по лесным массивам... Пожар нашествия растекался смертельной огненной лавиной, пожирая тысячи городов и сел, миллионы человеческих судеб.

Как мог Гитлер решиться вести войну на два фронта? Он что, настоящий безумец? Сталин никак не хотел понять, что Гитлер, захватив Париж, фактически ликвидировал один фронт и надеялся, что русская, восточная, кампания тоже будет молниеносной. Мысль Сталина искала спасительную зацепку: а может быть, военные просто паникуют перед лицом крупномасштабной провокации? Тот же Павлов еще два или три дня назад прислал телеграмму (кажется, уже не первую) с просьбой "разрешить занять полевые укрепления вдоль госграницы"[2]. Он приказал Тимошенко ответить командующему ЗапОВО отказом, так как выдвижение войск может спровоцировать немцев, которые, похоже, давно ждут подходящего предлога... Нужно прежде всего запросить Берлин: возможно, это только проба сил? Разве хасанские события привели к войне с Японией?

Войдя в специальный, только для него, подъезд и поднявшись к себе в кабинет, Сталин, проходя через приемную, бросил бледному Поскребышеву:

— Приглашайте всех, сразу...

Неслышно, как-то осторожно, молча зашли члены и кандидаты в члены Политбюро, за ними Тимошенко и Жуков. Не здороваясь с вошедшими, Сталин произнес, не обращаясь ни к кому конкретно:

— Свяжитесь с германским послом...

Молотов вышел. Наступила тягостная тишина. За столом сидели те, кого пригласил Поскребышев: А.А. Андреев, К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович, А.И. Микоян, М.И. Калинин, Н.М. Шверник, Л.П. Берия, Г.М. Маленков, Н.А. Вознесенский, А.С. Щербаков. Вернувшись, Молотов почувствовал, что не только Сталин, но и вся "партверхушка" напряженно

смотрит на него. Подходя к своему стулу, нарком иностранных дел глухо выдавил:

— Посол сообщил: германское правительство объявило нам войну. — Заглянув в бумажку, которую держал в руках, Молотов добавил: — Формальный повод стандартный: "Националистская Германия решила предупредить готовящееся нападение русских..."

Тишина стала словно густой, вязкой. Сталин сел за стол, посмотрел на Молотова, вспомнил, как тот полгода назад, здесь же, после приезда из Берлина уверенно докладывал:

— Гитлер ищет нашей поддержки в борьбе с Англией и ее союзниками. Нужно ждать обострения их противоборства. Гитлер мечется... Ясно одно — вести борьбу на два фронта он не решится. Думаю, у нас есть время укрепить западные границы. Но смотреть надо в оба: имеем дело с авантюристом..

Сталин еще раз взглянул на Молотова, теперь уже зло: "...у нас есть время...". Тоже мне, провидец... В душе нарастала тревога. Сталин чувствовал себя нагло обманутым. Пожалуй, впервые за долгие годы он ощутил растерянность и неуверенность. "Вождь" привык к тому, что события развивались в соответствии с его волей. Он не хотел, чтобы послушные соратники увидели проявление его слабости. Все ждали его слов и распоряжений.

Тягостную паузу прервали слова Тимошенко:

— Товарищ Сталин! Разрешите доложить обстановку?

— Докладывайте.

В кабинет вошел первый заместитель начальника Генерального штаба генерал-лейтенант Н.Ф. Ватутин. В его кратком докладе было мало новой информации: после ураганного артиллерийского обстрела и авиационных налетов в ряде районов северо-западного и западного направлений крупные силы немецких войск вторглись на советскую территорию. Многие погранзаставы, встретив в первом бою гигантский каток германской военной машины, погибли, но не оставили боевых позиций. Авиация противника непрерывно бомбит аэродромы. Какими-либо другими конкретными данными Генштаб пока не располагал. Никто из присутствующих в кабинете не мог даже представить, сколь драматично и стремительно будут развиваться дальнейшие события.

Парализующий шок

Нет, в первый день большого шока у Сталина не было. Была заметная растерянность, злоба на всех — его так жестоко обманули, — тревога перед неизвестностью. Тот первый день члены Политбюро почти сутки пробыли у него в кабинете, ожидая вестей с границы. Лишь изредка они выходили, чтобы позвонить, выпить чаю, размяться. Говорили мало. Все в душе надеялись, что это лишь временные неудачи. Никто не сомневался, что Гитлер получит достойный отпор. Возможно, переговаривались между собой члены партийного ареопага, на неделю-другую в районе границы завяжутся жестокие бои. Война может на какое-то время стать позиционной, до тех пор пока Красная Армия не нанесет агрессору сокрушающий ответный удар...

У Маленкова в папке лежал проект директивы Главного управления политической пропаганды "О задачах политической пропаганды в Красной Армии на ближайшее время", переданный ему в середине июня начальником Главного управления политпропаганды А.И. Запорожцем, которого на второй день войны Сталин заменит армейским комиссаром Л.З. Мехлисом. 20 июня Маленков, придя по вызову Сталина в его кабинет и получив очередное задание, передал "вождю" эту директиву ГУПП. Ее стали готовить после заседания Главного Военного Совета и выступления Сталина перед выпускниками военных академий 5 мая 1941 года. "Вождь" дал ясно понять: война в будущем неизбежна. Нужно быть готовыми к "безусловному разгрому германского фашизма". В соответствии с указаниями Сталина в директиве, которую он так и не успел одобрить до начала войны, узловыми были следующие положения:

"Новые условия, в которых живет наша страна, современная международная обстановка, чреватая неожиданностями, требуют революционной решимости и постоянной готовности перейти в сокрушительное наступление на врага... Все формы пропаганды, агитации и воспитания направить к единой цели — политической, моральной и боевой подготовке личного состава, к ведению **справедливой, наступательной и всесокрушающей войны**... воспитывать личный состав в духе активной ненависти к врагу и стремления схватиться с ним, готовности

защищать нашу Родину на территории врага, нанести ему смертельный удар..."[3]

Проект директивы, кроме Маленкова, смотрел Жданов. В конце концов дело не в директиве, а в уверенности политического руководства, что страна способна отразить любое нападение и разгромить агрессора. Директива была подготовлена в духе предложений Г.К. Жукова по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР, переданных в мае Сталину. Там тоже говорилось о необходимости "упредить противника и разгромить его главные силы на территории бывшей Польши и Восточной Пруссии"[4]. Генштаб и ГУПП полагали, что оборона может быть лишь кратковременной: войска готовились наступать. Отразить нападение и наступать... Поэтому в первые день-два после начала войны у партийного и военного руководства не возникали мысли о катастрофе. Она как бы исключалась.

А реально произошло вот что. Хотя высшему руководству страны по различным каналам сообщали о предстоящем нападении фашистской Германии, оно не сделало очевидного: не привело в боевую готовность пограничные войска. Директива № 1 запоздала, если говорить о ее назначении, не менее чем на сутки. Сталин и его окружение не понимали (а военные не решились ему растолковать; Тимошенко вообще очень боялся "вождя"), что боевая готовность — это жесткие временные параметры. Время, необходимое для подъема дивизии по тревоге, для сбора, марша и занятия указанных оборонительных позиций, колеблется от 4 до 20 часов. Например, в Западном особом военном округе в среднем нужно было от 4 до 23 часов[5]. А Директиву № 1 Генеральный штаб начал передавать в 00 часов 20 минут 22 июня. Прием в округах был завершен в 01 час 20 минут. После этого командующие со штабами изучали документ и вырабатывали необходимые в таких случаях распоряжения, указания. На это ушло еще час-полтора. По существу, войскам на выполнение директивы оставалось менее часа.

Значительное количество дивизий было поднято по тревоге лишь бомбардировками и артиллерийским налетом фашистов. Части и соединения, начав выдвижение в указанные районы, как правило, не дошли до них, встретив на своем пути танковые колонны немцев, и вынуждены были вступать в бой с ходу. Противник сделал все, чтобы нарушить связь, парализовать управление. Для всех было полной неожиданностью, что подвижные группировки немцев к исходу первого дня продвину-

лись в глубь территории на 50 — 60 километров... Войска второго эшелона начали выдвигаться к границе под непрерывными ударами вражеской авиации; она господствовала в воздухе с первых часов. Навстречу войскам двигались нескончаемые толпы беженцев. Связь отсутствовала. Командиры не знали обстановки. Районы, в которые предписывалось прибыть соединениям, были уже заняты противником, сумевшим добиться тактической, оперативной, а затем и стратегической внезапности. Да, именно так. Политической внезапности не было, но из-за преступной нераспорядительности Сталина войска были поставлены в условия, когда самые авантюрные намерения немецкого командования осуществились. Начальник генерального штаба сухопутных войск вермахта генерал-полковник Ф. Гальдер позже писал: "Наступление германских войск застало противника врасплох. Боевые порядки противника в тактическом отношении не были приспособлены к обороне. Его войска в пограничной полосе были разбросаны на обширной территории и привязаны к районам своего расквартирования. Охрана самой границы была слабой"[6].

Сталин, нервно расхаживающий по своему кабинету, не знал, что немецкое командование сделало ставку на решительное продвижение своих танковых клиньев в глубину советской территории, не заботясь о том, что в тылу у них оставались советские войска. Была сорвана мобилизация во многих областях. В первые же день-другой более 200 складов с горючим, боеприпасами, различным военным имуществом, как и многие госпитали, оказались в руках врага. Неразбериха, отсутствие твердого управления деморализовали войска. В оперсводке № 1 от 24 июня 1941 года, подписанной начальником штаба 4-й армии полковником Л.М. Сандаловым, говорится: "От постоянной и жестокой бомбардировки пехота деморализована и упорства в обороне не проявляет. Отходящие беспорядочно подразделения, а иногда и части приходится останавливать и поворачивать на фронт командирам всех соединений, начиная от командующего армией, хотя эти меры, несмотря даже на применение оружия, должного эффекта не дают"[7].

А Сталин все ждал утешительных вестей...

Когда утром 22 июня встал вопрос, кто обратится к народу с сообщением о нападении гитлеровской Германии, то все, естественно, повернулись к Сталину, но тот неожиданно отказался. Почти не раздумывая. Отказался решительно. В исторической литературе по сей день бытует мнение, что Сталин принял такое решение потому, что был, как, например, вспоми-

нал А.И. Микоян, в подавленном состоянии, "не знал, что сказать народу, ведь воспитывали народ в духе того, что войны не будет, а если и начнется война, то враг будет разбит на его же территории и т.д., а теперь надо признавать, что в первые часы войны терпим поражение".

Думаю, дело обстояло не совсем так. Вопрос об обращении к народу решался ранним утром, когда еще никто в Москве не знал, что мы "в первые часы войны терпим поражение". О войне, ее угрозе народу часто говорили. Готовились к ней. Но пришла она все равно неожиданно. Сталину было во многом неясно, как развиваются события на границе. Вероятнее всего, он не хотел ничего говорить народу, не уяснив себе ситуации. Сталин никогда до этого, во всяком случае в 30-е годы, не делал крупных шагов, не будучи уверенным в том, как они скажутся на его положении. Он всегда исключал риск, который мог бы поколебать его авторитет, авторитет вождя.

22-го утром Сталин не услышал победных реляций, был в тревоге, даже смятении, но его не покидала внутренняя уверенность, что через две-три недели он накажет Гитлера за вероломство и вот тогда "явится" народу. (Парализующий шок поразит Сталина лишь через четыре-пять дней, когда он наконец убедится, что нашествие несет смертельную угрозу не только Отечеству, но и ему, "мудрому и непобедимому вождю".) Что это было именно так, свидетельствуют две директивы войскам, одобренные в 7.15 утра и в 9.15 вечера 22 июня в его кабинете и подписанные Тимошенко, Маленковым и Жуковым.

Утром, после того как было решено, что к народу обратится Молотов, а также признано необходимым объявить мобилизацию на территории 14 военных округов, Сталин, еще не представляя масштабов катастрофы, потребовал от военных "сокрушительными ударами разгромить вторгшегося противника". Тимошенко распорядился тут же подготовить документ, известный в истории как Директива № 2 Главного Военного Совета:

"Военным советам ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО

Копия нар. ком. Воен. мор. флота.

22 июня 1941 года в 04 часа утра немецкая авиация без всякого повода совершила налеты на наши аэродромы и города вдоль западной границы и подвергла их бомбардировке.

Одновременно в разных местах германские войска открыли артиллерийский огонь и перешли нашу границу.

В связи с неслыханным по наглости нападением со стороны Германии на Советский Союз приказываю:

1. Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу. Впредь, до особого распоряжения, наземными войсками границу не переходить.

2. Разведывательной и боевой авиацией установить места сосредоточения авиации противника и группировку его наземных войск. Мощными ударами бомбардировочной и штурмовой авиации уничтожить авиацию на аэродромах противника и разбомбить основные группировки его наземных войск. Удары авиацией наносить на глубину германской территории до 100 — 150 км. Разбомбить Кенигсберг и Мемель. На территории Финляндии и Румынии до особых указаний налетов не делать.

Тимошенко *Маленков*

Жуков

№ 2. 22.6.41 г. 7.15"[8].

Директива мало похожа на военный документ. На ней печать политической редактуры Сталина. Это акт политической воли, решительных намерений покарать вероломного соседа, в ней едва скрытая надежда на то, что, возможно, пожар войны еще удастся быстро погасить. Иначе трудно понять, почему "до особого распоряжения наземными войсками границу не переходить". Отдавая приказ "разбомбить основные группировки противника", Сталин еще не знал, что только в первый день, только войска Западного особого военного округа потеряют 738 самолетов, из них 528 — на аэродромах. Такое же положение было в КОВО, ЛВО и ПрибОВО. В первые же часы войны немцы добились абсолютного господства в воздухе, уничтожив лишь за один день 22 июня свыше 1200 самолетов!

В этот день было принято много решений. Повторяю: Сталин не знал еще размеров катастрофы. Первая растерянность и подавленность прошли. Но в голове неотвязно вертелась мысль: как он мог довериться Гитлеру? Как фюрер смог провести его? Хорош и Молотов! Выходит, все многочисленные сообщения разведки, информация по другим каналам о готовящемся нападении Германии и конкретных сроках были верны? Выходит, что, если бы он послушался Павлова и несколько дней назад дал указание привести войска в состояние полной боевой готовности, многое могло произойти по-другому? Сталину все время казалось, что сегодня в кабинете соратники с укоризной думали о его просчетах. Ему даже подумалось, что они засомневались в его прозорливости. Это было невыноси-

мо! Сама мысль о том, что люди (и не только здесь, в Кремле) могут усомниться в его мудрости, прозорливости, непогрешимости, была нестерпимой...

По предложению Тимошенко Прибалтийский, Западный и Киевский особые военные округа были преобразованы в Северо-Западный, Западный и Юго-Западный фронты. Через два дня также были созданы Северный и Южный фронты. Сталин все время требовал информации о положении на границе, о принимаемых мерах по реализации Директивы № 2. Несколько раз, обращаясь к Тимошенко, Жукову или Ватутину лично или по телефону, нетерпеливо и зло говорил:

— Когда наконец вы доложите ясную картину боев на границе? Что делают Павлов, Кирпонос, Кузнецов (командующие фронтами. — *Прим. Д.В.*)? Что делает, наконец, Генштаб?

Ватутин два или три раза привозил в Кремль оперативную карту. Но утешительного там ничего не было. На ней цветными карандашами были тщательно нанесены районы расположения наших армий, корпусов, места базирования авиации, направления выдвижения резервных соединений. Не было главного: где конкретно шли бои, где находился противник, каков был характер действий советских войск. В Кремле еще не представляли, что немецкие войска смогли нарушить, а на Западном фронте почти полностью парализовать управление и связь. Генерал армии Павлов уже через несколько часов после начала вторжения потерял нити управления войсками своего фронта. Многомесячные, почти безнаказанные полеты немецких самолетов-разведчиков, агентурные данные позволили германскому командованию с исключительно большой точностью засечь все пункты управления, линии связи, аэродромы, склады, места дислокации частей. Первый удар агрессора — воздушный, артиллерийский, танковый — был исключительно эффективным. Заброшенные вражеские диверсанты нарушили проводную связь. А она тогда имела большее значение, чем радиосредства.

Не лучше положение было и на Северо-Западном фронте. Как вспоминал П.П. Собенников, командующий 8-й армией ПрибОВО (в июле — августе ему предстоит стать, правда, всего на несколько недель, командующим фронтом), "никакого четкого плана обороны границы не было. Войска главным образом находились на строительстве в укрепленных районах, на строительстве аэродромов. Части не были укомплектованы. Долговременные сооружения не были готовы. Уже утром почти вся авиация Прибалтийского военного округа была сожжена на аэродромах. Например, из смешанной авиадивизии, которая

должна была поддерживать 8-ю армию, к 15 часам 22 июня осталось 5 — 6 самолетов...". Далее Петр Петрович Собенников, которому посчастливилось пройти всю войну (командарм, командующий фронтом, снова командарм, заместитель командующего армией), с горечью отмечает, что с началом боевых действий "на командный пункт стали поступать по телефону и телеграфу весьма противоречивые указания об устройстве засек, минировании и т.п., причем одними распоряжениями эти мероприятия приказывалось производить немедленно, другими они в последующем отменялись, затем опять подтверждались... В ночь на 22 июня я лично получил приказание от начальника штаба округа генерал-лейтенанта Клёнова П.С. в весьма категоричной форме — к рассвету 22 июня отвести войска от границы... Вообще чувствовалась большая нервозность, несогласованность, неясность, боязнь спровоцировать войну... Как войска, так и штаб армии не были укомплектованы. Не было в должном количестве средств связи, транспорта. Таким образом, штаб армии не был боеспособен"[9]. Это констатировал командующий армией, встретивший войну с ее первых часов. И в таком положении был не только один командарм.

А Сталин все ждал победных или, по крайней мере, обнадеживающих донесений. Их не было. Как только открывалась дверь его кабинета, он быстро вскидывал голову, вглядываясь в лицо входящего. Успокаивающих реляций не было. "Вождь" нервничал. За весь первый день войны Сталин выпил лишь стакан чая. Ему казалось, что военачальники медлят, проявляют нерешительность, недостаточно поняли смысл директивы, направленной утром в приграничные округа. В гражданской войне его часто использовали как уполномоченного партии на различных фронтах. Он уверовал в эффективность энергичного нажима на штабы и руководителей с помощью жестких требований, угроз, различных мер административного характера. Неясная обстановка действовала на него угнетающе. Ждать больше Сталин не мог. Не закончив обсуждения с Молотовым, Ждановым, Маленковым документа о создании Ставки Главного Командования, который привез Тимошенко, Сталин вдруг поднялся, походил по кабинету и приказал:

— Срочно направить авторитетных представителей Ставки на Юго-Западный и Западный фронты. К Павлову поедут Шапошников и Кулик, к Кирпоносу — Жуков. Вылететь сегодня же. Немедленно.

Подойдя к столу и оглядев всех присутствующих, вновь жестко и как бы с угрозой сказал:

— Немедленно!

Все согласно закивали. Сталину казалось, что необходимы все новые и новые энергичные импульсы из центра, которые побудят к более решительным действиям штабы и войска. По его инициативе и требованию Ватутин к исходу дня подготовил еще одну директиву Главного Военного Совета. (Ставка под председательством Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко была создана на следующий день.) Ее первоначальный вариант был сильно отредактирован Сталиным. Этот документ, известный как Директива № 3, достаточно пространный, поэтому приведу лишь некоторые выдержки:

"Военным советам Северо-Западного, Западного,
Юго-Западного и Южного фронтов

1. Противник, нанося главные удары из Сувалковского выступа на Олита и из района Замостье на Владимир-Волынский, Радзехов, вспомогательные удары в направлениях Тильзит, Шяуляй, Седлец, Волковыск, в течение 22.6., понеся большие потери, достиг небольших успехов на указанных направлениях. На остальных участках госграницы с Германией и на всей госгранице с Румынией атаки противника отбиты с большими для него потерями.

2. Ближайшей задачей войск на 23 — 24.6. ставлю:

а) концентрическими (так в тексте. — *Прим. Д.В.*) сосредоточенными ударами войск Северо-Западного и Западного фронтов окружить и уничтожить Сувалковскую группировку противника и к исходу 24.6. овладеть районом Сувалки;

б) мощными концентрическими ударами механизированных корпусов, всей авиации Юго-Западного фронта и других войск 5 и 6 А (армий. — *Прим. Д.В.*) окружить и уничтожить группировку противника, наступающую в направлении Владимир-Волынский, Броды. К исходу 24.6. овладеть районом Люблин..."

Далее в директиве конкретизировались совершенно нереальные наступательные задачи. Пункт четвертый, продиктованный самим Сталиным, гласил:

"На фронте от Балтийского моря до госграницы с Венгрией разрешаю переход госграницы и действия, не считаясь с границей"[10].

Само построение фразы с троекратным повтором слова "граница" свидетельствует о том, что Сталин был "не в своей тарелке". Директиву подписали Тимошенко, Маленков и Жуков. Хотя Жуков уже улетел в Киев, Сталин приказал поставить и его подпись.

8 — 2023

Кончались первые сутки войны. У Сталина еще была надежда, что выдвигающиеся из глубины соединения задержат, а затем и опрокинут вторгшиеся немецкие войска. Тем более что в десять часов вечера Ватутин принес оперативную сводку Генерального штаба, в которой обнадеживающе резюмировалось: "С подходом передовых частей полевых войск Красной Армии атаки немецких войск на преобладающем протяжении нашей границы отбиты с потерями для противника"[11]. Все как-то ожили, даже повеселели. Сталин и все находившиеся в его кабинете еще не знали, что немецкие войска во многих местах за сутки прорвались на десятки километров в глубь советской территории.

Начиная с утра 23-го иллюзии, которые еще питал Сталин, начали быстро испаряться. Дважды он пытался связаться лично с Д.Г. Павловым, но оба раза из штаба Западного фронта односложно отвечали, что "командующий находится в войсках". Ничего определенного не удалось добиться и от генерал-майора В.Е. Климовских, начальника штаба фронта. Появилась страшная догадка: штаб потерял управление войсками и не контролировал катастрофическое развитие событий.

А штаб Западного фронта действительно через сутки утратил управление войсками. Приведу два документа, написанных и подписанных Павловым в те трагические дни (с сохранением стиля и орфографии):

"Шифротелеграмма № 5352
от 23 июня, 20.05.
Командующему 10 А

Почему мех.корпус не наступал, кто виноват. Немедля активизируйте действия и не паникуйте, а управляйте. Надо бить врага организованно, а не бежать без управления. Каждую дивизию вы знать должны, где она, когда, что делает и какие результаты...

Павлов, Фоминых"[12].

Командующий фронтом, которому оставалось пробыть на этом посту всего неделю, из отрывочных сведений, поступавших в штаб, на четвертый день войны понял, что подвижные группы войск противника через два-три дня могут выйти к Минску с северо-запада и юго-запада. Войска 3-й и 10-й армий фронта, действовавшие в белостокском выступе, оказались в тяжелейшем положении. Их обошли с флангов, а частично и с тыла. В этих условиях Павлов принял, видимо, верное решение на отход, т.к. видел, что в направлении Минска еще оставался коридор шириной 50 — 60 километров. Но осуществить это ре-

шение было крайне трудно. Это директива — одна из немногих, которые генерал армии Дмитрий Григорьевич Павлов успеет подписать в этой войне, продолжавшейся для него чуть больше недели. Да и жить ему останется меньше месяца. Вот эта директива:

"Командармам 13, 10, 3 и 4

Сегодня в ночь с 25 на 26 июня не позднее 21.00 начать отход, приготовить части. Танки в авангарде, конница и сильная ПТО (противотанковая оборона. — *Прим. Д.В.*) в арьергарде...

Предстоящий марш совершать стремительно днем и ночью под прикрытием стойких арьергардов. Отрыв произвести на широком фронте... Первый скачок 60 км в сутки и больше... Разрешить войскам полностью довольствоваться местных средств и брать любое количество подвод...

Командующий Зап.фронтом Генерал армии *Павлов*

Член Военсовета Зап.фронта *Пономаренко*

Начальник штаба Зап.фронта *Климовских*"[13].

Указывая конечную линию отхода, Павлов не знал, что в войсках уже не было горючего и транспортных средств, захваченных или уничтоженных в первые дни боев противником. Беспорядочный отход соединений проходил в тяжелейших условиях господства немецкой авиации в воздухе, стремительных обходных маневров подвижных групп противника. У Сталина не было оснований ждать утешительных вестей. Катастрофическое развитие событий грозно нарастало.

В последующие дни, особенно к исходу месяца, Сталин, осознав наконец масштабы смертельной угрозы, на какое-то время просто потерял самообладание и оказался в глубоком психологическом шоке. Документы, свидетельства лиц, видевших в то время "вождя", говорят, что с 28 по 30 июня Сталин был так подавлен и потрясен, что не мог проявить себя как серьезный руководитель. Психологический кризис был глубоким, хотя и не очень продолжительным. Но до его наступления он пытался что-то предпринять, отдавал какие-то распоряжения, пробовал вдохнуть энергию в высшие органы управления. Когда 23-го утром принималось решение о создании Ставки Главного Командования Вооруженных Сил, он неожиданно для всех, прервав обсуждение, предложил создать при Ставке Институт постоянных советников. Маленков и Тимошенко, готовившие документ, переглянулись, но, естественно, не возразили. Сталин быстро продиктовал состав. Приведу его точно таким и в той же редакции, как предложил Сталин:

"При Ставке организовать Институт постоянных советников Ставки в составе тт. маршала Кулика, маршала Шапошникова, Мерецкова, начальника Военно-Воздушных Сил Жигарева, Ватутина, начальника ПВО Воронова, Микояна, Кагановича, Вознесенского, Жданова, Маленкова, Мехлиса"[14].

Решение, оформленное как постановление правительства, передал телеграммой в округа и на фронты за своей подписью Поскребышев. Правда, этот институт просуществовал лишь две недели и тихо "умер", так и не начав функционировать.

Думаю, к предвоенным просчетам Сталина и Генштаба следует отнести и то, что заблаговременно не был детально проработан вопрос о создании чрезвычайного органа руководства страной в военное время — Государственного Комитета Обороны (ГКО) и высшего органа стратегического руководства Вооруженными Силами — Ставки Верховного Главнокомандования (СВГК). Они создавались уже после начала боевых действий. Кроме того, был ослаблен Генштаб, в котором, напомню, сменились один за другим три начальника. Эти и другие многочисленные недоработки сразу же остро дали о себе знать.

Отрывочные сведения, поступающие из штабов фронтов, данные авиаразведки, сообщения уполномоченных Ставки повергли Сталина в состояние глубокой растерянности. Он сам почувствовал едва ли не парализующее замешательство, слушая очередной доклад Ватутина. Тот негромко, тщательно подбирая слова, информировал о том, что Западный и Северо-Западный фронты пытались нанести контрудары, но слабое авиационное прикрытие, несогласованность действий, плохое артиллерийское обеспечение не дали желаемого результата. Войска понесли большие потери и продолжают отступать. Причем часто — беспорядочно. В особо тяжелом положении оказались соединения и части 3-й и 10-й армий, добавил Ватутин. Они практически окружены. Танковые колонны немцев уже недалеко от Минска...

— Что вы говорите, как у Минска?! Вы что-то путаете?! Откуда у вас эти сведения?

— Нет, не путаю, товарищ Сталин, — так же негромко, извиняющимся голосом ответил Ватутин. — Данные представителей Генштаба, посланных в войска, и авиаразведки совпадают. Сегодня можно сказать, что войска первого эшелона не смогли остановить противника у границы и обеспечить развертывание подходящих войск. Фактически Западный фронт прорван...

Сталин уже 23, 24, 25-го, а тем более 26 июня догадывался, что приграничные сражения проиграны, но чтобы за пять-шесть дней пропустить немецкие войска на 150 — 200 километров в глубь территории страны?! Это непостижимо! Что делают Павлов, Кулик, Шапошников? Почему Генштаб не руководит войсками? Неужели это катастрофа? Военные молча выслушивали оскорбительные, злые тирады Сталина и, получив в конце концов разрешение, быстро уезжали к себе, в Генштаб.

Сталин еще не знал, что па фронтах в эти первые дни войны царили полная неразбериха, а порой и хаос. Штабы передавали все новые и новые приказы и распоряжения, которые отставали от стремительно меняющейся обстановки. Так было не только на Западном фронте, где ситуация сложилась просто катастрофическая, но и на других фронтах. Командир 8-го механизированного корпуса Д.И. Рябышев вспоминал позже о первых днях войны (в специальной записке, направленной в Генеральный штаб): "Только в 10.00 22-го мной был получен приказ командующего 26-й армией о сосредоточении корпуса западнее г. Самбор... Совершив 80-километровый марш к 23.00, войска корпуса сосредоточились в указанном районе. В 22.30 получен новый приказ: к 12.00 23-го корпус должен выдвинуться на 25 км восточнее Львова. Во второй половине дня корпус, переданный уже 6-й армии, получил указание выйти в р-н Яворов... Вышли. В 23.00 командующий Юго-Западным фронтом своим приказом поставил новую задачу: выйти в р-н Броды и с утра 26-го нанести удар по противнику в направлении Берестечко. А перед этим за полутора суток корпус совершил 300-километровый марш... В районе Броды 8-й механизированный корпус сосредоточился 25 июня. С утра перешли в наступление, достигнув частичного успеха, но в целом корпус задачу не выполнил. Горючего не было. В воздухе — только немецкая авиация. В 4.00 27-го получили новый приказ: корпус отводился в резерв фронта. Начали отвод. В 6.40 — новый приказ: нанести удар по противнику в направлении Броды — Дубно. Но войска уже начали отход. В 10.00 на КП корпуса прибыл член Военного совета Юго-Западного фронта корпусной комиссар Н.Н. Вашугин, который, угрожая мне расстрелом, требовал выполнения приказа. Но соединения были уже окружены. Позже было установлено, что намечаемое ранее штабом фронта наступление было отменено... Лишь 2 июля, занимая оборону в составе двух дивизий, узнали, что приказ о наступлении давно отменен... Выходили из окружения по частям. По приказу командующего

фронтом отошли в район Проскуров. Послали донесение в штаб фронта в Житомир, но город был уже взят противником..." В результате боев и бесконечных маневров, по свидетельству Д.И. Рябышева, "на левый берег Днепра было выведено не больше 10% танков и 21% бронемашин. В дальнейшем корпус был расформирован..."[15].

Я кратко пересказал горестный рассказ генерала Рябышева, которому не откажешь в мужестве. Но в первые дни и недели войны высшее и фронтовое руководство, ошеломленное непредвиденным развитием событий, вносило своими не адекватными обстановке действиями еще больше путаницы. Бесконечные перемещения, отсутствие гибкого взаимодействия, утрата управления соединениями и объединениями, незнание истинной обстановки лишь усугубляли и без того крайне тяжелое положение войск. Расплата за то, что в предвоенные годы армия была обезглавлена, оказалась жестокой. Одного жертвенного мужества и стойкости советских солдат, щедро поливших своей кровью отданные врагу земли, было недостаточно.

Довоенные просчеты, нераспорядительность, боязнь провокаций, слабая подготовка многих вновь выдвинутых командиров и командующих сделали армию и оборону рыхлой, трудноуправляемой, быстро теряющей веру в себя. Газеты писали о героизме пограничников, о подвигах летчиков и танкистов, о том, что страна поднимается на отпор врагу... Все это было так. Но на фронте, и это уже нельзя было скрыть от народа, надвигалась катастрофа. Сталин чувствовал, что страна смотрит на него, вождя, столько раз вместе с Ворошиловым заверявшего советских людей, что Красная Армия способна сокрушить любого врага. В эти дни его "стальная" воля была сильно деформирована и никак не могла распрямиться. Временами ему казалось, что положение просто безвыходное. Когда при очередном докладе Ватутин показал на карте отход 8-й и 11-й армий по расходящимся направлениям, Сталин ясно увидел колоссальную брешь между Западным и Северо-Западным фронтами, достигавшую 130 километров! Главные силы Западного фронта были или окружены, или разбиты. А Юго-Западный фронт пока держался более достойно. Как мог он, Сталин, не послушать специалистов и отмести идею о наиболее вероятном направлении главного удара на Западном фронте? Какое затмение нашло на него? Почему его не убедили? Во всех кампаниях в Европе Гитлер рвался прямиком к столицам, чтобы быстрее вынудить противника к капитуляции. Почему военные не обратили его внимание на эту особенность стратегии нем-

цев? Ведь теперь потребуется колоссальная перегруппировка войск. А время не ждет!

Сталин нервничал, требовал, кого-то вызывал, а временами уединялся на даче или в кабинете и часами не давал о себе знать. Нарком Тимошенко, назначенный одновременно и главой Ставки, чувствовал себя крайне неуютно в этой должности. Окружающие понимали, что фактическое главенство и полнота власти все равно остаются за Сталиным. А он вел себя как-то непривычно импульсивно; все видели его подавленность, крайнюю угнетенность. Состояние Сталина в определенной мере передалось и руководству Генштаба. В результате в первые три-четыре дня не была по-настоящему оценена складывающаяся обстановка. (Лишь 25 — 26 июня во весь голос заговорили об обороне, подготовке оборонительных рубежей, выдвижении резервов.) Ставка в ряде случаев направляла в войска директивы, которые можно расценить лишь как жесты отчаяния, незнания обстановки, стремления хоть как-то и хоть где-то добиться частного успеха. Приведу несколько документов Ставки, свидетельствующих, в частности, о ее вмешательстве в вопросы тактического, а не стратегического характера.

"Командующему Зап. фронтом

тов. Павлову

Танки противника в районе Ракув стоят без бензина. Ставка приказала немедленно организовать и провести окружение и уничтожение танков противника. Для этой операции привлечь 21 ск (стрелковый корпус. — *Прим. Д.В.*) и частично 2 и 44 ск. Захват и разгром противника провести немедля. Удар подготовить налетом авиации.

28.06.41 г."[16].

Для решения тактической задачи рекомендовалось привлечь силы трех стрелковых корпусов?! Если учесть, в каком состоянии находился в эти дни фронт, нетрудно видеть, что эта директива, как и многие подобные, не могла быть выполнена.

Еще один документ Ставки:

"Комвойсками Сев.-Зап. фронта

Нарком приказал под Вашу ответственность не позднее сегодняшнего вечера выбить противника из Двинска, уничтожить мосты и прочно занять оборону, не допустив переправы противника на северный берег р. Зап. Двина в районе Двинска. Для усиления атакующих частей использовать усиленный стрелковый полк, прибывший из 112 стр. дивизии. Если прибыли танки КВ, использовать не менее взвода для усиления штурма и рас-

стрела огневых очагов противника. Исполнение донести в 21.00 28.06.

28.06.41 г."[17].

Как видим, Ставка определяла использование даже взвода танков...

Уехав ночью на ближнюю дачу, Сталин прошел к себе в кабинет и не раздеваясь лег на диван. Но уснуть не мог. Поднялся, прошел в зал, столовую. Над портретом Ленина по-прежнему горела электрическая лампочка. Отделанные под дуб темные стены как нельзя лучше соответствовали мрачному настроению Сталина. Походил бесцельно по комнатам, косясь на телефон (на даче были три кремлевские "вертушки", установленные в разных местах), словно ожидая и боясь новых страшных вестей. Открыл дверь в комнату дежурного помощника: там сидел генерал-майор В.А. Румянцев. Тот суетливо вскочил из-за стола, вопросительно уставившись на Сталина. Хозяин дачи невидящими глазами скользнул по фигуре генерала, тихо закрыл дверь и пошел к себе.

Сталин постоял у щели задрапированного окна, вглядываясь в ночные силуэты парка. Почему-то вспомнилось место из давнего письма Тухачевского: "Будущая война будет войной моторов. Концентрация бронетанковых войск позволит создавать такие ударные кулаки, противостоять которым будет чрезвычайно сложно". Неглупый был человек, но хотел совершить дворцовый переворот... Пожалуй, будь Тухачевский на месте Павлова, многое могло бы быть по-другому... Но к чему это он? Отогнав тень прошлого, Сталин попытался забыться во сне. Но сон не шел: действительность была страшной.

Сталин все еще не мог прийти в себя. Мне представляется интересным свидетельство А.И. Микояна о поведении Сталина в последние дни июня 1941 года. В своих воспоминаниях он рассказывает, что Молотов, Маленков, Ворошилов, Берия, Вознесенский и он, Микоян, решили предложить Сталину создать Государственный Комитет Обороны, в руках которого следовало сосредоточить всю власть в стране. Возглавить ГКО должен был Сталин.

"Решили поехать к нему. Он был на ближней даче.

Молотов, правда, сказал, что у Сталина такая прострация, что он ничем не интересуется, потерял инициативу, находится в плохом состоянии. Тогда Вознесенский, возмущенный всем услышанным, сказал: "Вячеслав, иди вперед, мы пойдем за тобой". Имелось в виду, что если Сталин будет себя так же вести и дальше, то Молотов должен вести нас, и мы за ним пойдем.

У нас была уверенность в том, что мы можем организовать оборону и можем сражаться по-настоящему. Никакого упаднического настроения у нас не было.

Приехали на дачу к Сталину. Застали его в малой столовой сидящим в кресле. Он смотрит на нас и спрашивает: "Зачем пришли?" Вид у него был какой-то странный, не менее странным был и заданный им вопрос. Ведь, по сути дела, он сам должен был нас созвать.

Молотов от нашего имени сказал, что нужно сконцентрировать власть, чтобы быстро решать все вопросы, чтобы как можно скорее поставить страну на ноги. Во главе такого органа должен быть Сталин. Сталин посмотрел удивленно, никаких возражений не высказал. "Хорошо", — говорит"[18].

Каждый из нас, в известном смысле, живет как бы в двух мирах: внешнем и внутреннем, закрытом, часто загадочном. Внешний — постижим. Внутренний — труднее. Если удается что-то узнать из мира внутреннего, то понятнее становится и весь человек. Для Сталина надвигающаяся катастрофа была не только тем, чем она могла быть для каждого гражданина Отечества. Это была гибель земного бога, каким он себя представлял. "Вождь" падал с большей высоты, чем другие. Для человека, который поверил в свою исключительность, прозорливость, особое предназначение, разверзшаяся бездна была бездонна. После нескольких дней, в течение которых Сталин находился в глубоком психологическом шоке, почти параличе, он наконец начал приходить в себя.

Возможно, Сталин подумал, что приход к нему почти всех членов Политбюро означает намерение сместить его со всех постов? А может быть, даже арестовать? Ведь это так удобно: все неудачи можно "списать" на одного человека. Он, Сталин, давно убедился, что в любом провале, неуспехе должен быть "козел отпущения". Людям нужно дать возможность выпустить пар возмущения, заклеймить виновного. Но авторитет Сталина был так высок в глазах его соратников, что, похоже, сама эта мысль не могла прийти им в голову. Даже в состоянии "прострации", по выражению Молотова, Сталин казался им великим. Если бы они читали Н. Бердяева, то могли бы вспомнить его слова: "Падение человека возможно лишь с высоты, и само падение человека есть знак его величия"[19]. Величия, которое они сами создавали "вождю", а теперь хотели, чтобы он остался на прежней высоте и руководил ими.

Ставка, Генштаб пытались на пути немецкого наступления, смявшего Западный фронт, создать новый рубеж обороны,

перебрасывая сюда 13, 19, 20, 21-ю и 22-ю армии вместе с остатками выходящих из окружения частей. Сталин, терявший самообладание, резко переходивший из состояния апатии в нервное возбуждение, 29 июня дважды неожиданно появлялся в Наркомате обороны. Не стесняясь в выражениях, обвинял во всем военных руководителей.

Осунувшееся, посеревшее лицо, мешки под глазами, покрасневшими от бессонницы... Сталин постиг наконец всю величину грозной опасности, нависшей над страной и им, "вождем". Если не предпринять что-то экстраординарное, не мобилизовать все силы, то немцы через несколько недель могут оказаться в Москве. Пожалуй, первые шаги, которые свидетельствовали о том, что Сталин пытался взять в руки не только себя, но и контроль над обстановкой, были для него обычными: он стал снимать с постов военачальников. Когда 30 июня Постановлением Центрального Комитета ВКП(б), Президиума Верховного Совета СССР и Совета Народных Комиссаров СССР было оформлено создание Государственного Комитета Обороны, его возглавил Сталин. В руках Председателя ГКО оказалась необъятная власть. Смертельная опасность, нависшая над Отечеством, требовала концентрации усилий всех и каждого. Первым его шагом на новом посту явилось отстранение генерала армии Д.Г. Павлова от должности командующего Западным фронтом. Вместо него был назначен нарком обороны С.К. Тимошенко. В этот же день генерал-полковник Ф.И. Кузнецов, командовавший Северо-Западным фронтом, отдал приказ войскам отойти с рубежа реки Западная Двина и занять Островский, Псковский и Себежский укрепрайоны. Сталин, как только ему доложили об этом шаге командующего, немедленно отстранил генерала от должности. Новому командующему фронтом генерал-майору П.П. Собенникову передали приказ Сталина: "Восстановить прежнее положение: вернуться на рубеж реки Западная Двина". Отступающие в беспорядке войска, получив новый приказ, оказались не в состоянии ни наступать, ни обороняться. Противник, почувствовав неразбериху, нанес удар в стык 8-й и 27-й армий и прорвал фронт... Эти сообщения не прибавили уверенности Председателю ГКО, который никак не мог обрести не только душевного равновесия, но и нащупать правильную линию поведения, ту, которая могла бы придать органам стратегического управления так нужные в те драматические дни уверенность, последовательность и продуманность.

Известны рассуждения К. Клаузевица о взаимосвязи опас-

ности и душевных проявлений полководца. В своем трактате "О войне" немецкий мыслитель писал, что ум военачальника работает в стихии опасности. "Человеческой природе свойственно, чтобы непосредственное чувство большой опасности для себя и для других явилось помехой для чистого разума". Но Клаузевиц здесь же добавлял, что у большого полководца, наоборот, стихия опасности обостряет умственные и волевые проявления. "Опасность и ответственность не увеличивают в нормальном человеке свободу и активность духа, а, напротив, действуют на него удручающе, и потому, если эти переживания окрыляют и обостряют способность суждения, то несомненно мы имеем дело с редким величием духа"[20].

Сегодня можно сказать, что этого "величия духа" Сталин в начале войны, когда оно было так необходимо, не проявил. Многочисленные документы Ставки, датированные концом июня, не зафиксировали для истории каких-либо заметных энергичных мер, шагов, действий Сталина, направленных на решительное овладение положением. Он оказался захваченным потоком крайне неблагоприятных событий. Его несло, как и многих других, в этом страшном русле. Он никак не мог найти точку опоры, встать, распрямиться...

Целая пропасть разделяла его, безгрешного земного бога до войны и растерявшегося "вождя", сознававшего полный крах всех его планов, предположений, стратегических расчетов в течение всего одной недели... Вынести все это оказалось не по плечу даже такой волевой натуре, как Сталин. Вероятно, он ожидал, что недовольство окружения, военного руководства и народа будет обращено против него, главного виновника просчетов неудавшейся "игры" с Гитлером, беспрецедентного ослабления террором кадров армии... Но советский народ оказался выше сведения счетов со своим лидером в дни и часы смертельной опасности. "Величие духа" советского народа было столь высоким, что он не опустился в этот трагический момент до выискивания виновников создавшегося положения. Мудрость народного опыта предоставила это сделать истории. "Доброта русского народа, — писал известный русский философ Н.О. Лосский, — во всех слоях его высказывается, между прочим, в отсутствии злопамятности"[21].

Кульминацией психологического шока Сталина была его реакция на известие о падении Минска. Прочитав утреннюю сводку Генштаба, Сталин уехал к себе на дачу и почти весь день не появлялся в Кремле. К нему отправились Молотов и Берия. Нет данных, о чем говорила "святая" троица. Но Сталин с тру-

дом мог воспринять мысль, что почти через неделю после начала войны столица Белоруссии оказалась под пятой захватчика. И здесь я хотел бы поведать читателю один факт, в достоверности которого у меня не было и нет полной уверенности, но вероятность которого отрицать нельзя.

Во второй половине 70-х, где-то в 1976-м или 1977 году, я был включен в состав инспекторской группы, возглавляемой Маршалом Советского Союза К.С. Москаленко. Несколько дней мы были в Горьком. Вечерами я докладывал маршалу о ходе проверки состояния партийно-политической работы в инспектируемых частях. После этого несколько раз завязывался разговор о воспоминаниях Москаленко, его взглядах на некоторые вопросы отечественной истории. Однажды во время такой беседы я задал маршалу вопрос, долго мучивший меня:

— Кирилл Семенович, почему Вы в своей книге не упомянули факт, о котором рассказали на партактиве около двух десятков лет тому назад? Вы сами уверены, что это все было?

— Какой факт, о чем Вы? — подозрительно и настороженно посмотрел на меня маршал.

— О встрече Сталина, Молотова и Берии с болгарским послом Иваном Стаменовым в июле 1941 года.

Москаленко долго молчал, глядя в окно, затем произнес:

— Не пришло еще время говорить об этих фактах. Да и не все их проверить можно...

— А что Вы сами думаете о достоверности сказанного Берией?

— Все, что он говорил по этому делу, едва ли его хоть как-то оправдывало... Да и трудно в его положении было тогда выдумывать то, что не могло помочь преступнику...

Чтобы читателю было понятно, о чем идет речь, я приведу отрывок из одного документа. 2 июля 1957 года состоялось собрание партийного актива Министерства обороны СССР, обсудившего письмо ЦК КПСС "Об антипартийной группе Маленкова, Кагановича, Молотова и др.". Доклад сделал Г.К. Жуков. Выступили крупные военачальники И.С. Конев, Р.Я. Малиновский, Ф.Ф. Кузнецов, М.И. Неделин, И.Х. Баграмян, К.А. Вершинин, Ф.И. Голиков, К.А. Мерецков, А.С. Желтов и другие. Когда слово взял К.С. Москаленко, он, в частности, сказал:

"В свое время мы с Генеральным прокурором тов. Руденко при разборе дела Берии установили, как он показал... что еще в 1941 году Сталин, Берия и Молотов в кабинете обсуждали вопрос о капитуляции Советского Союза перед фашистской Гер-

манией — они договаривались отдать Гитлеру Советскую Прибалтику, Молдавию и часть территории других республик. Причем они пытались связаться с Гитлером через болгарского посла. Ведь этого не делал ни один русский царь. Характерно, что болгарский посол оказался выше этих руководителей, заявил им, что никогда Гитлер не победит русских, пусть Сталин об этом не беспокоится"[22].

... Не сразу, но Москаленко разговорился... Во время этой встречи с болгарским послом, вспоминал маршал показания Берии, Сталин все время молчал. Говорил один Молотов. Он просил посла связаться с Берлином. Свое предложение Гитлеру о прекращении военных действий и крупных территориальных уступках (Прибалтика, Молдавия, значительная часть Украины, Белоруссии) Молотов, со слов Берии, назвал "возможным вторым Брестским договором". У Ленина хватило тогда смелости пойти на такой шаг, мы намерены сделать такой же сегодня. Посол отказался быть посредником в этом сомнительном деле, сказав, что "если вы отступите хоть до Урала, то все равно победите".

— Трудно сказать и категорично утверждать, что все так было, — задумчиво говорил Москаленко. — Но ясно одно, что Сталин в те дни конца июня — начала июля находился в отчаянном положении, метался, не знал, что предпринять. Едва ли был смысл выдумывать все это Берии, тем более что бывший болгарский посол в разговоре с нами подтвердил этот факт...

Есть тайны и мистификации. Я привел устное и документальное свидетельство, сохранившееся в архивах. Является это тайной истории или мистификацией — я на этот вопрос ответить не в состоянии. Но одно не вызывает сомнения: будучи "придавленным" реальностями страшного бытия, Сталин в первые две недели войны явно не проявил того "величия духа", о котором так долго и настойчиво твердили после Победы наши историки и писатели. Подлинные лидеры, вожди, полководцы, как правило, проявляют "величие духа" именно в минуты крайней опасности, экстремальной обстановки, критические моменты истории. В *обыкновенных* условиях героем, гением, кумиром быть проще. Как проницательно замечает Тарле: "Но в том-то и дело, что в *необыкновенных* случаях Кутузов бывал всегда на своем месте. Суворов нашел его на своем месте в ночь штурма Измаила; русский народ нашел его на своем месте, когда наступил *необыкновенный* случай 1812 года"[23].

Народ ждал выступления Сталина. В него по-прежнему верили. С ним связывали надежды. Возможно, именно это помогло Сталину освободиться от психологического шока. Председатель ГКО решил выступить по радио с обращением к стране лишь 3 июля. Замечу попутно, что именно в этот день вечером немецкий генерал Гальдер запишет в дневник: "Не будет преувеличением, если я скажу, что кампания против России выиграна в течение 14 дней". Немец явно поспешил: война только начиналась. Многие уже понимали, что она будет смертельно тяжелой и долгой. Сталин несколько раз переделывал свое выступление. Самым трудным для него было найти какие-то слова, аргументы, с помощью которых можно было объяснить народу происшедшее: неудачи, вторжение, крах советско-германских договоров. На полях черновика речи карандашные пометки Сталина: "Почему?", "Разгром врага неминуем", "Что нужно делать?". Это выглядело как своеобразный план программного выступления первого лица государства. В выступлении Сталин изложил основные положения, сформулированные в Постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 29 июня.

В своем обращении Сталин долго объяснял, по существу оправдываясь, почему немецкие войска захватили Литву, Латвию, часть Украины, Белоруссии, Эстонии. В конечном счете все было сведено к одной фразе: "Дело в том, что войска Германии как страны, ведущей войну, были уже целиком отмобилизованы, и 170 дивизий, брошенных Германией против СССР и придвинутых к границам СССР, находились в состоянии полной готовности, ожидая лишь сигнала для выступления, тогда как советским войскам нужно было еще отмобилизоваться и придвинуться к границам". Сталин говорил заведомую неправду о разгроме лучших днвизий врага, лживо объяснял, что главная причина неудач — во внезапности нападения Германии... Естественно, что Сталин, говоря о советско-германском пакте, ни словом не упомянул постыдный договор о "дружбе" и границе, о тех многочисленных роковых просчетах, допущенных прежде всего им самим. Уже значительно увереннее звучал голос Сталина, когда он говорил, как нужно "перестроить всю нашу работу на военный лад". Он впервые назвал войну "отечественной", призвав "создавать партизанские отряды", "организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами", впервые публично выразил надежду на объединение усилий народов Европы и Америки в борьбе против фашистских армий Гитлера. В конце речи Пред-

седатель ГКО заявил: "Государственный Комитет Обороны приступил к своей работе и призывает весь народ сплотиться вокруг партии Ленина — Сталина..."[24]

Сталин уже привычно сам говорил: "партия Ленина — Сталина", а народ привычно воспринимал, как само собой разумеющееся. При той огромной вере в Сталина его речь сыграла большую мобилизующую роль, как бы дала простые ответы на вопросы, которыми мучился народ. Лишь немногие тогда были способны смотреть глубже и видеть: катастрофическое начало — результат единовластия Сталина. Бесчисленные жертвы — следствие просчетов "непогрешимого". Величайший парадокс: Сталин совершил много ошибок и тяжких преступлений. Но благодаря созданной им системе они фантастическим образом трансформировались в сознании людей в великие деяния Мессии. Один из главных, а точнее, главный виновник катастрофического начала войны, тем не менее продолжал олицетворять надежды народа. "Работала" вера.

Потомкам остается лишь изумляться, сколь огромным было величие духа советского народа, нашедшего в себе силы после катастрофы первых недель войны выстоять и победить. Но ценой миллионных жертв. "Величие" Сталина всегда базировалось на жертвах. Многих жертвах. Неисчислимых жертвах.

Жестокое время

В июле и августе Сталин сосредоточил в своих руках всю полноту государственной, партийной и военной власти. 10 июля Ставка Главного Командования была преобразована в Ставку Верховного Командования, а 8 августа ее преобразовали в Ставку Верховного Главнокомандования во главе со Сталиным. С этого дня и до конца войны И.В. Сталин являлся Верховным Главнокомандующим. С 30 июня он возглавил Государственный Комитет Обороны, а с 19 июля и Наркомат обороны. С начала июля шоковое состояние Сталина постепенно проходило, хотя и до этого он внешне держался так, что не все могли заметить его растерянность и подавленность. Прилив волевой энергии стал проявляться в активном вторжении в самые различные сферы жизни государства, ведущего смертельную войну.

Пытаясь написать портрет Сталина, в частности его полко-

водческие черты, я в последующем буду часто рассматривать или просто упоминать те или иные события Великой Отечественной войны. Мне лишь хотелось бы предупредить читателя, что я не ставил перед собой задачу охватить всю войну, ее операции и сражения. В ряде случаев я не придерживаюсь и строгой хронологической последовательности, так как моя главная цель — рельефнее показать Сталина в качестве Верховного Главнокомандующего.

В первый период войны Сталин работал по 16 — 18 часов в сутки, осунулся, стал еще более жестким, нетерпимым, часто злым. Ежедневно ему докладывали десятки документов военного, политического, идеологического и хозяйственного характера, которые после его подписи становились приказами, директивами, постановлениями, решениями. Нужно сказать, что сосредоточение всей политической, государственной и военной власти в одних руках имело как положительное, так и отрицательное значение. С одной стороны, в чрезвычайных условиях централизация власти позволяла с максимальной полнотой концентрировать усилия государства на решении главных задач. С другой — абсолютное единовластие резко ослабляло самостоятельность, инициативу, творчество руководителей всех уровней. Ни одно крупное решение, акция, шаг были невозможны без одобрения первого лица.

Фактически в Ставке, непосредственно около Сталина, работали лишь два-три человека. Но работали, выполняя поручения Верховного, не больше. Из членов Политбюро, кроме Сталина, в годы войны заметную роль сыграли, пожалуй, лишь Вознесенский, Жданов и Хрущев. Вознесенский, чья роль в войне еще по-настоящему не оценена, активно занимался экономическими проблемами страны. Жданов и Хрущев, как члены Военных советов направлений и фронтов, были активными проводниками воли Сталина. Что касается Ворошилова, то после неудачных оборонительных операций он утратил "оперативное" доверие Сталина. Калинин оформлял решения "вождя" соответствующими указами и принимал участие в пропагандистской деятельности. Микоян и Каганович много занимались транспортно-хозяйственными, продовольственными делами, а как члены Военных советов фронтов фактически не привлекались, если не считать кратковременного пребывания Кагановича на южных участках фронта. Маленков, по сути, был человеком, выполнявшим поручения Сталина в аппарате ЦК. Несколько раз выезжал на фронт по заданиям Верховного, в частности в Сталинград, но не оставил абсолютно никакого

следа в силу полной некомпетентности в военной области. Молотов с 30 июня 1941 года и до конца войны был заместителем Председателя ГКО, решая в основном международные вопросы. В ведении Берии находились "очистка" наших тылов, лагеря для немецких военнопленных и советских военнослужащих, попавших в плен или окружение, "тюремная" промышленность, работавшая на войну. Дважды по заданию Сталина он выезжал на Северо-Кавказский фронт. Андреев курировал сельское хозяйство, снабжение фронта. Фигура Сталина в условиях его абсолютного единовластия как-то вытеснила из жизни партии в годы войны Центральный Комитет, в то же время роль низовых партийных организаций на фронте и в тылу была огромна. Работу ЦК олицетворял его аппарат. Пленумы ЦК в годы войны почти не собирались. Хотя в октябре 1941 года члены ЦК были вызваны в Москву, два дня ждали открытия пленума, но Сталину и Маленкову было некогда. Пленум не состоялся. Прошел лишь один пленум в январе 1944 года. Сталин не придавал значения разграничению функций высших партийных, государственных и военных органов. Да это и не имело особого смысла: все равно во главе всех их стоял он сам — секретарь ЦК, Председатель Совнаркома, Верховный Главнокомандующий, Председатель ГКО, Председатель Ставки, нарком обороны. Документы он подписывал тоже по-разному: от имени ЦК, Ставки, ГКО или Наркомата обороны.

Необходимость централизации государственной, политической и военной власти в военное время едва ли можно поставить под сомнение. Но однозначно следует сказать, что такая концентрация власти должна иметь пределы прежде всего в партийной жизни, не отводить окружению роли статистов и поддакивателей. Сталин все "замкнул" на себе. Поэтому каким бы ни было наше отношение к Сталину сегодня, нельзя не признать нечеловеческого по масштабам и ответственности объема работы, которая легла на его плечи. Если хозяйственные, политические, дипломатические вопросы во многом взяли на себя члены Политбюро и ГКО, то военные и военно-политические проблемы приходилось решать в основном ему, Верховному Главнокомандующему, что привело, кстати сказать, к многочисленным просчетам. К счастью, в составе Генерального штаба, высшего военного руководства быстро выдвинулась и проявила себя целая плеяда выдающихся военачальников. Но нельзя не сказать еще раз и о том, что огромные бреши в кадровом составе армии, образовавшиеся по вине Сталина накану-

не войны, очень долго давали о себе знать, особенно во фронтовом, армейском, корпусном и дивизионном звене.

Лето сорок первого было особенно жестоким. В наших книгах и учебниках долгое время писали об этом периоде лишь как о "крахе блицкрига", "провале гитлеровских планов", "планомерном отступлении", "временных неудачах наших войск" и т.д. Но на историю незачем наводить глянец. У истории есть одна, возможно, коренная особенность: она признает только истину, которая рано или поздно займет свое место в ее анналах. Часто она там оказывалась лишней. В монографиях и многотомниках долгое время нельзя было встретить слова "поражение", "катастрофа", "окружение", "паника", относящиеся к действиям наших войск. А это было. Крупные, катастрофические поражения целых фронтов. Было, прежде чем пришли выстраданные, такие желанные, добытые огромной кровью победы.

Сталин, став во главе Вооруженных Сил, мучительно пытался разобраться: что же происходит на фронтах? Где линия фронта сегодня? Что нас ждет завтра? Где удастся наконец остановить немецкие войска? Как быстрее компенсировать громадные потери в людях и технике? Сталин подолгу заслушивал Жукова, Ватутина, Василевского, других генштабистов, молча стоял над картой, разложенной на его большом столе. Ему, сугубо кабинетному руководителю, было трудно, глядя на карту, читая донесения, уловить, услышать, почувствовать лихорадочное биение пульса истекающей кровью армии, грохот канонады сражений, стальной лязг гусениц прорвавшихся немецких танков, гул городских пожаров, предсмертные хрипы умирающих бойцов... Тень "сабельной" гражданской войны как-то сразу отодвинулась далеко в прошлое. Это была совсем другая война.

До Сталинградской битвы многие решения Сталина были импульсивными, поверхностными, противоречивыми, некомпетентными. Хотя и позже он нередко задавал окружению и штабам "ребусы". Вот один из документов, написанных лично Сталиным в 1942 году. Он не имеет названия и, пожалуй, смысла. Видимо, Сталин, отдавая указания и одновременно размышляя вслух, набросал этот документ, который даже посвященному понять непросто:

"1) 40-я армия — 7 с.д. + 2 танк. бр.

2) Катукова — в спину 48 армии.

3) Мишулин — остается на месте.

4) Мостовенко — в район 61 ар.

5) Лизюков — в р-е западнее Ельца.

6) Главная задача — на севере.

7) 40-я тоже наступает.

Документ написан лично тов. *Сталиным*.

Генерал-майор Штеменко"[25].

Иногда, после докладов об очередной неудаче или отходе войск Сталин диктовал не оперативные, а "карательные" распоряжения. Даже тогда, когда они были подписаны Жуковым, Василевским, Шапошниковым, Ватутиным, можно безошибочно узнать их автора. 10 июля, например, когда стало ясно, что войска Северо-Западного фронта вновь не смогли удержаться на выгодном рубеже, а в донесении штаба фронта ссылались, в том числе и на действия диверсионных групп в тылу, Сталин тут же отреагировал:

"Ставка Верховного Командования и Государственный Комитет Обороны абсолютно не удовлетворены работой командования и штаба Северо-Западного фронта.

Во-первых, до сих пор не наказаны командиры, не выполняющие Ваши приказы и, как предатели, бросающие позиции и без приказа отходящие с оборонительных рубежей. При таком либеральном отношении к трусам ничего с обороной у Вас не получится.

Истребительные отряды у Вас до сих пор не работают, плодов их работы не видно, а как следствие бездеятельности командиров дивизий, корпусов, армий и фронта части Северо-Западного фронта все время катятся назад. Пора это позорное дело прекратить... Командующему и члену Военного совета, прокурору и начальнику 3-го управления — немедленно выехать в передовые части и на месте расправиться с трусами и предателями..."[26]

Перед войной не подготовили специально оборудованного места для работы Ставки — высшего стратегического органа управления войсками. Ни в Кремле, ни на дачах Сталина защищенных от налетов вражеской авиации пунктов управления не было. Хотя в свое время и Тимошенко и Жуков настаивали на их создании. Поэтому в первые месяцы войны Сталин часто бывал в особняке на улице Кирова, рядом со зданием, где находились некоторые управления Генштаба. Станция метро "Кировская", отключенная от транспортной сети, была хорошим бомбоубежищем. Там всегда были оперативные карты с обстановкой на фронтах, так же как и в кремлевском кабинете Сталина. А позже, когда к зиме 1941 года подготовили небольшое

убежище на ближней даче, там же оборудовали для него и пункт связи, с которого он мог говорить с фронтами.

Глядя на оперативную карту, подготовленную в Генштабе, Сталин отчетливо видел три основных направления, по которым противник стремительно развивал наступление: на северо-западе в сторону Ленинграда, на западе в направлении Москвы и на юго-западе — на Киев. Возможно, именно сейчас Сталин принял первое крупное стратегическое решение в этой войне: предложил создать три Главных командования (главкоматы) на каждом из этих направлений. Генштаб, естественно, поддержал. Уже 10 июля решением Ставки были образованы: Северо-Западное командование с главнокомандующим К.Е. Ворошиловым и членом Военного совета А.А. Ждановым; Западное с главнокомандующим С.К. Тимошенко и членом Военного совета Н.А. Булганиным; Юго-Западное с главнокомандующим С.М. Буденным и членом Военного совета Н.С. Хрущевым. Видимо, решение в принципе было правильным, но главкоматы по-настоящему себя проявить так и не сумели. Главная причина кроется опять в Сталине: создав эти органы стратегического управления, Верховный Главнокомандующий не наделил их должными правами. Через их голову шли распоряжения в войска, с действиями штабов главкоматов наверху не считались. К тому же, поскольку создание этих органов управления прежде не планировалось, для них не оказалось ни соответствующих кадров, ни элементарного технического обеспечения. Скоро главкоматы стали объектами сталинских разносов и упреков в "пассивности и безволии".

С высоты сегодняшнего дня видно, что одной из причин крупных поражений, катастрофических неудач, кроме тех, что я назвал в предыдущей главе, является тогдашнее стратегическое построение войск. Не секрет, что первый стратегический эшелон состоял главным образом из наступательных группировок, которым сразу же пришлось обороняться. Фактически лишь 27 — 30 июня фронтам была поставлена задача перейти к стратегической обороне.

В результате того, что накануне войны было ошибочно определено направление главного удара вермахта, вскоре после ее начала потребовались крупные стратегические перегруппировки. В первый период войны по вине прежде всего Сталина значительная часть наших войск не столько воевала, сколько перемещалась, что часто давало противнику возможность бить отдельные соединения и объединения по частям. Сталин был вынужден чуть ли не все наличные резервы стягивать на за-

падное направление. Стратегическая ошибка предвоенного времени потребовала огромной кровавой платы.

...Ожидая около трех часов ночи руководство Генштаба для очередного доклада о положении, сложившемся на фронтах за истекшие сутки, Сталин медленно прохаживался вдоль длинного стола, на котором лежала оперативная карта. Северный фронт его не беспокоил; здесь активные боевые действия начались лишь в конце июня. Значительно хуже обстояли дела на Северо-Западном фронте: за две с небольшим недели войска отступили почти на 450 километров, оставив Прибалтику, не использовав выгодные рубежи для обороны на реках Неман и Западная Двина. Новый командующий П.П. Собенников, размышлял Сталин, не оправдал его надежд. Через полтора месяца после назначения он будет Сталиным смещен.

Особую тревогу вызывало положение Западного фронта. Сталин пристально смотрел на причудливую конфигурацию фронта, который к 10 июля отошел от границы (подумать страшно!) уже на 450 — 500 километров... Горечь унижения и бессильной ярости подкатывала к горлу Председателя ГКО; фронт, имевший в своем распоряжении 44 дивизии, даже не приостановил наступление врага! Как он передоверился Павлову! Как Павлов его подвел! Нужно сегодня же распорядиться об ускорении следствия и суда над командованием Западного фронта. Размышляя над картой, Сталин едва ли знал, что почти половина дивизий фронта к началу войны не была в состоянии боеготовности: 12 из них только начали отмобилизование, а два формируемых корпуса совсем не имели танков.

Накануне войны Сталин, анализируя соотношение сил, очень увлекался подсчетом количества дивизий, других военных сил и средств. Но при этом упускал качественную сторону процесса: укомплектованность боевой техникой войск, их сплоченность, обученность личного состава. До начала войны Сталин все время требовал формирования новых соединений, хотя их уже и так было свыше двухсот. Качественное состояние советских войск к началу войны явно уступало вермахту.

К исходу первых суток боев вся система управления Западного фронта была парализована. На карте две жирные синие стрелы сошлись 29 июня восточнее Минска, а это значило, что главные силы фронта оказались в окружении. Сегодня Сталину докладывали, что из окружения продолжают выходить группами и поодиночке... А ведь 3-я, 4-я и 10-я армии фронта считались особо боеспособными. Здесь же Сталин отметил про себя, что надо подписать бумагу, которая пришла сегодня от Берии,

о создании 15 новых специальных лагерей для проверки вышедших из окружения...

Цепкая память Сталина запечатлела цифровые выкладки утреннего доклада одного из первых дней июля: из 44 дивизий фронта 24 полностью разгромлены, а остальные 20 дивизий утратили от 30 до 90% сил и средств[27]. Не нужно искать выражений: налицо поражение главного фронта, предопределившее неудачи и других. Правы Тимошенко и Жуков, размышлял Сталин, предлагая из 13-й, 19, 20, 21-й и 22-й армий, включенных в состав фронта, создать новый рубеж обороны по Западной Двине и Днепру. Сталин, и это нельзя отрицать, в трагической круговерти военных будней начал постепенно постигать основы стратегии. В будущем он никогда и никому не скажет, что тайны стратегии, диалектику формирования решений и замыслов тех или иных операций ему помогли постичь Жуков, Шапошников, Василевский, Антонов, Ватутин, другие выдающиеся военачальники. Но придет время, и как само собой разумеющиеся будут восприниматься ложные утверждения о том, что именно он, Сталин, внес принципиально новое в военную науку. Например, идею артиллерийского наступления, новых способов окружения противника, путей завоевания господства в воздухе, создания многоэшелонной гибкой обороны и т.д. Он и сам поверит в свой военный талант. Пройдет не очень много времени, и он забудет о своем поражении, поражении политического и военного стратега в первые недели войны.

А пока шли жестокие будни войны, и все висело на волоске. Ясно, что после Минска немцы нацелились на Смоленск и Москву. Продолжая читать оперативную карту, Сталин, видимо, с горечью еще раз подумал, что не на юго-западе, как он предполагал, немцы нанесли свой главный удар. А ведь там было размещено 58 дивизий, из них 16 танковых и 8 моторизованных! Но и здесь главные силы фронта оказались как бы в стороне от направления основного удара врага и не смогли отразить наступление, что было вполне реально. Неудачное построение войск на юго-западном направлении привело к тому, что танковый кулак немцев устремился в слабо защищенный стык между Луцком и Дубно. Сталин помнил, что еще 30 июня Ставка разрешила отвести войска фронта к рубежу укрепрайонов старой границы, что означало отступление на 300 — 350 километров. В общем, полагал Сталин, фронт несколько приостановил наступление врага, но остановить его не сумел. На Южном фронте — положение не лучше.

Потери были огромны: около 30 дивизий фактически пере-

стали существовать и около 70 потеряли более 50% личного состава; уничтожено около трех с половиной тысяч самолетов, более половины складов горючего и боеприпасов. И это лишь за три недели войны! Конечно, немцам этот успех дался недешево. За три недели благодаря героизму советских солдат, командиров, политработников на советско-германском фронте удалось уничтожить около 150 тысяч солдат и офицеров вермахта, более 950 самолетов, несколько сот танков. Но, как станет ясно много позднее, поступавшие в центр данные о наших потерях были занижены, а о потерях противника — сильно завышены. Вот что докладывали после двух недель боев Сталину (сохраняю стилистику справки):

"Потери самолетов: противник минимум — 1664
наши потери — 889
танков: противник — 2625
наши — 901

Потери в людском составе у противника: убитых — 1 млн. 312 тыс. Кроме того, в ожесточенных боях на разных участках противник нес огромнейшие потери, но так как наши части отходили — учесть потери невозможно. Много уничтожено и еще не учтено диверсантов-парашютистов.

Пленных 30 тыс. 004 человека, кроме того, много взято в плен парашютистов, но не учтены. Наши потери пропавших без вести и пленных до 29.06. около 15 000 человек.

Уничтожено в Балтийском море 5 пл (подводных лодок. — *Прим. Д. В.*) и 1 в Черном море. Уничтожено два монитора..."[28]

Такие путаные и искаженные донесения. Судя по ним, трудно иметь реальное представление о положении дел на фронтах, соотношении сил, точном количестве самолетов, танков. Однако такая статистика — не случайность. Все это — плоды единовластия, когда не всякая правда была нужна. Развал управления фронтов, армий, окружение десятков соединений — все это сопровождалось составлением сводок, не имеющих ничего общего с действительностью. Но ведь Сталин руководствовался ими! Он не допускал и мысли, что его обманывали. Поэтому часто решения, принимаемые в то время Ставкой, исходили из желаемого, предполагаемого, вероятного, а не строго реального.

Но как бы там ни было, первоначальная мощь удара фашистов была заметно ослаблена. А главное, немецкому командованию не удалось добиться поставленной Гитлером цели — уничтожить основные силы Красной Армии.

Армия сражается. Отступает, но сражается. Оглядывая на

карте панораму жестоких боев, Сталин исподволь приходил к выводу: война будет долгой. Если устоим в ближайшее время, есть шанс, что ветер победы будет дуть и в наши паруса. Забегая вперед, скажу, что после первых крупных успехов, до которых еще далеко, у Сталина появятся признаки переоценки наших возможностей, что приведет к крупным и непростительным ошибкам в 1942 году.

...Выслушав молча очередной доклад Жукова о положении дел на фронтах, Сталин переспросил:

— Повторите, какова укомплектованность личным составом и техникой войск Западного фронта?

— В среднем десять — тридцать процентов. Лишь отдельные части имеют людей, артиллерию и танки до пятидесяти и более процентов. Отдельные, — снова повторил Жуков. — Фактически такая же картина на Северо-Западном фронте. Несколько лучше положение на юго-западе. Особенно тяжело, что потеряли бо́льшую часть противотанковой артиллерии. Нужно что-то делать для усиления, наращивания противотанковых возможностей.

Обсудив необходимые меры по ускорению выпуска противотанковой артиллерии, позвонив при этом Вознесенскому, Сталин, в упор глядя на Жукова, спросил:

— А что можно сделать непосредственно сейчас, сегодня, для усиления наших возможностей борьбы с танками? Что, военные не видят больше иных средств, кроме артиллерии?

— Почему же, товарищ Сталин. Многое может сделать и авиация.

Жуков объяснил технические и боевые возможности авиации в борьбе с танками. Сталин как-то ожил и приказал немедленно подготовить директиву Ставки. Жуков вышел и через полчаса принес документ:

"Командующим фронтами: Северным, Северо-Западным,
Западным, Юго-Западным и Южным
Командующему ВВС Красной Армии

Истекшие 20 дней войны наша авиация действовала главным образом по механизированным и танковым войскам немцев. В бой с танками вступали сотни самолетов, но должного эффекта достигнуто не было, потому что борьба авиации против танков была плохо организована. При правильно организованном ударе авиацией танковые части могут быть не только остановлены, но и разгромлены.

1. Атаку танковых войск (колонн) возглавлять пушечными истребителями и пушечными штурмовиками с одновременным

сбрасыванием зажигательных средств. Атаку проводить широким фронтом, несколькими заходами, перпендикулярно колонне танков.

2. Вслед за пушечными истребителями и штурмовиками атакуют бомбардировщики всех типов, сбрасывая фугасные и зажигательные бомбы. Атаки производить эшелонами девяток с индивидуальным прицеливанием..."[29]

Что еще можно сделать, чтобы как-то переломить катастрофическое развитие событий? Сталин мучительно думал, постепенно оправляясь от потрясения, какого он никогда до этого не испытывал.

Вспомним, что еще 5 июля 1941 года он распорядился направить в войска телеграмму:

"Командующим фронтами
(за исключением Закавказского и ДВФ)

В боях за социалистическое Отечество против войск немецкого фашизма ряд лиц командного, начальствующего, младшего начальствующего и рядового состава — танкистов, артиллеристов, летчиков и других проявили исключительное мужество и отвагу. Срочно сделайте представление к награждению правительственной наградой в Ставку Главного Командования на лиц, проявивших особые подвиги"[30].

После публикации в газетах Указа Президиума Верховного Совета СССР о присвоении (первом в Отечественной войне) звания Героя Советского Союза М.П. Жукову, С.И. Здоровцеву, П.Т. Харитонову за воздушные тараны вражеских бомбардировщиков Сталин позвонил в агитпроп ЦК:

— Шире пропагандируйте героизм советских людей. Вспомните ленинский призыв: "Социалистическое Отечество в опасности!". Внушайте, что фашистских мерзавцев можно и нужно разгромить! — И, не дожидаясь ответа, положил трубку.

Да, нужно морально поощрять людей. Каждый день донесения, печать говорят о том, что тысячи солдат, командиров, политработников, жертвуя жизнью, бьются за каждый рубеж...

Кроме чисто военных дел Сталину ежедневно по нескольку часов приходилось заниматься и хозяйственными, и организационными вопросами. Вот на днях они с Маленковым и Жуковым рассмотрели вопрос, поставленный Ленинградской партийной организацией, о создании ополченческих дивизий. Сталин еще не мог знать, что этот почин выльется в мощное движение и к концу года будет создано около 60 дивизий народного ополчения, 200 отдельных полков, сыгравших заметную роль в обороне Отечества.

4 июля Вознесенский и Микоян доложили проект решения ГКО "О выработке военно-хозяйственного плана обеспечения обороны страны". Сталин подписал проект почти без рассмотрения: в приемной толпились военные. А он уже ждал с фронтов все худших и худших вестей. Вознесенский, торопясь, успел доложить Сталину, что 30 июня СНК СССР утвердил общий мобилизационный народнохозяйственный план, предусматривавший в кратчайшие сроки перестроить экономику на военный лад. Перед Вознесенским у Сталина был Шверник, председатель Совета по эвакуации, докладывавший, как идет выполнение Постановления ЦК ВКП(б) и СНК "О порядке вывоза и размещения контингентов и ценного имущества". По плану в первую очередь эвакуировались на восток лишь предприятия, расположенные вблизи границы. Но уже через несколько дней военные неудачи заставили коренным образом пересмотреть расчеты. Никто еще тогда не знал, что за предельно короткие сроки (к январю 1942 г.) будет перевезено и вскоре введено в строй 1523 промышленных предприятия, в том числе 1360 оборонных. Переоценить этот факт невозможно. Только неимоверными, фантастическими по самоотверженности усилиями советских людей целая индустриальная держава переместилась за тысячи километров на восток и быстро начала восстанавливать утраченный военный арсенал. Достаточно сказать, что, несмотря на великое переселение, часто под бомбежками, в 1941 году оборонная промышленность выпустила 12 тысяч боевых самолетов, 6,5 тысячи танков, около 16 тысяч орудий и минометов.

...Приняв на полтора часа военных, Сталин вновь вернулся к партийным и государственным делам, подписав предложение Маленкова о назначении на 1170 крупных военных заводов и предприятий тяжелой промышленности парторгов ЦК. Сталин написал записку Маленкову:

"Советую подумать о создании этого института и в политотделах МТС и совхозов".

Сегодня мы знаем, что в ноябре 1941 года было принято решение о создании нескольких тысяч политотделов в МТС и совхозах. На сельское хозяйство, в результате потери огромных территорий и ухода рабочей силы на фронт, легла тяжелейшая задача обеспечить армию и страну продовольствием...

Так складывался почти каждый день у человека, вобравшего в себя все мыслимые высшие должности. Война еще больше утвердила его в положении абсолютного диктатора.

Вот что рассказывал мне И.В. Ковалев, бывший наркомом пу-

тей сообщения: "Помню, пригласили меня, тогда начальника Управления военных сообщений, на совещание в Кремль. Смотрю: железнодорожники, военные, работники ЦК. Здесь же Каганович, Берия, который курировал одно время транспорт. Зашел Сталин. Все поднялись. Он без предисловий: ГКО принято решение создать Транспортный комитет. Предлагаю избрать председателем комитета товарища Сталина... Так сам и сказал. Помню одну фразу с того далекого совещания: "Транспорт — это вопрос жизни. Дела фронта в руках транспорта. Запомните: за неисполнение директив ГКО — военный трибунал". Так негромко, с акцентом сказал, но мурашки по спине побежали..."

Иван Владимирович продолжал: "За войну мне пришлось десятки, а то и сотни раз докладывать Верховному о подаче эшелонов к какому-то району фронта. Бывало, об отдельных эшелонах (с особо важным грузом) докладывал Сталину по его указанию через каждые два часа. Был случай, когда я "потерял" один эшелон. Сказал, что на такой-то станции... А его там не оказалось... Сталин едва сдерживал гнев:

— Не найдешь, генерал, пойдешь на фронт рядовым...

(К слову сказать, угроза не для красного словца. Работая в архиве, я однажды столкнулся с фактом, когда Н.А. Москвин, генерал-майор, был разжалован приказом Сталина в рядовые и направлен на фронт[31]. Но это — отступление.)

А Поскребышев мне, бледному как мел, добавил:

— Смотри, нарвешься. "Хозяин" на пределе..."

"Когда я приходил докладывать Сталину, — вспоминал Ковалев, — у него, как правило, были Молотов, Берия, Маленков. Я еще про себя думал: мешают только. Вопросов никогда не задают. Сидят и слушают. Что-то записывают. А Сталин распоряжается, звонит, подписывает бумаги, вызывает Поскребышева, дает ему поручения... А они сидят. Сидят и смотрят то на Сталина, то на вошедшего... И так я эту картину заставал десятки раз... Видимо, Сталину нужно было это присутствие. То ли для выполнения возникающих поручений. То ли для истории... Кагановича там обычно не было: этот работал по 18 часов в сутки. Ругань, шум, угрозы. Каганович ни себя не жалел, ни других. Но у Сталина сидящим, как тех троих, я его не видел. Когда Сталин говорил по телефону, я заметил, что он всегда произносил лишь несколько фраз и клал трубку. Сам говорил коротко и требовал коротких докладов. Ему нельзя было докладывать что-то приблизительное; сразу зловеще понижал голос: "Не знаешь? А чем ты занимаешься?"

Много, очень много раз был я у Сталина, — завершил свой рассказ Иван Владимирович, — но нн разу не приходил к нему спокойным. Всегда ждешь вопроса, на который не знаешь, как ответить. Был страшно сух. Вместо "здравствуйте" едва кивнет головой. Доложишь, нет вопросов и скорее уходи с облегчением. Быстрее! Поскребышев так и наставлял. Я заметил, что своей властью, памятью, умом Сталин всех как-то подавлял, принижал... Человек, приходящий к нему, чувствовал себя еще более незначительным, чем он есть на самом деле..."

Думаю, что наблюдения Ковалева интересны и позволяют глубже понять интеллект, чувства, волю Сталина. Анализ документов, разного рода совещаний, проходивших у Сталина, показывает, что и в войну очень немногие отважнвались спорить с ним, отстаивать свою точку зрения. Он действнтельно подавлял всех своей властью. Повторю, к счастью, во время войны около Сталина находились выдающиеся военачальники, которые умели, были способны сделать такие предложения и так подать, что он их, как правило, принимал и одобрял.

Если взять любой день по часам работы Верховного в первые полгода войны, то за столом, в кабинете он проводил, как я уже упоминал, по 16 — 18 часов. Но, справедливости ради, скажу, что так тогда работали почти все. Львиная доля времени посвящалась вопросам военным. Поскребышев, однако, находил "окна", чтобы Сталин принимал не только отдельных членов Политбюро, курировавших конкретные участки государственной деятельности, но и наркомов, конструкторов, даже директоров крупных заводов. В роли Верховного Сталин нашел себя далеко не сразу. Первые месяцы войны он нередко сбивался на самую настоящую "мелочевку": занимался распределением мин и винтовок, давал указания направить гражданское население на рытье противотанковых рвов, просматривал проекты сообщений Информбюро. Например, один из документов Ставки, адресованный ВВС, поступил в шифровальный отдел и пролежал там 8 часов 15 минут. Сталин, узнав об этом, приказал срочно подготовить приказ наркома обороны, в котором полковнику И.Ф. Иванову и старшему лейтенанту Б.С. Краснову объявлялись взыскания, и они нзгонялись из Генштаба. Сталин, подписав приказ, наложил еще и резолюцию:

"тт. Василевскому и Жигареву

Прошу начальннка оперативного управления Генштаба и командующего ВВС навести порядок — каждого на своем месте — в шифровальном деле.

25.08.41 г. *И. Ст.*"[32].

И это в то время, когда на фронтах в дни страшного жаркого августа решались неизмеримо более важные вопросы! Просто привычка, выработавшаяся годами, держала Сталина: вершить, решать все самому. Решать за всех. Вскоре сама фронтовая действительность внесет коррективы в порядок, стиль, методы работы Верховного.

Втягиваясь в жестокий ритм войны, но действуя больше лишь как лицо, одобряющее или не одобряющее предложения Генштаба, Сталин все время пытался найти какие-то дополнительные рычаги влияния на обстановку. Вот он подписал директиву об активизации борьбы авиации с танками. После докладов о том, что нечем вооружать пополнение, Сталин настоял, чтобы в войска направили специальную директиву Ставки по этому вопросу:

"Разъяснить всему командному, политическому и рядовому составу действующих войск, что потеря оружия на поле боя является тягчайшим нарушением военной присяги и виновные должны привлекаться к ответственности по законам военного времени. Усилить штатные команды по сбору оружия дополнительным количеством личного состава и возложить на них ответственность по сбору всего оружия, оставленного на поле боя..."[33]

Следует сказать и о том, что в первые месяцы войны многие предложения Сталина были в значительной мере навеяны воспоминаниями о гражданской войне. Например, в сентябре 1941 года после разговора по "Бодо" с Буденным Сталин как-то неожиданно проявил повышенный интерес к кавалерии. В это время в Генштабе готовился документ Ставки об уроках первых двух месяцев войны, который предполагалось разослать командующим фронтами и армиями. Документ был почти готов. Сталин его прочел, в основном согласился, но приказал включить еще один пункт:

"Четвертое. Нашей армией несколько недооценивается значение кавалерии. При нынешнем положении на фронтах, когда тыл противника растянулся на несколько сот километров в лесных местностях и совершенно не обеспечен от (так в тексте. — *Прим. Д. В.*) крупных диверсионных действий с нашей стороны, рейды красных кавалеристов по растянувшимся тылам противника могли бы сыграть решающую роль в деле дезорганизации управления и снабжения немецких войск. Если бы наши кавалерийские части, болтающиеся теперь на фронте и перед фронтом, были брошены по тылам противника, он был бы поставлен в критическое положение, а наши войска получили бы

громадное облегчение. Ставка считает, что для таких рейдов по тылам противника достаточно было бы иметь несколько десятков легких кавдивизий истребительного типа в три тысячи человек каждая с легким обозом, без перегрузки тылами..."[34]

Идея, как будто не лишенная смысла, хотя по сути своей это попытка вернуться к опыту не только гражданской войны, но и далекой Отечественной войны 1812 года. Сталин, знавший военную науку на уровне обыденного сознания, просто здравого смысла, искал выход из критического состояния, в которое поставили страну его просчеты и коварство Гитлера. В классической борьбе подобное критическое состояние возникает, когда борец ставит своего соперника в положение "моста", стремясь прижать его лопатками к ковру. Если это удается, засчитывается чистая победа. Июнь, июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь 1941 года Сталин держал "мост". Не он, конечно, страна, народ, армия. Но и он, привычно олицетворяя их, был поставлен Гитлером в такое, абсолютно непривычное для него положение. Судьба страны висела на волоске. Положение было столь отчаянным, что Сталин видел панацею в любом возможном средстве, заставляя готовить разного рода директивы, подобные только что процитированной инструкции о создании и использовании легких кавалерийских дивизий.

Вспомнив вновь о Павлове, Сталин опять ощутил пароксизм злобы: как мог комфронта за одну неделю все потерять? Ведь когда он его принимал здесь, в своем кабинете, перед назначением на должность командующего Западным особым военным округом, то Павлов произвел на него неплохое впечатление. Четкий доклад, зрелые суждения, уверенность... Правда, опыта у него было мало: такой взлет после Испании... Как он мог выпустить рычаги управления войсками? Что делал его штаб? Почему не обеспечил боеготовность войск? Сталин уже не хотел вспоминать, что в середине июня он и Тимошенко получили от Павлова две или три шифровки с настоятельной просьбой о выводе войск округа на полевые позиции. Командующий ЗапОВО добивался разрешения на частичное отмобилизование, доказывал необходимость усиления войск округа радиосредствами и новыми танками... Но мысль Сталина вновь и вновь возвращалась к одному и тому же вопросу: как мог Павлов так бездарно все потерять? От этого внутри у Сталина все клокотало. Он подошел к столу и нажал кнопку вызо-

ва. Тут же бесшумно появился Поскребышев с блокнотом в руке.

— Кто, кроме Павлова, отдан под военный трибунал? Когда суд? Где проект приговора? — Не дожидаясь ответа, добавил: — Вызовите ко мне Ульриха.

Поскребышев так же бесшумно вышел из кабинета "Хозяина". Сталин продолжал расхаживать вдоль длинного стола. Поворачиваясь, он обвел взглядом портреты, висевшие на стенах: Маркс, Энгельс, Ленин. Маркса он читал мало; "Капитал" так никогда осилить не смог, но с рядом его работ был знаком. Наиболее ценной среди марксовых работ, по его мнению, была "Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 год". Здесь Маркс впервые употребил понятие "диктатура пролетариата", главное, по мысли Сталина, звено в учении об обществе. Энгельса он ценил невысоко. Во время своего посещения Комакадемии в 1930 году даже призывал критиковать "ошибочные" положения великого соратника Маркса. Правда, Энгельс неплохо, как думал Сталин, написал о военной истории России, хорошо отзывался о полководческом гении Суворова, ниже ставил Кутузова, отметил решающий вклад русских войск в освобождение порабощенной Наполеоном Европы, героизм защитников Севастополя в Крымской войне 1853 — 1856 годов. Но это частности, среди которых немало и ошибочного.

А Ленин... Когда Сталин обращался к его работам, то всегда чувствовал свою обыкновенность, даже заурядность. "Защита" Ленина помогла ему стать единоличным вождем. Все эти недоноски, которых он уничтожил, так и не поняли, в чем заключалась его главная сила: в монополии на трактовку Ленина. Но было у Ленина и то, что он никогда не мог принять. Сталин называл это либерализмом... Он вспомнил и мысленно выругал себя за минутную слабость: когда 29 июня он с Молотовым, Ворошиловым, Ждановым и Берией выходил, вконец расстроенный, из здания Наркомата обороны, то в сердцах громко бросил:

— Ленин создал наше государство, а мы все его прос..ли!

Молотов удивленно взглянул на Сталина, но ничего не сказал. Промолчали и другие. Не надо было ему говорить эти слова: могут запомнить и принять за панические... Ведь все оброненное великими людьми не предается забвению. Особенно их слабости.

Погружение Сталина в дальнее и ближнее прошлое прервал Поскребышев. Он неслышно прошел к столу и положил тонень-

кую папочку. Верховный быстро просмотрел принесенные бумаги. Сверху лежал

"Приговор (проект)

Именем Союза Советских Социалистических Республик военная коллегия Верховного суда СССР в составе председательствующего армвоенюриста В.В. Ульриха, членов: диввоенюристов А.М. Орлова и Д.Я. Кандыбина, при секретаре — военном юристе А.С. Мазуре

В закрытом судебном заседании в городе Москве ....го июля 1941 года рассмотрела дело по обвинению:

1. Павлова Дмитрия Григорьевича, 1897 года рождения, быв. командующего Западным фронтом, генерала армии;

2. Климовских Владимира Ефимовича, 1895 года рождения, быв. начальника штаба Западного фронта, генерал-майора — обоих в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 63-2 и 76 УК БССР;

3. Григорьева Андрея Терентьевича, 1889 года рождения, быв. начальника связи Западного фронта, генерал-майора;

4. Коробкова Александра Андреевича, 1897 года рождения, быв. командующего 4-й армией, генерал-майора — обоих в преступлениях, предусмотренных ст. 180 п."б" УК БССР...".

Далее утверждалось, что предварительным судебным следствием установлено, что "подсудимые Павлов и Климовских, являясь участниками антисоветского военного заговора и используя свое служебное положение, будучи: первый — командующий войсками Западного фронта, а второй — начальник штаба того же фронта, проводили вражескую работу, выразившуюся в том, что в заговорщицких целях не готовили к военным действиям вверенный им командный состав, ослабили мобилизационную готовность войск округа, развалили управление войсками и сдали оружие противнику без боя, чем нанесли большой ущерб боевой мощи Рабоче-Крестьянской Красной Армии...".

Далее все шло в том же духе; Сталин не стал читать эти страницы и остановился лишь на последней:

"Таким образом установлена виновность Павлова и Климовских в совершении ими преступлений, предусмотренных ст.ст. 63-2 и 76 УК БССР и Григорьева и Коробкова в совершении ими преступлений, предусмотренных ст. 180 п. "б" УК БССР. Исходя из изложенного и руководствуясь ст.ст. 319 и 320 УПК РСФСР, военная коллегия Верхсуда СССР

приговорила:

1. Павлова Дмитрия Григорьевича

2. Климовских Владимира Ефимовича
3. Григорьева Андрея Терентьевича
4. Коробкова Александра Андреевича —
лишить военных званий: Павлова — "генерал армии", а остальных троих военного звания "генерал-майор" и подвергнуть всех четверых высшей мере наказания — **расстрелу**, с конфискацией всего лично им принадлежащего имущества... Приговор окончательный и обжалованию не подлежит"[35].

Ознакомившись с проектом приговора, Сталин сказал стоявшему рядом с письменным столом Поскребышеву:

— Приговор утверждаю, а всякую чепуху вроде "заговорщицкой деятельности" Ульрих чтобы выбросил... Пусть не тянут. Никакого обжалования. А затем приказом сообщить фронтам, пусть знают, что пораженцев карать будем беспощадно...

Все было решено. До суда. 22 июля, когда состоялся "суд", нужно было лишь соблюсти формальность. Подсудимые просили направить их на фронт в любом качестве: они докажут своей кровью преданность Родине и воинскому долгу. Просьба поверить: все случившееся — результат крайне неблагоприятно сложившихся обстоятельств. Вины своей не отрицают. Искупят ее в бою... Ульрих, зевая, торопил:

— Короче...

Этой же ночью их расстреляли. Сталина эти люди больше никогда не интересовали. Но он не мог знать, что 5 ноября 1956 года Генеральный штаб, проведя тщательное аналитическое расследование обоснованности обвинений, предъявленных Павлову, Климовских, Григорьеву и Коробкову, вынесет свое компетентное суждение:

"Имеющиеся документы и сообщения ряда генералов, служивших в Западном особом военном округе, не отрицая ряда крупных недочетов в подготовке округа к войне, опровергают утверждение обвинительного заключения о том, что генералы Павлов Д.Г., Климовских В.Е., Григорьев А.Т., Коробков А.А. и Клич Н.А. виновны в проявлении трусости, бездействия, нераспорядительности, в сознательном развале управления войсками и сдаче оружия противнику без боя"[36].

Жестокое время, жестокие люди... Сталин хорошо знал Павлова, беседовал при назначении и с генералами Климовских и Коробковым. Оба произвели на него тоже благоприятное впечатление. Вероятно, они допустили до войны и в ее начале немало промахов. Назначенные на высокие должности через ряд промежуточных ступеней в результате острого кадрового

дефицита, эти преданные стране люди, подлинные патриоты, в силу недостаточной подготовки не смогли в решающие минуты правильно организовать боевые действия с превосходящими силами противника. Но разве мало было таких? Командующие фронтами Кузнецов, Павлов, Кирпонос совершили после 1937 года стремительное восхождение. Их патриотизм, храбрость, мужество не были должным образом подкреплены опытом и полководческой мудростью. Это приходит с годами. Но Сталин, истребив целые слои командного состава, поставил в исключительно сложное положение и тех, кого выдвинул на их место.

Сталин, более всех повинный в катастрофическом начале войны, проявил исключительную жестокость по отношению к тем, кто стал жертвой его просчетов. Их собственной вины, а она, видимо, есть, никто не снимает. Но эта вина в значительной мере обусловлена сложившимися обстоятельствами, скороспелым выдвижением и, как следствие, недостаточной компетентностью. В своей книге "Судьба России" Н. Бердяев писал: "Жестокость войны, жестокость нашей эпохи не есть просто жестокость, злоба, бессердечие людей, личностей, хотя все это и может быть явлениями сопутствующими. Это жестокость исторической судьбы, жестокость исторического движения, исторического испытания. Жестокость человека — отвратительна"[37]. Война сама по себе жестока. Но Сталин часто делал ее еще более жестокой. И это действительно отвратительно. Судите сами.

Жданов и Жуков, докладывая из Ленинграда о положении дел, привели факты, когда немецкие войска, атакуя наши позиции, гнали перед собой женщин, детей, стариков, ставя тем самым в исключительно трудное положение обороняющихся. Дети и женщины кричали: "Не стреляйте!", "Мы — свои!", "Мы — свои!". Советские солдаты и офицеры были в замешательстве: что делать? Нетрудно представить, что могли испытывать и несчастные люди, когда в их спины упирались стволы немецких автоматов и впереди тоже могла ждать смерть. Сталин среагировал немедленно. Среагировал в духе своей натуры — предельно жестоко:

"Говорят, что немецкие мерзавцы, идя на Ленинград, посылают впереди своих войск стариков, старух, женщин, детей... Говорят, что среди ленинградских большевиков нашлись люди, которые не считают возможным применить оружие к такого рода делегатам. Я считаю, что если такие люди имеются среди большевиков, то их надо уничтожать в первую

очередь, ибо они опаснее немецких фашистов. Мой совет: не сентиментальничать, а бить врага и его пособников, вольных или невольных, по зубам... Бейте вовсю по немцам и по их делегатам, кто бы они ни были, косите врагов, все равно, являются ли они вольными или невольными врагами... Продиктовано 04 часа 21.09.41 года тов. *Сталиным*. Б. Шапошников"[38].

Война жестока по своей сути, но здесь жестокость особого рода — жестокость не только к врагу, это понятно, но и к своим соотечественникам. "...Косите врагов, все равно являются ли они вольными или невольными врагами..." Жуков и Жданов сообщали, что это женщины, старики, дети, а он: "...не сентиментальничать, а бить врага и его пособников... по зубам..." Детей, своих детей — "по зубам" ...из автомата?! Это никогда ни понять, ни объяснить, ни тем более оправдать невозможно... Воистину: "жестокость человека — отвратительна!". Жестокость по отношению к своим согражданам, к тем, кого гонят впереди себя нравственные ублюдки, как и к тем, кому он доверил высокие посты, — фактическое признание своей вины. Но в этом случае нужно быть жестоким к самому себе. А этого Сталин не мог.

Для того чтобы полнее почувствовать, что и в условиях кошмара тех дней расправа Сталина с генералами не была простым эмоциональным всплеском, а являлась продолжением его произвола конца 30-х годов, приведу лишь два свидетельства. Расстрелянные генералы предстают в этих свидетельствах совсем в ином свете. После войны генерал-майор Б.А. Фомин, бывший работник штаба Западного фронта, писал:

"С августа 1940 года Павловым было проведено пять армейских полевых поездок, одна армейская командно-штабная военная игра на местности, пять корпусных военных игр, одна фронтовая военная игра, одно радиоучение с двумя танковыми корпусами, два дивизионных и одно корпусное учение. Павлов, тщательно следя за дислокацией войск противника, неоднократно возбуждал вопрос перед наркомом обороны о перемещении войск округа из глубины в приграничный район. К началу войны войска округа находились в стадии оргмероприятий. Формировалось пять танковых корпусов, воздушно-десантный корпус, три противотанковые бригады и т.д. Все перечисленные соединения не были пол-

ностью сформированы и не были обеспечены материальной частью.

О подготовке немцами внезапного нападения Павлов знал и просил разрешения занять полевые укрепления вдоль госграницы. 20 июня шифротелеграммой за подписью заместителя начальника оперуправления Генштаба Василевского Павлову было сообщено, что просьба его была доложена наркому и последний не разрешил занимать полевых укреплений, так как это может вызвать провокацию со стороны немцев.

В действиях и поступках Павлова как в предвоенный период, так и во время ведения тяжелой оборонительной операции лично я не усматриваю вредительства, а тем более предательства. Фронт постигла неудача не из-за нераспорядительности Павлова, а из-за ряда причин, важнейшими из которых были: численное превосходство противника, внезапность удара противника, запоздание с занятием рубежей УРов, безграмотное вмешательство Кулика..."[39]

Вот сообщение генерал-полковника Л.М. Сандалова генералу армии В.В. Курасову. "Что касается командующего 4-й армией генерала Коробкова, то в отношении этого способного командира, отличившегося в боях в Финляндии, где он храбро воевал во главе своей дивизии, совершена вопиющая несправедливость. Генерал Коробков по окончании войны в Финляндии был назначен командиром корпуса и затем, за несколько месяцев до войны, вступил в командование 4-й армией, показал себя храбрым и энергичным командующим армией. Недостаток его заключался в стремлении безоговорочно выполнять любое распоряжение командования войсками округа, в том числе и явно не соответствующее складывающейся обстановке.

Почему был арестован и предан суду именно командующий 4 А Коробков, армия которого хотя и понесла громадные потери, но все же продолжала существовать и не теряла связи с штабом фронта? К концу июня 1941 года был предназначен по разверстке (заметьте, "по разверстке"! — *Прим. Д.В.*) для придания суду от Западного фронта один командарм, а налицо был только командарм 4-й армией. Командующие 3-й и 10-й армиями находились в эти дни неизвестно где, и с ними связи не было. Это и определило судьбу Коробкова. В лице генерала Коробкова мы потеряли тогда хорошего командарма, который, я полагаю, стал бы впо-

вследствии в шеренгу лучших командармов Красной Армии..."[40]

Таких, кто мог стать, но не стал, было немало. Очень многие погибли на поле брани. Немало было и таких генералов, которые, исчерпав все возможности борьбы и не желая попасть в плен или на сталинскую расправу, кончали с собой. Архивы сохранили немало донесений о подобных случаях. Вот командир 17-го мотомехкорпуса генерал-майор М.П. Петров сообщает маршалу Тимошенко о том, что 23 июня покончил с собой его заместитель Кожохин Николай Викторович... Кончил жизнь самоубийством командующий ВВС Западного особого военного округа Копец Иван Иванович... Начальник Управления политической пропаганды ЗапОВО Д.А. Лестев в донесении объясняет самоубийство Копеца "малодушием вследствие частных неудач и сравнительно больших потерь авиации..."[41]. Тогда представлялось (а может быть, просто боязнь прослыть паникером?), что неудачи "частные", а потери — "сравнительно большие"...

У некоторых генералов, попавших в водоворот трагических событий, судьба сложилась еще горше.

В августе 1941 года органы госбезопасности доложили Сталину, что два генерала сдались добровольно в плен немцам и работают на них. Один — бывший командующий 28-й армией генерал-лейтенант В.Я. Качалов, другой — командующий 12-й армией генерал-майор П.Г. Понеделин. Сталин наложил резолюцию: "Судить". Не все приказы, далеко не все, касающиеся фронтовых дел, особенно в первый период войны, пунктуально выполнялись. Если бы выполнялись, не оказались бы немцы осенью у стен Москвы. А вот такие приказы, как "судить", исполнялись непременно. Два генерала в октябре 1941 года были заочно осуждены по ст. 265 УПК РСФСР и приговорены к расстрелу "с конфискацией лично им принадлежащего имущества и ходатайством о лишении наград — орденов Советского Союза"[42].

Незадачливым и циничным осведомителям было невдомек, что Владимир Яковлевич Качалов погиб 4 августа 1941 года от прямого попадания снаряда. Но до 1956 года члены его семьи, кто остался жив, носили клеймо родственников "предателя Родины". Еще более драматична судьба Павла Григорьевича Понеделина. В августе 1941 года, уже будучи в окружении, он был тяжело ранен и в бессознательном состоянии попал в плен. Долгие четыре года гитлеровских лагерей не сломили генерала, он достойно нес свой крест. Поддерживал

павших духом, категорически отказался от сотрудничества с фашистами. После освобождения и репатриации в 1945 году Понеделин был арестован и пробыл теперь уже в советском лагере пять лет, хотя еще в 1941 году был приговорен заочно к смерти. После ходатайства Понеделина, направленного лично Сталину, его вторично судили 25 августа 1950 года и еще раз приговорили к расстрелу. Дважды приговоренный к смерти, перенесший ужас гитлеровских и сталинских лагерей, генерал-майор Понеделин был расстрелян только потому, что имел несчастье в бессознательном состоянии попасть в плен...

Жестокое время, жестокие люди... Сталин с началом войны, едва придя в себя от парализующего психологического шока, для выправления положения прибег к своему испытанному средству: репрессиям и нагнетанию страха. Тысячи, сотни тысяч людей гибли на фронте, еще больше — попадали в плен. Вышедшие из окружения, вырвавшиеся из плена оказывались в "спецлагерях по проверке". Есть целый ряд донесений Берии о функционировании этих лагерей. Часть военнослужащих после проверки направлялась в формируемые новые подразделения, других расстреливали на месте, высылали на долгие годы в лагеря[43]. Их доля была особенно горька: позор, бесчестие им и их семьям. Конечно, были среди них и те, кто сознательно изменил Родине или, проявив малодушие, не исполнил свой воинский долг. Не о них речь. Жестокость Сталина, проявленную в начале войны по отношению к советским людям, мы связывали обычно лишь с именами Павлова и генералов его штаба. Но мало кто знает, что в это же время Сталин санкционировал арест большой группы командиров. Среди них:

генерал-майор Алексеев И.И. — командир 6-го стрелкового корпуса;

генерал-майор Арушанян Б.И. — начальник штаба 56-й армии;

генерал-майор Гопич Н.И. — начальник Управления связи РККА;

генерал-майор Голушкевич В.С. — заместитель начальника штаба Западного фронта;

генерал-лейтенант Иванов Ф.С. — из резерва Главного управления кадров Наркомата обороны (ГУК НКО);

генерал-майор Кузьмин Ф.К. — начальник кафедры тактики академии имени Фрунзе;

генерал-майор Леонович И.Л. — начальник штаба 18-й армии;

генерал-майор Меликов В.А. — начальник факультета академии Генштаба;

генерал-майор Потатурчев А.Г. — командир 4-й танковой дивизии;

генерал-майор Романов Ф.Н. — начальник штаба 27-й армии;

генерал-лейтенант Селиванов И.В. — командир 30-го стрелкового корпуса;

генерал-майор Семашко В.В. — заместитель начальника штаба Ленинградского фронта;

генерал-лейтенант Трубецкой Н.И. — начальник Управления военных сообщений (ВОСО) Красной Армии;

генерал-майор Цырульников П.Г. — командир 15-й стрелковой дивизии[44].

Список не охватывает всех арестованных. Различна судьба этих людей. Некоторым удалось вернуться на фронт, иных на долгие годы поглотили лагеря, другие погибли.

В большинстве случаев Сталин просто санкционировал арест, но иногда и сам давал соответствующие указания. Например, 25 августа 1942 года в 5 часов 15 минут Сталин продиктовал в Сталинград телеграмму:

"Лично Василевскому, Маленкову

Меня поражает то, что на Сталинградском фронте произошел точно такой же прорыв далеко в тыл наших войск, какой имел место в прошлом году на Брянском фронте, с выходом противника на Орел. Следует отметить, что начальником штаба был тогда на Брянском фронте тот же Захаров, а доверенным человеком тов. Еременко был тот же Рухле. Стоит над этим призадуматься. Либо Еременко не понимает идею второго эшелона в тех местах фронта, где на переднем крае стоят необстрелянные дивизии, либо же мы имеем здесь чью-то злую волю, в точности осведомляющую немцев о слабых пунктах нашего фронта..."[45]

Захарова и Еременко Сталин не решился прямо подозревать, а вот начальника оперативного отдела штаба фронта генерал-майора И.Н. Рухле Верховный явно заподозрил. Он не увидел закономерности в том, что немецкие военачальники ищут у нас наиболее слабые места и наносят удар именно там, а усмотрел причину такого положения в "злой воле", которая "в точности осведомляет немцев...". Для работников особого отдела после такой телеграммы никакие аргументы

больше были не нужны. Сам Верховный их указал... Генерал-майор Рухле Иван Никифорович тут же был арестован, но судьба была к нему милостива, и он в конце концов остался жив.

Сталин никогда не смог полностью отказаться от жестоких "игр". Но тогда всем казалось, что жестокое, отчаянное время оправдывает и жестокие меры "вождя".

Горечь полыни

В начале августа Сталин, как обычно, только под утро забылся тревожным сном. Едва голова коснулась подушки, и он сразу погрузился в какую-то глубокую и вязкую тьму. Сталин, как он однажды сказал Поскребышеву, очень редко видел сны. Его не мучили угрызения совести, не стояли перед глазами тени уничтоженных им сотоварищей по партии, он не слышал из прошлого голоса жены и погибших родственников. Его натура имела как бы моральные изоляторы, оберегавшие его сознание от душевных страданий, покаяния, угрызений совести. В его интеллекте, чувствах были заморожены, сблокированы те центры, которые должны были реагировать на проявления общечеловеческой нравственности. Во всяком случае, бессонница по причине дефицита совести его никогда не мучила.

А сегодня, забывшись на три-четыре часа, он несколько раз просыпался. Нет, не видения, не кошмары, не грохот канонады войны мешали спать Сталину. Он просыпался от горького запаха, от полынной горечи, точно такой же, как и много лет назад под Царицыном. Они тогда с Ворошиловым выезжали на позиции и на обратном пути остановились на несколько минут у кургана, чтобы съесть по краюшке хлеба. Сталин откинулся на траву и на несколько минут задремал в полынном облаке запахов раскаленной степи. В знойном мареве, под безбрежным жарким небом он почувствовал себя каким-то крохотным, беззащитным и ничтожным. Проваливаясь в бездну сна, он как бы поплыл по полынным волнам, словно щепка... Вот и сегодня ту давнюю горечь он явственно ощутил даже на вкус. Сразу вспомнив вчерашний ночной доклад Генштаба, стряхнул остатки сна. Полынная горечь неудач преследовала армию и ее Вер-

ховного Главнокомандующего почти на всем гигантском фронте.

Поднявшись и попив чаю, Сталин не поехал в Кремль, а приказал Шапошникову прибыть к нему к двенадцати часам и доложить обстановку на всех фронтах с выводами и предложениями. Без четверти двенадцать начальник Генштаба был на даче. Он подошел к разложенной на столе карте и негромко, тщательно подбирая слова, стал докладывать. Сталин даже подумал: "Как лекцию читает". Но перебивать не стал. "Лекция" была грозной, с полынным привкусом.

— Можно сказать, — четко формулируя мысль, начал Шапошников, — что начальный период войны нами проигран вчистую. Боевые действия уже идут на дальних подступах Ленинграда, в районе Смоленска и в районе Киевского узла обороны. Устойчивость обороны по-прежнему невысокая. Мы вынуждены более или менее равномерно распределять силы по фронту, не зная, где противник, сконцентрировав свои силы, завтра нанесет следующий удар. Стратегическая инициатива полностью в его руках. Дело усугубляется отсутствием на ряде участков фронта вторых эшелонов и крупных резервов. В воздухе — господство немецкой авиации, хотя ее потери тоже значительны. (Еще никто не знал, что к 30 сентября 1941 г. мы потеряем 8166 самолетов, т.е. 96,4% того, что имели к началу войны.)[46] Из 212 дивизий, входящих в состав действующей армии, укомплектованы на 80% и более лишь 90 дивизий. На подступах к Ленинграду, — невозмутимо и несколько монотонно докладывал Шапошников, — оборона постепенно обретает "упругость". Динамизм немецкого движения, похоже, сходит здесь на нет. Видимо, придется переводить весь флот в Кронштадт. Неизбежны крупные потери.

— Смоленское сражение, — продолжал начальник Генштаба, — позволило нам остановить немецкие армии на самом опасном, западном. направлении. По нашим подсчетам, — он заглянул в тетрадь, — в нем участвуют более 60 немецких дивизий общей численностью около полумиллиона личного состава. Для уплотнения фронта, как Вы знаете, товарищ Сталин, еще в начале июля в состав Западного фронта переданы 19-я, 20, 21-я и 22-я армии. Но недостаток войск по-прежнему ощущается, и дивизии часто строят боевые порядки в один эшелон. Наша попытка провести контрнаступление на этом направлении с участием 29-й, 30, 24, 28-й армий дала лишь частичный положительный результат, позволив 20-й и 16-й армиям про-

рвать кольцо окружения и отойти за линию фронта. Наше контрнаступление сорвало удар немцев.

— А какова в этом сражении роль Центрального фронта? — наконец перебил Сталин.

— Есть все основания полагать, что центр удара немецкой группировки сместится сюда. Но одноэшелонное построение фронта, имеющего всего 24 неполные дивизии, вызывает большую тревогу. Не исключено, что нам придется создавать здесь еще одну фронтовую группировку...

Сталин понял главное, что Смоленское сражение, где особенно была заметна Ельнинская операция, показало реальную возможность Красной Армии остановить противника даже на главном направлении, где сосредоточены его основные силы.

До его сознания вновь дошли неторопливые, жесткие слова Шапошникова:

— ...На старой границе "зацепиться" не удалось. 5-я и 6-я армии не смогли здесь задержаться. Сейчас, по существу, немцы, выйдя к внешнему обводу Киевского УРа, рассекли фронт надвое: на севере 5-я армия, которая пытается "осесть" в Коростянском УРе, и южная часть с основными силами: 6-я, 12, 26-я армии. Организованные контрудары с севера и юга по флангам прорвавшейся группировки дали лишь частичный положительный результат. На сегодняшнее утро можно сказать, что 6-я и 12-я армии отрезаны, — горько уточнил Шапошников.

Дальше Сталин уже не дал говорить маршалу.

— Боюсь за Днепр, Киев. Надо что-то делать...

— Мы уже отдали предварительные распоряжения о подготовке прочной линии обороны по восточному берегу Днепра, — ответил начальник Генштаба.

— Мы можем сейчас переговорить с руководством Юго-Западного фронта?

— Если Кирпонос и Хрущев не в войсках, то мы с ними свяжемся, — ответил Шапошников.

Через несколько минут "Бодо" отстукал: "У аппарата Кирпонос и Хрущев". Приведу отрывок из записи переговоров, которая хранится в военных архивах:

"У аппарата **Сталин.** Здравствуйте. Ни в коем случае нельзя допускать, чтобы немцы перешли на левый берег Днепра в каком-либо пункте. Скажите, есть ли у Вас возможность не допустить такого казуса?

Далее. Хорошо бы уже теперь наметить вам совместно с

Буденным и Тюленевым план создания крепкой оборонительной линии, проходящей примерно от Херсона и Каховки, через Кривой Рог, Кременчуг и дальше на север по Днепру, включая район Киева на правом берегу Днепра. Если эта примерная линия обороны будет всеми вами одобрена, нужно теперь же начать бешеную работу по организации линии обороны и удержанию ее во что бы то ни стало... Если бы это было вами сделано, то вы могли бы принять на этой линии отходящие усталые войска, дать им оправиться, выспаться, а на смену держать свежие части. Я бы на вашем месте использовал на это дело не только новые стрелковые дивизии, но и новые кавдивизии, спéшил бы их и дал бы им разыграть роль пехоты временно. Все.

Хрущев, Кирпонос. Нами приняты все меры к тому, чтобы ни в коем случае не дать противнику как перейти на левый берег Днепра, так и взять Киев. Но необходимо нас усилить пополнением. Товарищ Сталин, мы до сего времени очень плохо получаем пополнение. Есть дивизии, которые в своем составе имеют полторы-две тысячи штыков. Также плохо и с материальной частью. Просим Вас оказать нам в этóм вопросе помощь.

Ваше указание об организации нового оборонительного рубежа совершенно правильное. Мы немедленно приступим к его отработке и просим Вашего разрешения доложить Вам об этом к 12 часам пятого (августа. —*Прим. Д.В.*)... Мы имеем задачу от главкома товарища Буденного о переходе с утра шестого в наступление из района Корсунь в направлении Звенигородка, Умань с целью оказания помощи 6-й и 12-й армиям и создания единого фронта с Южным фронтом... Если Вы не возражаете против этого наступления и если оно удастся, то тогда линия обороны может измениться значительно к западу. Все.

Сталин. Я не только не возражаю, а, наоборот, всемерно приветствую наступление, имеющее своей целью соединиться с Южным фронтом и вывести на простор названные Вами две армии. Директива главкома совершенно правильна. Но я все-таки просил бы Вас разработать предложенную мною линию обороны, ибо на войне надо рассчитывать не только на хорошее, но и на плохое, а также на худшее. Это единственное средство не попадать впросак..."[47]

Увы, надеждам Сталина не суждено было сбыться. Теперь запах полыни стал его преследовать не только ночью, но и круглые сутки...

Киевская оборонительная операция развивалась неудачно. Окруженные части 6-й и 12-й армий в тяжелой обстановке сражались до 7 августа. Исчерпав возможности дальнейшего сопротивления, армии перестали существовать. Большое количество личного состава оказалось в плену. Маршал Буденный, которому старые легенды не помогли в этой войне, учитывая угрозу охвата войск Южного фронта, попросил у Ставки разрешения отвести войска за реку Ингул. Сталин пришел в бешенство и запретил отвод, указав другую линию обороны[48]. Специальной директивой Ставки № 00 661 Сталин распорядился выдвинуть для укрепления войск Юго-Западного направления 19 стрелковых и 5 кавалерийских дивизий. Соединения были только сформированы, но не "сколочены" и не обучены. Не хватало вооружения. При вводе в бой многие из этих частей и соединений не проявили упорства в обороне. В условиях неразберихи нередко возникала паника, самовольное оставление позиций.

Когда Сталину докладывали, что оставлен тот или иной рубеж, новые населенные пункты, он приходил то в ярость, то впадал в состояние апатии. Вопреки своему правилу не торопиться с выводами и оценкой людей, теперь он часто их делал сразу же, после очередной сводки. На этот раз досталось командующему Южным фронтом И.В. Тюленеву, которого он хорошо знал с давних пор. В телеграмме Сталина главкому Буденному указывалось:

"Комфронта Тюленев оказался несостоятельным. Он не умеет наступать, он не умеет также отводить войска. Он потерял две армии таким способом, каким не теряют даже полки. Предлагаю Вам выехать немедля к Тюленеву, разобраться лично в обстановке и доложить незамедлительно о плане обороны... Мне кажется, что Тюленев деморализован и не способен руководить фронтом.

Сталин.

Продиктовано по телефону в 5.50 12.8.41 г. Шапошников"[49].

Верховный Главнокомандующий слал грозные телеграммы, отдавал жесткие приказы, подписывал спешно подготовленные директивы, а положение все ухудшалось. В августе — сентябре на юго-западном направлении оно стало критическим. Сталин пытался связаться то с одним, то с другим командующим, но это не всегда удавалось. Однажды, ознакомившись с очередной сводкой Генштаба, в которой сообщалось о новом несанкционированном отходе нескольких частей, Сталин про-

диктовал "Приказ Ставки Верховного Главного Командования Красной Армии № 270 от 16 августа 1941 года".

Оговорюсь, что всем нам известен знаменитый "Приказ Народного Комиссара Обороны Союза ССР № 227 от 28 июля 1942 года". Приказ № 270, приказ отчаяния, был издан почти на год раньше. Его автор — сам Сталин. Потеряв надежду на возможность стабилизировать линию фронта и не допустить разгрома, Верховный Главнокомандующий прибег, в значительной мере в силу критических обстоятельств, к своему испытанному методу жестких карательных мер. У него уже не оставалось других средств. Сегодня мало кто знает этот приказ, поэтому приведу его как образчик личного директивного "творчества" Сталина. В начале приказа следовали примеры того, как, оказавшись в окружении, командиры, политработники, красноармейцы проявляли силу духа и с честью выходили из самого сложного положения. Так поступил, например, командующий 3-й армией генерал-лейтенант Кузнецов. Именно он и его командиры и политработники организовали выход из окружения 108-й и 64-й стрелковых дивизий.

"Но вместе с тем, — продолжал диктовать Сталин, — командующий 28-й армией генерал-лейтенант Качалов проявил трусость и сдался в плен, а штаб и части вышли из окружения; генерал-майор Понеделин, командующий 12-й армией, сдался в плен, как и командир 13-го стрелкового корпуса генерал-майор Кириллов. Это позорные факты. Трусов и дезертиров надо уничтожать.

Приказываю:

1) Срывающих во время боя знаки различия и сдающихся в плен считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших Родину. Расстреливать на месте таких дезертиров.

2) Попавшим в окружение — сражаться до последней возможности, пробиваться к своим. А тех, кто предпочтет сдаться в плен, — уничтожать всеми средствами, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственных пособий и помощи.

3) Активнее выдвигать смелых, мужественных людей.

Приказ прочесть во всех ротах, эскадрильях, батареях"[50].

Сталин, залпом продиктовав приказ, остановился, не стал редактировать импульсивный текст, смысл которого укладывался в одну-две фразы: "Расстреливать безжалостно дезертиров, бойцов, сдающихся в плен. А если они решатся на это, пусть знают, что их семьи будут вынуждены испить самую

горькую чашу". Это приказ отчаяния и жестокости. Хотя Сталин продиктовал его от своего имени, как Верховного Главнокомандующего, уже подписав приказ, он распорядился поставить также подписи Молотова, Буденного, Ворошилова, Тимошенко, Шапошникова, Жукова, несмотря на то что не все из указанных лиц находились в это время в Ставке. Положение было таково, что Сталин был готов на любой, самый отчаянный шаг. Кое-где его распоряжения подобного характера выполнялись весьма энергично. В конце августа 1941 года Сталину доложили о письме писателя Владимира Ставского, пробывшего десять дней на фронте в районе Ельни. Приведу несколько выдержек из этого письма.

"Дорогой товарищ Сталин!

Ряд наших частей действует замечательно, наносит сокрушающие удары фашистам. После того, как во главе 19-й дивизии встал отважный и энергичный майор товарищ Утвенко, полки дивизии, действуя на участке в 11 километров... разбили 88-й пехотный полк, отбили множество немецких контратак... Части, действующие под Ельней, проходят боевую учебу, накапливают боевой опыт, изучают тактику противника и бьют немцев...

Но здесь, в 24-й армии, за последнее время получился перегиб... По данным командования и политотдела армии, расстреляно за дезертирство, за паникерство и другие преступления 480 — 600 человек. За это же время представлено к наградам 80 человек. Позавчера и сегодня командарм т. Ракутин и начпоарм (начальник политотдела армии. — *Прим. Д.В.*) т. Абрамов правильно разобрались в этом перегибе..."[51]

В письме, где говорилось об этом страшном "перегибе" (расстреляно 480 — 600 человек, награждено 80), Сталин оставил короткую запись: "т. Мехлис. *И. Ст.*" Его не взволновала цифра "перегиба" (пусть даже, возможно, завышенная), эти жестокие потери, которые он решительно санкционирует. Да, война жестока, положение отчаянное, но в резолюциях Сталина нет и намека на необходимость обратиться к сознанию, чести, мужеству, патриотическим чувствам, национальной гордости людей... Он, как всегда, верит только в силу и насилие.

А одна из самых крупных трагедий Великой Отечественной войны приближалась. 8 августа 1941 года Сталин вновь говорил с Кирпоносом:

"**Бровары**. У аппарата генерал-полковник Кирпонос.

Москва. У аппарата Сталин.

Сталин. До нас дошли сведения, что фронт решил с легким сердцем сдать Киев врагу якобы ввиду недостатка частей, способных отстоять Киев. Верно ли это?

Кирпонос. Здравствуйте, тов. Сталин. Вам доложили неверно. Мною и Военным советом фронта принимаются все меры к тому, чтобы Киев ни в коем случае не сдавать... Все наши мысли и стремления, как мои, так и Военного совета, направлены к тому, чтобы Киев противнику не отдать...

Сталин. Очень хорошо. Крепко жму Вашу руку. Желаю успеха. Все"[52].

Юго-Западный фронт держался изо всех сил. О героизме защитников Киева много написано. Они делали все, что могли. Но никогда, видимо, мы не сможем передать чувства и мысли защитников столицы Украины, в которых отражались патриотизм подавляющего большинства советских людей и горестное недоумение от длинной цепи поражений, приведших агрессора на берега Днепра. Полынную горечь неудач ощущал весь советский народ.

15 сентября первая и вторая танковые группы немцев замкнули кольцо в районе Лохвицы, окружив основные силы Юго-Западного фронта. В кольце оказались 5-я, 26, 37-я армии и частично части 21-й и 28-й армий. За четверо суток до того, как роковая петля затянула десятки обескровленных частей и соединений, состоялся последний разговор Сталина с Кирпоносом.

"**Прилуки**. Здравствуйте. У аппарата Кирпонос, Бурмистенко, Тупиков.

Москва. Здравствуйте, здесь Сталин, Шапошников, Тимошенко. Ваше предложение об отводе войск на рубеж известной вам реки (река Псёл. — *Прим. Д.В.*) мне кажется опасным. Если обратиться к недавнему прошлому, то вы вспомните, что при отводе войск из района Бердичев и Новоград-Волынский у вас был более серьезный рубеж — река Днепр и, несмотря на это, при отходе потеряли две армии... а противник переправился... на восточный берег Днепра... Выход следующий:

1) Немедля перегруппировать силы, хотя бы за счет Киевского укрепленного района и других войск, и повести отчаянные атаки на конотопскую группу противника во взаимодействии с Еременко...

2) Немедленно организовать оборонительный рубеж на реке Псёл или где-либо по этой линии, выставив большую артиллерийскую группу фронтом на север и на запад и отведя 5 — 6 дивизий за этот рубеж.

3) ...Только после исполнения этих двух пунктов, то есть после создания кулака против конотопской группы противника и после создания оборонительного рубежа на реке Псёл, словом, после всего этого, начать эвакуацию Киева...

Киева не оставлять и мостов не взрывать без разрешения Ставки. Все. До свидания.

Кирпонос. Указания Ваши ясны. Все. До свидания"[53].

Герой Советского Союза генерал-полковник М.П. Кирпонос мог бы уже сказать "прощайте". Жить ему осталось совсем немного. Больше личных указаний Верховного Главнокомандующего, совсем не учитывающего реальной ситуации, он не получит. Пока окружение еще не было плотным, имелась возможность вырваться из смертельной петли. Военный совет фронта еще раз обратился к Сталину с этой просьбой (телеграмма № 15 788) 17 сентября в 5 часов утра. И вновь Сталин не разрешил прорыв, санкционировав лишь отход на восточный берег Днепра 37-й армии, которой командовал А.А. Власов. Положение стало предельно критическим. Военный совет к исходу дня 17 сентября, вопреки требованиям Сталина, принял решение вывести войска фронта из окружения. Но время было упущено. К тому же штаб фронта утратил связь с армиями. На свой страх и риск разрозненные части и соединения в ходе жестоких боев в течение десяти дней пытались прорваться на восток. Удалось это немногим. А Ставка, не владея обстановкой, еще 22 и 23 сентября направляла Кирпоносу упокаивающие радиотелеграммы следующего содержания:

"Кирпонос (ЮЗФ)

Больше решительности и спокойствия. Успех обеспечен. Против вас мелкие силы противника. Массируйте артиллерию на участках прорыва... Вся наша авиация действует на вас. Ромны атакуются нашими войсками... Повторяю, больше решительности и спокойствия и энергии в действиях. Доносите чаще.

Б. Шапошников"[54].

Катастрофа была страшной. В окружении оказались 452 720 человек, в том числе около 60 тысяч командного состава[55]. Противнику досталось большое количество вооружения и боевой техники. Командующий фронтом М.П. Кирпонос вместе с начальником штаба В.И. Тупиковым и членом Военного совета М.А. Бурмистенко погибли в последних боях, разделив участь тысяч и тысяч воинов. Впрочем, если бы Кирпонос и прорвался сквозь кольцо окружения, едва ли Сталин простил бы ему эту

катастрофу. Ведь себя, разумеется, он не считал к ней причастным.

В этой едва ли не самой крупной трагедии Великой Отечественной войны Сталин показал лишь свое железное упрямство, но не тонкое оперативное чутье, понимание обстановки. Если бы он, как Верховный, хотя бы отдаленно понимал, что творилось тогда под Минском, в Крыму, подле Киева, у Смоленска, то, возможно, смог бы кроме упорства и прямолинейности проявить и должную стратегическую мудрость. В 1941-м он так ее и не проявил.

В трагедии Юго-Западного фронта в огромной мере повинна Ставка и ее Верховный Главнокомандующий. Разумеется, командование и штаб фронта также не смогли должным образом управлять вверенными им крупными силами, которые, безусловно, были способны, при более умелом руководстве, избежать столь печального конца. Слишком часто мужество не подкреплялось умением, организацией, компетентностью. Поражение под Киевом вновь резко качнуло весы смертельной борьбы на всем советско-германском фронте в пользу агрессора.

Внешне Сталин не переживал, он только сказал Шапошникову, который в июле 1941-го вновь был назначен начальником Генштаба:

— Надо быстро латать дыру... Быстро!

— Меры уже приняты, — ответил тот. — Видимо, мы сможем восстановить 21-ю и 38-ю армии. Я распорядился выдвинуть из резерва Ставки 5 стрелковых дивизий и 3 танковые бригады. Создаем новое командование Юго-Западного фронта. Нужно Ваше решение о руководстве.

— А кого Вы предлагаете?

— Думаю, что в этой сложной обстановке там нужна твердая рука и опытная голова. Видимо, лучшей кандидатуры, чем С.К. Тимошенко, не найти.

— Согласен.

— А членом Военного совета назначить Н.С. Хрущева, начальником штаба генерал-майора А.П. Покровского.

— Пусть будет так...

Колоссальные потери требовали быстрого пополнения. Главное управление формирований и укомплектования войск Наркомата обороны и военные округа в основном справлялись с задачей бесперебойной поставки людей кровавому молоху войны. Сталин, оставшись один в кабинете, позвонил Шапошникову и затребовал справку о потерях и возможностях попол-

нения. Через полчаса на столе была справка с припиской Бориса Михайловича о вероятных неточностях и неполноте данных — ведь события развиваются так стремительно...

В справке Генштаба говорилось, что сейчас функционирует 39 запасных стрелковых бригад, где идет подготовка новобранцев. Введен 1,5 — 2-месячный срок обучения для призванных и 3 месяца — для подготовки младших командиров. За август фронтам поставлено 613 тысяч человек в маршевых ротах и 380 тысяч, изъятых из разных тыловых военных учреждений и учебных заведений. До конца года учебные центры, запасные части могут подготовить и поставить на фронт 2,5 миллиона человек... А вот потери (безвозвратные и так называемые санитарные) явно занижены. Сталин почувствовал это сразу.

Июнь — июль 1941 года — 651 065

август — 692 924

сентябрь — 491 023[56].

Он-то знал, что только под Киевом потеряли около полумиллиона человек... Большинство из них теперь будут числиться "без вести пропавшими". А сколько таких было в первый год войны?

Без видимой связи с тем, о чем он читал и думал, Сталин быстро написал записку и передал Поскребышеву. Размашистые четкие слова:

"т. Шапошникову

Прошу дать проверенную справку о наших потерях при отступлении с района Старая Русса.

И. Сталин"[57].

Почему его заинтересовала именно Старая Русса, догадаться нелегко. Может быть, потому, что наши контрудары там не дали желанного результата? Возможно, теперь, как ему казалось, после директивы Ставки закрепиться на нынешних рубежах и занять жесткую оборону, нужно уделить внимание не только главным фронтам, но и их отдельным участкам? Сталин и впредь будет интересоваться положением отдельных армий, локальных участков фронта. Вероятно, по этим фрагментам войны он хотел полнее представить всю ее панораму.

Сталин никогда не думал о близких, а сейчас невольно вспомнил о сыне Якове. В середине августа А.А. Жданов, член Военного совета Северо-Западного направления, в специальном опечатанном сургучом конверте прислал Сталину письмо. Там

была листовка, на которой запечатлен Яков, беседующий с двумя немецкими офицерами. Ниже был текст:

"Это Яков Джугашвили, старший сын Сталина, командир батареи 14-го гаубичного артиллерийского полка 14-й бронетанковой дивизии, который 16 июля сдался в плен под Витебском вместе с тысячами других командиров и бойцов. По приказу Сталина учат вас Тимошенко и ваши политкомы, что большевики в плен не сдаются. Однако красноармейцы все время переходят к немцам. Чтобы запугать вас, комиссары вам лгут, что немцы плохо обращаются с пленными. Собственный сын Сталина своим примером доказал, что это ложь. Он сдался в плен, потому что всякое сопротивление Германской Армии отныне бесполезно..."[58]

Судьба сына волновала Сталина только с одной стороны. Грешно думать так, размышлял он, но лучше бы Яков погиб в бою. А вдруг не устоит — он слабый, — сломают его, и он начнет говорить по радио, в листовках все, что ему прикажут? Собственный сын Верховного Главнокомандующего будет действовать против своей страны и отца! Эта мысль была невыносима. Вчера Молотов, когда они остались вдвоем, сообщил, что председатель Красного Креста Швеции граф Бернадот через шведское посольство устно запросил: уполномочивает ли его Сталин или какое другое лицо для действий по вызволению из плена его сына? Сталин минуту-две размышлял, потом посмотрел на Молотова и заговорил совсем о другом деле, давая понять, что ответа не будет:

— На письмо Черчилля сообщите, что безусловно "не может быть сомнения, что в случае необходимости советские корабли в Ленинграде действительно будут уничтожены советскими людьми. Но за этот ущерб несет ответственность не Англия, а Германия. Я думаю поэтому, что ущерб должен быть возмещен после войны за счет Германии"[59].

Молотов что-то пометил в своем блокноте и к вопросу о Якове Джугашвили больше не возвращался.

Сталин еще не обрел способности мыслить масштабно, охватывая весь советско-германский фронт, учитывать взаимодействие всех факторов: военного, экономического, морального, политического, дипломатического. Стихия войны на первый план выдвигает вооруженную борьбу, подчиняя себе остальные формы противоборства. Пока у Сталина была явно выраженная "фрагментарность" в стратегическом, оперативном мышлении. Он никак не мог уловить все события в комплексе; ему казалось, что командующие просто плохо исполняют его рас-

поряжения. В довоенной жизни он умел терпеливо ждать и, если нужно, шаг за шагом идти к цели. А здесь, в войне, все время требовался немедленный результат. Сталина преследовал временно́й цейтнот. Он опаздывал, часто переоценивал силу приказа, директивы, не всегда учитывающих объективные обстоятельства. Первые три директивы в начале войны, многие иные решения, ряд поспешных, непродуманных шагов, особенно в ходе Киевской операции, свидетельствовали, что природной сметки, воли, сообразительности было явно мало для умелого руководства всеми Вооруженными Силами в такой войне.

Огромную роль в становлении, "натаскивании" Сталина как стратега сыграл Генеральный штаб и его руководители Шапошников, Жуков, Василевский, Ватутин, Антонов. Но приобретение нужного опыта руководства крупными оперативными объединениями шло ценой кровавых экспериментов, ошибок, просчетов. Не проявляя тонкого понимания обстановки, знания всех скрытых пружин войны, особенностей организации оперативно-стратегической деятельности, конкретного содержания работы командиров и штабов, Сталин в первый период войны "нажимал" (и это, видимо, было вызвано обстановкой) на моральный фактор. Прочитав то или иное донесение о неудаче, критическом положении, Сталин прежде всего обращался к морально-политическому состоянию войск, а затем уже к оперативной обстановке. В то же время, как показывает опыт войн, эти два компонента боевой мощи не должны рассматриваться изолированно, один в ущерб другому. Когда, например, обстановка под Киевом стала критической, начштаба фронта Тупиков доложил о ней без прикрас. Тупиков сообщал: "Положение войск фронта осложняется нарастающими темпами... Начало понятной Вам катастрофы — дело пары дней"[60].

Не надо было быть провидцем, чтобы оценить обстановку так, как это сделал начальник штаба. Вопрос в другом: все ли было сделано, чтобы избежать или, по крайней мере, уменьшить масштаб катастрофы?! Из телеграммы Тупикова этого не следовало. Сталин, почувствовав трагический надрыв в штабе Юго-Западного фронта, тут же продиктовал ответную телеграмму.

"Прилуки. Командующему Юго-Западным фронтом

Копия: Главкому Юго-Западного направления

Генерал-майор Тупиков номером 15 614 представил в Генштаб паническое донесение. Обстановка, наоборот, требует со-

хранения исключительного хладнокровия и выдержки командиров всех степеней. Необходимо, не поддаваясь панике, принять все меры к тому, чтобы удержать занимаемое положение и особенно прочно удерживать фланги. Надо заставить Кузнецова и Потапова прекратить отход. Надо внушить всему составу фронта необходимость упорно драться, не оглядываясь назад.

Необходимо неуклонно выполнять указания т. Сталина, данные Вам 11.9. ..."[61]

Воевать еще не умели. Часто боялись докладывать наверх правду, если она была горькой: не были приучены к этому. Характерен в этом отношении, например, разговор Г.К. Жукова с командующим 24-й армией генерал-майором К.И. Ракутиным 4 сентября 1941 года. Жуков отчитал Ракутина за то, что поступившие в распоряжение армии танки были сразу же бездумно брошены в бой и потеряны, а также за ложные донесения.

"**Ракутин:** Сегодня утром выеду расследовать это дело, а донесение получил только сейчас...

Жуков: Вы не следователь, а командующий. Представьте мне письменное донесение для доклада правительству. Занималось ли Шепелево или это тоже очковтирательство?

Ракутин: Шепелево не занималось... Разберусь завтра сам и доложу. Врать не буду.

Жуков: Самое главное, прекратите вранье вашего штаба и разберитесь с обстановкой хорошенько, а то вы все выглядите в неприглядном виде..."[62]

Ракутина подвели подчиненные. Такое бывало: доложили о несостоявшемся успехе... Но лгать заставляла часто боязнь расправы. Ракутин действительно разобрался, но жить ему оставалось месяц: в октябре он падет на поле боя.

Сталин отчаянно искал способы, как остановить отступление, как заставить подавленных, деморализованных людей сражаться, как помочь им поверить в свои силы? Анализ документов Ставки, личных распоряжений Сталина показывает: Верховный Главнокомандующий в решении этой исключительно важной задачи отдавал приоритет угрозе беспощадной кары. Может быть, прав был Троцкий, утверждавший, что в критические моменты сражений надо ставить солдат перед выбором "между возможной почетной смертью впереди и неизбежной позорной смертью позади"? Эта мысль могла прийти в голову Сталину. Вечером он лично подготовил директиву всем фронтам о борьбе с паникерством. Процитирую ее:

"Опыт борьбы с немецким фашизмом показал, что в наших стрелковых дивизиях имеется немало панических и прямо вра-

ждебных элементов, которые при первом же нажиме со стороны противника бросают оружие, начинают кричать: "Нас окружили!" и увлекают за собой остальных бойцов. В результате подобных действий этих элементов дивизия обращается в бегство, бросает материальную часть и потом одиночками начинает выходить из леса. Подобные явления имеют место на всех фронтах... Беда в том, что твердых и устойчивых командиров и комиссаров у нас не так много...

1. В каждой стрелковой дивизии иметь заградительный отряд из надежных бойцов, численностью не более батальона.

2. Задачами заградительного отряда считать прямую помощь комсоставу в установлении твердой дисциплины в дивизии, приостановку бегства одержимых паникой военнослужащих, не останавливаясь перед применением оружия...

4. Создание заградительных отрядов закончить в пятидневный срок со дня получения настоящего приказа.

И. Сталин.

Продиктовано лично тов. Сталиным. Б. Шапошников
12 сентября 1941 г. 23.50."[63].

Заградотряды, штрафные роты и батальоны, угроза расстрела — шаги тогда, видимо, вынужденные. Но вынужденные в значительной мере в результате ошибок и просчетов самого Сталина. "...Твердых и устойчивых командиров и комиссаров у нас не так много..." — благодаря прежде всего самому Верховному.

Или вот еще телеграмма Сталина, призванная морально воздействовать на войска:

"Командарму 51 тов. Кузнецову
Командующему ЧФ тов. Октябрьскому
Копия: НКВМФ тов. Кузнецову

Передайте просьбу Ставки Верховного Главнокомандования бойцам и командирам, защищающим Одессу, продержаться 6 — 7 дней, в течение которых они получат подмогу в виде авиации и вооруженного пополнения.

Получение подтвердить.

15 сентября 41 г. *И. Сталин*"[64].

Такие телеграммы нередко оказывали мобилизующее воздействие. Но в данном конкретном случае, несмотря на мужество защитников Одессы, в середине октября оборонявшие город части пришлось эвакуировать в Крым, где также складывалась критическая ситуация.

Сталин искал пути подъема морального духа войск. В середине сентября 1941 года Шапошников при очередном докладе

Верховному Главнокомандующему подчеркнул, что, если бы все дивизии сражались как лучшие соединения, враг был бы давно остановлен. Сталин промолчал, а затем приказал Генштабу и ГлавПУРу подумать, как отметить лучшие части, как создать моральные стимулы для мужественного поведения в бою. Вскоре появился известный Приказ Народного Комиссара Обороны Союза ССР № 308 от 18 сентября 1941 года, который провозгласил рождение советской Гвардии. В приказе, в частности, говорилось:

"В многочисленных боях за нашу Советскую Родину против гитлеровских орд фашистской Германии 100-я, 127, 153-я и 161-я стрелковые дивизии показали образцы мужества, отваги, дисциплины и организованности. В трудных условиях борьбы эти дивизии неоднократно наносили жестокие поражения немецко-фашистским войскам, обращали их в бегство, наводили на них ужас...

За боевые подвиги, за организованность, дисциплину и примерный порядок указанные дивизии переименовать в гвардейские дивизии. Всему начальствующему составу дивизии с сентября с.г. установить полуторный, а бойцам двойной оклад содержания..."[65]

В первые месяцы войны не все было благополучно и в тылу, особенно в прифронтовой полосе. В секретариате М.И. Калинина сохранилось письмо Е.В. Луговой, копии которого были им переданы в несколько адресов. Она, в частности, писала:

"Я коротко постараюсь описать тыл, где живу я. Местность Мелитополь — Бердянск — Осипенко. Тысячи мобилизованных из разных мест, уже занятых, и из прифронтовой полосы ходят с места на место. Цели не знают. Порядка не чувствуют. Без обмундирования, 20% босых. Без оружия. Дисциплина плохая... Кое-кто из мобилизованных подходит к нашим женщинам и сообщает скверные вести: "У нас нет оружия, обмундирования, немецкая техника непобедима; разбирайте зерно, все равно ему тут пропадать, разбирайте скот..." Народ волнуется сильно. Руководители уезжают, спасаются их жены, которые не работали, а нас бросают на гибель; руководить были охотники, а защищать нет никого... Газеты наши не освещают недостатков, замалчивают их, а это рождает неверие..."[66]

Простая женщина верно подметила: катастрофическое начало войны больше всего сказалось на моральном духе. Нужны были победы, военные успехи, которые могли бы вернуть мужество тем, кто его утратил.

Полынный запах неудач первых месяцев войны преследовал Сталина непрерывно. В то же время он делал лихорадочные попытки вырвать стратегическую инициативу у агрессора. Противник последовательно концентрировал усилия то на одном, то на другом участке и добивался успеха. Верховный Главнокомандующий, стремясь переломить крайне неудачно складывающийся ход событий, решил тоже прибегнуть к такому методу, но, увы, войска были к этому не готовы. Например, в середине сентября Сталин, придавая особое значение Ленинграду, решил его деблокировать. Для этого он пошел на необычный шаг: командующим крупной 54-й армией, состоявшей из 8 дивизий, был назначен маршал Г.И. Кулик. Это, видимо, единственный случай в нашей истории, когда армией командовал Маршал Советского Союза. Сталин очень надеялся и ждал успеха операции. Однако удары в направлении Мги из Волхова и Ленинграда не дали желаемого результата. Войска едва-едва продвинулись вперед. Но и это ободрило Верховного. В разговоре 16 сентября 1941 года по прямому проводу с Куликом, после того как Шапошников дал командарму конкретные указания оперативного порядка, принял участие Верховный. Он решил пообещать "премию".

"**Сталин:** Мы очень рады, что у Вас имеются успехи. Но имейте в виду, что если Вы завтра ударите как следует на Мгу, с тем чтобы прорвать или обойти оборону Мги, то получите от нас две хорошие кадровые дивизии и, может быть, новую танковую бригаду. Но если отложите завтрашний удар, даю Вам слово, что Вы не получите ни двух дивизий, ни танковой бригады.

Кулик: Постараемся выполнить Ваши указания и обязательно получить Вами обещанное..."[67]

20 сентября Сталин вновь приглашает к прямому проводу Кулика, он все более разочаровывался в способностях маршала добиться серьезного успеха.

"...**Сталин:** Вы очень запоздали. Надо наверстать потерянное время. В противном случае, если Вы еще будете запаздывать, немцы успеют превратить каждую деревню в крепость, и Вам никогда уже не придется соединиться с ленинградцами.

Кулик: Только вернулся из боя. Целый день шел сильный бой за взятие Синявино и за взятие Вороново. Противник переходил несколько раз в контратаки, несмотря на губительный огонь с нашей стороны (я применял сегодня оба РС, ввел все резервы), но успеха не имел.

Сталин: Новые дивизии и бригада даются Вам не для

взятия станции Мга, а для развития успеха после взятия станции Мга. Наличных сил вполне достаточно, чтобы станцию Мга взять не один раз, а дважды.

Кулик: Докладываю, что наличными силами без ввода новых частей станции Мга не взять..."[68]

Сталин прекратил разговор, но про себя вновь подумал: зачем в сороковом году я увенчал его Золотой Звездой Героя и маршальским званием? Что ни поручишь, одни провалы и неуспехи... Но Сталин еще раз в критический момент вернется к Кулику. Он пошлет его в эпицентр зреющей крупной катастрофы в Крыму, когда, пожалуй, уже помочь никто и ничем не смог бы. Но к этому я еще вернусь.

События лета и осени 1941 года, телеграммы, распоряжения, директивы, которые исходили в этот период лично от Сталина, подтверждают вывод, к которому приходил позже и Жуков: Сталин в начале войны не был полководцем. Отсутствие специальных знаний, опыта руководства боевыми действиями такого масштаба Верховный Главнокомандующий пытался компенсировать силовым напором, угрозами, репрессивными мерами, декларативными призывами. Оперативное, а тем более стратегическое мышление в первый период войны у него еще не вышло за рамки здравого смысла, эмпирического опыта, прежних схем гражданской войны.

При этом нужно признать, что Сталин был терпеливым учеником. Но страшным учителем была война.

Катастрофы и ... надежды

В 1941-м и отчасти 1942 году на советско-германском фронте произошло немало катастрофических событий. Не думаю, чтобы какое-либо государство могло выдержать такие тяжелейшие удары, связанные с окружением основных сил — сначала Западного фронта под Минском, затем Юго-Западного — подле Киева. Впереди назревали еще две катастрофы: в Крыму и Ленинграде. Одна из них "состоится", а другая ценой немыслимых жертв и нечеловеческой стойкости советских людей будет в конце концов отведена. Если, конечно, не считать катастрофой гибель сотен тысяч ленинградцев в осажденном, но выстоявшем городе Ленина.

Гитлер после крупного успеха на Украине уверовал в то,

что он может продолжать наступательные операции на нескольких стратегических направлениях. В конце сентября Шапошников доложил Сталину: под угрозой Крым; передовые части немецкой ударной группировки ворвались на Турецкий вал. Посоветовавшись, решили немедленно направить две директивы Ставки. На первой из них настоял Сталин, на второй — Шапошников. Хотя Верховный помнил, что он еще в августе, назначая генерал-полковника Ф.И. Кузнецова командующим 51-й армией, в специальном приказе подчеркнул: "Удерживать Крымский полуостров в наших руках до последнего бойца..."

Новые оперативные документы были направлены. Сталин, видя в авиации панацею от многих бед (на протяжении всей войны), отдал приказ:

"Командующему Южным фронтом
Члену Военсовета ВВС КА т. Степанову
Командующему 51-й отдельной армией

Противник силою до трех пехотных дивизий атаковал укрепления Перекопского перешейка и ворвался на Турецкий вал. Верховный Главнокомандующий приказал: пятой резервной авиагруппе в полном составе в течение всего дня 26.9.41 уничтожать штурмующие Перекоп войска немцев...

26.9.41 г. 4.20

По поручению Ставки *Б. Шапошников*"[69].

Сталин наивно надеялся при помощи авиации остановить вторжение немецких войск в Крым... Другая директива касалась эвакуации войск из Одессы в Крым и подчинения частей Одесского оборонительного района командующему 51-й отдельной армией. После подписания директив Сталин спросил Шапошникова:

— Сколько человек будут защищать Крым, какие у нас возможности его удержать?

— С переводом одесских частей число защитников Крыма возрастет до 100 тысяч; около 100 танков, более 1000 орудий и 50 самолетов. С этими силами удержать Крым можно.

Но Сталин не знал, что командование 51-й отдельной армии, опасаясь высадки вражеского десанта, раздробит свои силы по всему полуострову, а наиболее опасный, северный, участок укрепит явно недостаточно. Воевать, повторюсь, еще не умели...

Для обороны перешейка фактически использовались лишь части четырех стрелковых дивизий, да и те — неполного состава. После десяти дней кровопролитных боев немцы ворвались в

Крым. Войска Приморской армии с жестокими боями отходили к Севастополю, а 51-я армия (к этому времени ее командующего Ф.И. Кузнецова Сталин сменил на П.И. Батова) отступала к Керченскому полуострову.

Командующий войсками Крыма вице-адмирал Г.И. Левченко, которому в конце октября Ставка подчинила и все сухопутные силы, докладывал 6 ноября 1941 года шифротелеграммой Сталину, что положение в Крыму исключительно тяжелое, особенно на Керченском полуострове. В его донесении, в частности, сообщалось: "Резервы исчерпаны, винтовок и пулеметов нет, маршевые роты прибыли без вооружения, дивизии, отходившие на керченском направлении, имели по 200 — 350 человек. Ввиду малочисленного состава 271-я, 276-я и 156-я стрелковые дивизии слиты в одну, 156-ю дивизию". Левченко просил или "срочно усилить керченское направление дополнительно двумя дивизиями, или решить вопрос об эвакуации войск из Керчи"[70].

Сталин, слушая доклады Генштаба о продолжающемся отступлении 51-й армии, все время гневно требовал:

— Чего они пятятся? Ведь там у немцев даже танков нет! Примерное равенство в силах! Прикажите Левченко лично вылететь в Керчь и прекратить отступление. Передайте: прекратить отступление!

9 ноября Левченко из Севастополя прибыл в Керчь. Обстановка не улучшилась. Сталин приказал соединить его по телефону с маршалом Куликом, которого к тому времени сняли с должности командующего 54-й армией. Хмуро, неприветливо поздоровавшись, без всяких предисловий и объяснений Верховный приказал Кулику:

— Немедленно вылетайте в Керчь. Помогите Левченко разобраться в ситуации. Керчь нужно держать, иначе немцы могут оказаться и на Таманском полуострове. Вы поняли?

— Все будет исполнено. Вылетаю немедленно.

— Хорошо, действуйте, — сухо попрощался Сталин.

Прибыв 11 ноября в Керчь, Кулик застал в районе сильно дезорганизованное военное хозяйство, части которого вели разрозненные арьергардные бои без четкого плана и руководства. В городе уже были проявления паники, неразберихи и растерянности. Кулик пытался навести элементарный порядок в обороне, но этого сделать ему не удалось. Все требования Кулика — "зарыться в землю, ни шагу назад!" — падали в пустоту. Лишь отдельные подразделения стояли насмерть. Два полка, которые он еще мог перебросить с Таманского полуострова в Керчь, по

его мнению, уже были не в состоянии спасти положение. Он приказал этим полкам не переправляться в Керчь, а усилить оборону побережья Тамани. Скоро это обстоятельство будет едва ли не главным обвинением Кулику, пока еще Маршалу Советского Союза.

15-го, за сутки до окончательной катастрофы, Кулик получил еще одно распоряжение Сталина, переданное Шапошниковым: "Керчь не сдавать!". Кулик, разговаривая по прямому проводу с генерал-майором Вечным из Генерального штаба, так охарактеризовал обстановку и свои намерения:

"Состояние 51-й армии настолько тяжелое, что можно считать максимум на 40% боеспособной одну 106 сд, остальные дивизии имеют в своем составе по 300 штыков, не более... Сейчас идут бои на южной окраине города, противник вклинился в район Митридат. Сегодня поставил задачу удерживать еще одни сутки, до темноты вывести основную массу артиллерии, а в ночь на 16-е отвести остальные части... Мною на месте оценена обстановка и принято решение согласно личного указания тов. Сталина по телефону при отъезде в 51-ю армию, **не дать противнику переправиться на Северный Кавка**з (выделено мной. — *Прим. Д. В.*)..."

Сделаю отступление. Когда Кулика после катастрофы вызвали для объяснений в Москву, его утверждение об указании Сталина "не дать противнику переправиться на Северный Кавказ" вызвало гневную тираду Верховного:

— Не допустить на Кавказ — путем удержания Керчи! А не с помощью ее сдачи!

Но продолжу изложение сообщения Кулика в Генеральный штаб:

"Сейчас 12-я стрелковая бригада, вооруженная мною за счет разоружения в районе Краснодара крымских вузов (военных учебных заведений. — *Прим. Д.В.*) и запасных частей, выброшена на северный отрог Таманского полуострова и занимает оборону по западному склону этого отрога. Два полка 302 сд занимают оборону на южном отроге Таманского полуострова..."

Все действия Кулика по обороне Керчи будут квалифицированы как преступные. Сталин не простит Кулику сдачи Керчи, поскольку, по его мнению, он не использовал все имеющиеся возможности для удержания города.

Еще раз вернусь к сообщению Кулика, где говорилось:

"Сейчас есть только одна пристань у завода Войкова, которая позволяет грузить артиллерию, а на пристани Еникале мо-

жно грузить только живую силу, вот вкратце обстановка и состояние армии. Еще одна деталь. Сейчас ловим в Анапе, Новороссийске, Крымской и Краснодаре дезертиров 51-й армии, которые исчисляются тысячами..."[71]

Конечно, трудно рассчитывать на успех, если в дивизиях "по 300 штыков, не более", а "дезертиры исчисляются тысячами". В архивных документах нет следов официального разрешения Ставки оставить Керченский полуостров. В Москве, правда, понимали, что в создавшихся условиях организованная эвакуация — единственный оставшийся шанс. Сдача Керчи была логическим концом неудачного ведения боевых действий в Крыму. Опыт героической обороны Севастополя руководство 51-й армии использовало плохо. После сдачи Керчи положение Севастопольского района обороны стало еще более трудным.

Выслушав доклад начальника Генштаба о катастрофе в Крыму, Сталин пришел в ярость. "Козлом отпущения" на этот раз он сделал Кулика. Керчь стала началом заката его карьеры. 16 февраля 1942 года он предстал перед Специальным присутствием Верховного суда СССР, в марте был понижен в воинском звании до генерал-майора. Около полугода после этого Кулик командовал 4-й гвардейской армией, затем был назначен заместителем начальника Главного управления формирования и укомплектования войск Наркомата обороны. Но поражения на фронте Сталин ему не простил.

Сталин сам вознес Григория Ивановича Кулика на большие высоты военной иерархии, хотя тот, как можно судить, не обладал ни большим умом, ни высокой профессиональной компетентностью. После разжалования Маршала Советского Союза до генерал-майора Сталин как будто дал ему шанс: через месяц Кулику присвоили звание генерал-лейтенанта. Но в конце войны, после того как Булганин получил письмо от начальника Главупраформа генерал-полковника Смородинова и члена Военного совета генерал-майора Колесникова о "моральной нечистоплотности и барахольстве, потере вкуса и интереса к работе" Сталин вновь дал указание снизить Кулика до генерал-майора. Окончательно доконала служба (а точнее — Сталин) Кулика, когда он был назначен заместителем командующего войсками Приволжского военного округа. Командующим там был в то время генерал-полковник Гордов Василий Николаевич, тоже попавший в сталинскую опалу. Ущемленные генералы вели неосторожные разговоры и вскоре были уволены в от-

ставку, затем их арестовали, а в 1950 — 1951 годах оба были осуждены и расстреляны. В 1957 году их реабилитировали и восстановили воинские звания.

Так печально завершилась судьба еще одного сталинского маршала. По всей видимости, как я уже говорил, Кулик был в общем-то незадачливым военачальником, лишенным заметных военных способностей. Но в керченской катастрофе вина его, по моему мнению, не является решающей или очевидной. Он прибыл в Керчь за пять дней до трагического финала. Его способности не были столь выдающимися, чтобы за этот очень короткий срок добиться невозможного. Сталин расценил действия бывшего маршала как неисполнение его указаний. Хотя после войны, в спокойной обстановке анализируя события в Керчи в ноябре 1941 года, Маршал Советского Союза В.Д. Соколовский писал в заключении Генштаба: "Изучение имеющихся документов показывает, что в сложившихся условиях бывший Маршал Советского Союза Кулик, прибывший 11 ноября для оказания помощи войскам, действовавшим на Керченском полуострове, при отсутствии в его распоряжении необходимых сил и средств, изменить ход военных действий в нашу пользу и удержать город Керчь уже не мог. Этот вывод подтверждают также участники этих событий адмирал тов. Левченко Г.И. и генерал армии тов. Батов П.И."[72].

Верховный не хотел примириться с потерей Керчи. Он согласился с предложением Генштаба подкрепить героическую оборону Севастополя дерзкой десантной операцией в Крыму, которая может стать началом освобождения полуострова. И менее чем через месяц после ухода из Керчи Ставка утвердила план этой десантной операции.

Это была самая крупная десантная операция Великой Отечественной войны. Сталин почему-то был уверен в ее успехе. Может быть, он уповал на психологический фактор: разве могут немецкие генералы предположить, что немногим более чем через месяц на Керченском полуострове вновь будут советские войска? А наши дивизии, потерпев жестокое поражение, захотят доказать именно на этой же каменистой земле, что их воля к борьбе и победе не утрачена. Сталин сам контролировал разработку операции, осуществлявшейся в большой тайне.

Но это была не только крупная десантная операция, но и, в конце концов, крупная неудача. С 26 по 31 декабря 1941 года кораблями Черноморского флота, Азовской военной флотилии на севере и востоке Керченского полуострова, в район Феодосии было десантировано около 40 тысяч человек, 43 танка,

434 орудия и миномета, много другой техники и оружия. Первоначальная сила удара была внушительной. Части восстановленной 51-й и 44-й армий, которые вместе с 47-й составили Крымский фронт, смогли продвинуться на запад более чем на 100 километров, освободить Керчь, Феодосию. Казалось, еще одно усилие — и рядом Севастополь, после чего становилось реальным освобождение всего Крыма. Однако накапливая силы для последующего наступления, Военный совет Крымского фронта совсем не придал должного значения обороне. Она была неглубокой и неустойчивой. Разведка, система противовоздушной обороны, маскировка, расположение резервов были организованы плохо. Расплата не замедлила прийти. 8 мая 1942 года немецкая группировка, которая по численности и мощи почти в два раза уступала советским войскам, нанесла удар вдоль побережья Феодосийского залива. Беспечность и неорганизованность обернулись большой трагедией. Мехлис, которого Сталин направил на Крымский фронт в качестве представителя Ставки, сразу же начал слать Верховному телеграммы-доносы на командующего фронтом Д.Т. Козлова. Но реакция Сталина была на этот раз необычной. Он понимал, что менять комфронта в критическую минуту поздно, поэтому резко отчитал Мехлиса:

"Вы держитесь странной позиции постороннего наблюдателя, не отвечающего за дело Крымфронта. Эта позиция очень удобна, но она насквозь гнилая. На Крымском фронте Вы — не посторонний наблюдатель, а ответственный представитель Ставки, отвечающий за все успехи и неуспехи фронта... Вы требуете, чтобы мы заменили Козлова кем-либо вроде Гинденбурга. Но вы не можете не знать, что у нас нет в резерве Гинденбургов. Дела у вас в Крыму несложные, и Вы могли бы сами справиться с ними..."

Сталин был прав: Гинденбургов в резерве не было. Но он ошибался, утверждая, что дела в Крыму "несложные".

Если бы Сталин был самокритичным человеком, он должен был подумать, как не хватает сейчас на фронтах людей типа Тухачевского, Блюхера, Егорова, Якира, Дыбенко, Корка, Каширина, Уборевича, Алксниса... Но по своему характеру он не мог, не умел смотреть на себя как бы со стороны. Верховный всегда полагал, что корень неудач, катастроф — в неисполнительности штабов, слабой организаторской работе командиров, неумении политработников мобилизовать людей. В перечне недостатков, промахов, упущений, которые он умел и любил перечислять, даже мысленно не значилась его вина. А она была

самая большая... Многие командиры, политработники, офицеры штабов были просто слабо подготовлены в профессиональном отношении.

Сталин несколько раз направлял командованию Крымского фронта директивы Ставки с требованиями закрепиться на Турецком валу, организовать упорную оборону, выехать на передовую лично, активнее использовать артиллерию... Однако командование фронта, откровенно говоря, растерялось. Верховный, предчувствуя беду, в полночь 11 мая продиктовал на одном дыхании телеграмму в типичном для него стиле:

"Главкому СКН маршалу Буденному

Копия: Военному совету Крымфронта — Мехлису

Ввиду того, что Военный совет Крымфронта, в том числе Мехлис, Козлов, потеряли голову, до сего времени не могут связаться с армиями, несмотря на то, что штабы армий отстоят от Турецкого вала не более 20 — 25 км, ввиду того, что Козлов и Мехлис, несмотря на приказ Ставки, не решаются выехать на Турецкий вал и организовать там оборону, Ставка Верховного Главнокомандования приказывает Главкому СКН маршалу Буденному в срочном порядке выехать в район штаба Крымского фронта (г. Керчь), навести порядок в Военном совете фронта, заставить Мехлиса и Козлова прекратить свою работу по формированию в тылу, передав это дело тыловым работникам, заставить их выехать немедленно на Турецкий вал, принять отходящие войска и материальную часть, привести их в порядок и организовать устойчивую оборону на линии Турецкого вала, разбив оборонительную линию на участки во главе с ответственными командирами.

Главная задача — не пропускать противника к востоку от Турецкого вала, используя для этого все оборонительные средства, войсковые части, средства авиации и морского флота.

Ставка Верховного Главнокомандования.

Сталин

11.5.42. *Василевский*"[73].

Вся телеграмма в полстраницы состоит из двух предложений. В ней — оценки, негодование, советы, приказ, план действий, задачи — все вместе. Но, увы, бывают ситуации, когда заклинания даже самых могущественных людей бессильны. За пять дней до горестного исхода Сталин поручил Василевскому еще раз передать от его имени приказ руководству Крымского фронта:

"Командующему Крымфронта
генерал-лейтенанту Козлову

15 мая 1942 года, 1 час 10 мин.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Керчь не сдавать, организовать оборону по типу Севастополя.

2. Перебросить к войскам, ведущим бой на западе, группу мужественных командиров с рациями с задачей взять войска в руки, организовать ударную группу, с тем чтобы ликвидировать прорвавшегося к Керчи противника и восстановить оборону по одному из керченских обводов. Если обстановка позволяет, необходимо там быть Вам лично.

3. Командуете фронтом Вы, а не Мехлис. Мехлис должен Вам помочь. Если не помогает, сообщите..."[74]

Направляя 15 мая этот последний свой приказ командованию Крымского фронта, Сталин уже понимал, что Керчь второй раз в течение полугода агонизирует. Ему докладывали, что основные силы (а их в начале мая Крымский фронт имел уже около 270 тыс.) будут эвакуированы. Когда трагедия произошла, стихли взрывы и залпы в Керчи, он стал требовать точные данные о потерях. Сводку представили лишь через полторы недели. В ней значилось, что в течение двенадцати дней немецкого наступления Крымский фронт, обладая значительным превосходством в силах, потерял 176 566 человек, 347 танков, 3476 орудий и минометов, 400 самолетов. Это было еще одно крупное, катастрофическое по масштабам поражение Красной Армии. Читая сводку, Сталин с трудом сдерживал гнев:

— Недоноски! Так провалить успешную операцию!

Он специально послал туда Мехлиса, но тот, похоже, только мешал делу; направил заместителя начальника Генштаба генерала Вечного — подвел и он... А Козлов откровенно растерялся. Как растерялись и командармы. Бездарно руководил операцией Буденный. Тут же вызвав по телефону Василевского, приказал срочно подготовить директиву Ставки в Военные советы фронтов и армий, обобщающую горькие уроки поражения в Крыму. 4 июня при очередном докладе Василевский положил перед Сталиным проект директивы. Сталин углубился в чтение:

"...К началу наступления противника Крымский фронт располагал шестнадцатью стрелковыми дивизиями, тремя стрелковыми бригадами, одной кавдивизией, четырьмя танковыми бригадами, девятью артиллерийскими полками усиления про-

тив семи пехотных, одной танковой дивизий противника и двух бригад... Тем не менее наши войска на Крымском фронте потерпели поражение и в результате неудачных боев вынуждены были отойти за Керченский пролив..." Далее следовали дельные выводы об оперативных и тактических промахах, о причинах неудачи — слабое эшелонирование обороны, плохое использование резервов, рутинное управление войсками, их неумелое взаимодействие.

"Командование фронта, — читал далее Сталин, — не обеспечило даже доставки своих приказов в армии, как это имело место с приказом для 51-й армии об отводе всех сил фронта за Турецкий вал, — приказа, который не был доставлен командарму. В критические дни операции командование Крымского фронта и т. Мехлис, вместо личного общения с командующими армиями и вместо личного воздействия на ход операции, проводили время на многочасовых бесплодных заседаниях Военного совета. Козлов и Мехлис нарушили указание Ставки и не обеспечили его выполнения, не обеспечили своевременный отвод войск за Турецкий вал. Опоздание на два дня с отводом войск явилось гибельным для исхода всей операции..." Дальше шло перечисление задач, поставленных перед Военными советами фронтов в связи с необходимостью извлечь уроки из поражения.

— И это все? — строго посмотрел Сталин на Василевского.

— Да, товарищ Сталин...

— Записывайте... Все эти люди должны бы пойти под военный трибунал. Но с этим успеется. Пишите, — повторил Верховный:

"1. Снять армейского комиссара первого ранга т. Мехлиса с поста заместителя Народного комиссара обороны и начальника Главного Политического управления Красной Армии и снизить его в звании до корпусного комиссара.

2. Снять генерал-лейтенанта т. Козлова с поста командующего фронтом, снизить его в звании до генерал-майора и проверить его на другой, менее сложной работе.

3. Снять дивизионного комиссара т. Шаманина с поста члена Военного совета фронта, снизить его в звании до бригадного комиссара и проверить его на другой, менее сложной работе.

4. Снять генерал-майора т. Вечного с должности начальника штаба и направить его в распоряжение начальника Генерального штаба для назначения на менее ответственную работу.

5. Снять генерал-лейтенанта т. Черняка с поста командующего армией, снизить его в звании до полковника и проверить на другой, менее сложной военной работе.

6. Снять генерал-майора т. Колганова с поста командующего армией, снизить его в звании до полковника и проверить на другой, менее сложной военной работе.

7. Снять генерал-майора авиации т. Николаенко с поста командующего ВВС фронта, снизить его в звании до полковника авиации и проверить на другой, менее сложной военной работе..."[75]

Сталин посмотрел на Василевского и спросил:

— Не забыли кого? Остальных пусть своей властью накажет главком направления. А теперь давайте подпишу...

Для него это все было уже в прошлом... Почти в то же время, с разрывом в одну-две недели, Сталин перенес еще один тяжелейший удар: жестокое поражение под Харьковом. Здесь потери были еще более страшными — около 230 тысяч человек погибшими и плененными, 775 танков, более 5000 орудий и минометов...* После катастроф 1941 года это были две самые страшные неудачи. "Апофеоз войны" Верещагина лишь отдаленно отражает масштабы сталинских катастроф.

К лету 1942 года создалась ситуация, когда Верховный, посоветовавшись с Молотовым и Берией в отношении планов Японии, был вынужден еще раз снять с Дальнего Востока крупные силы. После того как Молотов заверил его, что "Япония завязла в Юго-Восточной Азии", Сталин тут же позвонил Василевскому, который с июня 1942-го возглавил Генеральный штаб:

---

* А вот что об этом сообщило Совинформбюро 31 мая 1942 г. "Некоторое время назад Советскому Главному Командованию стали известны планы немецкого командования о предстоящем крупном наступлении немецко-фашистских войск на одном из участков Ростовского фронта... Чтобы предупредить и сорвать удар немецко-фашистских войск, Советское Командование начало наступление на Харьковском направлении, при этом в данной операции захват Харькова не входил в планы Командования... Основная задача, поставленная Советским Командованием, — предупредить и сорвать удар немецко-фашистских войск — выполнена. В ходе боев немецко-фашистские войска потеряли убитыми и пленными не менее 90 тысяч солдат и офицеров, 540 танков, не менее 1500 орудий, до 200 самолетов. Наши войска в этих боях потеряли убитыми до 5 тысяч человек, пропавшими без вести 70 тысяч человек, 300 танков, 832 орудия и 124 самолета..."

— Снимите 10 — 12 дивизий с Дальнего Востока. Начало скрытного выдвижения не позже 11 июля. Доложите завтра.

— Хорошо, товарищ Сталин.

На другой день, точнее ночь, Василевский читал Сталину по телефону директиву командующему Дальневосточным фронтом:

"Отправить из состава войск Дальневосточного фронта в резерв Верховного Главнокомандования следующие стрелковые соединения:

205 стр. дивизию — из Хабаровска

96 стр. дивизию — из Куйбышевки, Завитой

204 стр. дивизию — из Черемхово (Благовещенск)

422 стр. дивизию — из Розенгартовки

87 стр. дивизию — из Спасска

208 стр. дивизию — из Славянки

126 стр. дивизию — из Раздольного, Пуциловки

98 стр. дивизию — из Хороля

250 стр. бригаду — из Биробиджана

248 стр. бригаду — из Зелодворовки, Приморье

253 стр. бригаду — из Шкотово"[76].

— Я согласен. Отправляйте директиву.

Молох войны требовал жертв. Сталин "поставлял" их в результате своих просчетов, ошибок, некомпетентности. "Преуспели" в этом и некоторые наши военачальники, сыграло свою роль и стечение роковых обстоятельств. Но справедливости ради следует сказать, что количество жертв определялось еще и тем, что немцы в начале войны воевали лучше нас...

Верховный, начавший было к концу 1941-го обретать уверенность, подумывавший о том, как сделать 1942-й годом разгрома немецких войск, вновь был до основания потрясен крупнейшими неудачами под Харьковом и в Крыму. Он не мог знать, что это далеко не последние его катастрофы. Сталин не хотел признаться самому себе, что полководческое мастерство противника оказалось выше. Прямолинейные, часто запоздалые указания и директивы Ставки зачастую все еще были бесхитростны, подчас элементарны, лишены мудрости военного искусства. Но вернемся еще раз к Харькову.

В марте 1942 года Сталин созвал совещание, на котором обсуждались предложения Главного командования Юго-Западного направления. Трудно сказать, было это заседание Ставки или ГКО. Присутствовали Сталин, Ворошилов, Тимошенко, Шапошников, Жуков, Василевский. Главкомат в лице Тимошенко предлагал осуществить на юге широкую наступатель-

ную операцию силами трех фронтов с выходом на рубеж Николаев — Черкассы — Киев — Гомель. Возразил Шапошников.

— У нас нет крупных стратегических резервов. Целесообразнее ограничиться активной обороной по всему фронту, уделяя особое внимание центральному направлению.

— Не сидеть же нам в обороне сложа руки и ждать, пока немцы нанесут удар первыми! — заметил Сталин.

Жуков предложил нанести удар на западном направлении, а на остальных вести активную оборону. Тимошенко настаивал на проведении крупной операции на юге. Его поддержал Ворошилов. Василевский, выражая позицию Генерального штаба, возражал. Мнения разделились. Все ждали, что скажет Сталин. До этого он на подобных заседаниях ограничивался утверждением или отклонением проработанных предложений. Сейчас ему было нужно принять ответственное самостоятельное решение. Он должен был сделать выбор. Стратегический выбор.

Сталин в душе всегда был "центристом". В дни Октября, борьбы за Брестский мир, схватки с оппозицией он стремился занимать такую позицию, с которой можно было быстро, удобно и безопасно примкнуть к сильнейшей стороне. В архиве Радека, например, содержится любопытный документ "О центризме в нашей партии", где Сталин называется его приверженцем, а сам центризм "идейной нищетой политика"[77]. Сталин остался верен своему методологическому кредо. Он принял половинчатое решение, разрешив войскам Юго-Западного направления провести одну частную наступательную операцию — разгромить харьковскую группировку противника с целью последующего освобождения Донбасса. Теперь уже никто не возражал. В Ставке Верховному вообще возражали редко.

Сталин полагал, что удары по сходящимся направлениям — из района южнее Волчанска и с барвенковского плацдарма могут поставить противника в безвыходное положение. Но он не знал, что и немецкое командование готовилось нанести удар по нашим войскам на барвенковском выступе. Фактически Ставка санкционировала наступление из оперативного мешка, каким, несомненно, являлся барвенковский выступ для войск Юго-Западного направления. Это было очень рискованно. Но война не просто риск, это и постоянная смертельная опасность.

Наступление на Харьков началось 12 мая. И началось успешно. За первые три дня войска продвинулись на 50 километров в глубину. И полной неожиданностью для всех был мощный удар гитлеровских армий с юга во фланг нашей насту-

пающей группировке. Последовал ряд противоречивых распоряжений. Уже 18 мая Тимошенко, по некоторым данным (в архиве следов этих переговоров нет), обратился к Сталину с просьбой прекратить наступление на Харьков. Верховный ответил отказом:

— Мы дадим из резерва две стрелковые дивизии и две танковые бригады. Пусть Южный фронт держится. Немцы скоро выдохнутся...

Событиям под Харьковом Н.С. Хрущев, бывший в ту пору членом Военного совета Юго-Западного фронта, посвятил целый фрагмент своего доклада на XX съезде партии. По его словам, он с фронта дозвонился до Сталина, который был на даче. Однако к телефону подошел Маленков. Хрущев настаивал на том, чтобы говорить лично со Сталиным. Но Верховный, который находился "в нескольких шагах от телефона", трубку не взял и передал через Маленкова, чтобы Хрущев говорил с Маленковым. После того как через Маленкова, рассказывал делегатам XX съезда Хрущев, я передал просьбу фронта о прекращении наступления, Сталин сказал: "Оставить все так же, как есть!" Другими словами, Хрущев однозначно заявил, что именно Сталин виновен в харьковской катастрофе. Другую версию выдвигает Г.К. Жуков, полагая, что ответственность за неудачу несут и руководители Военных советов Южного и Юго-Западного фронтов. В своей книге "Воспоминания и размышления" Жуков пишет, что в Генштабе раньше, чем на фронте, почувствовали опасность. 18 мая Генштаб еще раз высказался за то, "чтобы прекратить нашу наступательную операцию под Харьковом... К вечеру 18 мая состоялся разговор по этому же вопросу с членом Военного совета фронта Н.С. Хрущевым, который высказал такие же соображения, что и командование Юго-Западного фронта: опасность со стороны краматорской группы противника сильно преувеличена и нет оснований прекращать операцию. Ссылаясь на доклады Военного совета Юго-Западного фронта о необходимости продолжать наступление, Верховный отклонил соображения Генштаба. Существующая версия о тревожных сигналах, якобы поступавших от Военных советов Южного и Юго-Западного фронтов в Ставку, не соответствует действительности. Я это свидетельствую потому, что лично присутствовал при переговорах Верховного"[78].

Думаю, в этом случае ближе к истине маршал. Н.С. Хрущев, приводя в докладе свои личные воспоминания, скорее всего, передал спустя много лет свою запоздалую реакцию на неудачу, когда уже всем было ясно, что надвигается катастрофа.

Маршал Жуков неоднократно подчеркивал, что решение Верховного основывалось на докладах Тимошенко и Хрущева. Если это просто забывчивость Хрущева, то это одно дело. Но если это попытка задним числом создать себе историческое алиби — это уже совсем другое. Что же касается Сталина, то он не смог по достоинству оценить трезвый анализ ситуации, сделанный Генштабом.

Танковая армия Клейста наращивала мощь удара, расширяла прорыв, и Сталин, к своему ужасу, ясно увидел, что через день-два наши войска могут оказаться в барвенковской "мышеловке". Верховный отдал наконец приказ: перейти к упорной обороне на барвенковском выступе. Но было уже поздно. Две армии, 6-я и 57-я, как и армейская группа генерала Л.В. Бобкина, наступавшая на Красноград, попали в окружение и фактически были разбиты. Это была еще одна из самых страшных катастроф Великой Отечественной войны.

Понял ли Сталин причины неудач? Осмыслил ли личные промахи? Почувствовал ли собственную стратегическую и оперативную уязвимость? Трудно сказать. Но бесспорно одно: он, как и Ставка в целом, постепенно усваивал кровавые уроки войны. С высоты сегодняшних лет военные историки справедливо пишут, что причины харьковской неудачи лежат на поверхности: не создали необходимых резервов для надежного прикрытия флангов наступающей группировки; не обеспечили решающего превосходства на направлении главного удара; не провели двух-трех отвлекающих операций, позволив гитлеровскому командованию тем самым безбоязненно маневрировать своими силами; не использовали авиацию Брянского и Южного фронтов для поддержки наступления и нанесения ударов по наиболее опасным группировкам противника. Добавлю к этому, что контрудар Клейста оказался просто неожиданным, что говорит о слабой работе разведки. И, наконец, управление войсками, связь вновь оказались на чрезвычайно низком уровне. Все это ясно нам сегодня, в тиши кабинетов, наедине с архивными материалами Ставки. А в те дни, в кровавой мясорубке войны все было сложнее, труднее, неопределеннее. Но именно в такие моменты и выявляются подлинные величие и талант полководца. Сталин их не проявил. Несмотря на это, советский народ, простой советский солдат продолжал сражаться, сражаться, сражаться, не ведая, что многие колоссальные жертвы, понесенные под Минском, Киевом, в Крыму, под Харьковом, в ряде других мест, в огромной степени связаны с некомпетентностью Верховного Главнокомандующего, неподготовленно-

стью многих "скороспелых" командиров, заменивших тех, кого уничтожил "вождь" перед войной. Эта кровавая дань цезаризму в предвоенные годы отозвалась безмерными жертвами в ходе войны, особенно в 41-м и 42-м.

Сталин, испытав горечь сокрушительных поражений в Крыму и под Харьковом, принял решение активизировать партизанское движение. В конце мая 1942 года он подписал постановление ГКО № 1837 о партизанском движении. В постановлении, в частности, говорилось: "В целях объединения руководства партизанским движением в тылу противника и для дальнейшего развития этого движения создать при Ставке Верховного Главнокомандования Центральный штаб партизанского движения". При Военных советах Юго-Западного направления, Брянского, Западного, Калининского, Ленинградского и Карельского фронтов создавались фронтовые штабы партизанского движения. Перед партизанским движением были поставлены важные военно-политические задачи. В Центральный штаб вошли П.К. Пономаренко (ЦК ВКП(б), В.Т. Сергиенко (НКВД), Г.Ф. Корнеев (Разведуправление НКО)[79]. Это был правильный шаг Ставки, который, возможно, нужно было сделать раньше.

Конечно, Сталин мучительно размышлял над причинами неудач. И благодаря этому в последующем он многому научился. А пока, едва более или менее стабилизировав фронт на юге, Сталин решил послать специальное письмо Военному совету Юго-Западного фронта.

В два часа ночи 26 июня 1942 года, после того как Василевский закончил очередной доклад и собирался уходить, Сталин произнес:

— Подождите. Я хочу вернуться к харьковской неудаче. Сегодня, когда я запросил штаб Юго-Западного фронта, остановлен ли противник под Купянском и как идет создание рубежа обороны на реке Оскол, мне ничего вразумительного доложить не смогли. Когда люди научатся воевать? Ведь харьковское поражение должно было научить штаб. Когда они будут точно исполнять директивы Ставки? Надо напомнить об этом. Пусть кому положено накажут тех, кто этого заслуживает, а я хочу направить руководству фронта личное письмо. Как Вы считаете?

— Думаю, что это было бы полезным, — ответил Василевский.

Архивы сохранили для нас и этот документ.

"Военному совету Юго-Западного фронта

Мы здесь в Москве — члены Комитета Обороны (характер-

но, Сталин ни с кем из ГКО не советовался и решение, как и многие другие, принял единолично. — *Прим. Д. В.*) и люди из Генштаба — решили снять с поста начальника штаба Юго-Западного фронта тов. Баграмяна. Тов. Баграмян не удовлетворяет Ставку не только как начальник штаба, призванный укреплять связь и руководство армиями, но не удовлетворяет Ставку и как простой информатор, обязанный честно и правдиво сообщать в Ставку о положении на фронте. Более того, т. Баграмян оказался неспособным извлечь урок из той катастрофы, которая разразилась на Юго-Западном фронте. В течение каких-либо трех недель Юго-Западный фронт, благодаря своему легкомыслию, не только проиграл наполовину выигранную Харьковскую операцию, но успел еще отдать противнику 18 — 20 дивизий..."

Сталин остановился, замолчал, посмотрел на Василевского, затем вновь стал расхаживать по кабинету и спросил наконец начальника Генштаба:

— Вместе с Самсоновым, тогда, в 1914 году, потерпел поражение генерал русской армии с немецкой фамилией, забыл...

— Ренненкампф, — сказал Василевский (он только-только был назначен начальником Генштаба и еще не привык к возможным "зигзагам" мысли Верховного).

— Да, конечно... Пишите дальше.

"Это катастрофа, которая по своим пагубным результатам равносильна катастрофе с Ренненкампфом и Самсоновым в Восточной Пруссии. После всего случившегося тов. Баграмян мог бы при желании извлечь урок и научиться чему-либо. К сожалению, этого пока не видно. Теперь, как и до катастрофы, связь штаба с армиями остается неудовлетворительной, информация недоброкачественная...

Направляем к Вам временно в качестве начальника штаба заместителя начальника Генштаба тов. Бодина, который знает Ваш фронт и может оказать большую услугу. Тов. Баграмян назначается начальником штаба 28-й армии. Если тов. Баграмян покажет себя с хорошей стороны в качестве начальника штаба армии, то я поставлю вопрос о том, чтобы дать ему потом возможность двигаться дальше.

Понятно, что дело здесь не только в тов. Баграмяне. Речь идет также об ошибках всех членов Военного совета и прежде всего тов. Тимошенко и тов. Хрущева. Если бы мы сообщили стране во всей полноте о той катастрофе — с потерей 18 — 20 дивизий, которую пережил фронт и продолжает еще

переживать, то я боюсь, что с Вами поступили бы очень круто...

Желаю Вам успеха.

26 июня 42 г. 2.00. *И. Сталин*"[80].

Сталин отпустил Василевского, устало откинулся в кресле и задумался. Так хорошо начался год. Контрнаступление под Москвой с 5 декабря 1941 года по 7 января 1942 года было первой крупной наступательной операцией, осуществленной в тесном взаимодействии трех фронтов. Страна ликовала: удалось отбросить врага от стен столицы на 100 — 250 километров на запад! Казалось, перелом наступил. Удачная высадка крупного десанта в Крыму. Успех под Тихвином, окружение крупиой группировки под Демянском... И потом... Если бы Сталин читал о божественном Юлии Гая Светония, то мог бы вспомнить слова Цезаря: "...Никакая победа не принесет... столько, сколько может отнять одно поражение". А их было не одно. И будут еще...

Эти поражения потрясли Сталина. Но он их воспринял более спокойно, чем угрозу, которая нависла в октябре 1941 года над столицей. В то время Верховный Главнокомандующий еще никак не мог освободиться от какой-то внутренней неуверенности, его мучали тревожные предчувствия. Когда 2 октября 1941 года принесли радиоперехват с речью Гитлера, он, возможно, подумал: если сейчас не выстоим, то это будет концом прежде всего для него, Сталина. Верховному все время казалось, что в случае еще одного большого неуспеха от него не просто отвернутся — его сместят, уберут, ликвидируют... А в обращении Гитлера к своим войскам говорилось: "Создана наконец предпосылка к последнему огромному удару, который еще до наступления зимы должен привести к уничтожению врага..."

Он помнил, что в те дни он несколько ночей подряд не покидал кабинет, забываясь тревожным сном в небольшой комнате отдыха на два-три часа в сутки, а остальное время вместе с генералами Генштаба, членами Политбюро что-то лихорадочно решал, о чем-то распоряжался, кого-то вызывал. Помнил, как ему казалось, умную директиву, подготовленную в Ставке: перейти по всему фронту к упорной, жесткой обороне, закопаться в землю, вырыть везде окопы полного профиля в несколько линий с ходами сообщения, проволочными заграждениями и противотанковыми препятствиями[81]. Сейчас это его рассмешило, но тогда он был, пожалуй, главным "снабженцем": лично распределял чуть ли не каждый танк, орудие, ма-

шину, прибывающие в Москву. Например, 1 октября 1941 года он распределял даже колючую проволоку и другие инженерные оборонительные средства[82].

Несмотря на героические усилия войск Западного, Резервного, Брянского и Калининского фронтов, к середине октября 3-я и 4-я танковые группы немецких войск соединились в районе Вязьмы и наши 19-я, 20, 24-я и 32-я армии попали в кольцо окружения. Какой-то рок висел над советскими войсками в 1941-м и первой половине 1942 года: немецкие танковые и механизированные соединения не раз и не два брали их в "охват", "клещи". Окружение, как проклятие, преследовало части и соединения Красной Армии. Боязнь оказаться в окружении создавала предпосылки паники, резкого снижения морального духа личного состава. 12 сентября 1941 года Сталин под грифом "Особо важная" направил всем фронтам, армиям и дивизиям телеграмму, в которой говорилось:

"Опыт борьбы с немецким фашизмом показал, что в наших стрелковых дивизиях имеется немало панических и прямо враждебных элементов, которые при первом же нажиме со стороны противника бросают оружие, начинают кричать: "нас окружили!" и увлекают за собой остальных бойцов. В результате подобных действий дивизия обращается в бегство... Если бы командиры и комиссары таких дивизий были на высоте своей задачи, паникерские и враждебные элементы не могли бы взять верх в дивизии"[83].

Сталин опасался, что страх окружения парализует армию и под Вязьмой. Но люди отчаянно сражались, проявляя необыкновенную стойкость. Но этого было, увы, недостаточно. Сталин тут же отдал приказ: окруженным соединениям с боями выходить на можайскую линию обороны. Отдельным частям это удалось. Но потери были очень велики. Самоотверженность советских солдат, попавших в окружение в районе Вязьмы, задержала более чем на неделю около тридцати вражеских дивизий. В это время срочно укреплялась можайская линия. Сталин помнил: когда ему сказали, что немецкие войска, выйдя к Осташкову, Туле, Нарофоминску, непосредственно угрожают Москве, он, не советуясь с Генштабом, продиктовал один короткий приказ и подписал его как нарком обороны:

"Всем зенитным батареям корпуса Московской ПВО, расположенным к западу, юго-западу и югу от Москвы, кроме основной задачи отражения воздушного противника, быть готовым к отражению и истреблению прорывающихся танковых частей и живой силы противника"[84].

Над Москвой нависла реальная угроза. 20 октября решением ГКО в Москве было введено осадное положение. Октябрь и ноябрь для Сталина, как и для всего советского народа, оказались исключительно трудными. Противник наносил один жестокий удар за другим, не давал опомниться, отдышаться, оглядеться. Сталин был подобен боксеру, загнанному в угол канатов и с трудом держащемуся на ногах под градом ударов удачливого соперника. Временами Верховному казалось, что его спасет только чудо. Но спасло не чудо, а народ, который, будучи поставленным в тяжелейшее положение, нашел в себе силы выстоять. В этом главный "секрет" победы под Москвой.

Сталин помнил, что в эти октябрьские дни тяжелейшее положение сложилось и под Ленинградом. Величайшую стойкость, подлинное величие духа проявили ленинградцы. В своей речи 9 ноября 1941 года Гитлер, объясняя топтание немецкой армии у стен Ленинграда, цинично сказал: "Под Ленинградом мы ровно столько времени наступали, сколько нужно было, чтобы окружить город. Теперь мы там в обороне, а противник вынужден делать попытки вырваться, но он в Ленинграде умрет с голода. Если бы была сила, которая угрожала снять нашу осаду, то я приказал бы взять город штурмом. Но город крепко окружен, и он и его обитатели — все окажутся в наших руках"[85].

У Сталина не было уверенности, что Ленинград удастся удержать. По его поручению Василевский 23 октября 1941 года продиктовал ночью по прямому проводу телеграмму, собственноручно написанную Сталиным:

"Федюнинскому, Жданову, Кузнецову

Судя по вашим медлительным действиям, можно прийти к выводу, что вы все еще не осознали критического положения, в котором находятся войска Ленфронта. Если вы в течение нескольких ближайших дней не прорвете фронта и не восстановите прочной связи с 54-й армией, которая вас связывает с тылом страны, все ваши войска будут взяты в плен. Восстановление этой связи необходимо не только для того, чтобы снабжать войска Ленфронта, но и, особенно, для того, чтобы дать выход войскам Ленфронта для отхода на восток (так в тексте. — *Прим. Д. В.*) — для избежания плена в случае, если необходимость заставит сдать Ленинград. Имейте в виду, что Москва находится в критическом положении, и она не в состоянии помочь вам новыми силами. Либо вы в эти два-три дня прорвете фронт и дадите возможность вашим войскам отойти на восток

в случае невозможности удержать Ленинград, либо вы попадете в плен.

Мы требуем от вас решительных и быстрых действий. Сосредоточьте дивизий восемь или десять и прорвитесь на восток. Это необходимо на тот случай, если Ленинград будет удержан и на случай сдачи Ленинграда. Для нас армия важней. Требуем от вас решительных действий.

23.10. 3 ч. 35 мин. *Сталин*".

Сталин допускал возможность захвата противником Ленинграда. Это ясно видно из вышеприведенной телеграммы Верховного, из распоряжений по подготовке к уничтожению Балтийского флота. В тех же архивных делах зафиксировано, что часом позже Василевский по прямому проводу говорил с командующим 54-й армии генерал-лейтенантом М.С. Хозиным, который через четыре дня будет назначен командующим Ленинградским фронтом:

"На ваши вопросы отвечаю указаниями товарища Сталина. 54-я армия обязана приложить все усилия к тому, чтобы помочь войскам Ленфронта прорваться на восток... Прошу учесть, что в данном случае речь идет не столько о спасении Ленинграда, сколько о спасении и выводе армии Ленфронта. Все"[86].

Критическая ситуация сложилась и на подступах к Москве. Командование группы армий "Центр" получило предписание Гитлера: "4-я танковая группа и 4-я армия без промедления наносят удар в направлении Москвы, имеющий целью разбить находящиеся перед Москвой силы противника и прочно захватить окружающую Москву местность, а также плотно окружить город. 2-я танковая армия с этой целью должна выйти в район юго-восточнее Москвы с таким расчетом, чтобы она, прикрываясь с востока, охватила Москву с юго-востока, а в дальнейшем и с востока". В октябре немецкие войска в ряде мест продвинулись на 200 — 250 километров. Сталин помнил, как 17 или 18 октября утром он собрал у себя в кабинете членов ГКО и Политбюро, военных. Пришли Молотов, Маленков, Микоян, Берия, Вознесенский, Щербаков, Каганович, Василевский, Артемьев.

Поздоровавшись, Сталин предложил всем сесть и сразу же начал отдавать распоряжения: сегодня же эвакуировать крупных общественных и государственных деятелей, произвести минирование крупнейших предприятий и подготовить их к взрыву в случае захвата Москвы. У всех подъездов к Москве соорудить противотанковые и противопехотные заграждения. Здесь же было решено, как и предписывалось мобилизационным пла-

ном, эвакуировать правительство в Куйбышев, а Генштаб — в Арзамас. Помолчав, Сталин добавил, что он все же надеется на лучший исход: скоро из Сибири и Дальнего Востока начнут прибывать дивизии. Погрузка их в эшелоны уже началась[87].

"Москвы не сдадим", "Дальше отступать некуда" — стало гражданским, патриотическим императивом каждого советского человека. После кратковременной паники в середине октября на улицах Москвы наступила спокойная решимость. Столица была готова сражаться до конца.

Вокруг ближней дачи Сталина разместили несколько зенитных батарей, усилили охрану. Однажды, приехав под утро на дачу в Кунцево, Сталин, едва выйдя из машины, оказался свидетелем воздушного налета на Москву. Оглушительные хлопки зенитных орудий, лучи прожекторов над головой, надсадный гул множества самолетов в московском небе наглядно продемонстрировали сегодняшнее положение столицы. Сталин застыл у машины. Мог ли он думать еще четыре месяца назад, что его дача окажется на расстоянии дневного броска немецкой танковой колонны? Рядом на дорожке что-то упало. Власик нагнулся: то был осколок от зенитного снаряда. Начальник охраны пытался уговорить Сталина войти в дом (укрытие было сделано позже). Но Верховный, пожалуй, впервые в этой войне ощутил ее непосредственное смертельное дыхание и постоял еще несколько минут, вдыхая промозглый воздух октябрьского утра. Тогда-то у него и возникло желание побывать на фронте.

В конце октября, ночью, колонна из нескольких машин выехала за пределы Москвы по Волоколамскому шоссе, затем через несколько километров свернула на проселок. Сталин хотел увидеть залп реактивных установок, которые выдвигались на огневые позиции, но сопровождающие и охрана дальше ехать не разрешили. Постояли. Сталин выслушал кого-то из командиров Западного фронта, долго смотрел на багровые сполохи за линией горизонта на западе и повернул назад. На обратном пути тяжелая бронированная машина Сталина застряла в грязи. Шофер Верховного А. Кривченков был в отчаянии. Но кавалькада не задерживалась. Берия настоял, чтобы Сталин пересел в другую машину, и к рассвету "выезд на фронт" завершился.

Однажды в середине октября, когда Сталин собрался ехать на дачу, Берия нерешительно сказал: "Нельзя, товарищ Сталин!" На недоуменно-раздраженный взгляд "вождя" пояснил по-грузински: "Дача заминирована и подготовлена к взрыву". Сталин возмутился, но быстро остыл. Берия сообщил

также, что на одной из станций под Москвой приготовлен специальный поезд для Верховного, а также готовы четыре самолета Ставки, в том числе личный самолет Сталина "Дуглас". Сталин промолчал. Он колебался. Но где-то в глубине души чувствовал, что пока армия, народ знают, что Сталин в Москве, это придает им дополнительную уверенность. После долгих размышлений решил оставаться в Москве до последнего. Знал, что эвакуация столицы идет полным ходом, минируются оборонные предприятия; Берия предлагает в случае отхода взорвать и метро... Надо поговорить с Щербаковым... Сталин закрыл глаза, сел в кресло: сразу куда-то уплыл Берия, пропал звук его голоса, и с запахом полыни пришли видения — багровые сполохи. А он держит теплый осколок зенитного снаряда, который подал ему Власик...

И ведь выстояли! И второе генеральное наступление немцев на Москву провалилось! Вскоре Сталин одобрил предложение командующего Западным фронтом Г.К. Жукова развернуть контрнаступление. Суть плана заключалась в том, чтобы мощными ударами Западного фронта, во взаимодействии с войсками левого крыла Калининского, а также Юго-Западного фронтов уничтожить основные группировки врага, нависшие над Москвой с севера и юга, окружить и разгромить силы противника, противостоящие нашему Западному фронту[88]. В конечном счете дело решили резервы. Как предсказывал командующий группой "Центр" Ф. фон Бок, "исход сражения будет решен последним батальоном". Советское командование распорядилось резервами на этот раз куда расчетливее. Когда атаки вермахта заглохли буквально у самых подступов к Москве и гитлеровцы валились с ног от усталости, был отдан приказ на начало контрнаступления. Оно было на этот раз успешным. Гитлеровцы потерпели первое крупное поражение во второй мировой войне. Это было особенно важно, ибо немецкое командование уже разработало ритуал "пленения" столицы, который должен был означать близкую капитуляцию русских. Самое поразительное, что успеха советским войскам удалось добиться в условиях, когда противник имел некоторое превосходство в танках, артиллерии и т.д.

Когда захватчиков погнали на запад, казалось, наступил перелом. Главное, что удалось достичь этой победой, — вернуть людям веру в возможность разгромить агрессора, разрядить атмосферу фатальной неудачливости, развеять миф о "непобедимости" германской армии. Морально-политическое значение победы в первой крупной стратегической наступатель-

ной операции нельзя было переоценить. Пожалуй, с декабря 1941 года к Сталину начала приходить внутренняя уверенность в общем благоприятном исходе войны. Свои сомнения он всегда загонял глубоко внутрь. Теперь они исчезли. Даже в минуты горечи от поражений под Харьковом, в Крыму, в районе Вязьмы Сталин не сомневался в конечном успехе. И эти надежды не были беспочвенными.

Битва под Москвой не только имела большое стратегическое значение (разгром более трех десятков вражеских дивизий, освобождение тысяч населенных пунктов от оккупантов), но и явилась для советского народа, его армии, руководства первым крупным успехом в войне, получившим большой международный резонанс. Сталин помнил, что, когда в конце ноября немцы вышли к каналу Волга — Москва, форсировали реку Нара и подошли к Кашире с юга, у него что-то дрогнуло внутри. Ставка готовила контрнаступление, а Сталин вновь предложил "перетасовку" командующих фронтами. Еще раньше, в октябре, командовать войсками Западного фронта вместо генерал-полковника И.С. Конева (его отправили командовать Калининским фронтом) он послал генерала армии Г.К. Жукова, на Брянском — генерал-полковника А.И. Еременко заменил генерал-майором Г.Ф. Захаровым, а затем и генерал-полковником Я.Т. Черевиченко. На Юго-Западный фронт, который участвовал в Московской битве правым крылом, вместо маршала С.К. Тимошенко перебросил генерал-лейтенанта Ф.Я. Костенко. Лишь маршал С.М. Буденный удержался на Резервном фронте. Сталину казалось, что эти перестановки помогли под Москвой нащупать наиболее удачное сочетание фронтового руководства. Но думается, что, кроме недоумения фон Бока, командовавшего фашистской группой армий "Центр", не успевавшего осмысливать разведдонесения о рокировках советских генералов, и нервозности самих командующих, которым приходилось без конца "с ходу" вписываться в новую обстановку, эти шаги Верховного никакого другого эффекта не имели.

Изощренный и социально циничный интеллект Сталина, пожалуй, постиг еще одну истину: его надежды на конечный успех основываются не только на первой крупной победе под Москвой, а прежде всего на способности советского народа оправиться от таких катастроф, которые не пережил бы никто другой. Катастрофы не убили надежды. Фронтовые, армейские, корпусные, дивизионные катастрофы не превратились в непоправимую национальную трагедию главным образом потому,

что Гитлер не смог сломить дух народа. Пока этот дух жив, пока воля к борьбе не утрачена, самые крупные материальные потери и человеческие жертвы еще не означают непоправимого конца. Катастрофы, которые остались позади, укрепили надежду Сталина. Это парадоксально, но это так. Просчеты, которые Сталин допустил накануне войны, дилетантское руководство вооруженной борьбой на ее первом этапе, что повлекло за собой невообразимые материальные, людские, технические, территориальные утраты, не простил бы своему руководителю ни один народ. Но советский народ простил, потому что уже давно функционировала система, в которой ему была уготована роль не творца, а исполнителя воли "вождя". Для Сталина всегда был важен лишь результат, а не его цена. Истории было угодно во главе гигантской страны иметь "полководца-вождя", который мог позволить себе терять на фронтах по сто, двести, триста, четыреста тысяч человек и не терять надежды на конечную победу...

Своеобразна реакция Сталина на сообщения о трагедии ленинградцев — смерти сотен тысяч людей от голода. Генерал армии И.И. Федюнинский однажды рассказал мне о состоявшейся беседе Сталина с группой ленинградских руководителей уже после снятия блокады. Сталину говорили, что город зимой 1941 — 1942 годов стал городом-призраком. Лежавшие прямо на улицах трупы некому было убирать. Вдоль домов медленно двигались тени. Люди падали и не поднимались. Самое страшное, рассказывал Федюнинский, что до последнего момента у человека, умирающего от голода, сохраняется ясное сознание. Исчезает даже страх. Человек как бы видит приближение собственной смерти. Застывший город стал молчаливым свидетелем одной из самых страшных трагедий в человеческой истории.

Сталин на этот рассказ ответил так: "Смерть косила тогда не только ленинградцев. Гибли люди на фронтах, на оккупированных территориях. Согласен, смерть страшна в условиях безысходности. А голод — безысходность. Мы больше тогда ничего предложить Ленинграду не могли. Москва сама была на волоске. Смерть и война — понятия неразрывные. Этот мерзавец с челкой принес беду не только Ленинграду..."

Когда Сталину докладывали о крупных потерях в результате того или иного окружения, неудачного контрудара или операции, Верховный обычно не давал волю чувствам. Мог сделать одно-два злых замечания в адрес военачальников, что-то вроде: "Когда наконец научатся воевать?" или "Опять повторя-

ется старая история..." Но никогда не говорил о горечи безвозвратных потерь, тысячах погибших сынов Отечества. Его эмоции либо "застыли" задолго до войны, либо он умел их прятать очень глубоко, либо их просто не было.

Сталин в некоторых случаях проявил себя неплохим психологом. Он понимал, что ему нельзя покидать Москву, знал, что в сообщениях Информбюро не должно быть панических ноток, не случайно требовал, чтобы в газетах больше писали о подвигах, отважных, мужественных поступках советских воинов. Накануне ноябрьских праздников, за несколько дней до 7 ноября 1941 года, Сталин сказал Молотову и Берии:

— Как будем проводить военный парад? Может быть, на час-два раньше обычного?

Собеседникам показалось, что они ослышались. Какой парад? Немцы буквально под Москвой. Ударная группировка фашистов, состоящая из 51 дивизии, едва не охватила столицу... Сталин, словно не замечая недоумения собеседников, продолжал:

— Войска противовоздушной обороны Москвы следует еще больше усилить. Военачальники основные на фронтах. Принимать парад будет Буденный, а командовать — генерал Артемьев. Если во время парада будет бомбежка, прорвутся немецкие самолеты — убитых и раненых быстро убрать, но парад завершить. Пусть кинохроника снимет документальные журналы, которые быстро размножить и разослать по всей стране... Газеты должны отразить парад шире. Я сделаю доклад на торжественном собрании и произнесу речь на параде... Что скажете?

— Но риск... Риск! Конечно, политический резонанс у нас и в других странах будет огромным, — опомнился Молотов.

— Значит, решено, — не стал больше распространяться Сталин. — Отдайте необходимые распоряжения, — повернулся к Берии, — но до последнего момента, кроме Артемьева, Буденного и еще нескольких особо доверенных лиц, никто не должен знать о готовящемся параде.

С высоты сегодняшних дней надо сказать, что решение провести парад было смелым, дальновидным. Оно свидетельствовало о возрастающей уверенности Сталина, его умении влиять на общественное мнение страны, управлять духовным состоянием людей. Тем более что война у многих посеяла сомнения в ее исходе. В оккупированных районах появились многочисленные пособники гитлеровцев. Сталин понимал, что неудачи подтачивают веру. А ее нужно всячески укреплять.

Факты массовой сдачи в плен Сталин расценивал как про-

явление предательства, измены, враждебных намерений. Без всяких исключений. При этом Сталин никогда публично не признавал того бесспорного факта, что во вражеском плену оказалось очень много советских военнослужащих. Председатель ГКО, выступая 6 ноября 1941 года на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся, проходившем на станции метро "Маяковская", заявил, что "за 4 месяца войны мы потеряли убитыми 350 тысяч и пропавшими без вести 378 тысяч человек..."[89]. Сталин знал, что "пропавших без вести" было в несколько раз больше. Верховный в скупых цифрах сводок о потерях, где в графе "пропавшие без вести" (графа "попавшие в плен" отсутствовала) были многозначные цифры, видел не результат катастрофического начала войны, а политические изъяны в подготовке людей, недоработку карательных органов, вражеское влияние, отрыжки классовой борьбы прошлого. В оценке этих явлений Сталин не был ни тонким психологом, ни трезвым политиком, ни "мудрым отцом нации". Здесь он был тем Сталиным, каким во весь рост проявил себя в 1929 — 1933, 1937 — 1939 годах. Природа человека, его внутренний "стержень" меняются медленно. У Сталина установки на "вражеские происки" и "вражеское окружение" остались на всю жизнь. Иначе он просто не был бы Сталиным.

Плен и власовщина

Фашистское нашествие принесло множество бед. Одна из них — плен. Человек, поставленный перед выбором между жизнью и смертью, на войне часто выбирает жизнь, хотя она сопровождается утратой свободы, многих ценностей, своего достойного социального статуса. В минувшей войне плен — это была почти та же смерть, ибо подавляющее большинство военнопленных в немецких концлагерях погибло. В мае 1918 года Советское правительство в обращении к Международному комитету Красного Креста и правительствам мира подчеркнуло, что конвенция о жертвах войны, как и "все другие международные конвенции и соглашения, касающиеся Красного Креста, признанные Россией до октября 1917 года, признаются и будут соблюдаться Российским Советским правительством". Однако новая Женевская конвенция 1929 года по проблеме военнопленных Советским Союзом ратифицирована

не была[90]. Времена и люди в Стране Советов сильно изменились по сравнению с 1918 годом. А что касается Гитлера, то для него международное право было еще одной "химерой".

В первые полтора года войны в немецкий плен попали миллионы советских воинов. До сих пор в СССР не опубликованы точные данные о потерях и пленных. Остается лишь надеяться, что теперь, когда доступ к архивам постепенно упрощается, эти данные будут уточнены, и обнародованы суммарные цифры и погибших, и пленных. В одной из следующих глав я приведу свои подсчеты потерь Советского Союза в Великой Отечественной войне.

Для советских людей это не только вопрос "соотношения сил", но политическая и нравственная проблема. В полной мере она не решена и сегодня. Наряду с предателями было очень много и тех, кто попал в плен в силу трагически сложившихся обстоятельств. Все это — страшные жертвы войны...

Величие Сталина, долго державшегося на пьедестале и после разоблачения его культа, связано, между прочим, и с тем, что народ, общество до сих пор не знают точной цены Победы. А она фантастически велика.

В 1941-м, как и в 1942 году, в результате ряда неудачных оборонительных и наступательных операций огромное количество советских военнослужащих оказались в фашистском плену. Судьба этих людей безмерно горька. Горька вдвойне, потому что плен, по нашим официальным взглядам, был позором, почти синонимом предательства. Хотя советские военные уставы не рассматривали политическую и нравственную сторону плена, однозначно считалось, что плен — это не просто позор, а фактическая измена. Существовала формула: лучше смерть, чем плен. Но обстоятельства войны складывались таким образом, что многие предпочли жизнь смерти, в надежде вырваться из плена, вернуться к родным очагам.

Сталин уже в первые месяцы войны несколько раз интересовался масштабами потерь. Генштаб, Главное управление кадров (ГУК) НКО докладывали, но, похоже, тогда никто ничего толком не знал. Передо мной несколько официальных сводок о потерях. Есть графы о том, сколько погибло, ранено, сколько больных, сколько пропало без вести. Сколько выбыло из строя лошадей, потеряно орудий, минометов, танков, самолетов... Но графы о том, сколько попало в плен, — нет. В одной из сводок сообщается, что за июнь и июль 1941 года "пропало без вести" на всех фронтах 72 776 человек...[91] Если приплюсовать к этому данные за август—сентябрь, то сумма удвоится. Но мы-

то знаем, что только в районе Киева было окружено 452 720 человек. Большая их часть оказалась в плену. В частных, не обобщенных донесениях число пропавших без вести определялось точнее. Например, Главный военный прокурор Красной Армии диввоенюрист В.И. Носов докладывал 24 сентября 1941 года заместителю наркома обороны СССР Мехлису:

"В 8-дневных боях в районе ст.Жуковка на шоссе Брянск — Рославль понесла огромные потери 299-я стрелковая дивизия 50-й армии Брянского фронта. На 12 сентября с.г. дивизия насчитывала менее 500 штыков, причем из 7000 чел. боевого расчета — убито около 500 человек, ранено 1500 человек и пропало без вести 4000 человек..."[92]

Сам Сталин косвенно признавал наличие большого количества "пропаших без вести". В телеграмме Тимошенко, Хрущеву, Бодину он спрашивал:

"Ставка считает нетерпимым и недопустимым, что Военный совет фронта вот уже несколько дней не дает сведений о судьбе 28-й, 38-й и 57-й армий и 22-го танкового корпуса. Ставке известно из других источников, что штабы указанных армий отошли за Дон, но ни эти штабы, ни Военный совет фронта не сообщают Ставке, куда девались войска этих армий и какова их судьба, продолжают ли они борьбу или взяты в плен. В этих армиях находилось, кажется, 14 дивизий — Ставка хочет знать: куда девались эти дивизии?

И. Сталин"[93].

В начале войны, как мы помним, немецким военачальникам удалось осуществить немало маневров, связанных с окружением или полуокружением отдельных частей и соединений Красной Армии. Стремительное вклинивание немецких танковых группировок рассекало наши фронты, армии, корпуса, создавало обстановку изоляции, оторванности, неизвестности, когда главная сила коллектива — чувство локтя, сплоченности, монолитности — ослабевает. Несмотря на мужество многих бойцов, командиров, политработников, тогда были нередкими проявления паники, растерянности. Немало командиров, чтобы избежать плена, стрелялись. Часто это делалось после того, как были исчерпаны все возможности для сопротивления. Подчас главными мотивами такого шага были боязнь позора плена или страх ответственности за невыполненный приказ. Напомню, генерал-майор И.И. Копец, храбро сражавшийся в небе Испании, ставший командующим ВВС Западного особого военного округа, после ошеломительных неудач первых дней войны застрелился. Так поступали и другие. Генерал-майор

С.В. Берзин, находясь в окружении в районе Умани, не видя иных возможностей для сопротивления, тоже застрелился. Хотя долго в списках числился как "пропавший без вести" со всеми вытекающими отсюда для родственников последствиями: недоверием и двусмысленностью.

Гитлер в ноябре 1941 года утверждал: "Если я хочу обрисовать в общих чертах успех этой войны, то мне достаточно назвать число пленных, которое менее чем за полгода достигло цифры 3,6 миллиона человек. И я запрещаю всяким английским остолопам рассказывать, что, дескать, это не подтверждено. Когда германское военное учреждение что-нибудь подсчитало — то его счет всегда правильный"[94]. Захлебываясь от восторга, Гитлер фактически объявил, что победа уже у его ног. Ему осталось нагнуться и поднять ее. Но он еще не чувствовал, что призрак наполеоновского поражения стоял у него за спиной. С самого начала войны.

Сейчас на Западе в научном обиходе циркулируют различные данные о советских военнопленных в минувшей войне. В некоторых изданиях приводятся данные штабов вермахта: с июня 1941-го по апрель 1945 года немцами было захвачено, по их сведениям, 5160 тысяч человек[95]. По моим предварительным подсчетам, эта цифра несколько завышена.

Повторюсь: видимо, в недалеком будущем будут названы более точные данные о погибших, раненых, пленных с той и другой стороны. Но зная численность частей и соединений, попавших в окружение, количество потерь в операциях первого периода войны, зарубежную статистику, можно дать предварительную оценку количества советских военнослужащих, попавших в фашистский плен. За первые полгода войны — около 3 миллионов, что составляет почти 65% всех наших воинов, оказавшихся в плену в годы войны.

Как Сталин относился к плену? Как реагировал на факты окружения и сдачи в плен больших масс военнослужащих? Помимо официальной устной установки, запрещающей плен как недопустимый для советского военнослужащего поступок, у Сталина к этому примешивалось, главным образом, подозрение в измене, предательстве, пособничестве врагу. Для Сталина любой человек, побывавший в плену, не заслуживал доверия. Кроме заградотрядов, Сталин лично санкционировал создание специальных лагерей НКВД для "проверки" личного состава, выходящего из окружения. В первые годы войны их было создано достаточно много. В архивах имеется немало резолюций Сталина, подобных следующей:

"Товарищу Берия Л.П.

Против организации 3-х лагерей НКВД для проверки отходящих частей возражений не имеется.

И. Сталин.

24.8.42 г. 3 часа 35 мин. Продиктовано тов. Сталиным по телефону. Боков"[96].

Верховный очень внимательно следил за судьбой пропавших без вести крупных военачальников. Например, им были даны специальные указания выяснить, что случилось с командармами Качаловым, Понеделиным, Власовым, Ефремовым, Потаповым, Ракутиным, Самохиным, Лукиным. О Качалове и Понеделине я говорил уже ранее. После того как исчезли Власов и Ефремов, Верховный отдал распоряжение Берии выяснить их судьбу и место пребывания. В архиве Жданова сохранилась телеграмма генералу Сазонову:

"По поручению Ставки Верховного Главнокомандования немедленно ответьте, что вам известно о Власове, жив ли он, видели ли вы его и какие меры вы приняли к его розыску. Жду немедленного ответа.

Жданов"[97].

Власова не нашли, но он скоро сам заявил о себе. Об этом речь пойдет ниже. А о генерал-лейтенанте М.Г. Ефремове узнали случайно. Одна жительница деревни Слободка Темкинского района Смоленской области в конце апреля 1943 года сообщила, что видела, как солдаты за околицей "закапывали генерала". Об этом доложили наверх, где подозревали, что командарм попал в плен. В результате проверки к Сталину пошло донесение, фактически реабилитирующее погибшего генерала:

"Товарищу Сталину

Генерал-лейтенант Ефремов М.Г. организовал группу бойцов и командиров для выхода из окружения. Во время одного из боев с противником в районе дер. Малое Устье генерал-лейтенант Ефремов М.Г. был тяжело ранен в бок; не имея возможности самостоятельно передвигаться, застрелился и был похоронен в дер. Слободка Темкинского р-на Смоленской области. Путем раскопки могилы и опознания трупа установлено... что Ефремов получил тяжелое ранение в седалищную кость и, не имея уверенности на спасение от пленения (так в тексте. — *Прим. Д. В.*), застрелился.

30 апреля 1943 г. *Соколовский*
Булганин".

Так своей смертью, обстоятельства которой, к счастью, прояснились, советский генерал, сохранивший мужество до по-

следних минут жизни, снял с себя политически двусмысленное подозрение: "пропал без вести".

Как докладывали Сталину из Главного управления кадров НКО, в 1941 — 1942 годах "пропало без вести" немало генералов: Л.В. Бобкин, Т.К. Бацанов, П.М. Падосек, С.В. Вишневский, П.Ф.Алферьев, Г.М. Зусманович, В.В. Владимиров, И.П. Новохатный, И.С. Никитин, Н.А. Лебедев, И.В. Зуев, Л.С. Грищук, Т.К. Черепин, В.Г. Ванеев, А.И. Попенко, Г.А. Ларионов, П.Г. Егоров, И.П. Прохоров, Б.А. Погребов, Г.И. Федоров, А.С. Титов, А.В. Горнов, М.Г. Хацкилевич, А.Б. Борисов, М.Д. Борисов, В.Б. Борисов, Г.И. Кузьмин, Л.Г. Петровский, П.П. Павлов, Ф.Н. Матыкин, Э.Я. Магон, И.П. Карманов, И.А. Корнилов, М.М. Шаймуратов, Б.С. Рихтер, К.Т. Руденко, А.А. Журба, П.В. Сысоев, А.Н. Смирнов, Ф.Г. Сущий, А.Г. Самохин, А.С. Зотов, И.А. Коняк, Я.И. Тонконогов, К.Е. Куликов, Д.М. Карбышев, Г.П. Козлов и ряд других[98].

Большинство из них, видимо, погибли при выходе из окружения. Те, кто выжил, гнили в концлагерях, как генералы Понеделин, Карбышев, Лукин. Гнили, но не уронили достоинство советского человека. Однако в глазах Сталина они все равно были почти предателями.

Работая над книгой, мне удалось установить дальнейшую судьбу многих генералов, "пропавших без вести". Это могло бы быть темой специального исследования. Назову лишь несколько фамилий. Генерал-майор Л.В. Бобкин, находясь в окружении, был убит немецким автоматчиком 26 мая 1942 года у трупа собственного сына... Генералы Г.А. Ларионов, П.Г. Егоров, Г.И.Федоров, А.С. Титов, М.Г. Хацкилевич, А.Б. Борисов, В.Б. Борисов, Э.Я. Магон, Л.Г. Петровский, М.М. Шаймуратов, К.И. Ракутин, А.Н. Смирнов, А.С. Митрофанов, Ф.Н. Матыкин, Ф.Ф. Алябушев, Ф.Г. Сущий, Д.П. Сафонов, Д.Г. Егоров, И.В. Васильев и некоторые другие не "пропали без вести", а погибли непосредственно в бою. Так, например, генералы В.Б. Борисов, М.Г. Хацкилевич погибли в танках от прямых попаданий немецких снарядов. Генералы Г.М. Зусманович, И.С. Никитин, П.Г. Макаров, Н.М. Старостин, И.М. Шепетов, В.И. Прохоров, К.Е. Куликов, С.В. Баранов, Д.М. Карбышев и многие другие нашли мученическую смерть в фашистских лагерях. У других судьба иная. Генерал-майор П.В. Сысоев, попавший в плен в июле 1941 года, смог бежать из лагеря в 1943 году, затем три года "проверялся". Несколько человек были приговорены к расстрелу за

невыполнение приказа или за измену Родине. Лишь некоторые, наподобие Рихтера, Малышкина, Жиленкова, пошли в услужение Гитлеру. Но, подчеркну еще раз, подонков в генеральских чинах были единицы.

Повторюсь: основная масса военнопленных попала в гитлеровские лагеря в первые катастрофические месяцы войны. Большинство советских генералов также оказались в плену в это время. В последующем в ходе войны было лишь несколько случаев пленения советских генералов, которые в силу тактической ошибки, роковой неосторожности оказывались в расположении противника. По каждому из этих случаев Верховный издавал грозные приказы. Вот, например, выдержка из одного такого приказа:

"Командующим войсками фронтов и отдельных армий

Шестого ноября командующий 44-й армией генерал-лейтенант Хоменко и командующий артиллерией той же армии генерал-майор Бобков при выезде в штабы корпусов потеряли ориентировку, попали в район расположения противника, при столкновении с которым в машине, управляемой лично Хоменко, заглох мотор и эти лица были захвачены в плен со всеми находящимися при них документами.

1. Запретить выезд командующих армиями и корпусами без разведки и охраны;

2. При выезде в войска, от штаба корпуса и ниже, не брать с собой никаких оперативных документов, за исключением чистой карты района поездки...

4. Запретить высшему начальствующему составу личное управление автомашинами.

7 ноября 1943 года *И. Сталин*"[99].

После 1942 года, повторяю, это были единичные случаи. Теперь пришла наша очередь брать в плен генералов фашистской армии и их союзников.

Сталин, организовав в 1937 — 1939 годах "тотальную" чистку общества, казалось, мог надеяться, что некому будет идти на сотрудничество с оккупантами. Напомню, Молотов и спустя десятилетия утверждал, что Сталин "ликвидировал пятую колонну" накануне войны. Иначе, мол, едва бы мы выстояли в ней. Однако и Сталин и Молотов были далеки от истины. Прежде всего в 1937 — 1938 годах Сталин "вырубил" не врагов. Об этом я уже говорил. Хотя квислинги и лавали были не только на Западе; предатели, коллаборационисты появились, и в немалом количестве, и на оккупированных территориях Советского Союза. Причины этого явления многолики. После ре-

волюции прошло всего два десятка с небольшим лет. Еще были живы обиженные Советской властью. Многих заставлял идти на путь сотрудничества с захватчиками страх, стремление приспособиться, выжить. Некоторые, особенно в 1941 году, считали, что немцы пришли надолго, если не навсегда. Ну и, наконец, во все времена были и, наверное, будут слабые, безвольные, а то и просто мерзкие люди, способные на подлость, предательство, измену. Например, в конце декабря 1941 года Берия сообщил Маленкову, что красноармеец, по документам А.П. Ульянов, попавший в плен к немцам, был переброшен ими через линию фронта как капитан, дважды Герой Советского Союза, но его быстро разоблачили[100].

Да, находились люди, для которых Родина не была священным понятием. Но неизмеримо больше было тех, чьи честь и достоинство гражданина, патриота ни при каких условиях не позволяли пойти в услужение к агрессору.

В минувшей войне Сталину пришлось столкнуться не только с отдельными, но и организованными проявлениями сотрудничества некоторых соотечественников с фашистами. В наиболее откровенной форме это выразилось в предательстве генерал-лейтенанта А.А. Власова — командующего 2-й ударной армией Волховского фронта.

Когда в конце мая 1942 года Сталину сообщили, что в районе Мясной Бор отрезана 2-я ударная армия Волховского фронта, он воспринял сообщение внешне спокойно. Сколько уже армий отрезали! В 1941 году такие вести он воспринимал более драматически. Теперь, после успешной битвы под Москвой, он был уверен, что те или иные неудачи на фронте не в состоянии кардинально изменить положение, что антифашистская, антигитлеровская коалиция придет к победе. Сталин знал, что командует 2-й ударной армией заместитель командующего фронтом опытный Власов. Всего три месяца назад Верховный одобрил постановление СНК СССР о присвоении ему звания генерал-лейтенанта, как одному из самых крепких командармов, кандидату на командование фронтом.

Через несколько дней Сталин спросил у генштабистов, какие части 2-й ударной вышли из окружения и как все это произошло. Василевский напомнил, что Директивой № 131 от 21 мая 1942 года, подписанной Верховным Главнокомандующим, для войск Волховской группы Ленфронта ставилась, в частности, задача: "Ударом главных сил 2-й ударной армии с запада, с одновременным ударом 59-й армии с востока, уничтожить противника в выступе Приютина, Спасская Полисть... а

затем силами 59-й, 2-й ударной и правым крылом 52-й армий прочно обеспечить за собой плацдарм на западном берегу р. Волхов в районе Спасская Полисть, Мясной Бор, Земтицы, прикрыть ленинградскую железную дорогу и шоссе, с тем чтобы не допустить соединения по этим дорогам новгородской и чудовской группировок противника и восстановления железной дороги Новгород — Ленинград"[101].

— Ну, а как Вы допустили окружение армии?

— Когда с севера над 2-й ударной армией нависла крупная немецкая группировка, я неоднократно требовал от Хозина отвести войска армии на рубеж р. Волхов.

— А Хозин? — строго посмотрел на Василевского Сталин.

— Лишь 25 мая фронт отдал необходимые распоряжения, но явно запоздал. Через три-четыре дня основные коммуникации снабжения армии были перерезаны и армия оказалась в окружении. После этого, — продолжал Василевский, — я направил 3 июня командующему Ленинградским фронтом следующую телеграмму за своей подписью и Бокова:

"Действия по уничтожению противника в районе Спасская Полисть и Приютина проводятся Вами крайне медленно. Противник Вами не только не уничтожается, а, наоборот, перейдя к активным действиям, преградил пути отвода 2-й уд. армии, т.к. разгадал Ваш маневр по ее выводу. Попытки войск фронта пробить брешь в боевом порядке противника оказываются малоуспешными. Основной причиной этого нужно считать не только медлительность Ваших мероприятий, но и вывод сил по частям вместо удара всеми силами 2-й ударной армии... Промедление и нерешительность в этом деле чрезвычайно опасны, ибо все это дает противнику возможность изо дня в день сильнее закрепляться на перехваченных им путях отвода 2-й уд. армии"[102]. Но, похоже, требования и сейчас командованием фронта и армии не выполняются...

— С Власовым связь есть?

— Нет. Последние сообщения от него были где-то в начале июня, — ответил Василевский.

— Может быть, Волховскую оперативную группу выделить в отдельный фронт?

— Считаю этот шаг верным: в этой группе шесть армий. Надо, чтобы они обеспечили вывод 2-й ударной из окружения.

— Хозина снять, а командующим Ленинградским фронтом назначить Говорова. Командующим новым, Волховским фронтом — генерала армии Мерецкова. Если возражений нет, оформите приказом.

Скоро другие события отодвинули Власова из поля зрения, внимания и памяти Верховного. Правда, когда немецкое радио начало усиленно муссировать тему окружения "самой крупной" советской армии, Сталин распорядился подготовить специальное сообщение Совинформбюро. Ему быстро доложили проект:

"28 июня германское информационное бюро передало сообщение Ставки Гитлера об уничтожении 2-й ударной, 52-й и 59-й армий Волховского фронта, якобы окруженных немецко-фашистскими войсками на западном берегу р. Волхов. Но события на этом участке фронта развернулись так, что ударами 59-й и 52-й армий с востока и 2-й ударной армии с запада части противника, прорвавшиеся на коммуникации, были большей частью уничтожены, а незначительные их остатки отброшены в исходное положение... Следовательно, ни о каком уничтожении 2-й ударной армии не может быть и речи.

Совинформбюро".

Сталин взглянул на текст, помолчал и отдал Поскребышеву со словами: "Ничего сообщать не надо". Он передумал.

Но затем спустя несколько часов вновь отдал распоряжение сообщить о 2-й армии. 29 июня 1942 года Совинформбюро, в частности, передало: "Гитлеровские писаки приводят астрономическую цифру в 30 000 якобы захваченных пленных, а также о том, что число убитых превышает число пленных во много раз. Разумеется, эта очередная гитлеровская фальшивка не соответствует фактам... По неполным данным, в этих боях немцы потеряли только убитыми не менее 30 тысяч человек... Части 2-й ударной армии отошли на заранее подготовленный рубеж. Наши потери в этих боях до 10 тыс. человек убитыми, около 10 тыс. человек пропавшими без вести..." Очень трудно поверить, что и у немцев и у нас потери всегда такие "круглые"! Мы только сегодня постепенно узнаем, что рано начавшейся весной плохо подготовленная операция Волховского фронта поглотила в болотах тысячи и тысячи советских людей, которые и по сей день горько числятся как "без вести пропавшие"!

Где-то через несколько недель, поздно ночью, когда у него еще оставались Молотов и Берия, последний, сверкнув стеклами маленьких очков, вытащил из своей неизменной кожаной папки несколько листов бумаги и положил их перед Сталиным.

— Что это?

— Посмотрите. Вот как объявился "пропавший без вести" командарм 2-й ударной армии, — ответил Берия.

Сталин придвинул к себе листки, быстро пробежал глазами:

"Обращение Русского комитета
к бойцам и командирам Красной Армии, ко всему русскому
народу и другим народам Советского Союза

Русский комитет ставит перед собой следующие цели: свержение Сталина и его клики, заключение почетного мира с Германией, создание Новой России... Призываем переходить на сторону действующей в союзе с Германией Русской освободительной Армии...

Председатель Русского комитета генерал-лейтенант *Власов*.
Секретарь Русского комитета генерал-майор *Малышкин*[103].

Далее шли листовки-пропуска, предназначенные для перехода линии фронта, "Открытое письмо А.А. Власова: почему я стал на путь борьбы с большевизмом" и другая подобная "продукция".

Сталин брезгливо отодвинул листовки от себя, спросил Берию:

— А может, это фальшивки? Что известно о Власове? Есть подтверждения?

— Да, есть. Власов активно работает на немцев.

— Как же мы его перед войной не разглядели? — вмешался в разговор Молотов.

Берия вместо ответа вытащил из папки личное дело Власова. Сталин, перевернув страницу, задержался взглядом на скуластом человеке в очках с оттопыренными ушами и внимательными глазами. Родился в Горьковской области; родители из крестьян-середняков. Кроме отца-старика и жены, родственников нет. Видимо, Берия подчеркнул красным карандашом: окончил духовное училище в Нижнем Новгороде, два года учился в духовной семинарии до 1917 года. Сталин подумал: если бы не революция, то был бы попом, а не красным генералом... Участвовал в гражданской войне. Служил затем все время успешно: 99-я стрелковая дивизия, которой он командовал, была одной из лучших в Киевском округе. До этого был в спецкомандировке в Китае. Командовал 4-м механизированным корпусом, который неплохо сражался под Перемышлем и Львовом, а затем, Сталин это сам хорошо знал, потому что подписывал назначение, был выдвинут командующим 37-й армией, защищавшей Киев. Армия здесь показала себя хорошо. Затем — командующий 20-й и, наконец, 2-й ударной армией... Сталин помнил, как по его поручению 20 апреля 1942 года Шапошников подписал приказ о назначении "по совместительству" (в военном лексиконе это слово редко употребляется) командующего 2-й ударной армией Власова А.А. и заместителем

командующего Волховским фронтом[104]. Характеристики все блестящие. В 1938 году в его партхарактеристике записано: "Много работает над вопросами ликвидации остатков вредительства в части". Аттестации подписаны такими известными военачальниками, как Кирпонос, Музыченко, Парусинов, Голиков. Единственное замечание, отмеченное в аттестации 19 ноября 1940 года, сводится к пожеланию "обратить внимание на сбережение и уход за конским составом". Везде: "Предан делу партии Ленина — Сталина и социалистической Родине". 24 января 1942 года генерал армии Г.К. Жуков в боевой характеристике на Власова написал: "Руководил операциями 20-й армии: контрударом на город Солнечногорск, наступлением войск армии на волоколамском направлении и прорывом оборонительного рубежа на р. Лама. Лично генерал-лейтенант Власов в оперативном отношении подготовлен хорошо, организационные навыки имеет. С управлением войсками армии справляется вполне".

Заслужить в это жестокое время оценку Жукова — "справляется вполне" — непросто. Но как не распознали предателя Жуков, Кирпонос, Голиков, другие? Такая мысль могла бы промелькнуть в привычном раньше направлении. Но остановимся в самом начале: до войны к нему было не подкопаться, а воевал Власов лучше многих. Был награжден орденами Ленина и Красного Знамени... Тайники человеческого сознания могут хранить то, что не поддается внешнему наблюдению. Видимо, у этого человека никогда не было подлинных социалистических убеждений. Он умел имитировать патриотизм, чувство долга. Был службистом. Некоторые особисты пытались ухватиться за духовное образование Власова. Да вынуждены были отпустить эту зацепку. Сам "вождь" учился в духовной семинарии... Сталин не верил, что Власову удастся сделать что-то серьезное у немцев, но сейчас он понимал: вслед за объявлением о создании РОА ("Русская освободительная армия") следует ждать других формирований национального характера. И он не ошибся.

В Берлине почувствовали, что, сделав ставку на молниеносную войну, они недооценили мощь Советского Союза, мощь экономическую, военную, социальную и морально-политическую. Гитлер надеялся, что после таких ударов, которые он нанес в 1941 году, Советский Союз рассыплется на национальные осколки. Но этого не произошло. Интернациональное единство не было поколеблено. Наоборот, оно явилось одним из устоев жизнеспособности Советского государства. Общая опасность в огромной степени усилила интернациональную сплоченность

советского народа, хотя Сталин и допускал в национальной политике серьезные ошибки, в том числе и в ходе войны.

Уже в 1942 году гитлеровское руководство стало искать в лагерях для военнопленных отщепенцев, готовых служить не только в "Русской освободительной армии" Власова, но и в различных национальных легионах: Грузинском, Армянском, Туркестанском, Кавказском, Прибалтийских и других. Усилий было приложено много, но результат был незначительным. Немало военнопленных оказались легионерами лишь потому, что видели в этом путь к выживанию и возможность бежать к своим; были, конечно, и такие, кто поддался на националистическую пропаганду. Но в целом интернационализм оказался сильнее. Даже носившие форму "легионеры" очень часто пытались перейти линию фронта, хотя не могли не знать, что их там ждет. 3 октября 1942 года, например, солдаты Туркестанского легиона Бергенов, Хасанов и Тулебаев после четырехдневных попыток найти партизан вышли в расположение советских частей, сообщив, что большая часть их батальона готова перейти к своим. 8 октября того же года на участке обороны 2-й гвардейской стрелковой дивизии перешли линию фронта бывшие военнослужащие Цулая и Кабакадзе с просьбой: помочь подразделению Грузинского легиона перейти линию фронта[105].

Немцы особенно рассчитывали на легионы, которые они формировали в Прибалтике. Население этих республик накануне войны в составе Союза жило лишь около года. Но эти легионы немецкое командование смогло в основном использовать как вспомогательные формирования: для охраны объектов, дорог, патрулирования, иногда, правда, и для карательных операций. После войны лица, служившие в легионах, были осуждены и высланы. Руководство прибалтийских республик обращалось в Советское правительство с просьбой об амнистировании этих лиц. Например, 16 марта 1946 года Предсовнаркома Латвийской ССР В.Т. Лацис и Первый секретарь ЦК КП(б) Латвии Я.Э. Калнберзин писали в Москву:

"В период временной оккупации Латвийской ССР немецкие захватчики насильно мобилизовали все трудовое население, часть которого угнали на принудительные работы в Германию, а другую зачислили в т.н. легионы немецкой армии... Впоследствии, после освобождения, эти люди были сосланы на 6 лет в северные районы.

Просим тех, за кем нет ничего другого, кроме службы в легионах, — вернуть в Латвийскую ССР..."[106]

Сталин обычно такие записки передавал Молотову и Берии.

Но его позиция была всегда неизменна, когда речь шла о людях, ушедших к немцам или с немцами.

После освобождения Северного Кавказа Берия докладывал Сталину:

"НКВД считает целесообразным выселить из Ставрополя, Кисловодска, Пятигорска, Мин. Вод, Ессентуков... членов семей бандитов, активных немецких пособников, предателей, изменников Родины и добровольно ушедших с немцами и переселить их на постоянное жительство в Таджикскую ССР в качестве спецпереселенцев. Выселению подлежат 735 семей — 2238 человек. Прошу Ваших указаний.

Л.Берия"[107].

Сталин, как всегда, согласен. Едва ли он не понимал, что за преступления отца, брата не могут отвечать их мать, сестры, дети. Но Сталин всегда был самим собой.

О деятельности легионов Сталину доносили по линии политорганов и НКВД. Он видел, что какой-то реальной силы эти формирования не представляют, но политический резонанс иметь могут. Устные указания, как и резолюции на документах, с которыми я имел возможность ознакомиться, свидетельствуют о жестком, непримиримом отношении Сталина к изменникам Родины. В общей сложности их было не так уж много.

В документах Сталина и Берии находится ряд донесений о предательских бандитских действиях отдельных групп отщепенцев, которые пошли в услужение к гитлеровцам. Вот, например, Кобулов докладывает Берии:

"О ходе борьбы с бандитизмом в районах Северного Кавказа

За истекшую неделю (с 27-го по 3 мая) имело место 6 бандпроявлений. Убито 8 бандитов, в т.ч. два германских парашютиста. Арестовано 46 бандитов. Изъято оружия 37 единиц. Наши потери 8 человек. Убит главарь Каякентской банды Ильясов Нажмуддин, ликвидирована банда Темирканова С.Х."[108].

Или вот еще донесение, в верхнем углу пометка наркома внутренних дел: "Сообщение послано тов. Сталину, Молотову, Антонову.

20 июля 1944 года. *Л. Берия.*

12 июля в результате прочески лесного массива в р-не селения Казбурун Кабардинской АССР задержан немецкий парашютист Фадзаев Х.Х. (бывший член ВЛКСМ, осетин, работал полицаем в с. Урух, в 1943 г. вступил в немецкую армию. Имеет звание оберфельдфебеля немецкой армии). Задержано

еще несколько парашютистов. Из 8 парашютистов продолжается розыск еще 2-х человек. Остальные убиты или задержаны.

Кобулов"[109].

Подобные сообщения поступали из Крыма и других мест. Вместо того чтобы продолжать вести борьбу с бандитами, прислужниками оккупантов, конкретными преступниками, Сталин и Берия на основании предложений и планов, разработанных Серовым, Кобуловым, Момуловым, Цанавой, другими заплечных дел мастерами, принимают решения о выселении целых народов с Северного Кавказа, из Калмыкии, Крыма на восток. Документально установлено, что в то время там насчитывалось немало перевертышей. Но сколько было героев, славных сынов этих народов и всего нашего Отечества! Например, только среди чеченцев и ингушей к концу войны стало 36 Героев Советского Союза.

На протяжении 1944 года, когда война приближалась к своему победному завершению, на основании решений Сталина, закрепленных соответствующими указами, были выселены сотни тысяч чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев, крымских татар, калмыков, турок-месхетинцев... Пожалуй, одно из немногих документальных исследований этого трагического периода (на основании партийных и государственных архивов) проведено доктором исторических наук Х.М. Ибрагимбейли[110]. А в то время Сталину шли доклады подобного рода:

"Государственный Комитет Обороны

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета и Постановлением СНК СССР от 28 декабря 1943 года, НКВД СССР осуществлена операция по переселению лиц калмыцкой национальности в восточные районы... Всего было погружено в эшелоны 26 359 семей, или 93 139 человек переселенцев, которые отправлены к местам расселения в Алтайский и Красноярский края, Омскую и Новосибирскую области...

Л.Берия"[111].

Сталин за этими "операциями" следил так же пристально, как и за фронтовыми. Но здесь сопротивления не было; ведь выселяли главным образом стариков, женщин, детей... Даже в докладах Берии сообщалось, что "при проведении операции по выселению на месте и в пути происшествий не было...". Трагическая подавленность, страшное потрясение сотен тысяч людей... Но эти чувства были неведомы "отцу народов". В подобных случаях он был щедр:

— Представьте к наградам лиц, образцово исполнивших приказ о выселении!

Распоряжения его выполнялись быстро:

"Государственный Комитет Обороны

Товарищу Сталину И.В.

В соответствии с Вашим указанием представляю проект Указа Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами и медалями наиболее отличившихся (в чем? — *Прим. Д.В.*) участников операции по выселению чеченцев и ингушей... Принимало участие 19 тысяч работников НКВД, НКГБ и "Смерш" и до 100 тысяч офицеров и бойцов войск НКВД, значительная часть которых участвовала в выселении карачаевцев и калмыков и, кроме того, будет участвовать в предстоящей операции по выселению балкарцев. В результате трех операций выселено в восточные районы СССР 650 тысяч чеченцев, ингушей, калмыков и карачаевцев"[112].

Страшные страницы... Единовластие, выраженное в жестокости по отношению к народам. Подумать только: Сталин дошел до того, что фактически предъявлял обвинение в "государственной измене" целым народам! Более 100 тысяч войск участвует в высылке стариков, женщин и детей. Неудивительно, что на фронтах, часто в самом горячем месте, в критический момент не хватало "лишнего" полка или батальона. А здесь — более 100 тысяч! У единодержца уже давно не было никаких нравственных тормозов. Сталин, возомнивший себя единственным "хранителем" и "толкователем" Ленина, не захотел вспомнить его мудрого предостережения: ничто так не мешает интернациональной сплоченности, "как национальная несправедливость, и ни к чему так не чутки "обиженные" националы, как к чувству равенства и к нарушению этого равенства..."[113]. Жертвами сталинизма стали все народы нашего великого Союза: русские, украинцы, белорусы, литовцы, казахи, евреи, кабардинцы, десятки других наций и народностей. Сталин "завязал" немало трагических узлов в нашей истории, в том числе и национальных, которые мы обязаны мудро и спокойно развязать сегодня. При этом не должна — ни в коем случае! — пострадать наша интернациональная солидарность, источник нашей силы и такого желанного и пока далекого процветания.

Я сделал это большое отступление, чтобы показать, что "наказание" целых народов не имело никакого отношения к фактам предательского отношения к Отечеству и воинскому долгу отдельных лиц и целых групп советских граждан разных национальностей. Если бы Сталин следовал своей преступной

логике всегда, то после образования РОА ему надо было бы ссылать и русский, и украинский, и все другие народы... В неисполнимости этого, между прочим, видна вся абсурдная преступность сталинских решений.

Власовщина как политическое явление явилась результатом ряда причин: крупных неудач на фронтах, отрыжками национализма и социальной неудовлетворенности некоторых представителей (и их детей) привилегированных классов, страхом перед возмездием, после того как некоторые не по своей воле оказались в плену. По мере роста отпора захватчикам случаев добровольного перехода на сторону врага становилось все меньше, а в конце 1942 года и в 1943 году фактически не стало. Выступая среди агитаторов, работающих с бойцами нерусской национальности, начальник Главного политуправления РККА А.С. Щербаков отметил, что на Ленинградском фронте, например, в августе 1942 года было 22 случая перехода на сторону врага, а в январе 1943 года — всего 2. А затем эти позорные явления совсем исчезли[114].

О Власове на Западе написано немало книг. Так, например, в книге Иоахима Гофмана "История власовской армии", в частности, утверждается (якобы на основе власовских архивов), что к маю 1943 года в распоряжении германского вермахта имелось 90 русских батальонов и почти столько же национальных легионов[115]. Цифры сильно завышены. Поэтому все попытки представить это "движение" как "альтернативу большевизму" крайне неубедительны. По существу, формирования Власова вбирали в себя главным образом не "идейных борцов", а уголовников, националистов, слабых, безвольных людей, охваченных единственной идеей — выжить. Попытка Власова опереться на белогвардейскую эмиграцию (атамана П.Н. Краснова, генерала А.Г. Шкуро, генерала Султан-Гирей Клуча и др.) свидетельствовала о полной идейной нищете движения.

Кроме достаточно прочной социальной монолитности советского общества, его морально-политического единства, огромное значение для исключения проявлений власовщины имели военные успехи. Они, по сути, исключали факты депрессии, паники, подавленности, которые являлись благодатной почвой для предательства. Однако Сталин видел причины власовщины прежде всего в том, что не все "враги народа" были выявлены до войны. Сохранилось немало документов, устных распоряжений Сталина, записанных исполнителями, об ужесточении контроля над выходящими из плена, проведении целого ряда специальных мероприятий в прифронтовой полосе, усиле-

нии карательных акций по отношению к тем, кто вслух высказывает какие-либо сомнения в правильности действий командования. По указанию Сталина проверка освобожденных территорий, охрана тылов Красной Армии были возложены на Наркомат внутренних дел. Берия регулярно докладывал Сталину о проведенных мероприятиях. Дело было поставлено с размахом. Вот один из документов, в котором Берия информирует Верховного Главнокомандующего о состоянии дел в этой области.

"За 1943 год войсками НКВД по охране тыла Действующей Красной Армии в процессе очистки территории, освобожденной от противника, и при несении службы по охране тыла фронтов задержано для проверки 931 549 человек. Из них военнослужащих 582 515 человек, гражданских лиц — 349 034 человека.

Из общего количества задержанных разоблачено и арестовано 80 296 человек (агентура, изменники, предатели, каратели, дезертиры, мародеры и прочий преступный элемент)"[116].

Чтобы пресечь и осудить сам факт измены, в феврале 1943 года был проведен ряд процессов, где были заочно осуждены и приговорены к расстрелу бывшие генералы Красной Армии А.А. Власов, В.Ф. Малышкин и некоторые другие предатели, активно сотрудничавшие с фашистами. Но и здесь не обошлось без ошибок. Директива Ставки № 30 126 от 12 мая 1943 года, подписанная Сталиным, определяла, что, "как теперь достоверно установлено, генерал-лейтенант Качалов В.Я., генерал-лейтенант Власов А.А., генерал-майор Понеделин П.Г., генерал-майор Малышкин В.Ф. изменили Родине, перебежали на сторону противника и в настоящее время работают с немцами против нашей Родины...". В компанию к предателям Власову и Малышкину "пристегнули" и патриотов Отечества Качалова и Понеделина. Лишь в 1956 году Качалов и Понеделин были реабилитированы.

Берия и его службы активизировали проверку и выявление сомнительных элементов не только по эту сторону линии фронта, но и пытались выяснить обстановку в формированиях, созданных немцами из военнопленных. Однажды Берия, который докладывал о своих делах обычно один на один со Сталиным или только в присутствии Молотова, показал Верховному протокол допроса генерал-майора Красной Армии А.Е. Будыхо, вырвавшегося из немецкого лагеря и перешедшего к партизанам. Будыхо был в Ораниенбургском лагере, где находились преимущественно пленные командиры. Он дал очень многим

подробные характеристики, рассказал о приезде в лагерь личного представителя Власова генерала Жиленкова, других функционеров РОА. К слову сказать, Жиленков до войны работал секретарем одного из райкомов партии Москвы, быстро выдвинувшись в результате репрессивного вала, прокатившегося по партийным работникам. Будучи членом Военного совета 32-й армии Западного фронта, Жиленков оказался в окружении, затем в плену. Беспринципность и приспособленчество человека, случайно оказавшегося в партийных вожаках, быстро привели его в стан коллаборационистов. Таким же оказался и другой приближенный Власова, бывший генерал-майор Малышкин, начальник штаба 19-й армии. Он был репрессирован в 1938 году, в начале войны освобожден, но в конце концов оказался у Власова. Трудно сказать, руководила ли этим человеком обида или его предательские намерения вытекали из его убеждений. Во всяком случае, когда Берия докладывал по делам ряда осужденных и освобожденных позднее генералов, Сталин бросил:

— Разберитесь, кто ходатайствовал за Малышкина...

Сталин не стал дальше читать материалы допроса Будыхо: ему было жалко времени на знакомство, как он полагал, с деяниями недобитков, которых он не выявил в 1937 — 1939 годах.

А в конце концов, думал Сталин, все эти власовы ничего изменить не могут. Самые страшные месяцы 1941 года страна выстояла. В истории трудно найти пример более катастрофического начала войны, чем войны Великой Отечественной. Все крупнейшие военные и политические авторитеты считали, что Россия продержится максимум три месяца. Советский народ опроверг эти прогнозы. Правда, потом сам факт невероятного упорства и стойкости стали приписывать лишь "мудрому руководству" Сталина, хотя он как раз более всего виновен в таком катастрофическом начале.

глава 3

Верховный Главнокомандующий

Генерал, одержавший победу, в глазах людей не совершал вовсе ошибок...

Вольтер.

На все вопросы может ответить только время. Еще несколько лет назад все мы о Сталине знали очень мало. Он был похож на мраморное изваяние, освещенное солнцем; та сторона, что была согрета и обласкана его лучами, выдавалась за суть феномена. Другая же, находящаяся в мрачной тени, как бы не существовала вовсе. Но сегодня мы, открывая все новые и новые страницы истории, еще больше убеждаемся, что и "солнечная сторона" — это лишь видимость. Сталин подлинный, настоящий всегда прятался в тени за статуей, выставленной для всенародного обозрения.

Я знаю, это утверждение вызовет у некоторых негодование и даже гнев. Тридцать лет тому назад, видимо, ту же реакцию оно вызвало бы и у меня. Но по мере ознакомления с подлинными документами, материалами, свидетельствами очевидцев я все больше приходил к убеждению, что даже в той области, где до последнего времени сохранялся мираж величия "вождя", никакого гения не было. Меня можно сразу же опровергнуть ссылками на авторитеты, на наших глубокоуважаемых военачальников, написавших свои воспоминания о войне. В целом в мемуарной литературе Сталин изображается с положительной стороны, хотя внимательный читатель и здесь найдет немало осторожных оговорок, намеков, косвенных свидетельств, указывающих на отсутствие гениальности у Верховного Главнокомандующего. Ко всем этим вопросам я еще вернусь, а сейчас выскажу два замечания.

Авторы военных мемуаров, прошедшие фронтовыми дорогами долгие 1418 дней и ночей войны, многого о Сталине тогда просто не могли знать. В той системе отношений, которая существовала при Сталине и в значительной степени возродилась в конце 60-х годов, истина всегда была роскошью, которая дозировалась, урезалась и деформировалась.

Но самое главное, что наследники Сталина, даже те, кто не считали себя таковыми, мыслили и поступали по-сталински. Они контролировали воспоминания. Многое просто не

могло появиться. Любая книга проходила подлинное чистилище; нельзя было писать о репрессиях 1937 — 1939 годов, нельзя было подвергать сомнению "полководческий гений" Сталина, нельзя было обойтись без упоминаний "особого вклада" в достижение победы сначала Хрущева, затем Брежнева, а часто и других их соратников. Любая правда, не вписывающаяся в прокрустово ложе утвержденной схемы, так обрезалась и деформировалась, что становилась непохожей на саму себя. По имеющимся свидетельствам, даже Г.К. Жуков был вынужден сократить часть своей рукописи в результате купюр, сделанных наверху. Как рассказывала вдова Главного маршала авиации А.А. Новикова, Жуков, находясь на отдыхе в санатории "Архангельское" незадолго до своей смерти, поделился с ней своим глубоким огорчением в связи с этим обстоятельством. К великому сожалению, даже несчастью, многие прославленные ветераны, оставив нам неоценимые воспоминания, иногда — не по своей вине — были вынуждены говорить вполголоса или же молчать. Тогда время истины еще не пришло.

Сталин не был "гениальным полководцем", как о том было сообщено миру в сотнях фолиантов, фильмов, поэм, исследований, заявлений. Я совсем не хочу этим сказать, что он был бездарен. На основании документов и свидетельств я постараюсь доказать, что это был кабинетный полководец, не лишенный практического, волевого, злого ума, постигавший тайны военного искусства ценой кровавых экспериментов. Мы часто при оценке Сталина оставляем за "кадром" один из важнейших критериев его "полководческого мастерства" — цену Победы. Сегодня для меня совершенно очевидно, и я пытался это показать в книге, что то положение, в котором страна, армия оказались в июне 1941 года, — прямой результат просчетов, самоуверенности, недальновидности и последствий кровавого террора человека, который станет Верховным Главнокомандующим. Обычно сразу возражают: "Что вы все валите на одного человека, ведь были партия, ЦК, Политбюро, окружение". Да, были. Но при диктаторе, в условиях цезаризма все государственные и общественные институты во многом теряют свое значение. Единодержец своей волей определяет все. Этого нельзя забывать, обращаясь к прошлому.

Только наша страна, наш народ был способен, понеся величайшие жертвы, не утратить воли к борьбе и победе. Мы никогда не должны забывать сокрушительных поражений Западного и Юго-Западного фронтов в начале войны, харьковской и

крымской катастроф, других горестных страниц истории войны. Оттого что сокрушительные катастрофы мы привычно характеризовали всего несколькими словами, такими, например: "В результате неудачных действий советских войск они были вынуждены оставить Киев", — нельзя было навсегда скрыть правду о том, что сотни тысяч сынов Отечества положили свои головы не в последнюю очередь из-за просчетов военно-политического руководства. Но все это замалчивалось в угоду одному человеку. Да, правда часто бывает горькой. Но нашему народу нечего ее бояться, коли он смог в неимоверно сложных условиях, в которые его поставили и "великий вождь", и Гитлер, выстоять и победить.

В этой главе я остановлюсь на полководческих данных Сталина. Портрет этого человека, занявшего во время войны все высшие посты в государстве, будет неполным, если не попытаться ответить на вопрос: был ли полководческий талант у будущего генералиссимуса? Проявил ли себя Сталин как полководец в различные периоды войны? Какова роль в полководческой деятельности Сталина его непосредственного военного окружения? Почему при "гениальности" Верховного наши потери оказались в два-три раза бóльшими, чем у противника?

Наполеон, которого продолжают считать одним из величайших военных гениев в истории, отмечал, что полководец "должен иметь столько же характера, сколько и ума". Но при этом добавлял, что нужно не просто иметь эти компоненты, нужно, чтобы они находились в необходимом "равновесии". Его рассуждения любопытны: дарование полководца он сравнивал с квадратом, в котором основание — воля, высота — ум. Настоящий полководец тот, рассуждал Наполеон, у кого воля не уступает уму. Если воля будет превалировать над умом, полководец будет действовать решительно, смело, но не всегда разумно; и наоборот — при сильном уме можно иметь хорошие планы и намерения, которые, однако, из-за нехватки мужества будет трудно осуществить. Ну а если идеального сочетания ума и воли нет, то что более предпочтительно? Какой полководец выглядит более сильным: "с преобладанием ума или воли"?

Разумеется, я понимаю, что эти рассуждения Наполеона, верные, по-видимому, в принципе, не охватывают всего многообразия качеств, которые необходимы полководцу. Но бесспорно, что важнейшие из них — ум и воля. А если точнее: гибкий, острый, масштабный ум и твердая воля. Я уже не раз

отмечал, что у Сталина дефицита воли не было. Сталин знал это и сам. Хотя, как читатель имел возможность убедиться, в первые две недели войны у него дрогнула и воля, ибо депрессия, шок, психологический кризис человека чаще всего связаны с деформацией, хотя бы и временной, воли. Что касается ума, то он был сильным, но догматичным, как бы "одномерным", переоценивавшим силу директивы, приказа, распоряжения.

Сталин никогда не обладал выдающимися прогностическими способностями. Да это и невозможно при догматическом складе ума. Но самое главное, Сталин при наличии сильной воли и негибкого ума не мог опереться на профессиональные военные знания. Он не знал военной науки, теории военного искусства. Он доходил до всех премудростей стратегии, оперативного искусства в ходе кровавой эмпирии, множества проб и ошибок. Опыт гражданской войны, в которой он участвовал в качестве члена Военного совета ряда фронтов, уполномоченного Центра, был явно недостаточен для человека, занимающего пост Верховного Главнокомандующего. Реноме Сталина как полководца поддерживалось, хотя об этом обычно мало говорят, коллективным разумом Генерального штаба, незаурядными способностями некоторых крупных военачальников, находившихся рядом с ним во время войны. Это прежде всего — Б.М. Шапошников, Г.К. Жуков, А.М. Василевский, А.И. Антонов. Сталин, который, в сущности, никогда не бывал в воинских частях, в штабах, полевых пунктáх управления, не представлял по-настоящему механизм функционирования военной системы, ему часто не хватало, особенно в первые полтора года войны, чувства оперативного времени, реальных пространственных координат театра военных действий, возможностей войск. Отсюда его распоряжения, заранее обреченные на невыполнение, или поспешные, непродуманные действия. Вот несколько примеров.

6 августа 1941 года Сталин подписал телеграмму командующим Резервным и Западным фронтами о подготовке и проведении операции под Ельней. Телеграмма была подписана ночью, но в ней содержатся требования уже сегодня, шестого, произвести перегруппировку войск, выдвижение ряда частей на новые рубежи. Телеграмма заканчивалась словами: "Получение подтвердить и немедленно представить план операции под Ельней..."[1] Чувство реального здесь явно отсутствует.

Или еще. 28 августа 1941 года Сталин, подписываясь в дан-

ном случае почему-то ие как Верховный Главнокомаидующий, а как нарком обороны, поручил авиации двух фроитов разгромить таиковые группировки. Сталин предписал привлечь ие меиее 450 самолетов. Эта операция должна иачаться с рассветом следующего дня...[2] А как же разведка, определение задач конкретным частям, соедииениям, порядок их выполнения и т.д.? И таких распоряжений Верховного много. Похоже, Сталин полагал, что, подписывая директиву, приказ, ои иемедленно "запускал" Систему, ие представляя, что должно пройти время для получения распоряжения адресатом (через несколько уровней), для отдачи предварительных распоряжений, постановки задач, организации взаимодействия, техиического обеспечения действий и многого другого. Сталин просто ие понимал всей сложиости этого процесса. Будучи дилетаитом в военном деле, Сталин исподволь учился и уже во время Сталинградской битвы, как писал Г.К. Жуков, "хорошо разбирался в больших стратегических вопросах"[3]. "Разбирался" — зиачит понимал, чувствовал, мог оценить, ио ие значит, что был стратегом. Коллективиым стратегом был Геиеральиый штаб. Его роль нельзя переоцеиить. "Истиниая природа войны, — писал Б.М. Шапошников, — постепенно расширяла круг его деятельности (Геиерального штаба. — *Прим. Д.В.*), и перед мировой войной мы уже считаемся с фактом, когда "мозг армии" выявил стремление вылезть из черепиой коробки армии и переместиться в голову всего государствениого оргаиизма"[4]. В отиошении "государственного оргаиизма" судить ие буду, но в отиошеиии Ставки, во главе которой стоял Сталин, эта истиииа бесспорна. Ставка могла фуикциоиировать благодаря напряженной работе "мозга армии" — Генерального штаба.

Сталин и Ставка

Однажды во время гражданской войиы, когда Сталии оказался ненадолго в Москве, Э.М. Склянский, заместитель Троцкого на посту предреввоенсовета Республики, дал будущему Верховному Главнокомандующему книжку М.К. Лемке "250 дней в царской ставке (25 сентября 1915 г. — 2 июля 1916 г.)". Сталин без особого интереса пролистал ее в вагоие, возвращаясь на Южиый фронт. В разоблачительной книжке рассказывалось о военных "мандарииах" с белыми ак-

сельбантами, которые в тишине и секрете составляли планы бездарных операций. Поэтому, когда утром 23 июня 1941 года Тимошенко с Молотовым доложили Сталину проект постановления ЦК ВКП(б) и СНК о создании высшего военного органа управления вооруженными силами, он почему-то вспомнил давно забытую книжку Лемке, где описывалась ставка верховного главнокомандующего старой России в Барановичах, а затем в Могилеве. Все те, кто возглавлял ставку (кроме А.Ф. Керенского), давно ушли в прошлое: великий князь Николай Николаевич, император Николай II, генералы М.В. Алексеев, А.А. Брусилов, Л.Г. Корнилов, Н.Н. Духонин... Сталин вспомнил, как по приказу В.И. Ленина это гнездо контрреволюции было захвачено революционным отрядом Н.В. Крыленко, который стал Верховным Главнокомандующим Республики Советов.

Да, оказывается, в советское время уже был один глава Ставки... А сейчас Тимошенко и Жуков в своем проекте предлагают быть главой Ставки ему. Нет, пусть будет Тимошенко...

Как мы уже знаем, сначала председателем Ставки был назначен Тимошенко, с 10 июля Ставку возглавил Сталин. А с 8 августа он стал и Верховным Главнокомандующим. Барановичи и Могилев давно были заняты немцами, поэтому, с уничтожающим юмором, возможно, подумал Сталин, Ставку лучше не размещать даже под Москвой. Накануне войны Тимошенко с Жуковым ставили перед Сталиным вопрос о создании одного-двух специально оборудованных пунктов управления Вооруженными Силами страны. Сталин отмахнулся от этого предложения. В мае 1941 года (во второй или третий раз) Сталину докладывали проект организации Ставки Главного Командования. Предлагалось провести специальные учения по переводу страны под руководством Ставки на военное положение. Сталин в принципе согласился, что в случае войны необходимо иметь такой орган высшего военного руководства, но конкретных решений принято не было. Никто больше лезть с подобными предложениями к Сталину не стал, тем более все знали, что он обитает только в двух местах: в Кремле и на ближней даче. На дальней, в Семеновском, он до войны почти не бывал, а в сентябре 1941 года распорядился отдать ее для размещения раненых бойцов. Ставка Верховного Главнокомандования поэтому базировалась в кабинете Сталина в Кремле, на его ближней даче, в здании на Кировской либо в здании Генштаба. Именно отсюда Сталин руководил военными действиями.

О работе Ставки лучше всех, по моему мнению, написано в "Воспоминаниях и размышлениях" Г.К. Жукова. Немало интересного содержится в книге А.М. Василевского "Дело всей жизни", заслуживают внимания некоторые свидетельства из мемуаров С.М. Штеменко. Я не намерен описывать работу Ставки, а хочу коснуться лишь отдельных моментов, характеризующих деятельность Верховного Главнокомандующего как Председателя Ставки. Сталин, возглавив Государственный Комитет Обороны, Ставку Верховного Главнокомандования, сконцентрировал в своих руках необъятную власть. Ведь он был еще всемогущим секретарем ЦК партии, Председателем Совнаркома, наркомом обороны... Все мыслимые высшие посты в партии и государстве занимал один человек. Я уже говорил, что в то жестокое время эта концентрация была во многом оправданна, объективно необходима. Но постепенно все полнее вырисовывались и негативные стороны такой беспримерной централизации власти. Ни одно решение ЦК партии, Совнаркома, Президиума Верховного Совета СССР не могло быть принято без личного одобрения Сталиным. Не думаю, что активизация работы государственных и общественных организаций могла бы помешать решению общей задачи. Наоборот, если вспомнить опыт работы Совета Рабочей и Крестьянской Обороны в годы гражданской войны, то мы увидим, что он не подменял партийные и государственные органы, а опирался на них.

Повторюсь: не всякий участник совещаний, заседаний, которые ежедневно, иногда по нескольку раз в сутки, в разное время проходили у Сталина, мог бы точно определить, какой орган собирался. Это могло быть заседание Политбюро с приглашением военных или заседание ГКО с участием не только членов Комитета, или совещание Ставки, на котором присутствовали некоторые члены Политбюро. Ясность подчас вносил сам Сталин, бросавший по ходу обсуждения:

— Оформить как решение ГКО.

— Подготовить директиву Ставки.

Иногда Маленков оформлял итоги обсуждений и как постановления Политбюро. Фактически каждое слово Сталина было окончательным и решающим, независимо от того, как оформлялось решение. Похоже, сам Сталин мало придавал значения формальной принадлежности тех или иных лиц к тому или иному руководящему органу. Для него это не имело принципиального значения. Но создавало трудности исполнителям, которые должны были "на лету" определять, по какому

ведомству числить соответствующее указание Верховного, Председателя ГКО, Предсовнаркома, секретаря ЦК партии, наркома обороны... Обычно не велось никаких протоколов и стенограмм. Например, архивы Ставки содержат тысячи разных документов: донесений, справок, директив, приказов, распоряжений, но материалов, свидетельствующих об обсуждении Ставкой каких-то стратегических вопросов, практически нет. Сталин, особенно когда он вошел в силу и оправился от потрясений первых месяцев войны, приглашал двух-трех членов Ставки и решал с ними оперативные вопросы. С самого начала руководящие работники Генштаба — главного рабочего органа Ставки — были приучены к тому, что они шли к Сталину с готовыми предложениями, выводами, оценками. Это облегчало Верховному роль высшего арбитра, судьи, жреца.

Члены Ставки знали, что в ГКО каждый отвечает за какой-то участок: боеприпасы, продовольствие, самолеты, транспорт, внешние дела и т.д. В Ставке такого распределения обязанностей не было. Она осуществляла повседневное руководство фронтами с помощью Генерального штаба, Главного штаба ВМФ, управлений Наркомата обороны. Вместо советников в Ставке "явочным путем" начал функционировать институт представителей Ставки в войсках. Нужно сказать, что Сталин почти не держал в Москве представителей Ставки. Насколько он сам не любил ездить куда-либо (кроме как отдыхать на юг до войны), настолько не терпел, когда представители Ставки находились в Москве. Поэтому Жуков, Тимошенко, Ворошилов, Василевский, Воронов, на первых порах и Мехлис, хотя и занимали какие-то основные должности, очень часто выезжали в войска. Верховный требовал от них ежедневного доклада, письменного или по телефону. Если по каким-либо причинам доклад представителя Ставки задерживался или переносился, можно было ждать разноса. При этом Сталин делал это в грубой, бестактной форме. Так он отчитал однажды за нерегулярные сообщения Маленкова, которого посылал на Сталинградский фронт. Вот один пример такой реакции Сталина в адрес Василевского, к которому он весьма хорошо относился, если вообще слова "хорошо относиться" применимы к Сталину. Василевский излагает эту телеграмму Сталина в своей книге, но в значительно сокращенном виде. Приведу ее полностью из архива Ставки:

"Маршалу Василевскому

Сейчас уже 3 часа 30 минут 17 августа, а Вы еще не изволи-

ли прислать в Ставку донесение об итогах операции за 16 августа и о Вашей оценке обстановки.

Я давно уже обязал Вас, как уполномоченного Ставки, обязательно присылать в Ставку к исходу каждого дня операции специальные донесения. Вы почти каждый раз забывали об этой своей обязанности и не присылали в Ставку донесений.

16 августа является первым днем важной операции на Юго-Западном фронте, где Вы состоите уполномоченным Ставки. И вот Вы опять изволили забыть о своем долге перед Ставкой и не присылаете в Ставку донесений.

Вы не можете ссылаться на недостаток времени, так как маршал Жуков работает на фронте не меньше Вас и все же ежедневно присылает в Ставку донесения. Разница между Вами и Жуковым состоит в том, что он дисциплинирован и не лишен чувства долга перед Ставкой. Тогда как Вы мало дисциплинированны и забываете часто о своем долге перед Ставкой.

Последний раз предупреждаю Вас, что в случае, если Вы хоть раз позволите себе забыть о своем долге перед Ставкой, Вы будете отстранены от должности начальника Генерального штаба и будете отозваны с фронта.

17.8.43 г. 3.30.

И. Сталин"[5].

Это был обычный стиль Верховного. Нельзя назвать ни одного маршала, крупного военачальника, работавшего в Генеральном штабе, выезжавшего в войска как представитель Ставки или командовавшего фронтом, кто не испытал горьких минут после разноса Сталина, часто незаслуженного. В данном случае Сталину просто не успели передать очередной доклад Василевского. Последовала незамедлительная реакция.

Если после поездки представителя Ставки на тот или иной участок фронта положение там не менялось к лучшему, следовали выводы. Так, в феврале 1942 года Сталин послал Ворошилова на Волховский фронт. К этому времени за маршалом, бывшим фаворитом "вождя", прочно закрепилась репутация бездарного полководца. Ворошилов не смог сделать чего-либо существенного и на этот раз, а когда Сталин по прямому проводу предложил маршалу стать командующим фронтом, тот, растерявшись, стал отказываться. Это переполнило чашу терпения Верховного. Через месяц с небольшим, после возвращения Ворошилова с фронта, Сталин продиктовал документ, который был оформлен как решение Политбюро. Небезынтересно привести его хотя бы в несколько сокращенном виде:

"Членам и кандидатам ЦК ВКП(б) и членам комиссии партийного контроля. Сообщается следующее постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о работе товарища Ворошилова, принятое 1 апреля 1942 года.

Первое. Война с Финляндией в 1939 — 1940 годах вскрыла большое неблагополучие и отсталость в руководстве НКО. В Красной Армии отсутствовали минометы и автоматы, не было правильного учета самолетов и танков, не оказалось нужной зимней одежды для войск, войска не имели продовольственных концентратов. Вскрылась запущенность в работе таких важных управлений НКО, как Главное артиллерийское управление, Управление боевой подготовки, Управление ВВС, низкий уровень организации дела в военных учебных заведениях и другое. Все это отразилось на затяжке войны и привело к излишним жертвам. Товарищ Ворошилов, будучи в то время Народным комиссаром обороны, вынужден был признать на Пленуме ЦК ВКП(б) в конце марта 1940 года обнаружившуюся несостоятельность своего руководства НКО... ЦК ВКП(б) счел необходимым освободить товарища Ворошилова от поста наркома обороны.

Второе. В начале войны с Германией товарищ Ворошилов был назначен Главнокомандующим Северо-Западным направлением, имеющим своей главной задачей защиту Ленинграда. Как выяснилось потом, товарищ Ворошилов не справился с порученным делом и не сумел организовать оборону Ленинграда. В своей работе в Ленинграде товарищ Ворошилов допустил серьезные ошибки: издал приказ о выборности батальонных командиров в частях народного ополчения — этот приказ был отменен по указанию Ставки как ведущий к дезорганизации и ослаблению дисциплины в Красной Армии; организовал Военный совет обороны Ленинграда, но сам не вошел в его состав — этот приказ также был отменен Ставкой как неправильный и вредный, так как рабочие Ленинграда могли понять, что товарищ Ворошилов не вошел в совет обороны потому, что не верил в оборону Ленинграда; увлекся созданием рабочих батальонов со слабым вооружением (ружьями, пиками, кинжалами и т.д.), но упустил организацию артиллерийской обороны Ленинграда... Ввиду всего этого Государственный Комитет Обороны отозвал товарища Ворошилова из Ленинграда...

Третье. Ввиду просьбы товарища Ворошилова он был командирован в феврале месяце на Волховский фронт в качестве представителя Ставки для помощи командованию фронта и

пробыл там около месяца. Однако пребывание товарища Ворошилова на Волховском фронте не дало желаемых результатов. Желая еще раз дать возможность товарищу Ворошилову использовать свой опыт на фронтовой работе, ЦК ВКП(б) предложил товарищу Ворошилову взять на себя непосредственное командование Волховским фронтом. Но товарищ Ворошилов отнесся к этому предложению отрицательно и не захотел взять на себя ответственность за Волховский фронт, несмотря на то, что этот фронт имеет сейчас решающее значение для обороны Ленинграда, сославшись на то, что Волховский фронт является трудным фронтом и он не хочет проваливаться на этом деле.

Ввиду всего изложенного ЦК ВКП(б) постановляет:

Первое. Признать, что товарищ Ворошилов не оправдал себя на порученной ему работе на фронте.

Второе. Направить товарища Ворошилова на тыловую военную работу.

Секретарь ЦК ВКП(б)
И. Сталин"[6].

Постановление — явное творчество Сталина: насмешливо-саркастическое. Верховный Главнокомандующий, без конца повторяя "товарищ Ворошилов", фактически показал полную несостоятельность бывшего "первого маршала". Но Ворошилову повезло: его не разжаловали, как маршала Кулика. Ворошилов еще всплывет после смерти Сталина и станет главой Советского государства в 1953 году...

Вообще для Сталина как Верховного Главнокомандующего был присущ ярко выраженный силовой, репрессивный, жесткий стиль работы. Впрочем, в отношении Ворошилова решение было, по-видимому, справедливым.

Других ожидали более серьезные наказания. После неуспеха на фронте, неудачного доклада могло последовать не только незамедлительное отстранение от должности, но и арест с самыми печальными последствиями. Вот два-три примера.

22 февраля 1943 года по приказу Ставки начала наступление 16-я армия Западного фронта, нанося удар из района юго-западнее Сухиничей с севера на Брянск. Но оборона противника была прочной, и наступление захлебнулось. При очередном докладе Генштаба 27 февраля Сталин убедился, что армия фактически топчется на месте. Ни с кем не советуясь и ничего не уточняя, Сталин продиктовал приказ Ставки № 0045, в котором говорилось:

"Освободить от должности командующего войсками За-

падного фронта генерал-полковника Конева И.С. как несправившегося с задачами по руководству фронтом, направив его в распоряжение Ставки..."[7] Бывало и хуже. Конев, как мы знаем, имел возможность в дальнейшем проявить себя с самой лучшей стороны. Многим такой шанс больше не представлялся.

"Командующему Кавфронтом т. Козлову

...Немедленно арестовать исполняющего обязанности командующего 44-й армией генерал-майора Дашичева и направить его в Москву. Сейчас же принять меры к тому, чтобы немедленно привести войска 44-й армии в полный порядок, остановить дальнейшее наступление противника и удержать город Феодосия за собой..."[8]

В кадровых вопросах Сталин не колебался. Я уже отмечал, что его стилем была бесконечная перестановка командующих, часто мало понятная окружающим. Он почему-то считал, что эти "рокировки" позволяют усиливать руководство войсками. Сталину, естественно, никто не перечил. Тот же Конев, недавно смещенный и вновь назначенный, опять чем-то не устроил Верховного:

"Освободить генерал-полковника Конева И.С. от должности командующего войсками Северо-Западного фронта в связи с назначением на другую работу...

23 июня 1943 г.

И. Сталин"[9].

А всего Коневу предстоит за войну командовать последовательно шестью фронтами... Иной раз складывается впечатление, что театр военных действий был для Сталина шахматной доской, где ему нравилось очень часто переставлять фигуры и пешки. Например, А.И. Еременко, к которому Сталин одно время явно благоволил, хотя и ругал часто, за время войны командовал Западным, Брянским, 1-м и 2-м Прибалтийскими, 4-м Украинским, Калининским, Сталинградским (первого формирования), Юго-Восточным, Сталинградским (второго формирования), Южным (второго формирования) фронтами... Десять фронтов сменил будущий маршал, нигде подолгу не задерживаясь. Но Сталину нравилась уверенность Еременко. Верховный помнил, как в тяжелые августовские дни 41-го он вызвал его по "Бодо".

"**Сталин.** У аппарата Сталин. Здравствуйте. Не следует ли расформировать Центральный фронт, 3-ю армию соединить с 21-й и передать в ваше распоряжение соединенную 21-ю армию? Я спрашиваю об этом потому, что Москву не удовлет-

воряет работа Ефремова... Если вы обещаете разбить подлеца Гудериана, то мы можем послать еще несколько полков авиации и несколько батарей РС. Ваш ответ?

Еременко. Здравствуйте. Отвечаю. Мое мнение о расформировании Центрального фронта таково: в связи с тем, что я хочу разбить Гудериана и безусловно разобью, то направление с юга нужно крепко обеспечивать... Поэтому прошу 21-ю армию, соединенную с 3-й, подчинить мне... А насчет этого подлеца Гудериана, безусловно, постараемся разбить..."[10]

Хотя Еременко Гудериана "безусловно" не разбил, Сталину импонировала уверенность военачальника.

Сталин, привыкший к ночной работе, завел порядок "под себя" и в Ставке. Начинал работать он не раньше 12 часов дня. Но рассматривал вопросы (с перерывом для отдыха — Сталин обычно немного спал днем) почти до утра — четырех, пяти часов следующих суток. К распорядку Верховного были вынуждены приспосабливаться Генштаб, СНК, ЦК, все другие государственные и военные органы.

Два раза в сутки, если не было каких-то экстраординарных событий, Верховному докладывали обстановку на фронтах. Начальник Генштаба или один из его заместителей, стоя возле карты, разложенной на столе (Сталин почему-то не любил, когда ее предлагали повесить на стене), где была нанесена обстановка, указана ее динамика за истекшие часы, докладывал положение дел на фронтах. Доклады бывали краткими. В это время Сталин не спеша расхаживал по кабинету, задавая изредка вопросы самого различного характера.

— Где Генштаб отмечает появление свежих немецких дивизий?

— Дали дополнительные "дугласы" Хозину для подвоза продовольствия, как я распорядился в прошлый раз?

— Мной были даны указания, чтобы разбили лед в Завидово в районе мостовых переправ огнем артиллерии. Проверили или нет?

— Я приказал Коневу нанести на своем фронте удар еще вчера (тогда тот командовал Калининским фронтом. — *Прим. Д.В.*) с целью отвлечь войска с других участков фронта. Как исполнено? Не знаете?

Докладывающий оказывался в сложном положении. Его задачей было доложить оперативно-стратегическую обстановку на фронтах. К счастью, он знал, где отмечено прибытие новых немецких соединений, о том, что выделить смогли пока лишь 18 "дугласов", а о Завидово, мелкой тактической задаче, — ни-

чего не слышал. Что касается приказа Коневу, да, 27 ноября 1941 года Сталин лично Коневу отдал распоряжение нанести удар по немецким войскам после падения Рогачева. Но выполнить приказ через несколько часов, фактически без всякой подготовки?! Докладывающий знал, что удар еще не нанесен, готовится, но вынужден сказать:

— Разрешите уточнить, товарищ Сталин?

— Не знаете, значит... А что вы знаете?

В таких случаях Сталин быстро менялся на глазах, бледнел и, как вспоминал Жуков, "взгляд становился тяжелым, жестким. Не много знал я смельчаков, которые могли выдержать сталинский гнев и отпарировать удар"[11]. Зрачки приобретали желтоватый оттенок, и никто не мог знать, чем закончится доклад. Сталин полагал, что докладывающие ему должны быть готовы отвечать на любые вопросы. Для себя он считал естественным не знать той или иной проблемы, но не допускал этого для подчиненных.

Отсутствие у Сталина военных знаний очень быстро почувствовали работники Генштаба и пытались "самортизировать" своими распоряжениями многие полуграмотные приказы Верховного. Окружавшие его военачальники считали нормальным явлением некомпетентность политического деятеля в военных делах, но в силу причин, о которых я говорил выше, не могли говорить об этом в полный голос. Однако, как свидетельствует советский военный историк Н.Г. Павленко, неоднократно встречавшийся с Г.К. Жуковым после отстранения его от активной работы, прославленный маршал говорил о Сталине: "Как был, так и остался штафиркой" (т.е. штатским).

Сталин согласился с предложенным Шапошниковым, Жуковым и Василевским порядком планирования стратегических операций. Вначале он просто рассматривал предложения Генштаба и выражал к ним свое отношение. В последующем по рекомендации Шапошникова, который уже ушел из Генштаба и стал начальником Высшей военной академии имени К.Е. Ворошилова, но которого часто приглашали к Сталину на совещания, после доклада Генштаба о замысле той или иной операции эти предложения всесторонне прорабатывались с начальником тыла, командующими родами войск, начальниками главных управлений Наркомата обороны, Главными политуправлениями Красной Армии и ВМФ. После получения всех расчетов, соображений по обеспечению операции Шапошников рекомендовал заслушивать мнение командующих фронтами, участвующих в операции (устно или письменно — по обстановке), и

лишь после этого приступать к окончательной проработке операции, определению способов ее реализации. Верховный был поначалу обескуражен необходимостью такой большой и громоздкой, как он выразился, "долгой и рутинной работы". Шапошников, чья роль учителя Жукова, Василевского, Антонова и самого Сталина, по моему мнению, еще не оценена в должной мере, терпеливо объяснял, что это минимально необходимый объем работы. Конечно, добавлял он, некоторые операции, может быть, придется готовить несколько дней, а другие — несколько месяцев. Природным практическим умом Сталин понимал, что Шапошников прав, но в то же время видел свою если не беспомощность, то полную неподготовленность. Однако скоро Сталин выработал удобную линию поведения при планировании операций, которая позволяла сохранять высокое реноме главного полководца и фактически не рисковать своим авторитетом. Внимательный анализ архивов Ставки свидетельствует, что Сталин обычно излагал свои идеи в двух аспектах. В самом **общем виде,** как, например, он сделал это на совещании в Ставке в январе 1942 года: "Надо не давать врагу передышки и гнать врага на запад..."[12] Идея носила характер общего пожелания, отражала настроения широких масс советских людей, но не содержала конкретного стратегического замысла. Она не учитывала наши возможности "гнать без передышки", способность врага противодействовать этому намерению, не выдвигала форм и способов реализации идеи. Это намерение политического, государственного деятеля, но не полководца.

Другой аспект связан с корректировкой, уточнением конкретного плана, замысла и сроков. Но поскольку эти замечания Сталина были **резюмирующими,** заключающими, подводящими итоги, они производили особое впечатление. Хотя весь план — его содержание, последовательность осуществления, вопросы взаимодействия, материально-технического обеспечения, глубина задач — был всесторонне проработан Генштабом, заключительные "мазки" на картине принадлежали Сталину, который после этого считался как бы творцом всей идеи.

Что касается конкретного указания Сталина "не давать врагу передышки и гнать на запад", высказанного на совещании в Ставке в январе 1942 года, то его результатом явилось "Директивное письмо Ставки Верховного Главнокомандования". Этот документ не был проработан должным образом ни в военном, ни в экономическом, ни в техническом отношениях. В нем изложен ряд соображений о необходимости действий ударными группами (что немцы практиковали с самого на-

чала войны), о проведении артиллерийского наступления. Военным советам разъяснялось, что нужно перейти от практики "так называемой артиллерийской подготовки" к практике артиллерийского наступления. Артиллерия "должна наступать вместе с пехотой...". Забегая вперед, скажу, что указание об "артнаступлении" привело к разночтению и путанице в войсках. Некоторые командиры были смущены выражением "так называемая артподготовка". Что, она вообще отменяется? Но как можно наступать без нее? Что значит "артнаступление"? С фронтов посыпались вопросы... Но Сталину передокладывать уже никто не решился, а в рабочем порядке разъясняли и в конце 1942 года отразили в новом Боевом уставе пехоты (БУП-42): артподготовка остается, артиллерийская поддержка атаки остается, как и артиллерийское обеспечение боя пехоты и танков в глубине. Другими словами, сохраняются все три периода действий артиллерии, которые были известны еще до войны. Но Сталин "дошел" до них только в начале 1942 года и выразил в идее артиллерийского наступления.

И вот, когда это "Директивное письмо..." было отработано, обсуждено, обговорено в присутствии Василевского, Молотова, Маленкова, еще нескольких лиц, Сталин, взяв текст документа в руки, вдруг заявил:

— Но главного в письме так и нет...

Все незаметно, но недоуменно переглянулись, ожидая откровения. И оно последовало:

— Предлагаю в письме отразить еще одну, пожалуй, самую главную идею.

Все приготовились записывать. Сталин долго молчал, подогревая повышенное внимание к своему откровению и собираясь с мыслями, прошелся по кабинету и произнес фразу, которая без редактирования была включена в "Директивное письмо...":

"Наша задача состоит в том, чтобы не дать немцам передышки, гнать их на запад без остановки, заставить их израсходовать свои резервы еще до весны, когда у нас будут новые большие резервы, а у немцев не будет больше резервов, и обеспечить таким образом полный разгром гитлеровских войск в 1942 году"[13].

Естественно, на всех присутствующих добавление Сталина произвело большое впечатление. Члены ГКО и Ставки как бы почувствовали, что Сталин видит то, что не видят другие; что его способности провидца на порядок выше заурядности остальных... Все стали дружно одобрять идею, соглашаясь в душе

с ее смыслом и не задумываясь, насколько она выполнима. Но Сталин, как и множество раз до и после этого, показал свои слабые прогностические способности. Прогноз и задача, сформулированные Сталиным, были абсолютно нереальными. Это стало ясно уже скоро, когда в апреле 1942 года наше зимнее наступление заглохло, а после летнего наступления немецких войск, дошедших до Волги, вообще выглядело ошибкой и утопией. Но уже никто после не вспоминал о промахе Верховного. Это была сложившаяся до войны практика: с именем Сталина ассоциировать только успехи, достижения. А неуспехи, поражения, просчеты — результат неисполнения воли "вождя". Именно — неисполнение его воли. Этот стереотип мышления стал господствующим в сознании людей того времени.

Некоторые коррективы, поправки к планам Ставки, вносимые Сталиным, часто не играли решающей роли. Но порой они оказывали трагическое влияние на ход операций. Особенно Сталин любил переносить сроки, обязательно сокращая время на подготовку операции, маневра, сосредоточения. Иногда хоть на день, но передвинет начало операции.

4 сентября 1941 года Жуков докладывал Сталину, что по его указанию он организует 8 сентября удар в поддержку Еременко. Но Сталин верен себе:

— Седьмого будет лучше, чем восьмого... Все[14].

Он был очень настойчив, до упрямства. Обычно ему не возражали. Боялись. Даже Жуков, умеющий отстаивать свои взгляды, часто был вынужден соглашаться со Сталиным, едва ли разделяя его замыслы. Во время того же разговора Сталина с Жуковым 4 сентября Верховный сказал:

"**Сталин.** Я думаю, что операцию, которую Вы думаете проделать в районе Смоленска, следует осуществить лишь после ликвидации Рославля. А еще лучше было бы подождать пока со Смоленском, ликвидировать вместе с Еременко Рославль, а потом сесть на хвост Гудериану... Главное — разбить Гудериана, а Смоленск от нас не уйдет. Все.

Жуков. ...Если прикажете бить на рославльском направлении, это дело я могу организовать. Но больше было бы пользы, если бы я вначале ликвидировал Ельню..."[15]

По приказу Сталина Ставка имела прямую связь не только с каждым фронтом, но и с каждой армией. Эпизодически Верховный приглашал для переговоров по прямому проводу представителей главкоматов, командующих фронтами и армиями. Трудно уловить какую-то закономерность в том, с кем он вел переговоры. Но все же чаще всего Сталин требовал связать его

с фронтом или армией, когда усматривал неисполнение директив Ставки или чувствовал, что его разговор "взбодрит" людей; он давал понять командующим, что Верховный следит, Верховный обеспокоен, Верховный требует... Оперативная ценность указаний Сталина порой весьма сомнительна. Может быть, во втором или заключительном, третьем периоде войны Сталин и был в состоянии высказать серьезные рекомендации, советы оперативного характера. Часто, видимо, чувствуя свою слабину в этом вопросе, на переговоры он брал с собой опытных работников Генштаба, которым, как правило, поручал оперативную сторону переговоров, оставляя за собой "общие указания", критику и разносы, иногда — моральную поддержку. В то же время Верховный любил "блеснуть" знанием ситуации и иногда самостоятельно давал отдельные указания оперативного характера, которые затем закреплялись специальными директивами. Хотя совершенно очевидно, что советы, указания Жукова, Василевского безусловно были более профессиональны и полезны. Так, например, 13 июня 1942 года Тимошенко, докладывая Сталину обстановку на Южном и Юго-Западном фронтах, указал, в частности, на отсутствие бомбардировщиков для дневных действий, что препятствовало активному разрушению переправ противника. Сталин, зная ситуацию по справкам, имеющимся в Ставке, возразил: "Наши штурмовики Ил-2 считаются лучшими дневными бомбардировщиками для ближнего боя. Они могут дать больше эффекта, чем "юнкерсы", для воздействия на танки, на живую силу противника и на переправы тоже. Наши штурмовики берут 400 кг бомб. По моим данным, у Вас штурмовики имеются. Может быть, они плохо у Вас используются?" Тимошенко уже больше не возражал, раз Сталин знает лучше, есть ли у него дневные бомбардировщики. Дело в том, что Сталин, идя в переговорную комнату, просмотрел справку о наличных силах Юго-Западиого и Южного фронтов, но не обратил внимания, что данные в справке были на 1 июня, а за две недели боев многое изменилось. Тимошенко же, повторяю, больше не возражал и лишь отрапортовал: "Все понятно, займемся изучением и решением на основе Ваших указаний. Доложим".

Едва ли Тимошенко решился бы перечить Сталину; он не забыл о судьбе другого маршала — Кулика, который попытался по-своему истолковать указания Сталина и быстро стал генерал-майором, лишился звания Героя Советского Союза...

За годы войны Ставка издала и направила в войска несколько тысяч директив, приказов, указаний. Конечно, во все эти ди-

рективные документы Сталин был не в состоянии вникнуть, но наиболее важные он просматривал, корректировал, иногда возвращал на доработку, дописывал собственной рукой фразы, абзацы.

Иногда Сталин сам диктовал от имени Ставки телеграммы командующим и штабам. В них всегда было больше менторского, поучающего (иногда с угрозами) и меньше конкретных указаний, имеющих оперативную ценность. В конце мая 1942 года, например, раздраженный просьбами Тимошенко об усилении фронта, Сталин продиктовал:

"Тимошенко, Хрущеву, Баграмяну

За последние 4 дня Ставка получает от вас все новые и новые заявки по вооружению, по подаче новых дивизий и танковых соединений из резерва Ставки.

Имейте в виду, что у Ставки нет готовых к бою новых дивизий, что эти дивизии сырые, необученные и бросать их теперь на фронт — значит доставлять врагу легкую победу.

Имейте в виду, что наши ресурсы по вооружению ограниченны и учтите, что кроме вашего фронта есть еще у нас и другие фронты.

Не пора ли вам научиться воевать малой кровью, как это делают немцы? Воевать надо не числом, а умением... Учтите все это, если вы хотите когда-либо научиться побеждать врага, а не доставлять ему легкую победу. В противном случае вооружение, получаемое вами от Ставки, будет переходить в руки врага, как это происходит теперь.

21.50. 27.5.42 г.

Сталин"[16].

"Имейте в виду" — типичный рефрен Сталина, любившего всех поучать. А рассуждения о том, чтобы "научиться воевать малой кровью", в его устах выглядят просто кощунственно. В сталинских телеграммах нередко было иное, красноречивое выражение: "не считаясь с жертвами".

Чтобы почувствовать диапазон, характер забот Ставки и объем работы Верховного Главнокомандующего, позволю себе перечислить, например, лишь некоторые директивы 1942 года, как они именуются в архивных документах:

— Директива Ставки ВГК № 170 136 от 8.3.42 г. о назначении генерал-лейтенанта Власова заместителем командующего ВолхФ, а генерал-майора Воробьева — заместителем командующего 52 А.

— Директива Ставки ВГК № 170 228 от 9.4.42 г. главкомам Западного и Юго-Западного направлений, всем командующим

фронтами и армиями о порядке вывода на отдых частей дивизий.

— Директива Ставки ВГК № 170 300 от 22.4.42 г. командующему ЛенФ и главкому ЗН о назначении и перемещении командования 4-й, 54-й и 8-й армий.

— Директива Ставки ВГК № 170 366 от 8.5.42 г. командующему ЮФ на постройку войсковой оборонительной линии по всему фронту.

— Директива Ставки ВГК № 170 542 от 31.7.42 г. командующему и члену Военного совета СталФ о создании заградительных отрядов.

— Директива Ставки ВГК № 170 562 от 9.8.42 г. командующим ЮВФ и Сталинградским фронтом о подчинении Сталинградского фронта командующему Юго-Восточным фронтом и защите гор. Сталинграда.

— Директива Ставки ВГК № 170 566 от 13.8.42 г. о назначеиии генерал-лейтенанта Гордова заместителем генерал-полковника Еременко по Сталинградскому фронту и Хрущева — членом Военного совета при генерал-полковнике Еременко.

— Директива Ставки ВГК № 170 569 от 15.8.42 г. командующему ЮВФ и Сталинградским фронтом Еременко на вывод из окружения 181-й, 147-й и 229-й стрелковых дивизий 62-й армии.

— Директива Ставки ВГК от 17.8.42 г. командующему, члену Военного совета и заместителю командующего Западным фронтом, командующим 61-й и 16-й армиями на вывод из окружения 387-й, 350-й и части 346-й сд 61 А.

— Директива Ставки ВГК № 170 580 от 23.8.42 г. Берия, Тюленеву, Чарквиани, Бодину об утверждении мероприятий ЗакФ по усилению обороны перевалов.

— Директива Ставки ВГК № 934 169 от 23.8.42 г. командующему СибВО о сформировании Сталинского добровольческого стрелкового корпуса сибиряков.

— Директива Ставки ВГК № 170 583 от 24.8.42 г. Берия с согласием на организацию дополнительно трех лагерей НКВД для проверки отходящих частей.

— Директива Ставки ВГК № 170 589 от 26.8.42 г. о назначении генерала армии Жукова заместителем Верховного Главнокомандующего РККА и ВМФ.

— Директива Ставки ВГК № 170 599 от 3.9.42 г. генералу армии Жукову о немедленном принятии мер по оказанию помощи Сталинграду.

— Директива Ставки ВГК от 4.9.42 г. Жукову, Маленкову, Василевскому на форсирование удара с задачей не допустить падение Сталинграда.

— Директива Ставки ВГК № 170 603 от 8.9.42 г. командующему и члену Военного совета СталФ об утверждении решения об отстранении Лопатина от должности командующего 62 А.

— Директива Ставки ВГК № 994 201 от 11.9.42 г. Щаденко, Хрулеву, Яковлеву о выведении с фронтов для доукомплектования девяти мотострелковых бригад танковых корпусов.

— Директива Ставки ВГК № 170 609 от 12.9.42 г. Жукову, Маленкову о регулярном представлении в Ставку боевых донесений два раза в день.

— Директива Ставки ВГК № 170 610 от 12.9.42 г. Говорову, Жданову, Кузнецову о временном прекращении операции по форсированию р. Нева войсками Ленинградского фронта.

— Директива Ставки ВГК № 994 205 от 25.9.42 г. о сформировании 8-го эстонского стрелкового корпуса.

— Директива Ставки ВГК № 934 235 от 9.10.42 г. командующим всеми фронтами и 7 ОА о введении в действующих армиях ординарцев для командного состава.

— Директива Ставки ВГК № 170 662 от 14.10.42 г. наркому Берия об установлении прифронтовой полосы на глубину 25 км, отселении из нее гражданского населения.

Думаю, что утомил читателя. Но нельзя представить деятельность Сталина, не зная, что в течение 14 — 16 часов он находился у себя в кабинете и ему приходилось рассматривать ежедневно множество самых различных оперативных, кадровых, технических, разведывательных, военно-экономических, дипломатических, политических вопросов. Тысячи документов, на которых стоит подпись Сталина, приводили в движение огромные массы людей. Он привык манипулировать судьбами людей, часто не задумываясь над последствиями своих решений. А если принимал эти решения задумываясь, они еще больше подчеркивали его бездушный характер. Конкретных людей Сталин видел только рядом и только по фронтовой и трофейной кинохронике мог представлять массы отступающих бойцов, людей, гибнущих на переправах, плач женщин и детей на пепелищах, горы незахороненных трупов, безумные глаза матери возле мертвого ребенка... Сталин был бесчувственным к бесчисленным трагедиям войны. Стремясь нанести максимальный урон противнику, никогда особенно не задумывался, а какую цену заплатят за это советские люди? Тысячи, миллионы жизней для него давно стали сухой, казенной статистикой... Про-

чтите два страшных приказа Ставки, лично Сталиным выношенные и продиктованные. Один из них № 0428 от 17 ноября 1941 года.

"Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40 — 60 км в глубину от переднего края и на 20 — 30 км вправо и влево от дорог. Для уничтожения населенных пунктов в указанном радиусе действия бросить немедленно авиацию, широко использовать артиллерийский и минометный огонь, команды разведчиков, лыжников и партизанские диверсионные группы, снабженные бутылками с зажигательной смесью...

2. В каждом полку создать команды охотников по 20 — 30 человек для взрыва и сжигания населенных пунктов. Выдающихся смельчаков за отважные действия по уничтожению населенных пунктов представлять к правительственной награде..."[17]

Факельщики работали. Зарево пожаров еще контрастнее оттеняло черноту зимнего неба. Пылали потемневшие крестьянские избенки. Матери в ужасе прижимали к себе плачущих детей. Стоял стон над многострадальными деревнями Отечества. Немцы жгли села, чтобы наказать партизан. А теперь жгли и свои... Списки для награждения... "Команды охотников"... Ведь горели деревни и дома там, где немцев не было... Где были оккупанты, поджечь было непросто. Трагедия в свете багровых факелов...

Война беспощадна. Возможно, что такие действия могли создавать большие неудобства оккупантам. Но для скольких советских людей их крыша была последним хрупким прибежищем, где они надеялись пережить лихолетье, дождаться своих, спасти детей! Кто скажет, чего было больше в этом приказе: военной целесообразности или безумной жестокости? Это решение — в духе Сталина. Он никогда не жалел людей. Никогда! Сотни, тысячи, миллионы смертей сограждан давно стали для него привычными. Сейчас уже бесполезно задним числом оспаривать решение Сталина о сжигании населенных пунктов в прифронтовой полосе, но приказ этот — жуткий. Об одном эпизоде, связанном с реализацией этого страшного приказа, рассказал мне генерал армии Н.Г. Лященко. В конце 1941 года, вспоминал Николай Григорьевич, командовал я полком. Стояли в обороне. Перед нами виднелись два села, как сейчас помню: Банновское и Пришиб. Из дивизии пришел приказ: сжечь села в пределах досягаемости. Когда я в землянке уточнял детали, как

выполнить приказ, неожиданно, нарушив всякую субординацию, вмешался пожилой боец-связист:

— Товарищ майор! Это мое село... Там жена, дети, сестра с детьми... Как же это — жечь?! Погибнут ведь все!

— Ты чего не в свое дело лезешь? Разберемся.

Отправив сержанта, мы с комбатами стали думать, что делать. Помню, приказ я назвал "дурацким", за что едва не поплатился. Ведь приказ-то был сталинский. Но спасли от особистов командующий армией Р.Я. Малиновский и член Военного совета И.И. Ларин. А села эти мы на другое утро с разрешения командира дивизии Заморцева взяли... Обошлось без пожарища, заключил Николай Григорьевич, как бы вернувшийся на несколько минут в то далекое и жестокое время.

Или вот еще один документ, продиктованный Сталиным:

"Командующему Калининским фронтом

11 января 42 г. 1 ч. 50 мин. № 170 007

...В течение 11 и ни в коем случае не позднее 12 января овладеть г. Ржев... Ставка рекомендует для этой цели использовать имеющиеся в этом районе артиллерийские, минометные, авиационные силы и громить вовсю город Ржев, не останавливаясь перед серьезными разрушениями города.

Получение подтвердить, исполнение донести.

И. Сталин"[18].

Жаль, что Сталин не проявлял такую же решительность, когда накануне войны разведка, военные, друзья страны сообщали: гитлеровская машина изготовилась для страшного броска. А теперь нужно было "громить вовсю город Ржев"... Читая бесчисленные документы Ставки, пронизанные одной идеей — остановить, разгромить врага, изгнать его из Отечества, — пронзительно чувствуешь, что таких масштабов бедствия можно было не допустить. А теперь, демонстрируя свою волю, беспощадность, решимость, полководческую непреклонность, Сталин, не колеблясь, готов сам спалить, разрушить, уничтожить все созданное руками его соотечественников. Да, часто это диктовалось жестокой необходимостью: мосты, железнодорожные станции, заводы при отступлении нужно было уничтожать. Но едва ли крестьянский домишко в русском селе мог стать прибежищем для оккупанта.

Думаю, что документы Ставки и ГКО нужно издать специальными сборниками. В них — отражение невиданного подвижничества советских людей, горечь катастроф, неугасших надежд, тысячи, миллионы человеческих драм и несокрушимая вера народа в Победу. Даже когда наши войска оказались на

Волге и до Берлина было ой как далеко, к Сталину шли письма простых советских людей с выражением поддержки, с патриотическим желанием отдать фронту все до последнего, с мольбами совсем мальчишек послать их на фронт. Подписи Сталина на тысячах документов Ставки — не свидетельство его мессианской роли. Мессией был сам народ. А роспись синим карандашом на документах — лишь свидетельство, что ее владелец всю войну должен, обязан был свои волю и ум посвятить страшной борьбе с силами зла, с которыми он опрометчиво пытался установить отношения "дружбы" накануне войны. Его ум и воля едва ли составляли наполеоновский "квадрат". Он всегда более рельефно проявлял свою волю: беспощадную, жестокую, злую. Догматический ум имеет изъяны. Часто, очень часто, особенно в первый период войны, полководческий жезл "вождя" указывал далеко не лучшие решения. Наверняка можно утверждать, что не Сталин, а прежде всего его военное окружение сделало в конце концов Ставку коллективным органом стратегического руководства.

"Главы" войны

Жернова войны перемалывали человеческие судьбы. Четыре долгих года она требовала все новых и новых жертв. Сталин, взошедший вскоре после начала войны на самые высшие командные посты, не стал от этого видеть дальше и оценивать глубже. Арена войны вначале представлялась ему так: две армии, которые сошлись "стенка на стенку" на гигантском пространстве от Баренцева до Черного моря. Он плохо умел выделять главные звенья ситуации, не мог понять, например, почему Западный фронт под руководством Павлова быстро развалился. Лишь позже, после войны, когда ему доложили некоторые трофейные документы, он увидел, сколь огромна была концентрация немецких войск на направлении главного удара. И в то же время — сколь равномерно растянутым было оперативное построение советских войск.

Стратегическое "зрение" к Сталину приходило постепенно. Например, первый урок войны, который он усвоил, был преподан ему еще в июле 1941 года. Когда немцы, захватив Минск, рвались к Смоленску и Москве, в какой-то момент Сталин почувствовал, что у Ставки "под рукой" нет достаточных страте-

гических резервов. За "спиной" у фронта оказались пустоты. Последовательное привлечение подходивших из глубины страны отдельных соединений с целью закрыть бреши в изгибающейся, часто рвущейся фронтовой "диафрагме" давало противнику возможность бить их по частям. С тех страшных июльских дней Сталин усвоил: для надежности и прочности обороны (а затем и ударной силы наступления) постоянно нужны резервы, резервы, резервы, без которых даже двухэшелонное построение не гарантирует упругости и непробиваемости фронта.

Долгое время, практически 41-й и 42-й годы, Сталин пытался только отвечать на вызовы, угрозы, удары, исходившие от противника. Лишь после Москвы и Сталинграда к нему пришла уверенность в возможности навязывать свою волю противнику, диктовать ему свои условия. Уже к концу 1941 года Верховный Главнокомандующий понял, что как книга состоит из отдельных глав, связанных единым сюжетом, так и война вмещает в себя множество конкретных операций. Поскребышев после войны вспоминал, что незадолго до Победы, закончив рассмотрение с начальником Генштаба А.И. Антоновым текущих дел, касавшихся заключительных операций — Берлинской и Пражской, Сталин неожиданно спросил генерала армии:

— Видимо, это будут последние наши наступательные операции на Западе... Вот думаю сейчас: а сколько же было их всего за эту войну?

— Затрудняюсь сразу сказать, — ответил Алексей Иннокентьевич Антонов, — но думаю, что крупных стратегических операций, включая оборонительные, мы провели более сорока...

Антонов был близок к истине: за 1941 — 1945 годы вооруженные силы фронтов под руководством Ставки провели около пятидесяти стратегических (оборонительных и наступательных) операций. Если первые десять — пятнадцать "глав" войны Верховный, штабы, сражающиеся войска "писали" под диктовку врага, то остальные тридцать пять — сорок они создавали в том месте и в то время, где и когда считали нужным. Главные герои великой книги о войне — советские люди, солдаты, командиры, политработники. Ну а сама летопись этого гигантского труда создавалась штабами фронтов, армий, Генштабом, самой Ставкой. В начале войны было 5 фронтов, но затем стратегическая обстановка заставила Ставку разукрупнить их (в июле 1943 г., например, было уже 12 фронтов); завершилась же беспримерная эпопея на 8 фронтах. После Сталинграда Сталин не скрывал уверенности в том, что он постиг

"тайны" стратегии, оперативного искусства, тактики. Если в отношении стратегии он действительно заметно продвинулся вперед, то в оперативном искусстве и тактике он до конца войны так и остался дилетантом. В одной из своих телеграмм Александрову и Федорову Сталин укоряет командование Воронежского фронта в неумении воевать.

"Считаю позором для командования фронта, что оно допустило по своей халатности и нераспорядительности окружение наших четырех стрелковых полков вражескими войсками. Пора бы на третьем году войны научиться правильному вождению войск"[19].

"Пора бы научиться" — так может говорить тот, кто, безусловно, уже давно научился. У Сталина не вызывало сомнения, что он овладел искусством вооруженной борьбы так же, как и политической. А указывал он не мифическим "Александрову" и "Федорову", а вполне конкретным лицам. Сталин, как мы знаем, очень любил секреты. Он внес свой вклад и в стратегическую маскировку и дезинформацию противника. Под фамилией Александров с 15 мая 1943 года действовал А.М. Василевский, а Федоровым был Ф.И. Толбухин. Представлю читателям оперативные псевдонимы некоторых полководцев. Срок их действия был оговорен заранее и держался, естественно, в строгой тайне.

Баграмян И.Х. — условная фамилия Христофоров
Буденный С.М. — Семенов
Булганин Н.А. — Николин
Василевский А.М. — Александров, Михайлов
Ватутин Н.Ф. — Федоров, Николаев
Воронов Н.Н. — Николаев
Ворошилов К.Е. — Ефремов, Климов
Жуков Г.К. — Константинов, Юрьев
Конев И.С. — Степанов, Степин
Рокоссовский К.К. — Костин, Донцов
Сталин И.В. — Васильев, Иванов...

Нередко, читая "зашифрованные" таким образом подписи, не видишь в этом особого смысла. Но Сталин настаивал на таком кодировании. Правда, и без подлинных подписей можно понять, кто направлял подобные депеши. Сам текст документа раскрывал "тайну". Вот, например, одна из многих подобных:

"Товарищу Константинову (Г.К. Жукову)

Передаются Вам соображения Михайлова (А.М. Василевского). Сообщите Ваши мнения. Из телеграммы Михайлова не видна роль 57-й армии в общем наступлении для ликвидации

окруженного противника. После разговора с Михайловым выяснилось, что 57-я армия будет действовать из района Ракитино, Кравцов и Цыбенко в общем направлении на совхоз Горная Поляна и Балка Песчаная...

Васильев (Сталин)"[20].

Если бы противнику удалось перехватить и расшифровать телеграмму, то едва ли его ввели бы в заблуждение типично русские фамилии...

Так уж сложилось, что Ставка "замкнула" на себе не только определение общих и частных задач того или иного фронта, но и в значительной мере — планирование операций. Созданные Главные командования войск направлений — Северо-Западное, Западное и Юго-Западное — сразу же были поставлены в бесправное положение. Ставка и после создания главкоматов продолжала через их голову руководить фронтами, отдавать распоряжения, требовать реализации тех или иных указаний Верховного. Часто складывалось впечатление, что Сталину главкоматы нужны не для облегчения управления войсками, а для роли дежурных "козлов отпущения", постоянных объектов для ядовитой критики. Главкоматы, по существу, не могли распоряжаться находящимися в их полосе резервами, авиационными соединениями, принять даже частное решение без согласования со Ставкой. При переговорах с командующими фронтами Сталин не только не учитывал планов и распоряжений главкоматов, но нередко походя отметал их. Разговаривая, например, по прямому проводу с командующим Крымским фронтом генералом Д.Т. Козловым, Сталин распорядился:

"Всю 47-ю армию необходимо немедля начать отводить за Турецкий вал, организовав арьергард и прикрыв авиацией... Все приказы главкома, противоречащие только что переданным приказаниям, можете считать не подлежащими исполнению..."[21]

Главкомы и их немногочисленный аппарат чаще использовались для реализации не собственных замыслов и планов, а директив Ставки. Сталин до конца так и не определил своей принципиальной линии по отношению к главкоматам. Через несколько месяцев после их создания они были расформированы. Правда, через некоторое время два главкомата были вновь восстановлены, но просуществовали только до лета 1942 года. Сталин увидел в этом оперативном звене руководства фронтами лишь промежуточное звено. При той жесткой централизации, которую он всегда отстаивал, эти региональные органы стратегического руководства и не могли проявить себя.

Менее четверти всех операций, как я уже говорил, были

оборонительными. Как Сталин, Ставка их готовили и вели? Скажу сразу, что большинство стратегических оборонительных операций 1941 года (в Прибалтике в июне — июле, в Белоруссии в эти же месяцы, в Западной Украине летом, в Заполярье и Карелии осенью, Киевская в июле — августе, Смоленская в июле — сентябре и некоторые другие) заранее не планировались. К их проведению нас вынудил противник, он диктовал условия, и действия советских войск часто носили спонтанный характер.

В предвоенные годы вопросы организации и ведения длительной стратегической обороны в масштабе страны должным образом не отрабатывались ни на учениях и маневрах, ни в теории. Пожалуй, тот, кто предложил бы до войны рассмотреть возможность организации обороны по Днепру, под Москвой, Ленинградом, немедленно был бы обвинен в пораженчестве, измене, предательстве. Но даже абстрактное, в принципе, изучение вопросов организации стратегической обороны в крупных пространственных и временны́х масштабах не проводилось. Вот здесь своей политикой и ошибочными действиями Сталин в немалой степени "обеспечил" внезапность... противнику.

Ставка и командование фронтами, отдавая директивы и приказы на ведение стратегической обороны, преследовали главную цель: остановить и обескровить противника, создать благоприятные условия для контрнаступления. Это позже, с "подачи" самого Сталина, пропагандисты и некоторые историки стали усматривать в катастрофическом отступлении сокровенный замысел "измотать врага" активной обороной. К преднамеренной, плановой стратегической обороне советские войска прибегли, пожалуй, лишь раз — летом 1943 года. Сталин не любил оборону, нервничал, не проявлял глубокого понимания ее сути. Он старался решать оборонительные задачи не только оперативными средствами, но и чисто административно-карательными методами, вроде уже упоминавшихся приказов № 270 от 16 августа 1941 года и № 227 от 28 июля 1942 года, рядом дополнительных распоряжений об активизации действий заградотрядов, частей НКВД в тылу фронтов на наиболее опасных направлениях.

Верховный не обладал опытом организации стратегической обороны. Но им не обладала тогда и бо́льшая часть военачальников. Нужно учесть, что большинство кадрового состава Красной Армии погибли, оказались в плену или были ранены в 1941 году. И хотя летне-осенняя кампания 1942 года могла сложиться более благоприятно (моральный "допинг" войскам дала битва под Москвой, противник наступал уже не на всем про-

тяжении фронта, а лишь на юго-западном направлении и в значительной мере растерял первоначальную "новизну" своих ударов), Сталин как Верховный Главнокомандующий был не в состоянии глубоко понять особенности оборонительных сражений. Ему было ясно, что размах оборонительных операций летом 1942 года не может уже быть таким, как в 1941-м. Тогда глубина отхода наших войск составила от 850 до 1200 километров.

Сталин полагал, что даже более или менее существенное отступление уже маловероятно. В своем приказе по случаю 23 февраля 1942 года народный комиссар обороны утверждал: "Ликвидировано то неравенство в условиях войны, которое было создано внезапностью немецко-фашистского нападения... Стоило исчезнуть в арсенале немцев моменту внезапности, чтобы немецко-фашистская армия оказалась перед катастрофой"[22]. Но Сталин не учел, что концентрация войск противника на более узких участках фронта, сосредоточение их там, где не ждал Верховный Главнокомандующий, вновь поставит Красную Армию в критическое положение, хотя и менее опасное, чем в году предыдущем. Но и сейчас, прорвав фронт в нескольких местах, противник смог продвинуться на 500 — 650 километров (почти в два раза меньше, чем в 1941 г.). В следующем году пространственные успехи немцев составят всего два-три десятка километров... Но наступательный порыв немецких войск летом 1942 года нам не удалось заблаговременно погасить и сдержать, ибо Сталин переоценил собственные силы и все время настаивал на том, чтобы проводить одновременно хотя бы частные наступательные операции. И только благодаря крупным стратегическим перемещениям войск удалось остановить врага у Волги. Во второй половине 1942 года Ставке пришлось направить на юго-западное направление свыше 100 стрелковых и танковых соединений, около 15 танковых корпусов. Вот к чему привел тот факт, что вновь точно и вовремя не были определены возможные направления основных усилий противника.

Сталин просчитался в 1941 году, решив, что главный удар немецкая армия нанесет на юго-западе. Понадобились крупные перегруппировки войск, и к началу нашего зимнего наступления на западном направлении находилось более половины всех советских дивизий. Сталин, как и Ставка в целом, считал, что западное направление останется главным и в 1942 году, хотя допускал возможность мощного удара и на юго-западном. Однако в летней кампании 1942 года противник нанес свой главный

удар на юго-западном направлении. Можно утверждать, что Ставке не удалось в первый период войны верно определить направления главных ударов противника летом 1941 и 1942 годов. И оба раза к окончательным выводам, ошибочным, как оказалось позже, помог прийти Сталин.

После обсуждения в Ставке планов на 1942 год Сталин настоял на том, чтобы направить, как я уже говорил, "Директивное письмо..." Военным советам фронтов и армий, ориентирующее их на наступательные действия. В письме указывалось, что "противник перешел на оборону и строит оборонительные укрепленные линии с целью задержать продвижение Красной Армии" [23]. В результате же пришлось вести оборонительные сражения, к которым в полной мере не готовились. Ведь Сталин поставил задачу "обеспечить полный разгром гитлеровских войск в 1942 году". Это понятно, повторю еще раз, с точки зрения общего желания советских людей, но было попросту нереально.

Бросается в глаза, что, ведя свои переговоры с главкомами, командующими фронтами во время оборонительных операций, Сталин чувствовал себя менее уверенно, нежели тогда, когда войска наступали. Он часто поручал вести переговоры Шапошникову или Василевскому, а затем и Антонову, вмешиваясь в конце, чаще всего по одним и тем же "сюжетам": даст или не даст Ставка войска из резерва; обычно рекомендовал активнее использовать авиацию и еще указывал пальцем на какого-нибудь командарма, комкора, которые "портят обедню". Правда, Сталин любил еще напоминать и о бдительности... Есть десятки его указаний по этому вопросу. Ничего не скажешь: характер сказывался. Приведу несколько фрагментов из его указаний обороняющимся войскам.

В конце разговора 22 июня 1942 года Сталин указывал Тимошенко: "Эвакуация прифронтовой полосы нужна также для того, чтобы в этой полосе не осталось ни одного агента, ни одного подозрительного лица, чтобы войсковой тыл был чист на 100%..."[24]

Ведя переговоры 22 июля того же года с командующим Южным фронтом Р.Я. Малиновским, Сталин высказал недовольство разведданными: "Ваши разведывательные данные малонадежны. Перехват сообщения полковника Антонеску у нас имеется. Мы мало придаем цены телеграммам Антонеску. Ваши авиаразведывательные сведения тоже не имеют большой цены. Наши летчики не знают боевых порядков наземных войск, каждый фургон кажется им танком, причем они не способны определить, чьи именно войска двигаются в том или

ином направлении. Летчики-разведчики не раз подводили нас и давали неверные сведения. Поэтому донесения летчиков-разведчиков мы принимаем критически и с большими оговорками. Единственно надежной разведкой является войсковая разведка, но у вас нет именно войсковой разведки или она слаба у вас..."[25] Впрочем, когда в одном из своих докладов Г.К. Жуков сообщил: на нашу сторону перешел немецкий солдат, который показал войсковой разведке, что ночью 23-ю пехотную дивизию немцев сменила 267-я пехотная дивизия и что он видел части СС, Сталин предостерег: "Вы в военнопленных не очень верьте..."[26] Он предпочитал не верить почти всем: пленным, докладам разведчиков, радиоперехватам, оценкам командующих...

Верховный Главнокомандующий в 1941 — 1942 годах, испытывая внутреннюю неуверенность, которую он умело скрывал, все активнее принимал самые радикальные решения. Одно из них, например, было связано с необходимостью инженерного оборудования позиций. На московском и ленинградском направлениях было оборудовано по 3 — 5 оборонительных рубежей, велись огромные инженерные работы. Сталин пошел на беспрецедентное решение — создать 10 саперных армий, которые, видимо, сыграли свою роль. В 1942 году они постепенно были расформированы. Из этого факта видно, что Сталин в первые полтора-два годы войны искал разные пути упрочения обороны фронтов.

Иногда Сталиным овладевала какая-либо маниакальная, часто сомнительная идея, и он добивался ее реализации. Я уже упоминал, что Сталин поверил в большие возможности легких кавалерийских дивизий, которые, как уверял Буденный, смогут парализовать тылы немецких войск. Шапошников и Василевский осторожно выразили скептицизм по этому поводу, но Сталин стоял на своем:

— Вы недооцениваете возможностей быстрых подвижных кавалерийских соединений. Думаю, что они могут своими рейдами дезорганизовать управление, связь, снабжение, тылы немцев... Как вы не понимаете этого!

— Но для их прикрытия от вражеской авиации потребуются дополнительные силы. Без авиационного прикрытия они беззащитны. К тому же кавдивизии громоздки, — как бы про себя размышлял Шапошников.

Но сопротивление было слабым. Легкие кавалерийские дивизии трехтысячного состава стали быстро создаваться. К 1 января 1942 года их насчитывалось уже 94. Была сделана

попытка широко использовать кавалерию в рейдах по тылам фашистских войск. Несколько из них оказались более или менее удачными. Но после того, как немецкое командование применило против кавалерии авиацию, кавдивизии, не имевшие надежных средств ПВО и не обладавшие достаточной ударной мощью, понесли большие потери. К концу 1942 года началось сокращение численности кавалерийских дивизий, хотя к исходу войны в строю все же осталось 26 соединений. Сталин больше не настаивал на массовом использовании кавалерии, поручив заниматься ею "красному всаднику" с анахроничным мышлением — С.М. Буденному. Приказом Ставки № 057 от 25 января 1943 года Маршал Советского Союза С.М. Буденный был назначен командующим кавалерией Красной Армии. Его заместителем стал генерал-полковник О.И. Городовиков. Правда, в мае 1944 года Сталин еще раз вспомнил о кавалерии:

"Командующим войсками фронтов
Копия: тов. Александрову (А.М. Василевскому)
тов. Буденному

Опыт наступательных операций Красной Армии 1943 — 1944 годов показал, что там, где кавалерийские соединения используются массированно, где они усиливаются механизированными и танковыми соединениями и поддерживаются авиацией, там, где они применяются на открытых флангах противника для удара по его тылам или для преследования... там кавалерийские соединения всегда дают хороший боевой эффект.

Примерами правильного применения кавалерийских соединений могут служить 1-й, 2, 3-й и 4-й Украинские фронты в использовании 1-го и 6-го гвардейских кавалерийских корпусов, 4-го и 5-го гвардейских казачьих корпусов...

Примерами неправильного использования конницы могут служить 1-й Прибалтийский, бывший Западный и 1-й Белорусский фронты, где 3-й, 6, 2-й и 7-й гвардейские кавалерийские корпуса переподчинялись армиям, использовались в узко тактических целях...

Приказываю: кавалерийские корпуса из подчинения командующих армиями изъять и впредь использовать их как средство фронтового командования для развития успеха и удара по тылам противника...

1 мая 1944 года. 24.00

И. Сталин
Антонов"[27].

Уповая на наступательную мощь конницы, Сталин не понимал, сколь незначительна роль кавалерии в современной войне.

Былинные времена, родившие легенды о красных конниках, прошли. В этой войне кавалерия оказалась способной выполнять лишь второстепенные, вспомогательные задачи. Как всегда, Сталин не вспоминал о неудачных идеях, выдвинутых им лично. "Летучие кавдивизии", увы, не парализовали, как того хотел Верховный, немецкие тылы.

Сталин значительно увереннее чувствовал себя в наступательных операциях. Был всегда нетерпелив. При планировании боевых действий на лето 1942 года, вопреки предостережениям Шапошникова, других военачальников, Сталин был склонен к тому, чтобы вести активные действия на всех направлениях, не имея для этого возможностей. Казалось бы, битва под Москвой должна была убедить Верховного в том, сколь важна концентрация усилий на определенном направлении. Но едва наметился первый стратегический успех, как Сталин посчитал, что теперь Красной Армии по плечу вести такие же боевые действия на всех направлениях. Как вспоминал Жуков, Сталин не раз утверждал, что после битвы под Москвой "немцы не выдержат ударов Красной Армии, стоит только умело организовать прорыв их обороны. Отсюда появилась у него идея начать как можно быстрее общее наступление на всех фронтах, от Ладожского озера до Черного моря". Жуков пишет о рассуждениях Верховного:

— Немцы в растерянности от поражения под Москвой, они плохо подготовились к зиме. Сейчас самый подходящий момент для перехода в общее наступление...

Никто из присутствующих, вспоминал маршал, против этого не возразил, и И.В. Сталин развивал свою мысль далее:

— Наша задача состоит в том, — рассуждал он, — чтобы не дать немцам этой передышки, гнать их на запад без остановки, заставить их израсходовать свои резервы еще до весны...

На словах "до весны" он сделал акцент, немного задержался и затем разъяснил:

— Тогда у нас будут новые резервы, а у немцев не будет больше резервов...[28]

Члены Политбюро и Ставки согласились со Сталиным, хотя в ходе осторожного обсуждения Жуков, Шапошников, Василевский высказали сомнения в реальности замысла. Но Сталин несколькими резкими репликами заставил всех принять его точку зрения. Когда Сталин был в чем-либо уверен, его было трудно переубедить. Даже разумные доводы на него не действовали. Было решено нанести удары войсками Северо-Западного, Калининского, Западного фронтов, а также силами

Ленинградского, Волховского, Юго-Западного, Южного, Кавказского фронтов и Черноморского флота. Как мы сегодня знаем, наступательные операции советских войск в летне-осенней кампании 1942 года успеха не имели. Ставка была разочарована, когда Северо-Западный фронт не смог разгромить демянскую группировку противника. Имея заметное превосходство в силах, более двадцати советских дивизий в течение всего мая пытались сломить сопротивление немецких войск, но безуспешно. Сохранилось несколько грозных телеграмм Сталина командованию фронта. Не помогло... Просто тогда еще немцы воевали лучше нас. Небольшой, так называемый "рамушевский коридор" 11-я и 1-я армии так и не смогли перерезать встречными ударами. Войска действовали шаблонно, без выдумки. Дежурные советы Сталина "активнее использовать авиацию", создавать "ударные кулаки" носили весьма общий характер и помочь фронту не могли. В это же время истекала кровью полуокруженная 2-я ударная армия генерал-лейтенанта Власова. Сталин обвинил командующего Ленинградским фронтом Хозина в "безынициативности и безответственности". Чем это грозило — ясно. Как раз тут, в разговоре со Сталиным, Жданов сообщил о сигналах заместителей комфронта Запорожца и Мельникова о "недостойном поведении Хозина". Сталин бросил в трубку:

— Разберись и доложи...

Жданов запросил у Хозина объяснения по поводу обвинений, предъявляемых ему политработниками. 3 июня 1942 года Хозин написал письмо на имя Жданова, в котором указывал: "Запорожец обвинил меня в бытовом разложении. Да, два-три раза у меня были на квартире телеграфистки, смотрели кино... Меня обвиняют в том, что я много расходую водки. Я не говорю, что я непьющий. Выпиваю перед обедом и ужином иногда две, иногда три рюмки... С Запорожцем после всех этих кляуз работать не могу..."[29] Жданов позвонил через два дня. После очередного доклада, в конце, добавил:

— А Хозина лучше освободить... Не идет с ним дело.

Приказом Ставки от 9 июня генерал-лейтенант М.С. Хозин был отстранен от командования Ленинградским фронтом. Правда, вскоре Сталин назначил его командующим армией, а немного позже, присвоив звание генерал-полковника, — командующим Особой группой. Затем Хозин стал командующим 33-й и 20-й армиями, далее — заместителем командующего Западным фронтом. Порой трудно понять смысл бесконечных перебрасываний тех или иных генералов с места на место. Од-

нако за передвижениями Сталин пристально следил. Промахов не прощал. Тот же Хозин 8 декабря 1943 года опять попал в приказ Ставки:

"Генерал-полковника Хозина Михаила Семеновича за бездеятельность и несерьезное отношение к делу снять с должности заместителя командующего Западным фронтом и направить в распоряжение начальника Главного управления кадров НКО.

И. Сталин

Жуков"[30].

Сталин однажды, уже после Сталинграда, когда ветер победы стал все сильнее надувать паруса его славы, заслушав А.И. Антонова, нового начальника Оперативного управления и первого заместителя начальника Генерального штаба, неожиданно "разоткровенничался".

"Откровения" Сталина были вызваны, возможно, накопившимся недоумением, а с другой стороны, Верховный хотел поглубже "пощупать" Антонова. Когда тот спросил разрешения идти, Сталин неожиданно ответил длинным вопросом-размышлением.

— Товарищ Антонов! Вы никогда не задумывались, почему многие наши наступательные операции в сорок втором году оказались незавершенными? Посмотрите, Ржевско-Вяземская операция двух фронтов, операция по деблокаде Ленинграда, зимнее наступление войск Южного и Юго-Западного фронтов. Кстати, ведь Вы были начальником штаба у Малиновского?

— Да, товарищ Сталин...

— В Крыму имели две армии и потерпели поражение, а затем Харьков... Чем Вы объясните эти провалы? Только не говорите мне сейчас: соотношение сил было не то, распылили средства, авиацию и танки плохо использовали...

Антонов, преподававший до войны общую тактику, не растерялся и довольно четко изложил свое видение причин неудач:

— В прошлом году, да еще и сейчас нередко мы действовали шаблонно, без выдумки. Мы не научились прорывать оборону сразу на нескольких участках, слабо использовали танковые соединения для развития успеха...

— Начали Вы правильно, а затем стали детализировать... Главное заключается в том, — взглянул Верховный на Антонова, — что, научившись обороняться, мы плохо могли, да и сейчас не многим лучше, — наступать. Короче говоря, плохо еще умеем воевать...

Сталин опять посмотрел на Антонова, неожиданно улыбнулся, что бывало с ним крайне редко, и негромко сказал:

— Идите...

После Сталинграда у Сталина окрепла уверенность, что разгром фашистских войск не за горами. Слушая в конце декабря 1942 года доклад начальника Главного политуправления А.С. Щербакова о политической работе в армии, Сталин в конце беседы с нажимом сказал: "Надо настраивать бойцов на конкретную задачу: 1943 год должен стать концом фашистских мерзавцев! Дайте указания в политорганы об усилении работы по укреплению морального духа. Будем много и широко наступать. Да, именно наступать! Без наступления одной обороной фашистов не разгромить"[31]. Сталин понимал, что кроме умения наступать, которого не хватало бойцам и командирам, но особенно высшему руководящему составу, нужен высокий моральный дух, способность и готовность людей проявить твердую волю к борьбе и победе. Этой воли, как и умения наступать, часто не хватало. По указанию Щербакова в политуправлениях фронтов, политотделах армий, корпусов, дивизий проходили специальные занятия с политработниками и партийным активом о формах и методах поддержания высокого наступательного порыва. В партийном архиве сохранился доклад Мехлиса, с которым он выступил 9 января 1943 года перед политработниками 2-й ударной и 8-й армий Волховского фронта. Тема доклада — "О политической работе в наступательной операции".

Мехлис, пониженный в должности и звании Сталиным за крымскую катастрофу, тем не менее каждый абзац начинает со славословия Верховного: "Год 1943-й, по указанию товарища Сталина (об этом же говорили и в начале 1942 г. — *Прим. Д.В.*), должен стать годом полного разгрома немецких захватчиков. Мы не можем выиграть войну обороной. Как говорится в недавно вышедшем сталинском "Боевом уставе пехоты", наступление для советских войск — основной вид боя".

Далее Мехлис попытался подвести "теорию" под политическую работу по наращиванию морального потенциала. "На войне плоть находит выражение в животном инстинкте — самосохранении, страхе перед смертью. Дух находит выражение в патриотическом чувстве защитника Родины. Между духом и плотью происходит подсознательная, а иногда и сознательная борьба. Если плоть возьмет верх над духом — перед нами вырастет трус. И наоборот". Ну и, конечно, особое внимание Мехлис уделил необходимости пропагандировать уверенность в мудром сталинском руководстве. "Во главе страны, во главе

армии стоит великий полководец товарищ Сталин, чья гениальность, воля к победе, твердость не имеют себе равных среди современников"[32]. Мехлис, естественно, не стал напоминать о своем "методе" подготовки "наступательного порыва", использованного в Крыму весной 1942 года. Он тогда запретил рыть глубокие окопы, а робко возражавшим командирам безапелляционно заявлял:

— Окопы — это оборонная психология. В ближайшие дни идем в наступление. Товарищ Сталин поставил задачу в кратчайшее время освободить Крым...

Скученно сгрудившись, как в таборе, дивизии, с едва обозначенной "мелкой" обороной, выдвинутыми чуть ли не на передний край штабами армий и тяжелой артиллерией, стали объектом сокрушительного немецкого удара. Козлов и Мехлис, думавшие только о наступлении, привели фронт к тяжелому поражению...

Я не ставлю цель рассматривать конкретные "главы" войны (более подробно коснусь лишь Сталинградской битвы) и роль в них Верховного Главнокомандующего. Хочу лишь сказать, что после Сталинграда заметно повысилось оперативное мастерство не только командиров, штабов и руководимых ими войск, но и заметно эффективнее стала работать Ставка. Сталин смог придать стратегической деятельности высшего военного органа больший динамизм, целеустремленность и обоснованность решений.

Война — суровый учитель. Миллионные жертвы, неудачи, катастрофы, с одной стороны, и невиданное мужество советских людей, с другой — не могли не научить военному искусству военачальников и полководцев, многие из которых поднялись на верхние этажи военной структуры буквально накануне или уже в ходе войны. Но уроки войны кровавы. Не могли они бесследно пройти и для Сталина; он стал действовать более осмотрительно, продуманно, целеустремленно. Его стиль — силовой, жесткий, часто карательный в отношении неудачников — остался. В Сталине с годами кое-что менялось, но диктаторская, цезаристская сущность лишь укреплялась и совершенствовалась. Его тяжелую руку, безапелляционность, категоричность и подозрительность чувствовали многие, кто соприкасался с ним во время войны. Но разглядеть ее, эту сущность, тогда было трудно. Ведь Сталин был для всех Мессией, спасителем, полководцем Победы! Судить о характере его действий в наступательных операциях могут помочь некоторые

выдержки из его директив, распоряжений и приказов во втором и третьем, последнем, периодах войны:

"Южный фронт
товарищам Еременко, Хрущеву
Копия: тов. Малиновскому

Захват Батайска нашими войсками имеет большое историческое значение. Со взятием Батайска мы закупорили армии противника на Северном Кавказе, не дадим выхода в район Ростова, Таганрога, Донбасса 24 немецким и румынским дивизиям. Враг на Северном Кавказе должен быть окружен и уничтожен, так же как он окружен и уничтожается под Сталинградом...

23.01.43. 06.30 мин.

И. Сталин

Утверждено по телефону. Боков"[33].

Но, увы, Сталинград повторить трудно. Желание Сталина не было подкреплено ни мастерством, ни возможностями советских войск. Часть сил 1-й танковой армии вермахта прорвалась через Ростов в Донбасс, а остальная отошла на Таманский полуостров и низовья Кубани...

"Юго-Западный фронт
тов. Федорову (Ф.И. Толбухину)

Вместо предложенного Вами плана операции лучше было бы принять другой план с ограниченными задачами, но более осуществимыми в данный момент. Общая задача фронта на ближайшее время — не допустить отхода противника в сторону Днепропетровска и Запорожья и принять все меры силами всего фронта к тому, чтобы зажать донецкую группу противника в Крыму, закупорить проходы через Перекоп и Сиваш и изолировать таким образом донецкую группу противника от остальных войск на Украине. Операцию начать возможно скорее. Ваше решение прислать в Генеральный штаб для сведения.

11.2.43 г. 04 ч. 05 мин.

Васильев (Сталин)

Передано по телефону товарищем Сталиным. Боков"[34].

Из текста телефонограммы уже чувствуется полная уверенность Сталина в своих действиях. Он с легкостью отклоняет план Толбухина и диктует свой, без предварительной проработки в Генштабе. А решение Толбухина, как явствует из шифровки, должно полностью исходить из приведенного выше распоряжения Сталина, и направить его в Генштаб нужно лишь "для сведения". Если раньше Сталин подобные решения единолично не принимал, больше полагаясь на Генштаб, то теперь

он уже способен на самостоятельные крупные, ответственные решения. Другое дело, насколько они мудры и обоснованны; можно, например, по-разному оценить стремление "зажать" и "закупорить" немецкую группировку в Крыму.

Сталин учился руководству боевыми действиями и теперь стремился к тому, чтобы учились все. По его инициативе в войска было направлено не одно директивное письмо, в соответствии с которым предписывалось активнее овладевать опытом наступательных действий. Вот один из таких документов, адресованных в мае 1944 года командующим фронтами.

"Во всех фронтах организовать разборы проведенных наиболее характерных операций и боев. Разборы проводить с командующими и начальниками штабов армий, корпусов и начальниками родов войск фронта и армий — под руководством командующих фронтов; с командирами дивизий, полков и соответствующих начальников родов войск — под руководством командующих армиями. На разборах, наряду с показом положительных сторон боевых действий своих войск, вскрывать имевшие место недостатки в организаций и ведении операции и боя, в частности недостатки в использовании родов войск, в организации их взаимодействия, в управлении войсками, и давать указания о способах их устранения"[35]. Может быть, подобная учеба вместе с боевой, кровавой практикой помогла советским войскам победно провести последний год войны?

...Сталин, возвращаясь под утро к себе на дачу, полузакрыв глаза, перебирал в памяти множество операций, "пропущенных" через его мозг, нервы, волю. Время быстротечно, но почти с каждой у него связаны какие-то воспоминания, ушедшая в прошлое тревога, теплое чувство от очередной удачи. Действительно, как много операций прошло через его сознание в 1943 году, но особенно в 1944-м и победном 1945-м: Орловская, Белгородско-Харьковская, Смоленская, Донбасская, Черниговско-Полтавская, Новороссийско-Таманская, Нижне-Днепровская, Киевская, Ленинградско-Новгородская, Крымская освободительная, Выборгско-Петрозаводская, Белорусская, Львовско-Сандомирская, Ясско-Кишиневская, Восточно-Карпатская, Белградская, Будапештская, Висло-Одерская, Венская, Восточно-Померанская, Берлинская, Пражская... Нет, даже мысленно Сталин не мог их сейчас вспомнить все. Его сверлила мысль: в рамках пятидесяти оборонительных и наступательных операций (и только ли их?!) находится огромное полотно войны с ее сражениями, боями, поражениями и победами. И все это "прошло" через голову и сердце, сразу сильно состарив не-

молодого уже Верховного. Он думал сейчас о себе, а не о том, что народ, миллионы его соотечественников тоже "пропустили" эту войну не только через ум и сердце, но и через реки своей крови, заплатили за Победу в ней миллионами жизней.

Сталин давно привык оперировать жизнями миллионов людей. Это — масса, а он — вождь. Был убежден: так всегда было в истории. Так будет. Ознакомившись со многими сотнями оперативных документов, продиктованных или подписанных Сталиным за четыре года войны, я не встретил, кажется, ни одного, где бы он поставил задачу беречь людей, не бросать их в неподготовленные атаки, проявлять заботу о сохранении своих сограждан... Нет, наверное, я не прав. Есть такой документ, совсем не в духе Сталина. Приведу его:

"Командующему Западным фронтом тов. Жукову
Члену ВС Зап. фронта тов. Булганину
Зам. ком. Зап. фронтом тов. Романенко
Командующему 61-й армией тов. Белову
Командующему 16-й армией тов. Баграмяну

17 августа 42 года, 22 часа 00 мин.

По донесениям штаба Западного фронта 387, 350 и часть 346 сд 61-й армии продолжают вести бой в обстановке окружения, и, несмотря на неоднократные указания Ставки, помощь им до сего времени не оказывается. Немцы никогда не покидают свои части, окруженные советскими войсками, и всеми возможными силами и средствами стараются во что бы то ни стало пробиться к ним и спасти их. У советского командования должно быть больше товарищеского чувства к своим окруженным частям, чем у немецко-фашистского командования. На деле, однако, оказывается, что советское командование проявляет гораздо меньше заботы о своих окруженных частях, чем немецкое. Это кладет пятно позора на советское командование..."[36]

Но и здесь Сталин взывает к заботе "о своих окруженных частях", пожалуй, больше потому, что "немцы никогда не покидают свои части, окруженные советскими войсками". Мотив не просто странный, но и унизительный. Проявить заботу об окруженных потому, что противник ее проявляет... У многих комфронта, командармов, командиров и политработников разных рангов было сильно чувство боевого товарищества, боль за погибших, горечь напрасных потерь. Но не всегда им удавалось их проявлять. Сталин считал, что война, жестокая по своей сути, оправдывает и самые крупные потери. Неумелые наступательные операции, лобовые прямолинейные атаки немецких позиций были долгими и кровавыми, пока командиры и

войска не научились воевать по правилам военного искусства. А их суть в конечном счете сводится к простой максиме: достигать поставленных целей, победы с минимально возможными жертвами.

Часто в действиях Сталина видели только конечный результат. А он был победным. И это давало благожелательно настроенным зарубежным авторам основание в превосходных степенях оценивать полководческое искусство советского Верховного. В своей интересной книге "Моя Россия" Питер Устинов пишет: "Вероятно, никакой другой человек, кроме Сталина, не смог бы сделать то же самое в войне, с такой степенью беспощадности, гибкости или целеустремленности, какой требовало успешное ведение войны в таких нечеловеческих масштабах"[37] Не могу согласиться с главным: "никакой другой человек..." Если это касается "степени беспощадности" — да, это, возможно, так. Но что касается "гибкости и целеустремленности" — Россия никогда не была бедна на таланты. Они рождались, несмотря на то что их уничтожали.

...Сталин, перебирая в сознании десятки проведенных операций, все же выделил две из них, особо близкие сердцу, — Сталинградскую и Берлинскую. После первой он вновь почувствовал себя не только политическим вождем, но и полководцем. Вторая венчала чудовищную по напряжению и ожесточенности четырехлетнюю битву. Это был триумф, сразу "списавший", как ему казалось, все просчеты, ошибки, оправдавший бесчисленные жертвы.

Было много побед после поражений. Но Сталинград — город, носящий его имя, стал решающим поворотом в ходе не только Отечественной, но и всей второй мировой войны.

Сталинградское озарение

О Сталинградской битве написаны десятки книг. Я совсем не намерен заново рисовать картину этой выдающейся операции второй мировой войны. Она хорошо известна. Передо мной стоит более скромная задача: показать роль Верховного Главнокомандующего в этой переломной схватке.

Я уже говорил, что Сталин все время держал основные силы в центре советско-германского фронта. Обжегшись на неверной оценке в определении направления главного удара про-

тивника перед войной и испытав самые тревожные минуты в своей жизни, когда немецкие войска приблизились к Москве фактически на расстояние полета снаряда дальнобойного орудия, Сталин сосредоточил основные стратегические резервы на западном направлении. Однако, когда во второй половине июня 1942 года противник, сконцентрировав крупные силы, начал наступление на юго-западном и южном направлениях, выяснилось, что резервы нужны именно здесь. К началу июля оборона наших войск на стыке Брянского и Юго-Западного фронтов оказалась прорванной на большую глубину. В результате мощного удара и маневров наступающих группировок немецких войск 21-я и 40-я советские армии оказались в окружении.

Сталин срочно направил на юг Василевского. Но сообщения от него шли крайне неутешительные. В течение следующей недели немецкие войска расширили прорыв до 300 километров. Ударная группировка за несколько дней продвинулась на 150 — 170 километров, охватывая с севера основные силы Юго-Западного фронта. К этому времени последовал новый удар немцев в направлении Кантемировки. Сталин, рассматривая во время очередного доклада карту с грозной обстановкой, отчетливо видел призрак второго (как в 1941 г.) катастрофического окружения Юго-Западного фронта. Но теперь он уже кое-чему научился и, сориентировавшись в конкретных военно-стратегических вопросах, фактически не противился предложению об отводе войск 28-й, 38-й и 9-й армий Юго-Западного фронта, как и 37-й армии Южного фронта. Ставка дала указание срочно готовить Сталинградский оборонительный рубеж.

Сталин имел возможность оценить свою непредусмотрительность. Еще в мае, после харьковской катастрофы, Василевский предлагал усилить стратегические резервы на юго-западном и южном направлениях. Сталин не согласился. Он боялся за Москву. Теперь пришлось срочно перебрасывать огромные массы войск в условиях острого стратегического кризиса. Обстановка усугублялась тем, что отход многих соединений проходил беспорядочно. Немало дивизий и частей по нескольку дней не имели связи с вышестоящими штабами. Знойная пыль сопровождала нестройные группы тысяч отступавших бойцов. В воздухе вновь хозяйничали "юнкерсы" и "мессершмитты". Порой создавалось впечатление хаоса, полной неразберихи и повторения самых худших ситуаций 1941 года. В военных архивах сохранился целый ряд грозных телеграмм Сталина командующим фронтами: привести в порядок отступающие

соединения, стоять насмерть, не отходить без приказа с указанных рубежей. Вот некоторые из них:

"Сталинград

Василевскому, Еременко, Маленкову

Противник прорвал ваш фронт небольшими силами. У вас имеется достаточно возможностей, чтобы уничтожить прорвавшегося противника. Соберите авиацию обоих фронтов и навалитесь на прорвавшегося противника. Мобилизуйте бронепоезда и пустите их по круговой железной дороге Сталинграда. Пользуйтесь дымами, чтобы запутать врага. Деритесь с прорвавшимся противником не только днем, но и ночью. Используйте вовсю артиллерийские и эресовские силы.

Лопатин во второй раз подводит Сталинградский фронт своей неумелостью и нераспорядительностью. Установите над ним надежный контроль и организуйте за спиной армии Лопатина второй эшелон.

Самое главное — не поддаваться панике, не бояться нахального врага и сохранить уверенность в нашем успехе.

И. Сталин

23 августа 1942 г. 16 ч. 35 мин.

Продиктовано тов. Сталиным по телефону. Боков"[38].

Сталин вновь почувствовал себя в Царицыне. Тогда он тоже особые надежды возлагал на бронепоезда, так же призывал "навалиться", "драться не только днем, но и ночью", использовать "вовсю" артиллерию. Ситуация явно выходила из-под контроля Верховного. Десятки его телеграмм — это не стратегические или оперативные указания, решения, а обращение к сознанию, воле и чувствам людей, обращение к долгу с угрозой применения репрессий.

После войны Сталин вспоминал: август 41-го и август 42-го были для него страшно тяжелыми. А ведь раньше он так любил август: Сочи, Ливадия, Мухалатка... Магнолии, цикады, ласковый шепот моря, волшебство южной ночи... Как давно все это было! Все отодвинулось куда-то в эфемерную даль невозвратного... Кто знает, о чем мог еще думать диктатор, привыкший олицетворять собой волю миллионов? Диктаторы в глубине души одиноки, как бы много людей их ни окружало. Они всегда боятся даже приоткрыть створки своей души. Люди сразу увидят их абсолютную моральную уязвимость: груз власти придавил в них все человеческое.

Начальник Генштаба Василевский в эти июльские и августовские дни 1942 года шел к Сталину, как на заклание. Верховный не скрывал своего раздражения: нередко принимал им-

пульсивные решения, иногда по одному и тому же вопросу направлял одну за другой телеграммы аналогичного содержания. Вновь началась чехарда со сменой и перемещениями командующих. Часто требовал соединить себя то с одним штабом, то с другим. Но его приказы и требования однообразны: стоять насмерть! Обычно в разговорах Сталин был не в состоянии дать дельный оперативный совет или принять решение. А войска все отступали... Тогда Сталин после очередного доклада Василевского, нервно походив вдоль стола с картой, вдруг неожиданно заговорил не об оперативных вопросах:

— Приказ Ставки № 270 от 16 августа 1941 года в войсках забыли. Забыли! Особенно в штабах! Подготовьте новый приказ войскам с основной идеей: "Отступление без приказа — преступление, которое будет караться по всей строгости военного времени..."

— К какому времени доложить Вам приказ?

— Сегодня же... Как только документ будет готов — заходите...

Вечером 28 июля 1942 года Сталин, радикально отредактировав предложенный текст, подписал знаменитый приказ Народного Комиссара Обороны Союза ССР № 227. Долгое время после войны он был тщательно спрятан в военных архивах. Теперь приказ доступен и опубликован в различных изданиях. Я не буду воспроизводить его полностью, а лишь приведу те положения, которые отражают непосредственное творчество Верховного, его формулировки и личную редакцию.

"Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется в глубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население... Часть войск Южного фронта, идя за паникерами, оставила Ростов и Новочеркасск без серьезного сопротивления и без приказа Москвы, покрыв свои знамена позором...

Некоторые неумные люди на фронте утешают себя разговорами о том, что мы можем и дальше отступать на восток, так как у нас много территории, много земли, много населения, и что хлеба у нас всегда будет в избытке, этим они хотят оправдать свое позорное поведение на фронтах. Но такие разговоры являются насквозь фальшивыми и лживыми, выгодными лишь нашим врагам.

После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало намного меньше территории.

Стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 миллионов населения, более 800 миллионов пудов хлеба в год и более 10 миллионов тонн металла в год. У нас нет уже теперь преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину...

Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв..."

Сталин несколько раз подчеркнул эти слова.

"Нельзя терпеть дальше командиров, комиссаров, политработников, части и соединения которых самовольно оставляют боевые позиции. Нельзя терпеть дальше, когда командиры, комиссары, политработники допускают, чтобы несколько паникеров определяли положение на поле боя, чтобы они увлекали в отступление других бойцов и открывали фронт врагу. Паникеры и трусы должны истребляться на месте".

Далее Сталин редактирует особенно тщательно:

"а) безусловно ликвидировать отступательные настроения...

б) безусловно снимать с поста и направлять в Ставку для привлечения к военному суду командующих армиями, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций...

в) сформировать в пределах фронта от одного до трех (смотря по обстановке) штрафных батальонов (по 800 человек), куда направлять средних и старших командиров и соответствующих политработников...".

Затем Сталин вновь возвращается к идее, впервые изложенной им в телеграмме всем фронтам 12 сентября 1941 года. Тогда он продиктовал:

"В каждой стрелковой дивизии иметь заградительный отряд из надежных бойцов численностью не более батальона (в расчете по одной роте на стрелковый полк), с задачей приостановки бегства одержимых паникой военнослужащих, не останавливаясь перед применением оружия..."[39] Теперь Сталин эту старую идею изложил в такой редакции:

"Сформировать в пределах армии 3 — 5 хорошо вооруженных заградительных отрядов (до 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов... Сформировать в пределах армии от пяти до десяти (смотря по обстановке) штрафных рот (от 150 до 200 человек в каждой)... Ставить

их на трудные участки армии, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной...

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах, штабах.

Народный Комиссар Обороны

И. Сталин".

Буквально через два дня части 192-й и 184-й дивизий, недавно сформированные, оставили без приказа позиции в районе Майоровский и отошли в Верхне-Голубую. Сталин посчитал, что его приказ № 227 до войск фронта не доведен. На имя командующего Сталинградским фронтом В.Н. Гордова и члена Военного совета фронта Н.С. Хрущева пошла грозная телеграмма:

"Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Немедленно донести Ставке, какие меры в соответствии с приказом НКО за № 227 предприняты Военным советом фронта и Военными советами армий по отношению к виновникам отхода, к паникерам и трусам, как в указанных дивизиях, так и в частях 21-й армии, оставивших без приказа Клетскую.

2. В двухдневный срок сформировать за счет лучшего состава прибывших на фронт дальневосточных дивизий заградительные отряды до 200 человек в каждом, которые поставить в непосредственном тылу и прежде всего за дивизиями 62-й и 64-й армий. Заградительные отряды подчинить Военным советам армий через особые отделы. Во главе заградительных отрядов поставить наиболее опытных в боевом отношении особистов.

Об исполнении донести не позднее утра 3 августа 42 года.

И. Сталин

А. Василевский

Доложено т. Сталину и утверждено по телефону 31.7.42 г.

Василевский"[40].

Как и в 1941 году, в некоторых частях царила паника. До войны психологической закалке личного состава не уделялось должного внимания, тем более что кадрового состава в войсках почти не осталось. А ведь известно, что в условиях повышенной напряженности, когда утрачена уверенность в достижении цели, отрицательная эмоциональная реакция на опасность чревата трудноконтролируемыми действиями. У человека просыпается чувство стадности, теряется способность трезво оценивать обстановку. Сталин пытался решить эту проблему заградотрядами и штрафными ротами и не обращал должного вни-

мания на повышение роли командиров и политработников в этих экстремальных условиях.

Мне неизвестно, читал ли Сталин книгу Наполеона "Мысли", в которой Ленин однажды отчеркнул такую фразу: "В каждом сражении бывает момент, когда самые храбрые солдаты после величайшего напряжения чувствуют желание бежать, эта паника порождается отсутствием доверия к своему мужеству; ничтожного случая, какого-нибудь предлога достаточно, чтобы вернуть им это доверие: высокое искусство состоит в том, чтобы создавать их"[41]. Личное мужество командира, твердое управление, уверенность в себе, решительные команды играют в подобной ситуации огромную роль. Ведь в любой обстановке человек не потерпел поражения до тех пор, пока не признал себя побежденным. Пока не сломлена воля к борьбе, боец способен выполнять свои обязанности. Вернуть доверие к собственному мужеству могли и должны были только командиры и политработники. Но Сталин по-прежнему уповал больше на силовые, карательные меры. В то же время на многочисленных краткосрочных курсах психологической закалке совсем не уделялось внимания. Сталин полагал, и не без основания, что уверенность личному составу могут вернуть лишь новые победы. А их пока не было. Более того, призрак новой катастрофы не исчезал, а, наоборот, приближался.

Еще раз напомню, как на аналогичные ситуации смотрел Л.Д. Троцкий: "Нельзя вести массы людей на смерть, не имея в арсенале командования смертной казни. Надо ставить солдат между возможной смертью впереди и неизбежной смертью позади"[42]. Сталин говорил фактически то же (не ссылаясь, конечно, на Троцкого): впереди смерть почетна, а позади — позорна.

Однако подобными директивами Сталин не ограничился. В окружение попадали, в том числе и в 1942 году, большие массы военнослужащих, некоторые из которых выходили группами или в одиночку. Командиры сразу же направлялись в спецлагеря НКВД. И поскольку в июле — августе 1942 года сложилась критическая обстановка, то Сталин пошел дальше:

"Командующему войсками Московского военного округа
Командующему войсками Приволжского военного округа
Командующему войсками Сталинградского военного округа
Народному комиссару внутренних дел т. Берия

В целях предоставления возможности командно-начальствующему составу, находившемуся длительное время на тер-

ритории, оккупированной противником, и не принимавшему участия в партизанских отрядах, с оружием в руках доказать свою преданность Родине, приказываю:

Сформировать к 25 августа с.г. из контингентов командно-начальствующего состава, содержащихся в спецлагерях НКВД, штурмовые стрелковые батальоны..." Далее шли названия спецлагерей, где находились в заключении вышедшие из окружения командиры и политработники: Люберецкий, Подольский, Рязанский, Калачский, Котлубанский, Сталинградский, Белокалитвинский, Георгиевский, Угольный, Хонларский... Штурмовые подразделения определялись численностью в 929 человек каждый. "Батальоны предназначаются, — говорилось в директиве, — для использования на наиболее активных участках фронта". В этой директиве, подписанной Сталиным 1 августа 1942 года под грифом "особо важная", предусмотрены даже такие "мелочи", как: "повозочных, кузнецов, портных, сапожников, поваров, шоферов — также укомплектовать за счет спецконтингента". А слово "спецконтингент" расшифровывалось: "Бывшие командиры, начиная от роты и выше"[43]. Часто вина этих людей заключалась лишь в том, что в результате неудачно сложившихся боев или бездарного командования вышестоящих штабов они оказались в окружении, из которого пробирались к своим неделю, другую, а то и месяц. Но, как удалось установить по документам, бывшие командиры были безмерно счастливы, когда их использовали "на наиболее активных участках фронта". Большинство там сложат свои головы. Но эта смерть давала надежду освободить себя и семью от бесчестья и кары. К тому же в директиве говорилось: после участия в боях на активных участках фронта "при наличии хороших аттестаций может быть назначен в полевые войска на соответствующие должности командно-начальствующего состава".

Сталинград в памяти Верховного остался тем далеким Царицыном, что сыграл столь важную роль в его судьбе. Похоже, после Царицына Ленин поверил в способность Сталина оперативно решать проблемы, возникавшие в связи с развертыванием вооруженной борьбы на фронтах. После Царицына еще больше поверил в себя и Сталин. Сегодня Сталинград стал для него, как и для всего народа, символом противостояния новому отчаянному натиску врага.

А события тем временем развивались по восходящей. Июль, август, сентябрь, октябрь знаменовали нарастание напряжения, достигшего кульминации в ноябре 1942 года. Но

даже тогда, когда судьба Сталинграда еще висела на волоске, А.М. Василевский поручил группе генштабистов в составе А.А. Грызлова, С.И. Тетешкина, Н.И. Бойкова и других проработать в глубокой тайне вариант охвата с севера и юга далеко вклинившейся ударной группировки врага. Сохранилась карта, на которой нанесены первые контуры будущей знаменитой операции в исполнении Н.И. Бойкова. Но Сталин тогда еще не знал об этом. Год, который он объявил "годом разгрома немецких оккупантов", грозил вылиться в новую крупную катастрофу. Верховный по нескольку дней не покидал кабинета, забываясь тревожным сном в комнате отдыха, предварительно поручая Поскребышеву:

— Разбудишь через два часа...

Когда однажды Поскребышев, пожалев погрузившегося в глубокий сон смертельно уставшего человека, разбудил на полчаса позже указанного срока, Сталин, взглянув на часы, негромко выругал помощника:

— Филантроп тоже нашелся! Пусть мне позвонит Василевский. Быстро! Филантроп лысый...

Круглое лицо Поскребышева, переходящее в обширную лысину, как всегда, внешне ничего не выражало. Помощник издал какой-то негромкий звук, похожий на "слушаюсь", и тут же исчез за дверью.

Позвонил Василевский, который два дня как прилетел из Сталинграда. Сталин, сухо поздоровавшись, сразу же спросил: введены ли в бой 1-я гвардейская, 24-я и 66-я армии, подвезли ли боеприпасы, которых к сентябрю в Сталинграде почти совсем не оказалось... Василевский доложил обстановку, сложившуюся к вечеру 3 сентября: одно из гитлеровских танковых соединений прорвалось в пригороды Сталинграда... Сталин не выдержал и зло перебил Василевского:

— Они что, не понимают там, что если сдадим Сталинград, то юг страны будет отрезан от центра и мы едва ли сможем его защитить? Там понимают или нет, что это катастрофа не только Сталинграда?! Потерять главную водную дорогу, а вскоре и нефть?!

Василевский переждал поток возмущенных излияний Верховного и спокойно, но с внутренним напряжением в голосе продолжал:

— Все, что есть под Сталинградом боеспособного, мы подтягиваем к угрожаемым участкам. Думаю, что шансы отстоять город еще не потеряны.

Через несколько минут Сталин вновь позвонил Василевско-

му. Того не оказалось на месте. У аппарата был генерал-майор Боков. Последовало распоряжение Сталина немедленно найти в Сталинграде Жукова, который незадолго до этого, 26 августа, решением Ставки был назначен заместителем Верховного Главнокомандующего, и передать ему следующее распоряжение. Сталин, помолчав с минуту, продиктовал:

"Особо важно.

Генералу армии тов. Жукову

Положение со Сталинградом ухудшилось. Противник находится в трех верстах от Сталинграда. Сталинград могут взять сегодня или завтра, если северная группа не окажет немедленной помощи. Потребуйте от командующих войсками, стоящих к северу и северо-западу от Сталинграда, немедленно ударить по противнику и прийти на помощь к сталинградцам. Недопустимо никакое промедление. Промедление теперь равносильно преступлению. Всю авиацию бросьте на помощь Сталинграду. В самом Сталинграде авиации осталось очень мало.

Получение и принятые меры сообщить незамедлительно.

И. Сталин

3.9.42 г. 22.30. Передано по телефону товарищем Сталиным. Боков".

Жуков вскоре ответил, что утром 24-я, 1-я гвардейская и 66-я армии начнут наступление. Идет подготовка. Сталин отреагировал коротко:

"Жукову, Маленкову, Василевскому

Ответ получил. Жду от вас дальнейшего форсирования удара, дабы не допустить падения Сталинграда.

И. Сталин

4.9.42 г. 2 часа 25 мин. Передано по телефону тов. Сталиным. Боков"[44].

Сталин через каждые два-три часа требовал сводку из Сталинграда, несколько раз разговаривал с Жуковым, Василевским, которого он вновь направил туда. Переговоры с Маленковым его мало удовлетворяли. Человек, абсолютно беспомощный в военных делах, похоже, был направлен Сталиным как соглядатай, способный лишь напоминать о требованиях Верховного и собирать информацию о работе штабов. В части Маленков выезжал раз или два; все остальное время находился в каком-либо штабе в специальном кабинете, изредка вызывая к себе политработников, руководителей особых отделов. Военачальники держались с Маленковым вежливо, но, понимая его роль на фронте, по своей инициативе в разговор с ним не вступали.

5, 6 и 7 сентября Жуков организовал несколько атак с севера. Но, слабо подкрепленные артиллерией и авиацией, они не дали заметного положительного результата. Сталин настаивал на продолжении атак, требовал полнее использовать авиацию (напомню, это было у Сталина постоянным, "дежурным" требованием), другие средства.

"Генералу армии Жукову

6 сентября получите 2 полка истребителей. Один из Камышина, один с Воронежского фронта... Вы должны иметь в виду, что Ваши права не ограничены насчет переброски сил авиационных и всяких других со Сталинградского, Юго-Восточного фронтов на север, и наоборот. Вы имеете все права маневрировать по части сосредоточения сил. Три тысячи снарядов Н-20 уже направлены к Вам.

И. Сталин.

2 часа 35 мин. 6.9.42 г. Передано по телефону тов. Сталиным. Боков"[45].

Жуков вынужден был доложить вскоре по телефону, что теми силами, которыми располагает Сталинградский фронт, прорвать коридор и соединиться с войсками Юго-Восточного фронта в городе ему не удается. Фронт обороны немецких войск значительно укрепился за счет вновь подошедших частей из-под Сталинграда. Дальнейшие атаки теми же силами и в той же группировке будут бесцельны, и войска неизбежно понесут большие потери. Сталин выслушал и вызвал Жукова и Василевского в Москву.

Именно здесь, посидев вдвоем над картой, посоветовавшись с работниками Генштаба, Жуков и Василевский пришли к выводу, что нужно упорной обороной измотать противника и одновременно исподволь начать подготовку к большому контрнаступлению силами фронтов. Уже тогда оба военачальника решили, что основные удары должны быть нанесены по флангам немецкой группировки, которые прикрывали менее боеспособные румынские войска. Так родился замысел, с которым они пришли к Верховному вечером 13 сентября. Замысел, которому после материализации суждено стать классикой второй мировой войны, одним из самых блестящих примеров в мировой истории военного искусства. Это было озарение. Но оно посетило не Сталина, а быстро растущих военачальников. Вначале Сталин не проявил особого интереса к этой идее, заметив, что сейчас главное — удержать Сталинград, не допустить немцев дальше, в сторону Камышина. Похоже, Сталин или не оценил дерзкого замысла, или счел его в сложившейся обста-

новке малореальным. Все внимание Верховного было приковано к оборонительным боям в Сталинграде. В мышлении Сталина, я уже не раз отмечал, прогностические способности явно отставали от способностей сиюминутного, текущего анализа. Озарение, как проявление оригинальной идеи, основанной на постижении скрытых от внешнего обозрения закономерностях и тенденциях бытия, Сталину было незнакомо. Он чаще шел к какому-то решению путем постепенных шагов, где интуиция не имела особого значения. Однако Сталин, постепенно поняв идею, своей волей, приказами и директивами сделал ее собственной. И внутренне и по форме — "сталинским мудрым решением".

В то время, когда Верховный впервые познакомился со смелым, дерзким замыслом своих военных помощников, без которых он был просто не в состоянии проявить волю, в Сталинграде завязались ожесточенные уличные бои. Немцы ворвались в город, и с этого дня более двух месяцев невиданные по накалу схватки велись днем и ночью. Этой героической эпопее советских воинов посвящена книга В. Некрасова "В окопах Сталинграда" — одна из лучших книг о минувшей войне. Если в начале наступления на юго-западе оккупанты измеряли темпы наступления десятками километров, затем — несколькими километрами, в сентябре — сотнями метров в сутки, то в октябре как большой успех расценивалось продвижение на 40 — 50 метров, а к середине октября и такое движение прекратилось. Вот когда приказ № 227 с его знаменитой фразой "Ни шагу назад!" был выполнен буквально. Хотя оккупанты в районе Сталинграда ввели в бои 22 дивизии и почти столько же соединений своих союзников, военная машина вермахта забуксовала.

У Сталина появилась возможность перевести дух. Но он этого не позволял ни себе, ни другим. Члены ГКО, Ставки, руководители наркоматов, НКВД буквально сутками занимались реализацией все новых и новых распоряжений Верховного. Сталин поверил в осуществимость смелой операции по окружению группировки противника. Впрочем, другого способа открыть путь на юг, который полуотрезали прорвавшиеся к Волге немецкие дивизии, не было. Как в конце 1941 года, когда немцы готовились маршировать по улицам Москвы, так и теперь им уже виделся обреченный Кавказ с его запасами нефти. И вновь наш народ, наша армия с невиданным, по существу нечеловеческим, напряжением сделали почти невозможное. С 1 июля по 1 ноября 1942 года по решению Ставки на ста-

линградское направление было переброшено 72 стрелковые дивизии, 6 танковых и 2 механизированных корпуса, 20 стрелковых и 46 танковых бригад. Сталин торопил, торопил, торопил... Многие части направлялись к Сталинграду недоукомплектованными. Численность большинства соединений не превышала 65%, а наличие артиллерии и танков — 50 — 60%. Решениями Верховного заметно были усилены 8-я и 16-я воздушные армии, и уже в ноябре противник лишился господства в воздухе.

Занимаясь и другими военными делами, Сталин в ноябре почти ежедневно возвращался к предстоящей операции трех фронтов — Сталинградского, Юго-Западного и Донского. В Генштабе ей дали условное наименование "Уран". Верховный жестко потребовал, чтобы о замысле, времени, характере и последовательности операции знало предельно ограниченное число людей. Буквально считанное. Координация действий фронтов была возложена Сталиным на Василевского.

Когда 19 ноября началось контрнаступление, Сталин, пожалуй, впервые был достаточно уверен в успехе. Не потому, что удалось обеспечить в результате сосредоточения заметное превосходство в силах и средствах, но прежде всего потому, что пока ни одна операция не готовилась столь тщательно. Правда, еще за неделю до ее начала у Сталина были сомнения: в авиации, по сути, удалось добиться лишь равенства. А авиации, как я отмечал, Сталин всегда уделял особое внимание. Он, не скрывая, считал себя особо компетентным в авиационных вопросах. Эти сомнения были столь существенны, что Сталин был готов перенести сроки операции:

"Особо важно.

Тов. Константинову (Г.К. Жукову)

Если авиаподготовка операции неудовлетворительна у Иванова (А.И. Еременко) и Федорова (Н.Ф. Ватутина), то операция окончится провалом. Опыт войны с немцами показывает, что операцию против немцев можно выиграть лишь в том случае, если имеем превосходство в воздухе... Если Новиков думает, что наша авиация сейчас не в состоянии выполнить эти задачи, то лучше отложить операцию на некоторое время и накопить побольше авиации. Поговорите с Новиковым и Ворожейкиным, растолкуйте им это дело и сообщите мне Ваше общее мнение.

12.11.42. 4 часа.

Васильев (*Сталин*)

Передано по телефону товарищем Сталиным. Боков"[46].

В проведении операции Сталин полностью полагался на Жукова, давая ему полномочия уточнять состав группировок, многие важные детали, сроки. Верховный в душе чувствовал, что Жуков значительно глубже понимает природу происходящего, скрытые, внутренние пружины войны. Он все больше рассчитывал на Жукова. За четыре дня до начала операции Сталин направил Жукову еще одну шифровку, в которой предоставил ему право окончательно уточнить сроки начала контрнаступления:

"Особо важно.
Только лично.

Товарищу Константинову (Г.К. Жукову)

День переселения Федорова (Н.Ф. Ватутина) и Иванова (А.И. Еременко) можете назначить по Вашему усмотрению, а потом доложите мне об этом по приезде в Москву. Если у Вас возникает мысль о том, чтобы кто-либо из них начал переселение раньше или позже на один или два дня, то уполномочиваю Вас решить и этот вопрос по Вашему усмотрению.

Васильев (*Сталин*)

15.11.42 г. 13 часов 10 мин.

Передано товарищем Сталиным по телефону. Боков"[47]

Жуков воспользовался этим правом: войска Юго-Западного и Донского фронтов перешли в наступление (начали "переселение") 19 ноября, а Сталинградский фронт стал "переселяться" 20 ноября. 23 ноября было завершено окружение сталинградской группировки противника.

Обычно Сталин ложился отдохнуть в 4 — 5 часов утра. В дни сталинградской эпопеи он нарушил этот порядок: ему докладывали чаще обычного, в том числе и в 6 утра. Верховный с красными от бессонницы глазами подходил к окну, вдыхал из форточки свежесть морозного утра, смотрел на темный двор Кремля. Он где-то читал, что звезда надежды видна только утром. Но рассмотреть ее в промозглом ноябрьском рассвете Сталин не мог, хотя чувствовал, верил, что она горит...

Сталин постепенно научился "читать" карту. Он и раньше любил географию и мог подолгу рассматривать политическую карту страны, Европы, Азии. Теперь Верховный имел дело со специальными военными картами, на которых генштабисты быстро наносили новую обстановку. Красные и синие стрелы, зубчатые ленты полос обороны, овалы районов сосредоточения резервов, пунктиры выдвижения танковых колонн, множество поясняющих надписей... Когда 23-го вечером Сталин увидел большое красное кольцо внутреннего обода окружения, кото-

рое составляли 62-я, 64-я и 57-я армии Сталинградского фронта, 21-я армия Юго-Западного фронта и 65-я, 24-я и 66-я армии Донского фронта, то испытал сложное чувство радости и тревоги. Радость: наконец свершилось! И где — под Сталинградом! Разве это не символично! Он еще не знал точно численности окруженных немецких войск (их окажется более 330 тыс. человек), но понимал, что если доведут дело до конца, то это будет началом великого перелома. И тревога: глядя на внешний фронт окружения, Сталин чувствовал, что немецкое командование сделает все, чтобы выручить 22 окруженные дивизии 6-й и 4-й армий вермахта. Он не забыл, как, завершив окружение под Демянском, мы так и не смогли уничтожить гитлеровскую группировку в кольце.

Да и здесь, как выяснилось потом, уничтожить окруженную группировку оказалось сложнее, чем ожидалось. Создание прочного внешнего фронта было делом более простым. К концу декабря противник, начавший деблокировать окруженные немецкие войска в Сталинграде, был отброшен на 200 — 250 километров на запад. Стратегическая инициатива с конца 1942 года оказалась в руках Красной Армии. А с армией Паулюса пришлось серьезно повозиться. Среди документов, которые ежедневно докладывали Сталину, однажды оказался перевод приказа Паулюса, адресованный окруженным войскам:

"Приказ по армии

Довести до сведения вплоть до рот

За последнее время русские неоднократно пытались вступить в переговоры с армией или подчиненными ей частями. Их цель вполне ясна: путем обещаний в ходе переговоров о сдаче надломить нашу волю к сопротивлению. Мы все знаем, что нам грозит, если армия прекратит сопротивление: большинство из нас ждет верная смерть либо от вражеской пули, либо от голода и страданий в позорном сибирском плену. Одно точно: кто сдается в плен, тот никогда больше не увидит своих близких! У нас есть только один выход: бороться до последнего патрона, несмотря на усиливающиеся холод и голод. Поэтому всякие попытки вести переговоры следует отклонять, оставлять без ответа, а парламентеров прогонять огнем.

В остальном мы будем твердо надеяться на избавление, которое находится уже на пути к нам.

Паулюс,
генерал-полковник

24 декабря 1942 г."[48].

Сталин, отложив в сторону приказ Паулюса, возможно, по-

думал: вот на таких генералах, офицерах и солдатах основываются гитлеровские планы. В безнадежном положении, но сражаются. И как... Однажды Жуков, уже после победы под Москвой, рассказывал Верховному о нескольких допросах пленных, которые он сам лично провел осенью 41-го. Тогда они поразили его своей самоуверенностью, убежденностью в правоте Гитлера. Особенно силен нацистский дух был у молодых солдат и офицеров, у летчиков и танкистов. Но при этом нужно отдать должное, говорил Жуков, выучке, организованности и дисциплинированности, упорству немецкого солдата. Огромное значение для них имело то обстоятельство, что у них за плечами были многочисленные победы почти над всей Европой, их слепая уверенность в своем расовом, национальном превосходстве, внушенная геббельсовской пропагандой. Романтизированная история предков, шовинистический дурман, целая система духовного оболванивания с иерархией фюреров, слепая вера в особое арийское предназначение делали человека в мышиной форме фанатичным исполнителем чужой воли. Гитлер любил повторять слова Ницше: пусть вашей доблестью будет послушание! Для хорошего воина "ты должен" звучит приятнее, чем "я хочу". И все, что вам дорого, должно быть сперва вам приказано![49] Сначала так говорил лишь один Гитлер и его бонзы; вскоре эти слова стала повторять почти вся нация, марширующая навстречу войне. Это было фанатичное опьянение ложной идеей. Миллионы листовок, которые советские органы спецпропаганды пытались распространять над оккупированной гитлеровцами территорией, обратили на себя внимание немецких солдат лишь после того, как они испили чашу поражения в Сталинграде. Прозрение на фронте приходит обычно не от побед, а от поражений.

Когда Верховный прочитал переведенный на русский приказ Паулюса, ни немецкий полководец, ни Сталин еще не знали, что менее чем через два года, в октябре 1944-го, Паулюс, ставший в дни катастрофы генерал-фельдмаршалом, подпишет совсем другой документ. Он сохранился в личном фонде Сталина. Приведу из него лишь небольшую часть:

"Немцы!

26 октября 1944 года. Генерал-фельдмаршал фон Паулюс.

Я чувствовал, что мой долг по отношению к родине и возложенная на меня, как на фельдмаршала, особая ответственность обязывает меня сказать своим товарищам и всему нашему народу, что теперь остался только один выход из нашего

кажущегося безвыходным положения — разрыв с Гитлером и окончание войны.

Наглой ложью является утверждение г-на Гиммлера о том, что с немецкими солдатами в русском плену обращаются бесчеловечно, что с помощью кнута и под дулом револьвера их заставляют выступать с пропагандой против своего отечества. В Советском Союзе с военнопленными обращаются гуманно и корректно..."[50] Паулюс еще не знал, что он проведет в Советском Союзе долгих десять лет. Но это будет потом. А пока армия Паулюса сражалась.

Только сейчас, когда завершалась сталинградская эпопея, когда остались считанные недели до пленения Паулюса, его генералов и остатков армии, Сталин впервые со всей глубиной осознал значимость свершенного. Он понимал, что дело не только в уничтожении и пленении сотен тысяч немецких солдат, освобождении огромных территорий, что так бесславно были отданы на поругание оккупантам летом и осенью 1942 года, не в огромном международном резонансе сталинградской победы. После Сталинграда к народу придет наконец та неодолимая уверенность, которая в значительной степени потрясет, поколеблет способность Германии бороться за победу. Для него, Сталина, это был переломный рубеж. После Сталинграда он внутренне изменится, поверит в себя как Верховного Главнокомандующего. Но он быстро забудет, что озарение блестящей идеей контрнаступления, родившейся в момент, когда казалось, что новое катастрофическое поражение неминуемо, пришло не к нему. Не он ее автор! И не только к Жукову и Василевскому. Скромные, незаметные операторы Генштаба своими прикидками, расчетами доведут идею до кристальной ясности: простую, пожалуй, даже элементарную идею окружения глубоко вклинившегося в нашу оборону противника превратят в изящный, до мелочей продуманный план. Правда, в стратегии едва ли есть элементарные вещи. Мне представляется, что замечательной идеей является не сам замысел окружения немецкой группировки силами трех фронтов, нет. Попыток окружения и реальных окружений в минувшей войне будет осуществлено немало. Интеллектуальной вершиной стратегической идеи Сталинградской наступательной операции, по моему мнению, предстает способность прийти к этому решению в **кульминационный момент** тяжелейшей обороны, чреватой новым поражением. Увидеть жар-птицу возможной победы, когда сплошные пожарища над Сталинградом свидетельствовали об отчаянном положении сражающихся

13—2023

частей и соединений. Не знаю, чувствовали ли авторы этой идеи и то, что задуманная операция с ее блестящим финалом поможет всему народу рассмотреть контуры грядущей желанной Победы, еще такой далекой. Это было коллективное озарение.

Я уже отмечал, что Сталин вначале не оценил смелости идеи. Вдохновение пришло не к нему. Но Верховный смог по достоинству оценить план, который со всех точек зрения выглядел шедевром военного искусства. Когда после детальной проработки вопросов на оперативных картах, длинных колонок расчетов материально-технического снабжения, рекогносцировок в районе Серафимовича, Клетской, других мест Жуков и Василевский принесли карту-план контрнаступления, Сталин впервые не стал ее рассматривать. Он уже жил этой идеей и всячески старался верить в нее. В углу карты Верховный поставил размашисто: "Утверждаю. *И. Сталин*". Внизу у обреза карты стояли подписи Жукова и Василевского.

Когда после 1945 года появятся первые апологетические публикации по отдельным операциям Великой Отечественной войны, Сталина неприятно поразит тот факт, что кроме него, "творца гениального стратегического замысла Сталинградской наступательной операции", упомянут и его заместителя Г.К. Жукова, начальника Генерального штаба А.М. Василевского, командующих фронтами Н.Ф. Ватутина, К.К. Рокоссовского, А.И. Еременко, членов Военных советов А.С. Желтова, А.И. Кириченко, Н.С. Хрущева, начальников штабов Г.Д. Стельмаха, М.С. Малинина, И.С. Варенникова и других военачальников. Он уже свыкся с мыслью, что Сталинград, операция по снятию блокады Ленинграда, контрнаступление под Курском, освобождение Правобережной Украины, как и завершающие операции Великой Отечественной войны, — это прежде всего заслуга его как полководца. Он уже никогда не сможет делить лавры с кем-либо. Одна из причин опалы Жукова после войны, как и некоторых других полководцев, заключается в нежелании разделить с ними славу. Хотя, конечно, никто и не пытался ее делить. Просто в статьях, докладах, выступлениях, фильмах, где действовал лишь один "непогрешимый полководец", иногда в перечислении, списком, назывались командующие фронтами, члены Военных советов, начальники штабов. О командармах же речь обычно не шла. Главный герой минувшей войны — народ — был лишь фоном блестящих деяний "непобедимого полководца". Хотя сегодня, ознакомившись с сотнями, тысячами оперативных, политических, партий-

ных документов минувшей войны, можно с полной убежденностью сказать, что свою роль Верховного Главнокомандующего И.В. Сталин смог исполнять только благодаря наличию в Ставке, Генеральном штабе, на фронтах, флотах незаурядных полководцев и военачальников. Наша страна, и это свидетельствует о ее неиссякаемой жизненной силе, смогла возродить в муках, страданиях, крови свой, если так можно выразиться, полководческий потенциал. Так рождалось военное искусство Великой Отечественной войны. И Сталин научится его использовать.

Верховный и полководцы

Во время войны Сталин ничего не успевал читать, кроме донесений, шифротелеграмм, оперативных сводок, планов операций, отчетов наркоматов, дипломатической переписки. Его библиотека на даче и в кремлевской квартире могла покрыться пылью. Но несколько книг он все же просмотрел. Мне встретилась записка Поскребышева Сталину, где перечислялись "книги о полководческом искусстве". Приведу этот список, составленный, по-видимому, по указанию "вождя".

1. С. Борисов. Кутузов. М., 1938.
2. М. Драгомиров. 14 лет, 1881 — 1894. Спб., 1895.
3. К. Клаузевиц. 1812 год. М., 1937.
4. Н.А. Левицкий. Полководческое искусство Наполеона. М., 1938.
5. Г. Леер. Коренные вопросы (Военные этюды). Спб., 1897.
6. Ф. Меринг. Очерки по истории войн и военного искусства. М., 1940.
7. Н.П. Михневич. Суворов-стратег (сообщения профессоров Академии Генерального штаба). Спб., 1900.
8. Ф. Мольтке. Военные поучения. М., 1938.
9. Наполеон. Избранные произведения. Т.1. М., 1941.
10. К. Осипов. Суворов. М., 1938.
11. А. Петрушевский. Генералиссимус князь Суворов. Спб., 1900.
12. А.В. Суворов. Наука побеждать. М., 1941.
13. Е. Тарле. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 г. М., 1938.
14. Ф. Фош. О ведении войны. М., 1937.
15. Б. Шапошников. Мозг армии. М., 1927 — 1929.

Напротив первого, десятого, двенадцатого и пятнадцатого номеров стоят четыре галочки (вероятно, Сталина). Возможно, он просмотрел эти, а может быть, и другие книги о выдающихся полководцах. Совсем не случайно с началом войны Сталин приказал повесить на стенах своего кабинета в Кремле портреты Суворова и Кутузова. Не случайно и то, что в своей короткой речи на Красной площади во время парада 7 ноября 1941 года Сталин, обращаясь к войскам, произнес:

"Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Димитрия Донского, Кузьмы Минина, Димитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!"[51] Сталин не раз возвращался к великим полководцам прошлого, черпая в них веру в победу. Именно по его инициативе были учреждены полководческие ордена Суворова, Кутузова, Богдана Хмельницкого, Александра Невского, Нахимова и Ушакова. Сталин понимал, что в условиях войны боевые традиции выступают как сплав былинного и народного эпоса, животворный источник национального самосознания, чести и достоинства. Примечательно, что Мехлис, а затем Щербаков специально сообщали Сталину о выполнении его указания — выпуске и распределении по фронтам и армиям брошюр о знаменитых русских полководцах и военачальниках.

На становление Сталина как Верховного Главнокомандующего, повторю еще раз, наибольшее влияние оказали многие, но прежде всего четыре советских полководца и военачальника — Б.М. Шапошников, А.М. Василевский, А.И. Антонов и, конечно же, Г.К. Жуков. Анализ многих сотен документов Ставки, военной переписки, директив и приказов Верховного Главнокомандующего, личных телеграмм и докладов свидетельствует, что названные выше три Маршала Советского Союза и один генерал армии наиболее близко сотрудничали со Сталиным в годы войны, наиболее часто имели с ним контакты и оставили наиболее заметный след в его сознании. Разумеется, Верховный хорошо знал почти всех командующих фронтами и командармов, имел многочисленные личные контакты практически со всеми крупными военачальниками. На основе анализа архивных документов и мемуарной литературы можно сказать, что Сталин с симпатией относился к К.К. Рокоссовскому, Н.Ф. Ватутину, А.Е. Голованову, Н.Н. Воронову, Л.А. Говорову, А.В. Хрулеву. Судя по телеграммам, запискам, резолюциям, Верховный ценил И.С. Конева, П.С. Рыбалко, П.А. Рот-

мистрова, Д.Д. Лелюшенко, И.И. Федюнинского, М.В. Захарова, И.С. Исакова, С.К. Тимошенко, Р.Я. Малиновского. Разумеется, при внутренней замкнутости и недоступности Сталин свои симпатии редко демонстрировал публично. Его "тяжелую руку" не раз чувствовали многие полководцы и военачальники — И.Х. Баграмян, С.М. Буденный, К.Е. Ворошилов, В.Н. Гордов, И.В. Дашичев, Г.К. Жуков, Д.Т. Козлов, И.С. Конев, А.И. Лопатин, А.В. Мишулин, Д.И. Рябышев, И.В. Тюленев, Н.В. Фекленко, М.С. Хозин, Я.Т. Черевиченко и многие другие.

Многие из тех, кто был выдвинут перед войной в связи с огромным количеством вакансий, не доказали делом свою способность быть военными руководителями высокого ранга. Война устроила суровый отбор, безжалостно отсеяв безвольных, неумелых, случайных. Но главным "селекционером" в этом отборе был сам Сталин. Десятки генералов, которых он счел виновными в тех или иных неудачах, поражениях, просчетах, или исчезли навсегда, или осели в самом низу военной иерархии. В конце мая 1940 года, когда на Политбюро рассматривался список командиров, которым 4 июня 1940 года постановлением Совнаркома будут присвоены впервые учрежденные генеральские и адмиральские звания, Сталин еще не знал, что более чем из тысячи удостоенных этой чести уже через год с небольшим погибнут и попадут в плен свыше двухсот человек, а несколько десятков будут арестованы с его санкции. Многие будут расстреляны. Несколько сотен военачальников такого ранга унесет война. Это был новый слой командиров, которые пришли на место уничтоженных накануне войны. И те и другие были патриотами Отечества, но Сталин оценивал их только через призму личной преданности. Подумать только, в основе трагедии тысяч военачальников была подозрительность одного человека! Вдумайтесь! Ведь если бы он остановил эту страшную мясорубку, то террора бы просто не было!

Но подчеркну еще раз: самое большое влияние на Сталина как военного деятеля оказали Шапошников, Жуков, Василевский, Антонов. Под их воздействием во время кровавых будней войны Сталин постигал азбучные истины оперативного искусства и стратегии. И если в первой дисциплине он так и остался на уровне посредственности, то в стратегии преуспел больше. Благодаря этой "четверке", каждый из которых в разное время был начальником Генерального штаба, представителем или членом Ставки либо заместителем Верховного Главнокомандующего, Сталин смог проявить себя и как военный руководи-

тель. При наличии такого блистательного окружения **было просто трудно не проявить себя.** Каждый из четырех — неповторимая военная индивидуальность. Нельзя не признать, что Сталин смог это рассмотреть и оценить. А главное — использовать. Мышление этих талантливых военачальников буквально питало решения и волю Верховного.

Смею утверждать, что наибольшее влияние на Сталина (как, впрочем, и на Жукова, Василевского, Антонова и многих других) оказал **Борис Михайлович Шапошников.** Судьбе было угодно так распорядиться, что Борису Михайловичу не довелось лично, непосредственно быть причастным к крупным победам (за исключением битвы под Москвой), не удалось прямо участвовать в наступательных операциях 1943 — 1945 годов, не пришлось дожить до долгожданного, выстраданного дня Великой Победы. Но его интеллектуальное влияние на военно-стратегический эшелон советского руководства несомненно. Не случайно Сталин среди четырех книг военно-исторического характера по вопросам стратегии и военного искусства отметил выдающуюся работу теоретика и полководца Шапошникова.

У маршала и профессора было счастливое сочетание: высокая военная культура, отличное образование, большой командный опыт, теоретическая глубина и огромное личное обаяние. Сталин, будучи очень сильной волевой натурой, своей безапелляционностью обычно подавлял всех, с кем имел дело. Но, узнав ближе Шапошникова, Сталин быстро почувствовал свою военную "мелкость" перед эрудицией и логикой маршала, его умением терпеливо убеждать. Шапошников не был ярко выраженным волевым человеком. Но это компенсировалось тонким, гибким и масштабным умом. Жестокая, бескомпромиссная природа Сталина как-то пасовала перед интеллектом, выдержкой, культурой старой русской военной школы. Об особом отношении Сталина к Шапошникову знали все. Г.К. Жуков, которому пришлось не раз выслушивать жесткие и часто незаслуженные слова-упреки Верховного, пишет о Сталине: "Большое уважение он питал, например, к Маршалу Советского Союза Борису Михайловичу Шапошникову. Он называл его только по имени и отчеству и в разговоре с ним никогда не повышал голоса, даже если не был согласен с его докладом. Б.М. Шапошников был единственным человеком, которому И.В. Сталин разрешал курить в своем рабочем кабинете"[52]. Это был редчайший случай доверия военспецу. Почти всех других Сталин уничтожил еще до войны.

Шапошников, теоретик и практик в деле подготовки стратегических и оперативных резервов, помог Сталину постичь искусство их накопления, выдвижения и использования. Напомню, что, когда Б.М. Шапошников по состоянию здоровья ушел из Генштаба и стал начальником Высшей военной академии имени К.Е. Ворошилова, Сталин довольно часто звонил ему, приглашал на заседания ГКО и Ставки. Пожалуй, Шапошников был одним из очень немногих людей, к кому Сталин, не стесняясь, обращался за разъяснением, советом, помощью. У диктатора была "слабость": внимать голосу человека, у которого он признавал наличие высокого интеллекта. Пусть духовная власть Шапошникова над Сталиным была частичной, неполной, но она была. Сталин, возвышаясь над своим политическим окружением, состоящим почти из одних "поддакивателей" и "угадывателей", неожиданно встретил человека, чья эрудиция произвела на него столь сильное впечатление.

Шапошников, видя дилетантскую подготовку Сталина в военных вопросах, особенно заметную в первые месяцы войны, не затрагивая достоинства Верховного, тактично и в то же время настойчиво предлагал принять те или иные меры. Так, в 1941 году немецкие войска обычно прорывали оборону на стыках частей и соединений. Это стало частым и печальным фактом. Шапошников доложил об этом Сталину, пояснил суть дела и, когда тот уяснил вопрос, положил перед ним директиву Ставки № 98, адресованную главкомам направлений и командующим фронтами. В ней, в частности, говорилось:

"Командующие и командиры соединений (частей) забыли, что стыки всегда были и есть наиболее уязвимые места в боевых порядках войск. Противник без особых усилий и часто незначительными силами прорывал стык наших частей, создавал фланги в боевых порядках обороны, вводил в прорыв танки и мотопехоту и подвергал угрозе окружения части боевого порядка наших войск, ставя их в тяжелое положение..."

Далее в директиве ставились конкретные задачи по обеспечению обороны стыков, созданию полос "сплошного огневого заграждения путем организации перекрестного огня частей, действующих на фронте и расположенных в глубине..."[53].

Сталин согласился, но поручил подписать директиву Шапошникову.

Б.М. Шапошников, как заметил Сталин, придерживался высоких этических принципов. Он знал, что Шапошников обычно называл своего собеседника "голубчик". Сталин сам имел возможность убедиться в исключительной деликатности маршала.

Как вспоминал Главный маршал артиллерии Н.Н. Воронов, однажды он присутствовал при докладе Шапошникова Сталину. Во время доклада маршал сказал, что, несмотря на принятые меры, с двух фронтов так и не поступило сведений. Сталин спросил начальника Генштаба:

— Вы наказали людей, которые не желают нас информировать о том, что творится у них на фронтах?

Борис Михайлович ответил, что он был вынужден объявить обоим начальникам штабов выговоры. Судя по выражению лица и тону, это дисциплинарное взыскание он приравнивал едва ли не к высшей мере наказания. Сталин хмуро улыбнулся:

— У нас выговор объявляют в каждой ячейке. Для военного человека это не наказание...

Однако Шапошников напомнил старую русскую военную традицию: если начальник Генерального штаба объявляет выговор начальнику штаба фронта, виновник должен тут же подать рапорт об освобождении его от должности.

Сталин посмотрел на Шапошникова, как на неисправимого идеалиста, но ничего не сказал. Бывший царский полковник своей интеллигентностью обезоруживал Верховного... Эта черта помогала Шапошникову ненавязчиво, тактично учить Верховного. Учить пониманию стратегии, военного искусства и даже технико-тактическим вопросам.

Когда на вооружение поступила реактивная артиллерия, Сталин стал требовать самого активного ее применения. Но, во-первых, еще не хватало как самих установок, так и боеприпасов к ним, а, во-вторых, некоторые командиры использовали их против плохо разведанных целей. Все это привело к тому, что ожидаемого эффекта новая техника пока не давала. Шапошников доложил Сталину причины недостаточной эффективности и предложил послать командующим фронтами и армиями специальную, особой важности, директиву. Сталин согласился.

"Части действующей Красной Армии за последнее время получили новое мощное оружие в виде боевых машин М-8 и М-13, являющихся лучшим средством уничтожения живой силы противника, его танков, моточастей и огневых средств. Дивизионы и батареи М-8 и М-13 применять только по крупным, разведанным целям. Огонь по отдельным мелким целям категорически воспретить. Все боевые машины М-8 и М-13 считать совершенно секретной техникой Красной Армии...

И. Сталин

1 октября 41 г. 4 ч. 00 мин. *Б. Шапошников*"[54].

Если Шапошников помог Сталину постичь суровую логику вооруженной борьбы, значение эшелонирования при обороне и наступлении, роль и место стратегических резервов в операциях, то **Георгий Константинович Жуков,** самый прославленный полководец Великой Отечественной войны, оказал влияние на Верховного в другом. Сталин видел в Жукове не только талантливого полководца, волевого исполнителя решений Ставки, но и человека в чем-то, как казалось Сталину, родственного себе в смысле решительности, силового напора, бескомпромиссности. Именно такое предположение высказал однажды в разговоре со мной А.А. Епишев.

Еще со времен гражданской войны Сталин уверовал в институт представителей высшей власти на фронтах. Именно поэтому он так часто направлял представителей Ставки на фронты в годы Великой Отечественной войны. Сталин считал своим главным представителем (а затем сделал и заместителем) Г.К. Жукова. Почему? Да потому, что Жуков, по мнению Верховного, был способен, невзирая ни на что, провести его, Сталина, решения в жизнь, способен на жесткие, а иногда и жестокие шаги, волевую бескомпромиссность. Я бы сказал, заключил Епишев, Жуков наиболее отвечал представлению Сталина о современном полководце. Затем, помолчав, Епишев добавил: конечно, все это, видимо, у Жукова было. Но Сталин в полной мере оценивал лишь волевую сторону полководца, а его умственную силу — увы, недостаточно.

Это замечание в прошлом члена Военного совета армии, прошедшего дорогами войны от Сталинграда до Праги, представляется весьма удачным. Все мы сегодня знаем огромную роль Жукова в разгроме немецких войск под Москвой, спасении Ленинграда, в Сталинградской операции, десятках других "глав" войны. Характерно, что Сталин по мере роста популярности и известности Жукова, особенно в конце войны, все более сдержанно относился к нему. Не случайно в самом конце войны, когда нужно было координировать действия трех фронтов в битве за Берлин, Сталин формально не поручил это Жукову, а оставил за собой. А маршала направил командовать 1-м Белорусским фронтом. Верховный думал о будущем, об истории, и ему не хотелось ни с кем делить заключительный, триумфальный аккорд войны, взлет на вершину Победы.

Сталин понимал, что твердостью характера Жуков не уступает ему, Верховному Главнокомандующему. Он особенно почувствовал этот несгибаемый характер в начале войны, во множестве боевых фактов. В первых числах сентября 1941 года, на-

пример, командующий Ленинградским фронтом К.Е. Ворошилов и член Военного совета фронта А.А. Жданов обратились к нему за разрешением заминировать корабли Краснознаменного Балтийского флота (КБФ) и при угрозе сдачи Ленинграда затопить их. Сталин разрешил. И уже 8 сентября Ворошилов и Жданов подписали соответствующее постановление.

К моменту, когда было принято решение Военного совета, из Москвы прилетел Жуков с полномочиями Сталина. "Вот мой мандат, — сказал Жуков, новый командующий фронтом, передавая записку Верховного. — Я запрещаю взрывать корабли. На них сорок боекомплектов!"

Вспоминая этот эпизод в 1950 году, Жуков скажет: "Как вообще можно минировать корабли? Да, возможно, они погибнут. Но если так, они должны погибнуть только в бою, стреляя. И когда потом немцы пошли в наступление на приморском участке фронта, моряки так дали по ним со своих кораблей, что они просто-напросто бежали. Еще бы! Шестнадцатидюймовые орудия! Представляете себе, какая это силища?"[55]

Сталин узнал об отмене Жуковым решения Военного совета фронта, а фактически его, Верховного, распоряжения, от Жданова. Сталин не стал никак комментировать сообщение Жданова: он не мог не оценить смелости и дальновидности нового командующего фронтом и дал понять, что пусть все останется так, как решил Жуков. Сталин знал, что в критические минуты Жуков может быть безжалостным и бескомпромиссным. Верховному это импонировало, это было в его духе. Жуков беспощадно боролся с трусами и паникерами, был способен на самые крутые меры, если того требовала обстановка. Например, в критический момент обороны Ленинграда в том же сентябре 1941 года генерал армии Жуков продиктовал приказ № 0064, где говорилось: "Военный совет Ленинградского фронта приказывает объявить всему командному, политическому и рядовому составу, обороняющему указанный рубеж, что за оставление без письменного приказа Военного совета фронта и армии указанного рубежа все командиры, политработники и бойцы подлежат немедленному расстрелу.

Настоящий приказ командному и политическому составу объявить под расписку. Рядовому составу широко разъяснить"[56].

Поставив свою подпись, Жуков дал расписаться и остальным членам Военного совета фронта: Жданову, Кузнецову и Хозину. Чтобы добиться, казалось бы, невозможного, ему приходилось прибегать и к подобным мерам.

Естественно, это не могло всем нравиться, особенно постра-

давшим: отстраненным от должностей, отданным под суд, пониженным в звании. К. Симонов в своих воспоминаниях "Глазами человека моего поколения" пишет, как во время обсуждения романа Казакевича "Весна на Одере", выдвинутого на соискание Сталинской премии, Сталин заметил: "Не все там верно изображено: показан Рокоссовский, показан Конев, но главным фронтом там, на Одере, командовал Жуков. У Жукова есть недостатки, некоторые его свойства не любили на фронте, но надо сказать, что он воевал лучше Конева и не хуже Рокоссовского..."[57]

Сталин не раз был крут и несправедлив по отношению к Жукову не только после войны, но и в ходе ее, особенно в начале. В июле 1941 года, когда возникла критическая ситуация в районе Вязьмы, Жуков предложил нанести контрудар в районе Ельни, с тем чтобы предотвратить выход немецких войск в тыл Западного фронта. Сталин, не дослушав доклад, грубо оборвал Жукова:

— Какие там контрудары, что вы мелете чепуху; наши войска не умеют даже как следует организовать оборону, а вы предлагаете контрудар...

— Если вы считаете, что я, как начальник Генштаба, годен только на то, чтобы чепуху молоть, я прошу меня освободить от должности начальника Генштаба и послать на фронт, где я буду полезнее, чем здесь... — ответил Жуков.

Присутствовавший при разговоре Мехлис вмешался:

— Кто вам дал право так разговаривать с товарищем Сталиным?

Результатом разговора явилось назначение Жукова командующим Резервным фронтом. Однако Сталин не смог обойтись без этого выдающегося полководца, хотя Берия и Мехлис всячески пытались скомпрометировать его в глазах Верховного. В первый период войны Жуков стал для Сталина "палочкой-выручалочкой". Когда в результате неумелых действий советского командования группа армий "Центр" в начале октября 1941 года сумела, прорвав оборону, окружить значительную часть войск Западного и Резервного фронтов, Сталин послал Жукова выправлять катастрофическое положение. Показав на карту, как вспоминал Жуков, Сталин с горечью бросил:

— Смотрите, что Конев нам преподнес. Немцы через три-четыре дня могут подойти к Москве. Хуже всего то, что ни Конев, ни Буденный не знают, где их войска и что делает против-

ник. Конева надо судить. Завтра я пошлю специальную комиссию во главе с Молотовым...

Жуков с помощью экстраординарных мер сумел стабилизировать обстановку. Благодаря Жукову удалось отстоять и Конева от военного трибунала. Георгий Константинович спас его тем, что взял к себе заместителем командующего Западным фронтом. Сталин вскоре понял, что не только уверенность, решительность, "твердая рука" Жукова способны вносить перелом в организацию боевых действий, но и само присутствие полководца на фронтах необъяснимым, казалось, образом быстро становилось известным войскам и поднимало боевой дух личного состава. Вот что вспоминал бывший адъютант Жукова генерал Л.Ф. Минюк о действиях Жукова под Белгородом, когда командование Воронежского фронта (Голиков и Хрущев) выпустило нити управления войсками: "В тревожно-критический час управление этими войсками фактически взял в свои руки Георгий Константинович. И — удивительно! — никто не увидел в Жукове растерянности. Наоборот, в минуты, когда, казалось, все рушится, все валится и можно впасть в отчаяние, он становился собранным, деятельным и решительным. Опасность не угнетала его, а наполняла еще большей волей, и он казался туго натянутой пружиной или суровой птицей, готовящейся встретить напор бури. В такие минуты я часто замечал привычку Жукова сжимать кулаком подбородок..."

Верховный не мог не чувствовать, что Жуков стал олицетворять современный тип полководца: гибкое, смелое мышление, огромная решительность, моральная привлекательность для командиров, политработников и солдат.

У Сталина не было "любимчиков". Просто он полагался на одних людей больше, на других меньше. Принимая решение о судьбе того или иного военачальника, он не брал в расчет какие-либо моральные соображения — близкое знакомство, старые симпатии, былые заслуги. Для него не всегда имело значение, что "нашептывало" окружение, за исключением, может быть, Берии. Известно, например, что Берия и Абакумов уже после войны фабриковали дело против Жукова. Использовали даже его фотоальбомы со снимками, где Георгий Константинович был снят вместе с американскими, английскими, французскими военачальниками и политиками, подслушивали телефонные разговоры, рылись в личных архивах, почте. В приказе, подписанном генералиссимусом 9 июня 1946 года, есть ссылка на одного крупного военачальника, приславшего письмо руководству страны, в котором сообщается "о фактах недостойного

и вредного поведения со стороны маршала Жукова по отношению к правительству и Верховному Главнокомандующему". Мол, Жуков утратил скромность, "приписывал себе заслуги в деле наибольшего достижения крупных побед", группировал вокруг себя недовольных...[58] Но расправиться с прославленным полководцем единодержец не решился. У Сталина, при всей его подозрительности, хватило здравого смысла, чтобы остановиться. А по всей вероятности, готовился арест Жукова. На специальном заседании, которое провел Сталин и где, кроме группы высших военачальников, были Берия, Каганович, другие государственные деятели, на основе ряда показаний арестованных военачальников Жукову было предъявлено обвинение в "приписывании себе лавров главного победителя". Некоторые военачальники, например П.С.Рыбалко, заступились за Жукова, и Сталин заколебался. Он решил заменить готовящийся арест отправкой в периферийные округа — сначала в Одесский, а затем Уральский. Окончательное решение тогда принял он сам, Сталин. И никто другой.

Приходится порой слышать, что Сталин бывал крут, но справедлив. Один защитник такой позиции в разговоре со мной сослался на судьбу младшего сына Верховного Главнокомандующего; мол, не жалея, снимал с должности. Да, снимал, но делал это потому, что Василий Сталин не столько дискредитировал себя, сколько отца. Сталин снимал своего сына не только после, но и во время войны. В мае 1943 года Берия сообщил Сталину о новых пьяных выходках Василия, бывшего к этому времени командиром авиационного полка. Рассвирепевший Сталин тут же продиктовал приказ:

"Командующему ВВС Красной Армии
Маршалу авиации тов. Новикову

Приказываю:

1. Немедленно снять с должности командира авиационного полка полковника Сталина В.И. и не давать ему каких-либо командных постов впредь до моего распоряжения.

2. Полку и бывшему командиру полка полковнику Сталину объявить, что полковник Сталин снимается с должности командира полка за пьянство и разгул и за то, что он портит и развращает полк.

3. Исполнение донести.

Народный комиссар обороны *И. Сталин*

26 мая 1943 г."[59].

Сталин был в таком гневе, что, диктуя, не заметил: в одной фразе у него оказалось четыре раза слово "полк" и плюс два

раза — "полковник"... Однако доброхоты после символического "снятия" вскоре доложили, что В.И. Сталин "осознал" и готов "исполнять командную должность". Приступив через некоторое время к командованию полком, сын Сталина в конце 1943 года выдвигается уже на должность командира авиационной дивизии... Так что о справедливости Верховного здесь едва ли стоит говорить: его больше беспокоило собственное реноме.

Сталин обычно бывал и беспощаден, и непреклонен в своих кадровых решениях. Он мог их, правда, изменять, но обычно позже и без видимого влияния со стороны. Как правило, он не объяснял причин тех или иных своих решений. Думается, этим Сталин пытался дать понять окружению, членам ГКО и Ставки, что в своих решениях о назначениях он руководствуется исключительно интересами дела, учитывая при этом способности человека и его поступки. Например, когда встал вопрос о том, кому поручить окончательную ликвидацию окруженной группировки противника под Сталинградом, мнения разделились. А в итоге все решил характер отношений к кандидату самого Сталина. Берия предложил оставить командующего Сталинградским фронтом Еременко. Жуков отдал предпочтение Рокоссовскому. Выслушав стороны, вспоминал Жуков, Сталин резюмировал:

— Еременко я расцениваю ниже, чем Рокоссовского. Войска не любят Еременко. Рокоссовский пользуется большим авторитетом. Еременко очень плохо показал себя в роли командующего Брянским фронтом. Он нескромен и хвастлив.

— Но Еременко будет кровно обижен таким решением, — возразил Жуков.

— Мы не институтки. Мы большевики и должны ставить во главе дела достойных руководителей...[60]

Сталин смещал Жукова, Конева, Еременко, Тимошенко, Хозина, Козлова, Ворошилова, Буденного, Баграмяна, Голикова, многих других военачальников. Нельзя сказать, что без оснований. Смещение военачальников часто диктовалось суровой необходимостью. Но нередко Верховный давал шанс доказать на деле, что промашка, упущение, неудача были случайными. Давая этот шанс, Сталин, однако, о старых грехах не забывал; говоря о делах сталинградских, припомнил, например, Еременко его неудачи на Брянском фронте.

Сталин знал, что Жуков в стремлении выполнить приказ был способен прибегать и к крайним мерам. По инициативе и предложению Сталина летом 1942 года было решено провести ряд наступательных операций на западном и северо-западном

направлениях с целью упрочить положение советских войск под Ленинградом и Ржевом. Операции начались. Западным фронтом тогда командовал Жуков.

Во время прорыва 31-й и 20-й армиями немецкой линии обороны он отдал приказ, которым впоследствии не мог гордиться и даже вспоминать. Я приведу один фрагмент из письменного доклада Сталину, в котором Жуков обстоятельно сообщал о ходе операции и ее результате:

"Для предупреждения отставаний отдельных подразделений и для борьбы с трусами и паникерами за каждым атакующим батальоном первого эшелона на танке следовали особо назначенные Военными советами армий командиры.

В итоге всех предпринятых мер войска 31-й и 20-й армий успешно прорвали оборону противника.

Жуков
Булганин

7 августа 1942 года"[61].

Жуков был главным действующим лицом в обороне Москвы и разгроме фашистских войск на подступах к столице. Историческая справедливость требовала, чтобы человек, защитивший столицу Отечества, принял непосредственное участие во взятии столицы вражеской. Сталин пошел на рокировку, поменяв Жукова и Рокоссовского местами: Жуков стал командующим 1-м Белорусским фронтом, а Рокоссовский — 2-м Белорусским.

Жуков почти на память помнил тот приказ, который он получил от Ставки, где войскам 1-го Белорусского фронта предписывалось овладеть Берлином:

"Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Подготовить и провести наступательную операцию с целью овладеть столицей Германии городом Берлин и не позднее двенадцатого — пятнадцатого дня операции выйти на р. Эльба.
2. Главный удар нанести с плацдарма на р. Одер западнее Кюстрин силами четырех общевойсковых армий и двух танковых армий. На участок прорыва привлечь пять-шесть артиллерийских дивизий прорыва, создав плотность не менее 250 стволов от 76 мм и выше на один километр прорыва.
3. Для обеспечения главной группировки фронта с севера и с юга нанести два вспомогательных удара силами двух армий каждый...

8. Начало операции согласно полученных Вами лично указаний.

Ставка Верховного Главнокомандования.

И. Сталин
Антонов

2 апреля 1945 г.
№ 11059"[62].

Сталин пристально следил за операцией, после которой на него был возложен венок триумфатора. Он почти не вмешивался в оперативные вопросы, предоставив это Жукову и Антонову. Но утренние и вечерние доклады начинались с сообщений о том, как идет подготовка, а затем и ход Берлинской операции. Жуков сообщал, что гитлеровцы практически прекратили сопротивление на западе и ожесточенно бьются за каждый дом на востоке. Сталин прореагировал в свойственном ему духе, жестко, бескомпромиссно, решительно телеграммой Жукову:

"Командующему войсками 1-го Белорусского фронта

Получил Вашу шифровку с изложением показания немецкого пленного насчет того, чтобы не уступать русским и биться до последнего человека, если даже американские войска подойдут к ним в тыл. Не обращайте внимания на показания пленного немца. Гитлер плетет паутину в районе Берлина, чтобы вызвать разногласия между русскими и союзниками. Эту паутину нужно разрубить путем взятия Берлина советскими войсками. Рубите немцев без пощады и скоро будете в Берлине.

И. Сталин

17 апр. 1945 г. 17 часов 50 мин."[63].

Сталин с напряжением следил за сражением в Берлине. Его крайне интересовал вопрос о пленении Гитлера. Для полноты триумфа ему не хватало теперь лишь одного — взять живым фашистского фюрера и судить международным трибуналом. И хотя Жуков сообщал, что бои идут в рейхстаге, на подступах к имперской канцелярии, желанного сообщения не было. Наконец 2 мая вечером пришла шифровка:

"Товарищу Сталину

Докладываю копию приказа командующего обороной Берлина генерала Вейдлинга о прекращении сопротивления немецкими войсками в Берлине.

2 мая 1945 г. *Жуков*

Приказ

30 апреля 1945 года фюрер покончил жизнь самоубийством. Мы, поклявшиеся ему на верность, оставлены одни... По согла-

сованию с Верховным Командованием Советских войск требую немедленно прекратить борьбу.

Вейдлинг,
генерал от артиллерии и командующий обороной города Берлина"[64].

— Успел, мерзавец, — подумал Сталин, откладывая телеграмму. Ему почему-то вспомнился довоенный рассказ Молотова о встрече с Гитлером, его фанатичная уверенность в том, что он одолеет англичан... А ведь уже тогда фюрер думал о смертельном ударе по Советскому Союзу. Возмездия избежал...

В последние дни войны Сталин, давно уже уверенный в исходе битвы и больше думавший о послевоенных делах, все чаще поручал Антонову подписывать от его имени и от имени Ставки оперативные документы. Но когда наступили дни незабываемого триумфа и на смену военным операциям все решительнее выходила дипломатия, Сталин без раздумий решил уполномочить Жукова подписать самый главный акт войны. Если многие документы в последнее время он утверждал заочно, по телефону, то с этой телеграммой он велел Антонову прийти к нему. Текст ее лаконичен, но, читая в архиве подлинник, подсознательно чувствуешь, как много стоит за этими несколькими строчками. В них — своего рода философия трагедии, обращенной назад, и триумфа, который предстояло пережить:

"Заместителю Верховного Главнокомандующего
Маршалу Советского Союза Жукову Г.К.

Ставка Верховного Главнокомандования уполномочивает Вас ратифицировать протокол о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил.

Верховный Главнокомандующий
Маршал Советского Союза *И. Сталин*
Начальник Генерального штаба Красной Армии
Генерал армии *Антонов*

7 мая 1945 года
№ 11083"[65].

Сталин, поставив свою подпись, сделал это так, словно он, а не Жуков спустя считанные часы подпишет этот долгожданный протокол. Подписав телеграмму, Сталин поднялся и неожиданно крепко пожал руку Антонову.

Знакомясь с многочисленными документами Сталина, где говорится о Жукове, с записями их переговоров по прямому проводу, телеграммами, записками, сохранившимися в воен-

ных архивах, приходишь к выводу, что Верховный Главнокомандующий ценил его более, чем кого-либо из советских маршалов. Трижды Герой Советского Союза (четвертый раз этого почетного звания он был удостоен в 1956 г.), два высших военных ордена "Победа", орден Суворова первой степени под № 1 все это превосходная аттестация полководца. Конечно, при всех огромных заслугах Жукова перед народом эти награды в то время санкционировать мог только "сам". Но Сталин уже в 1944 году почувствовал, что хотел бы уложить славу Жукова в прокрустово ложе "**одного** из талантливых полководцев". Когда полководческая слава перешагнула рубежи Отечества, Сталин решил, что она уже бросает тень на него самого.

У Сталина, например, остался крайне неприятный осадок от пресс-конференции, которую Г.К. Жуков, по указанию Москвы, провел 9 июня 1945 года в Берлине для советских и иностранных корреспондентов. Маршал Советского Союза долго отвечал на вопросы английских, американских, французских и канадских журналистов; подробно рассказал о подготовке и ходе Берлинской операции, о сотрудничестве с союзниками, о сроках демобилизации Красной Армии, о том, как поступят с военными преступниками, поделился соображениями о преимуществах немецкого солдата над японским и о многом другом. И ни слова о Сталине! Ни слова! Лишь в самом конце пресс-конференции корреспондент "Таймс" Р. Паркер спросил Жукова, словно "выручая" его:

— Принимал ли маршал Сталин повседневное деятельное участие в операциях, которые Вы возглавляли?

— Маршал Сталин, — коротко ответил Жуков, — деятельно и повседневно руководил всеми участками советско-германского фронта, в том числе и тем участком, на котором я находился.

Сталин несколько раз перечитал последнюю фразу Жукова, глубоко уязвленный "неблагодарностью" своего заместителя. Возможно, уже тогда созрело у Сталина решение о дальнейшей судьбе маршала. Вскоре после войны Жукова отправят почти на семь лет командовать второразрядными военными округами. Сфабриковать дело о "зазнайстве, бонапартизме" при накопившихся навыках и опыте шельмования честных людей было несложно, но Жуков, талантливейший полководец времен второй мировой войны, не мог знать, что эта опала — не последняя. Давно замечено, что судьбы таких открытых, честных, прямых людей никогда не бывают простыми.

Одним из военачальников, который стал своего рода

связующим звеном между Сталиным и фронтами, был **Александр Михайлович Василевский,** крупнейший советский полководец. Войну Василевский встретил заместителем начальника оперативного управления Генштаба; 1 августа 1941 года стал начальником управления — заместителем начальника Генштаба, а с июня 1942-го до февраля 1945 года — начальником Генштаба, являясь одновременно и заместителем наркома обороны. Пришлось Василевскому покомандовать 3-м Белорусским фронтом, а затем стать и Главнокомандующим советскими войсками на Дальнем Востоке.

Своей службой в Генштабе Василевский отразил своеобразие стиля работы Сталина в высшем военном органе управления — Ставке. Бо́льшую часть времени Александр Михайлович провел на фронте как представитель Ставки, выполняя прямые указания Сталина, и меньшую в Москве, занимаясь непосредственно делами Генштаба. По существу, Сталин взял за правило: при подготовке особо ответственных операций, как и при возникновении кризисных ситуаций на фронте, туда обязательно выезжали Жуков или Василевский. А иногда, как это было под Сталинградом, оба сразу. До декабря 1942 года, когда по личной просьбе Василевского Сталин согласился с кандидатурой Антонова и тот стал начальником оперативного управления, заместителем, а затем и первым заместителем начальника Генштаба, именно Василевскому пришлось в основном руководить работой главного оперативного органа Ставки. Другими словами, Василевский был универсальным полководцем и военачальником. Он мог проявить себя и как командующий, и как штабной работник. Сталин видел, что Александр Михайлович одинаково уверенно действует в критических ситуациях оборонительных боев и при организации крупных наступательных операций, в стратегическом планировании и в качестве представителя Ставки или командующего фронтом.

Однажды Сталин спросил Василевского:

— Вам что-нибудь дало духовное образование? Не думали никогда над этим?

Василевский, несколько озадаченный вопросом, быстро нашелся и мудро ответил:

— Бесполезных знаний не бывает... Что-то оказалось нужным и в военной жизни...

Сталин с любопытством посмотрел на Василевского (настроение было неплохое, недавно освободили Минск) и в тон Василевскому добавил:

— Главное, чему попы научить могут, — это понимать

людей... — Затем, сразу переключившись, Сталин сказал, что маршалу нужно взять под свой личный контроль действия 2-го и 1-го Прибалтийских и 3-го Белорусского фронтов. Ранее подобные обязанности были возложены на Жукова — руководство операциями 2-го и 1-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов. Это не были главкоматы, но в то же время Сталин таким образом ввел новую форму управления деятельностью фронтов со стороны Ставки. Инициативу в этом вопросе проявил он сам. Жуков и Василевский увидели в этом рост стратегической зрелости Верховного.

Сталин подошел к письменному столу, взял какую-то папку с бумагами и вернулся к своему постоянному рабочему месту в торце длинного стола заседаний. В годы войны он практически не сидел за письменным столом. Дело в том, что в течение дня у Сталина проходили пять-семь заседаний и совещаний — ГКО, Ставки, с наркоматами, членами ЦК партии, работниками Штаба партизанского движения, руководителями разведки, конструкторами и т.д. Рассаживались за длинным столом. Нередко только заканчивалось одно заседание, как Поскребышев впускал другую группу товарищей. "Конвейер" стал работать медленнее лишь в 1944 и 1945 годах, когда для всех стало ясно, что разгром оккупантов — дело времени. Если до войны Сталин успевал прочесть-просмотреть в день, кроме шифровок, 5 — 6 книг объемом до 400 — 500 страниц, то теперь не меньше — военных, дипломатических, политических, хозяйственных документов. Работоспособность этого холодного человека с колючим взглядом была поразительной. О ней не раз вспоминал и Александр Михайлович.

Сталин всегда полагался на Василевского. По существу, тот не вылезал с фронтов и обладал способностью без надрыва и чрезвычайных мер добиться желаемого или приемлемого результата. Маршал редко возражал, не был строптив, как Жуков, хотя умел мягко, но настойчиво провести свою линию во время обсуждения с Верховным оперативных вопросов. Трудно сказать, сколько тысяч километров он налетал за годы войны, мотаясь по поручению Сталина с одного фронта на другой, возвращаясь на несколько дней в Москву для доклада и получения новых указаний. Практически ежедневно в течение большей части войны, за редким исключением, Сталин разговаривал с Василевским по телефону. Александр Михайлович в своих воспоминаниях об этом пишет так: "...Начиная с весны 1942 года и в последующее время войны, я не имел с ним телефонных разговоров лишь в дни выезда его в первых числах августа 1943 го-

да на встречи с командующими войсками Западного и Калининского фронтов и в дни его пребывания на Тегеранской конференции глав правительств трех держав (с последних чисел ноября по 2 декабря 1943 года)"[66]. Кроме оперативной необходимости, Сталин испытывал постоянную потребность посоветоваться с Василевским, услышать его неторопливый, лаконичный доклад, похожий на размышление.

Вторая половина войны, хотя до февраля 1945 года Василевский продолжал оставаться начальником Генерального штаба, связана в основном с именем **Алексея Иннокентьевича Антонова.** Просматривая архивные материалы Ставки, обращаешь внимание на то, что с конца 1943 года большинство директивных документов подписаны Сталиным вместе с Антоновым или одним Антоновым от имени Ставки.

Сталин, по своему обыкновению, долго присматривался к этому генералу. Прирожденный штабист, человек высокой культуры, он довольно быстро завоевал расположение и доверие Верховного.

Сталин не любил часто менять людей около себя. Даже когда в 1938 году арестовали жену Поскребышева как "пособницу шпионских действий своих родственников", он не стал слушать настоятельных рекомендаций Берии заменить первого помощника. В его возрасте привыкать к новым людям не просто. А здесь — ежедневные доклады о положении дел на фронтах. Когда Василевский выезжал в войска, он даже привык к докладам заместителя начальника Генштаба по политчасти Ф.Е. Бокова, не очень сильного в оперативных вопросах. Но где-то в конце марта 1943 года он наконец приказал доложить в первый раз А.И. Антонову. Доклад был кратким, но обстоятельным. Сталин не подал и виду, что "проба" прошла хорошо. Сухо распрощался. А уже через два-три месяца частое общение Верховного с четким, умным и немногословным моложавым генералом сделало Антонова одним из ближайших военных помощников Сталина.

Когда Антонов был допущен к Сталину и стал бывать у него по два-три раза в сутки, то, возможно, заметил, что Верховный сам крайне редко выдвигает какие-либо новые идеи, предложения, если не считать, что в любой операции он всегда сокращал сроки на ее подготовку, всегда торопил, всегда полагал, что темпы, размах, глубина продвижения наших войск могут быть бóльшими. Наблюдательный Алексей Иннокентьевич мог обратить внимание, что некоторые привычки Верховного носят как бы ритуальный характер. Например, нередко Сталин,

слушая доклад Антонова, порой в присутствии Молотова, Берии, Маленкова прерывал его, звонил Поскребышеву, тот подавал стакан чая. Все молча смотрели, как дальше священнодействовал Верховный: не спеша выжимал в стакан лимон, затем шел в комнату отдыха, расположенную за письменным столом, открывал дверь, которую нельзя было отличить от стены, и приносил бутылку армянского коньяка. При общем молчании Сталин наливал одну-две ложки коньяка в чай, уносил бутылку в свой запасник, усаживался за стол и, помешивая ложечкой в стакане, бросал:

— Продолжайте...

Даже этот обычный стакан чая, который, кстати, редко предлагался присутствующим, превращался в некий ритуал, исполненный особого "высокого" смысла, который, казалось, понятен лишь одному Сталину.

Алексей Иннокентьевич понимал, что он, замещая долгими месяцами начальника Генштаба, а затем и заняв эту должность, находится в более выгодном положении, чем его предшественники. Самые страшные, тяжелые сцены войны были сыграны в ее первом акте. К моменту его прихода в Генштаб сложился определенный порядок круглосуточной деятельности, накопился значительный опыт работы в Ставке. Но, будучи педантичным, в хорошем смысле этого слова, Антонов, как, пожалуй, никто до него, внес немало нового в упорядочение работы Генштаба. Им были установлены точные сроки обработки информации, время докладов представителей разведки, тыла, фронтов, резервных формирований. Он четко распределил обязанности между своими заместителями А.А. Грызловым, Н.А. Ломовым, С.М. Штеменко. Чтобы придать необратимый характер организационному совершенствованию работы Генштаба и Ставки, Антонов изложил свои соображения на трех страницах и решил доложить Верховному. Там было определено время (трижды в сутки) докладов Верховному — чаще по телефону; итоговый доклад лично Сталину, порядок подготовки и утверждения директивных документов, взаимосвязь с различными органами управления и другие положения. Когда в конце одного из ночных итоговых докладов за сутки Антонов попросил Сталина рассмотреть и утвердить регламент работы Ставки и Генштаба, тот удивленно, молча посмотрел на генерала, затем внимательно прочел документ и также, не говоря ни слова, начертал: "Согласен. *И. Сталин*". Но при этом подумал, что, видимо, этот Антонов не так прост, как кажется. Факти-

чески он заставил самого Верховного регламентировать не только работу других, но и свою собственную.

Если до этого Сталин мог вызвать для доклада в любое удобное для него время, то теперь он и сам старался придерживаться установленного порядка. Антонов сумел добиться, что основные функции Генштаба: первая — работа на Верховного, передача ему необходимой информации для принятия решений, и вторая — подготовка указаний и оперативное руководство боевой деятельностью фронтов, тесно были увязаны с усилиями главных управлений Наркомата обороны[67].

Пожалуй, Антонов, одаренный штабной работник крупного масштаба, оказал на Сталина не меньшее влияние, чем Шапошников, Жуков и Василевский. Дело в том, что высокая штабная культура, организованность, продуманность как главной идеи, так и мелочей, очень импонировали Сталину. Теперь рядом с ним работал человек, который по своему предназначению должен был все раскладывать "по полочкам" и делал это впечатляюще, а главное, эффективно.

Антонов достаточно быстро рос в воинском звании. Придя в 1942 году в Генштаб генерал-лейтенантом, в апреле 1943 года стал генерал-полковником и в том же году генералом армии. Но Маршалом Советского Союза Антонов так и не стал, несмотря на благожелательное отношение к нему Верховного. В дело вмешался Берия. У этого исчадия зла позиции в высшем военном руководстве были не слишком сильные. Берия очень хотел иметь своих людей среди военных в стратегическом эшелоне управления. Сегодня известно, что высший советский генералитет всегда относился к Берии с холодной настороженностью, сохраняя в душе глубокое недоверие к человеку в маленьких круглых очках. Хотя Берия постоянно искал способы привлечь на свою сторону крупных военных, к их чести следует сказать, что его попытки оказались бесплодными. Сам факт ареста, суда и ликвидации Берии в последующем именно военными красноречиво, в частности, говорит об их отношении к этому вурдалаку.

Берия был крайне одиозной фигурой. Его боялись. Но симпатий к нему питать никто не мог. Никто! Однако Берии была нужна опора в армии. Он видел быстрое старение "вождя", и уже в конце войны у него могли появиться далеко идущие честолюбивые планы, которые без поддержки армии в системе, где демократия лишь фикция, реализовать невозможно. Попытки Берии установить особые отношения с Антоновым ни к чему не привели. Генерал был сух и официален. Тогда, как это

обычно делал Берия, он стал исподволь компрометировать Антонова. Несмотря на то что Сталин в глубине души, видимо, не очень верил нашептываниям Монстра, тем не менее он не стал присваивать Антонову, начальнику Генерального штаба Вооруженных Сил СССР, маршальское звание, хотя и планировал сделать это по случаю Победы. Более того, в 1946 году "вождь" вновь вернул Антонова на должность первого заместителя начальника Генштаба, а в 1948 году "опустил" еще ниже, назначив первым заместителем командующего Закавказским военным округом.

Вообще А.И. Антонову в нашей исторической (да и художественной) литературе не повезло. Его фамилия почти не упоминается в длинных списках военачальников, имевших особые заслуги перед Родиной. Он не стал ни маршалом, ни героем. Но это для истории не столь важно. Важно другое: этот талантливый человек не был оценен по достоинству. Это был примерный солдат и настоящий военный интеллигент с сильным мышлением и тонкими чувствами. Уже после войны Антонов признался, что мечтал о дне, когда сможет поставить пластинку с любимой музыкой — первым фортепианным концертом Чайковского или третьим Рахманинова. За войну пластинки покрылись слоем пыли, но в душе эти мелодии звучали.

Война минула. Сталин на триумфальной колеснице, подобно Цезарю, взошел на Капитолий славы. Но если божественный Юлий долго ломал себе голову над тем, как отблагодарить своих верных легионеров, то Сталин постепенно отодвинул от себя тех, кто больше других напоминал ему о действительной роли каждого в великом триумфе. Антонов, чья подпись последние два года войны чаще других стояла рядом с росчерком Верховного Главнокомандующего, единственный генерал армии, удостоенный высшего ордена "Победа", в конце концов не был в полной мере оценен Сталиным. Верховный уже забыл, что в 1944 — 1945 годах Жуков, Василевский, Антонов разрабатывали и подавали ему такие идеи, такие стратегические замыслы ведения войны, что ему уже не нужно было что-то искать, а чаще всего нужно было просто соглашаться, внося лишь какие-то частные мелкие поправки.

Сталин уже забыл, что, когда он стал Верховным Главнокомандующим, имел весьма смутное представление о теории и практике военного искусства. К пониманию тесной взаимосвязи военной стратегии, оперативного искусства и тактики как составных частей военного искусства вообще Сталин пришел постепенно, с помощью докладов, сообщений, разъяснений тех

или иных конкретных ситуаций прежде всего Шапошниковым, Жуковым, Василевским, Антоновым.

Война закончилась. Для Сталина был важен прежде всего результат. О цене Победы он предпочитал говорить только в плоскости злодеяний фашизма. О собственных промахах не сказал ни разу. К бесконечной череде эпитетов — "великий вождь", "мудрый учитель", "непревзойденный руководитель", "гениальный стратег" добавился еще один — "величайший полководец". Именно поэтому мне хотелось, добавляя все новые и новые штрихи к портрету этого человека, коснуться и стратегического мышления И.В. Сталина.

Мышление стратега?

Думаю, некоторые, увидев после слов "мышление стратега" знак вопроса, сразу же возразят или даже возмутятся. Ведь ставится под сомнение то, что десятилетиями сомнению не подвергалось. Сейчас же, в доказательство "ереси" автора, можно привести десятки цитат, высказываний наших выдающихся полководцев, свидетельствующих об обратном. И, наверное, эти высказывания по-своему будут верными. Подчеркну еще раз: в то время, когда писались мемуары замечательных советских полководцев, они могли сказать лишь то, что разрешалось сказать. Все негативные, критические высказывания в адрес Верховного расценивались как "очернительство". Мне пришлось проработать около двух десятков лет в Главном политуправлении Советской Армии и Военно-Морского Флота. Было время, когда в отделе печати Главпура в соответствии с высокими указаниями Суслова и его аппарата просматривались все мемуары. Мне приходилось говорить с людьми, которые в 50-е, 60-е годы и позже знакомились с воспоминаниями военачальников. Рукописи долго ходили "по кругу" в высоких инстанциях, и авторам было хорошо известно, что можно писать, а что нельзя. Прежде всего благодаря этому фильтру в книги не попадали факты, выводы, события, статистика, наблюдения, размышления, оценки, которые могли "очернить" нашу историю. И история выглядела вполне благополучной. Думаю, дело не в том, чтобы искать конкретных виновников, а в том, чтобы понять: в литературе сложилась система, основанная на определенных посылках и ограничениях,

укладывающая любое произведение в прокрустово ложе. Ни Главлит, ни многочисленные рецензенты не могли игнорировать предписания идеологической системы, основанной на одностороннем видении прошлого.

Я знаю, что не все, написанное многими военачальниками, вошло в их мемуары. Готовя свои воспоминания нередко под влиянием внешних обстоятельств, они искали место и повод, чтобы упомянуть в книге влиятельных людей, которых в годы войны часто нельзя было рассмотреть даже в очень сильную лупу. Знаю, как ретивые приспособленцы искали часть, где до войны служил Л.И. Брежнев; ту станцию, куда однажды сопроводил из Красноярска поезд с подарками фронту К.У. Черненко... Многие хорошие работы были "засорены" вынужденными ссылками на Брежнева, поиском поводов, чтобы упомянуть его заслуги. Конечно, такая, например, "реприза" не могла попасть ни в одну книгу. Лектор ГлавПУРККА полковой комиссар Синянский, выезжавший в августе 1942 года в 18-ю армию с проверкой хода выполнения приказа № 227, в частности, писал заместителю начальника Главного политуправления РККА Шикину: работники политуправления Емельянов, Брежнев, Рыбанин, Башилов "не способны обеспечить соответствующий перелом к лучшему в настроениях и поведении (на работе и в быту) у работников политуправления фронта... По словам полкового комиссара тов. Крутикова и старшего батальонного комиссара тов. Москвина, и другие работники подвержены в своей значительной части беспечности, самоуспокоенности, панибратству, круговой поруке, пьянке и т.д."[68]. Я не могу утверждать, что все, написанное полковым комиссаром Синянским (а в записке говорится и о других "грехах"), является истиной. Мне хотелось лишь подчеркнуть, что любая критика в адрес Брежнева тогда была исключена.

Мы были пленниками ложного сознания. Часто людей невольно ставили перед выбором: или в книге все будет "как надо", или она не выйдет в свет. И еще. Не хочу никого обидеть, но скажу. Большинство мемуаров полководцев написаны "литературными обработчиками" — людьми, часто весьма далекими от пережитого авторами книг. Да, они пользовались материалами, рассказами мемуаристов, но в конечном счете писали они, а не авторы воспоминаний. Хотим мы или не хотим, но очень часто личностное восприятие автора теряется, слабеет. Хорошо сказал о военных мемуарах И.Х. Баграмян: "Они в очень большой степени зависят — кому какой полковник достался". Писать через "посредника", что иногда неиз-

бежно, — это всегда значит терять нечто неповторимое, истинно авторское...

Написав "мышление стратега?", я хотел лишь беспристрастно взглянуть на особенность стратегического мышления человека, стоявшего во главе нашего народа и армии в Великой Отечественной войне. Скажу сразу: что касается мышления, то в отдельных областях Сталин имел некоторые преимущества перед многими советскими полководцами, но были и такие области, где он так и не смог избавиться от дилетантства, односторонности, некомпетентности, шаблона до конца войны. Впрочем, давайте по порядку.

Думаю, в полном смысле слова Сталин не был полководцем. Полководец — это военный деятель. К ним относят, пожалуй, не столько по должности, сколько по таланту, творческому мышлению, глубокому стратегическому ви́дению, военному опыту и компетенции, богатой интуиции и воли. Сталин обладал далеко не всеми этими качествами. Это был **политический руководитель:** жесткий, волевой, целеустремленный, властолюбивый, который в силу исторических обстоятельств вынужден был заниматься военными делами. Сильная сторо́на Сталина как Верховного Главнокомандующего была предопределена его абсолютной властью. Но не только это поднимало его над другими военными деятелями. Он имел преимущество перед иными полководцами в том, что глубже их видел (в силу своего положения лидера страны) зависимость вооруженной борьбы от целого спектра других, "невоенных" факторов: экономического, социального, технического, политического, дипломатического, идеологического, национального. В силу своего положения он лучше, чем члены Ставки, работники Генштаба, командующие фронтами, знал реальные возможности страны, ее промышленности и сельского хозяйства. У Сталина было, если так можно сказать, более универсальное мышление, органически связанное с широким кругом невоенных знаний. Это преимущество, повторяю, определялось положением Сталина как государственного, политического, партийного деятеля. Полководческая, военная грань была лишь одной из многих, которая должна быть присуща государственному деятелю такого уровня.

По своему статусу Сталин был полководцем — Верховным Главнокомандующим. Но каким? Давайте еще раз обратимся к прошлому.

Военные историки часто ссылаются на Наполеона. Его высказывания считаются классическими. Бонапарт, рассматрив-

ший соотношение ума и характера у полководца, считал: "Люди, имеющие много ума и мало характера, меньше всего пригодны к этой профессии. Лучше иметь больше характера и меньше ума. Люди, имеющие посредственный ум, но достаточно наделенные характером, часто могут иметь успех в этом искусстве"[69]. Разумеется, под умом надо понимать не только процесс отражения объективной реальности, дающий знание о существующих в реальном мире связях, свойствах и отношениях, но и компетентность в конкретной сфере военного дела. Как писал советский ученый Б.М. Теплов, для интеллектуальной деятельности полководца "типичны: чрезвычайная сложность исходного материала и большая простота и ясность конечного результата. В начале — *анализ сложного материала,* в итоге — *синтез, дающий простые и определенные положения. Превращение сложного в простое* — этой краткой формулой можно обозначить одну из самых важных сторон в работе ума полководца"[70]. Другими словами, мышление полководца позволяет видеть одновременно целое и детали, движение и статику. Подлинное мышление полководца — это синтетическая (обобщающая) сила ума, выражающаяся в конкретности мышления. У полководца должны быть одинаково сильны ум и воля, интеллект и характер. Мы знаем, что порой на первый план выходит то один, то другой компонент. Но ум и воля всегда должны выступать в единстве. Только тогда полководец будет в состоянии проявить гибкость в отношении уже принятого решения и одновременно упорство и твердость в достижении цели.

Ранее уже отмечалось, что Сталин был умным человеком, но с заметно выраженными чертами догматического мышления. Верховный, если так можно выразиться, мыслил по "схеме". Самой слабой стороной его стратегического мышления являлось господство общих соображений над конкретными. Правда, в обобщающем анализе это могло стать как раз сильной стороной. Политик в Сталине всегда брал верх над военным деятелем. Скажу точнее: искушенный, жесткий политик брал верх над непрофессиональным военным. Для стратега, безусловно, общие соображения всегда важны, но у Сталина они нередко заслоняли конкретные проблемы. И наоборот, когда Сталин пытался сосредоточиться на чем-либо одном, конкретном, то он терял контроль над вопросами более общего порядка. Например, в те дни, когда назревала харьковская катастрофа, Сталин третью декаду мая 1942 года, как явствует из анализа его работы тех дней, активно занимался обеспечением проводки караванов судов в Баренцевом море, делами Вол-

ховского фронта, организацией ударов по аэродромам противника на Западном фронте, выделением катеров для Ладожской военной флотилии, дальнейшей передислокацией войск для уничтожения демянской группировки и т.д. Сталину не хватило стратегического ума для концентрации своих усилий, Генштаба, представителей Ставки на главном в тот момент участке советско-германского фронта. Сталин, как Тимошенко и Хрущев, не сразу почувствовал глубину опасности. Игнорируя, как обычно, решения и действия главкоматов, Сталин в данном случае довольно беспечно подошел к выводам и заверениям командования фронта и штаба Юго-Западного направления. Слабая оперативная подготовленность не позволила выделить стратегически важное звено; интуиция вовремя не подсказала Верховному грозную опасность.

Слабой стороной мышления Сталина как полководца была известная оторванность от временны́х реалий. Это отмечали и Жуков, и Василевский. Очень часто Сталин, загоревшись какой-либо идеей, требовал немедленной ее реализации. Нередко, подписывая директиву фронту, он отводил на ее осуществление всего несколько часов, что обычно обрекало штабы и объединения на неподготовленные, поспешные действия, ведущие к неудаче. Так, Западный фронт в 1942 году несколько раз получал распоряжения и приказы Сталина, сопряженные с переброской соединений на 50 — 60 километров (с одного участка фронта на другой), а совершить эти маневры следовало всего за 5 — 6 часов! За это время приказ едва-едва доходил до непосредственных исполнителей. До конца войны Сталин не мог постичь истины: взмах руки Верховного не означает моментального исполнения его воли в полках и дивизиях. Этот недостаток мышления Сталина связан с исключительно слабым представлением о жизни войск, их быте, работе командиров, последовательности и порядке исполнения приказов и распоряжений.

Будучи невоенным человеком, Сталин, решая те или иные оперативные вопросы, больше полагался не на конкретное знание ситуации, обстановки, а на примат "нажима", давления на военачальников и штабы. При этом часто его распоряжения, выводы диктовались лишь соображениями здравого смысла, а не стратегической или оперативной оценкой. Я уже приводил немало подобных документов.

Отчитывая Голикова 30 июня 1942 года за потерю связи со своими соединениями, Сталин в сердцах бросает командующему Брянским фронтом: "Пока Вы будете пренебрегать ра-

диосвязью, у Вас не будет никакой связи и весь Ваш фронт будет представлять неорганизованный сброд... Плохо Вы поворачиваетесь и вообще Вы опаздываете. Так воевать нельзя..."[71]

Здесь Сталин вторгался в обстановку скорее как политический руководитель, требуя улучшить руководство войсками с плохо скрытыми угрозами. Волевое начало в интеллекте Верховного обычно брало верх... Иногда в его телеграммах просто констатировалась убийственная ситуация, без каких-либо выводов и распоряжений. Но эта констатация выглядит зловеще.

"Командующему Северо-Кавказским фронтом

Государственный Комитет Обороны крайне недоволен тем, что от Вас нет регулярной информации о положении на фронте. О потерях территории Северо-Кавказского фронта мы узнаем не от Вас, а от немцев. У нас получается впечатление, что Вы, охваченные паникой, отступаете без пути (так в тексте. — *Прим. Д.В.*) и неизвестно когда наступит конец Вашему отступлению.

10 августа 42 г. 20.45.

И. Сталин"[72].

Подобные напоминания Верховного действовали мобилизующе. "Стимулятор" был испытанным: страх, боязнь быстрых решений, которые, в лучшем случае, могли опустить военачальника на несколько ступеней вниз по служебной лестнице, а иногда им могли заняться люди Берии.

В 1943 — 1945 годах Сталин, как стратег, полководец, с помощью своих военных помощников постиг ряд важных истин оперативного искусства. Верховный понял, например, что к обороне нужно и можно переходить не только когда к этому принуждает противник, но и, как в некоторых операциях 1942 года, заблаговременно, а в последующем и преднамеренно, для подготовки к наступательным действиям. Напомню, Сталин очень не любил оборону. С ней у Верховного были связаны самые мрачные воспоминания и переживания. Он помнил, как 16 сентября 1942 года, вскоре после обеда, Поскребышев вошел и молча положил перед Сталиным экстренное донесение Главного разведуправления Генштаба за подписью генерала Панфилова о радиоперехвате трансляции из Берлина.

"Сталинград взят доблестными немецкими войсками. Россия рассечена на северную и южную части, которые скоро впадут в состояние агонии..."

Верховный несколько раз перечитал лаконичное сообщение, невидящими глазами уставился в окно кабинета, за которым где-то далеко на юге, кажется, произошла катастрофа. Почти

четверть века назад он боролся там, находясь в критической ситуации. И тогда выстояли... Почему не могут сейчас? Что за командиры? Только на днях он отстранил от должности командующего 62-й армией генерала Лопатина, командиров корпусов Павелкина и Мишулина... Ему и в голову не приходило, что целому слою молодых офицеров, которые за три-четыре года прошли путь от командиров рот до командиров корпусов, просто не хватало знаний, опыта, умения. Да дело не только в командирах. Сталин ни разу не сказал своим соратникам и помощникам, что недооценка опасности нового немецкого наступления на южном направлении дорого обошлась стране. Вглядываясь в щель полузашторенного окна, боясь услышать подтверждения немецкого сообщения, Сталин уже думал о том, как продолжать борьбу дальше. Колебаний в этом вопросе у него не было. Негромко сказал Поскребышеву:

— Соедините меня с Генштабом. Быстро...

Через минуту он диктовал генералу Бокову телеграмму Еременко и Хрущеву: "Сообщите толком, что у Вас делается в Сталинграде. Верно ли, что Сталинград взят немцами? Отвечайте прямо и честно. Жду немедленного ответа.

И. Сталин.

16.9.42 г. 16 часов 45 мин.

Передано по телефону тов. Сталиным. Боков"[73].

Обороняться не умели. Защищались часто натужно, компенсируя просчеты руководства не только большими потерями, оставлением все новых и новых территорий, но и беспримерным упорством бойцов. В конце войны Сталин вспоминал ее первые полтора года, как длинный и кошмарный сон. Пережил много разочарований. Ни один командующий приграничным округом, ставший командующим фронтом, как и маршалы Ворошилов, Буденный, Кулик, не оказался на высоте положения. Сталину было трудно признаться самому себе, что остановить врага в конце концов удалось ценой огромных территориальных, материальных и, прежде всего, людских потерь. Не благодаря "мудрой сталинской" стратегии, а в результате подвижничества всего народа. Такова была плата за предвоенные ошибки, просчеты, террор, самоуверенность. Но сказать "вождю" об этом было некому.

Для Сталина всегда была важна только цель. Его никогда не мучили угрызения совести, чувство горечи и боль от огромных потерь. Его лишь пугало, что разбито столько-то дивизий, корпусов и армий. Ни в одном документе Ставки не нашла отражения озабоченность Сталина слишком большими людски-

ми потерями. Та, настоящая грань военного искусства, суть которой в том, чтобы достичь поставленных целей с минимальными потерями, Сталина мало интересовала. Верховный считал, что как победы, так и поражения в войне непременно собирают скорбный урожай. Жертвы, массовые жертвы, по Сталину, — неизбежный атрибут современной войны. Может быть, Сталин так считал, поскольку был Верховным Главнокомандующим огромной по численности армии? К концу войны в Вооруженных Силах было около 500 стрелковых дивизий, не считая артиллерийских, танковых, авиационных. Это в два раза больше, чем накануне войны. Правда, по численному составу советские дивизии значительно уступали немецким, но Сталин, несмотря на неоднократные предложения военачальников, не пошел на укрупнение соединений. При такой огромной военной мощи, хорошо налаженной системе пополнения войск Сталину казалось совсем необязательным ставить достижение стратегических целей в зависимость от уровня потерь. В директивах были обычными такие страшные по своей сути формулировки:

"Верховное Главнокомандование обязывает как генерал-полковника Еременко, так и генерал-лейтенанта Гордова, не щадить сил и **не останавливаться ни перед какими жертвами...**"[74] Верховный "мыслил" десятками дивизий. Он всегда любил крупный масштаб. Поэтому его тезис "не останавливаться ни перед какими жертвами" — не просто моральная характеристика его интеллекта, но и характеристика стратегическая. Характеристика предельно негативная. Достижение цели, по Сталину, не должно ставиться в зависимость от количества жертв. Их часто просто не считали.

Вместе с тем нужно сказать, что Сталин причастен к появлению принципиально новых форм стратегических действий — операций групп фронтов. Это были сложнейшие и крупнейшие комплексы боев и сражений, подчиненные единому замыслу, согласованные по цели, времени и месту. В некоторых из этих операций участвовали от 100 до 150 дивизий и больше, десятки тысяч орудий, 3 — 5 тысяч танков, 5 — 7 тысяч самолетов. Колоссальная мощь, задействованная в соответствии с игрой стратегического воображения и расчетами Генштаба, штабов фронтов на основе анализа многочисленных факторов и возможностей (своих и противников). Именно здесь, в таких операциях, где участвовали несколько фронтов, Сталин сам по-настоящему почувствовал себя полководцем. Крупные масштабы не означали для него лишь количественное выраже-

ние используемой мощи. В них он видел большие возможности собственного стратегического самовыражения и самоутверждения. После Московской и Сталинградской битв Сталин постоянно стремился "сочленить" усилия разных фронтов в новых и новых стратегических комбинациях. Курская, Белорусская, Восточно-Прусская, Висло-Одерская, Берлинская, Маньчжурская операции соответствовали не только объективному ходу дел, но и пристрастию Сталина ко всему крупному, масштабному, подавляюще огромному. А это были именно такие операции. Полоса наступления в них нередко достигала 500 — 700 километров по фронту, глубина — 300 — 500 километров, продолжительность — до месяца. Верховный, как всегда, торопил с началом, был недоволен темпами, раздражался при заминках. Общий замысел наступательных операций, предлагаемых Генштабом, Сталин схватывал быстро, иногда предлагал существенные детали, направленные на повышение мощи ударов.

Но принципиальные идеи, как альтернативу предложениям Генштаба, Верховный выдвигал очень редко. Замысел рождался в "мозге армии" — Генштабе. Как правило, Сталин требовал усилить роль авиации, а после того как летом 1942 года стали создавать танковые армии, обязательно уточнял их задачи, пристально следя за использованием этих мощных ударных соединений. Анализ многих архивных документов показывает, что планирование, ход, развитие, завершение большинства операций не носили явно выраженной "печати" Верховного. Например, выслушав доклад Жукова о ходе сражения 9 — 10 июля 1943 года в районе Понырей, Сталин как бы отдавал на откуп окончательное решение своему заместителю: "Не пора ли вводить в дело Брянский фронт и левое крыло Западного фронта?" Вопрос был задан тоном, подчеркивавшим право Жукова решать самому.

В последние полтора года войны Сталин научился неплохо разбираться в оперативных вопросах. Часто предлагал в той или иной наступательной операции осуществить окружение вражеской группировки. После Сталинграда, не раз выслушав Антонова, он как бы между прочим говорил:

— А еще один Сталинград немцам здесь устроить нельзя?

"Набор" форм боевых действий, которые он усвоил, не был богатым. Но он постигал военное искусство, по достоинству оценивая предложения, которые делались командующими фронтами, военными членами Ставки. Верховный, как я уже сказал, питал "слабость" к такой форме наступательных дей-

14– 2023

ствий, как окружение и уничтожение противника ударами нескольких фронтов (Белорусская и Ясско-Кишиневская операции). Ему очень импонировала идея организации и проведения ряда последовательных операций, с различными временными интервалами, на различную глубину. Придет время, и все хором будут говорить, что эта концепция — плод "стратегического гения Сталина". Однако для него явились откровением предложения Генштаба и фронтов о нанесении нескольких "дробящих" ударов с развитием их вглубь и на флангах (в Орловской операции); о расчленении крупной группировки противника и уничтожении ее по частям (в Висло-Одерской операции).

Сталин, допустивший крупные просчеты в определении направления главного удара фашистских войск в первый период войны, был более осмотрителен при определении основных усилий советских войск, когда они перешли в контрнаступление и наступление. Зимой 1942/43 года и летом 1943 года Сталин поддержал мнение военного руководства о необходимости добиться стратегического успеха на юго-западном направлении. Но уже летом 1944 года стало очевидным, что предложение Генштаба о перенесении центра тяжести наступательных операций вновь на западное направление может ускорить разгром фашистской армии.

Еще раз подчеркну: сам Сталин не выдвигал стратегические идеи операций, но в 1943 — 1945 годах был в состоянии оценить их по достоинству. Выслушав военных членов Ставки, командующих фронтами, Сталин одобрял решения, которые обычно поддерживались большинством. Пожалуй, его "гениальность" во второй и третий периоды войны чаще всего выражалась в понимании и одобрении рациональных предложений, выдвигаемых Жуковым, Василевским, Антоновым, командующими фронтами.

Нажим, требования "любой ценой" были в основе действий Сталина, но его мысль порой достаточно пытливо искала пути повышения эффективности боевых действий, ускорения разгрома гитлеровских войск. Это проявлялось, в частности, в том, что в 1943 — 1945 годах по инициативе Генштаба Сталин неоднократно обращал внимание командования резервных армий на необходимость усиления оперативной маскировки, улучшения управленческой работы штабов армий, корпусов и дивизий, ускорения прохождения команд, приказов и директив до исполнителей, создания специальных контрбатарейных соединений, использования авиации и танковых соединений и т.д. Сам спектр этих вопросов стратегического, оперативного и даже

тактического характера, одобренных Верховным, свидетельствует, что он уже многому научился у войны, у своих профессиональных военных помощников в Ставке, стал интуитивно чувствовать слабые и сильные стороны некоторых своих решений.

Вместе с тем Сталин по-прежнему уделял большое внимание активизации боевой деятельности исполнителей, особенно в оперативном звене командования. Его решения в этом отношении, принимаемые, как правило, единолично, были радикальными.

Иногда Сталину приходили на ум идеи, которые внешне были алогичными, но тем не менее сыграли заметную роль. Таким было, как мы уже упоминали, решение провести парад на Красной площади 7 ноября 1941 года, таким же неожиданным было предложение Верховного летом 1944 года провести большую массу немецких военнопленных по улицам Москвы.

— Это еще больше поднимет моральный дух народа и армии, ускорит разгром фашистов. Как думаете?

Молчавшие Молотов, Берия, Ворошилов, Калинин после короткого замешательства стали наперебой соглашаться.

— Мудрый шаг, Иосиф Виссарионович!

— Это только Вы могли такое предложить!

— Гениальное решение!

Уже через неделю, 13 июля, Берия докладывал Верховному план необычной "моральной" операции:

"В соответствии с Вашими указаниями, Иосиф Виссарионович, 17 июля с.г. через Москву будет проведено 55 тысяч военнопленных, и в том числе: 18 генералов, 1200 офицеров. В Москву с 1-го, 2-го и 3-го Белорусских фронтов доставим 26 эшелонами. Генералы Дмитриев, Миловский, Горностаев и комиссар госбезопасности Аркадьев этими вопросами уже вплотную занимаются. Ответственные за охрану и конвоирование по Москве работники НКВД Васильев и Романенко. К вечеру 16 июля на ипподроме и на плацу мотострелковой дивизии НКВД сосредоточим всех. Рассчитали: двадцать шесть эшелонов — двадцать шесть колонн. Маршрут движения: Московский ипподром, Ленинградское шоссе, улица Горького, площадь Маяковского и далее по Садовому кольцу: Садово-Триумфальная, Садово-Каретная, Садово-Самотечная, Садово-Сухаревская, Садово-Спасская, Садово-Черногрязская, Чкаловская, Крымский вал, Смоленский бульвар, по Баррикадной и Краснопресненской улицам возвращение на Московский ипподром... Начало движения с 9 утра; завершение — к 16 часам"[75].

(К слову: затем будут меняться и маршрут и время.) Сталин перебил:

— Выдержат ваш поход колонны?

— Выдержат, товарищ Сталин.

— А что после?

— Рано утром следующего дня с 11 пунктов (вокзалов и станций) — отправка в лагеря на восток.

Берия собирался докладывать план дальше, но Сталин не захотел больше слушать. "Дашь идею — исполнят. А сами не могли додуматься?" — посмотрел с неприязнью на соратников Верховный.

Большое значение Сталин придавал мерам морального стимулирования бойцов и командиров. Например, по предложению Верховного в начале сентября 1943 года были разработаны своеобразные критерии награждения командиров за успешное форсирование рек. После поправок Сталина директива Ставки Военным советам фронтов и армий стала выглядеть так:

"За форсирование такой реки, как река Десна в районе Богданово (Смоленской области) и ниже, и равных Десне рек по трудности форсирования представлять к наградам:

1. Командующих армиями — к ордену Суворова 1-й степени.

2. Командиров корпусов, дивизий, бригад — к ордену Суворова 2-й степени.

3. Командиров полков, командиров инженерных, саперных и понтонных батальонов — к ордену Суворова 3-й степени.

За форсирование такой реки, как река Днепр в районе Смоленск и ниже, и равных Днепру рек по трудности форсирования названных выше командиров соединений и частей представлять к присвоению звания Героя Советского Союза.

И. Сталин

9 сент. 1943 г. 2 часа. *Антонов*"[76].

Такие директивы не единичны. Сталин периодически перед трудными рубежами, которые следовало преодолеть, использовал моральные стимулы, не без оснований полагая, что щедрое поощрение отличившихся является существенным фактором в создании и поддержании боевого порыва наступающих войск. Правда, в наградах Сталин был довольно щепетилен. Он не согласился, например, в 1949 году, когда отмечали его 70-летие, с предложением Маленкова о награждении его второй Золотой Звездой Героя Советского Союза (он был удостоен двух Звезд: Героя Социалистического Труда в 1939 г. и Героя Советского

Союза в 1945 г.). Сталин проницательно посчитал после награждения его орденом "Победа", что нужно остановиться. Рассказывают, что, когда президента де Голля хотели наградить высшим французским орденом, он спросил: "А разве Франция может наградить Францию?" Сталин пресек поток наград. Но это была не мудрость, а просто элементарное понимание того, что перебор в наградах может "ударить" по авторитету и подорвать его.

А Брежнев, Черненко остановиться не смогли, видимо, потому, что не понимали порой даже элементарного... Человек, занимающий пост "первого лица" недемократического государства, может награждать себя по любому поводу и без повода. Но это не прибавит ему авторитета, а наоборот. В итоге у Сталина было почти столько же орденов, сколько, например, у Мехлиса, и в четыре-пять раз меньше, чем у Брежнева. Но "щепетильность" Сталина к наградам и присвоению высоких воинских званий проявлялась не в этом: он не жаловал политработников, штабистов, тыловых офицеров. Сталин мог присвоить звание маршала рода войск командующему танковой армией, а, например, последовательно занимавшему высокие должности генерал-лейтенанту К.Ф. Телегину — члену Военного Совета МВО, Московской зоны обороны, Донского, Центрального, Белорусского, 1-го Белорусского фронтов, Группы советских оккупационных войск в Германии — звание генерал-полковника не дал. Однажды Сталину стало известно, что командующий 1-м Прибалтийским фронтом генерал армии Еременко наградил орденами и медалями, не учтя мнение члена Военного совета, группу работников газеты "Вперед на врага". Особисты доложили о "разночтении" в подходе командующего и члена Военного совета. Сталин тут же продиктовал приказ Народного комиссара обороны № 00142 от 16 ноября 1943 года, в котором говорилось:

"1. Приказ командующего 1-м Прибалтийским фронтом от 29 октября 1943 года... о награждении правительственными наградами работников редакции фронтовой газеты отменить. Выданные ордена и медали — отобрать.

2. Пункт приказа Военного совета 1-го Прибалтийского фронта от 24 сентября о награждении редактора газеты "Вперед на врага" полковника Кассина как незаконный — отменить. Выданный Кассину орден Отечественной войны отобрать.

3. Разъясняю генералу армии тов. Еременко, что ордена и медали установлены правительством для награждения отли-

чившихся в борьбе с немецкими захватчиками бойцов и офицеров Красной Армии, а не для огульной раздачи кому попало...

4. Редактора газеты полковника Кассина... снизить в воинском звании до подполковника и назначить на меньшую работу.

И. Сталин"[77].

Так резко Сталин реагировал на ошибки, по его мнению, в "наградной политике". Для него награды были лишь стимулом для достижения успеха. А не наградой за сделанное...

Подписав директиву о форсировании Вислы, Сталин отпустил было Антонова, но затем вернул его от двери и продиктовал еще одну — командующим 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами:

"Придавая большое значение делу форсирования Вислы, Ставка обязывает Вас довести до сведения всех командармов Вашего фронта, что бойцы и командиры, отличившиеся при форсировании Вислы, получат специальные награды орденами вплоть до присвоения звания Героя Советского Союза.

29 июля 1944 г. 24 часа.

И. Сталин
Антонов"[78].

Пока шла война, полководцы, за редчайшим исключением, Сталину не возражали. Но после его смерти и особенно после XX съезда произошли частные или общие ревизии во взглядах на полководческий "дар" Сталина. Мне хотелось бы привести один пример стратегического инакомыслия, о котором, уверен, мало кто знает сегодня.

В своих мемуарах "Конец третьего рейха", а также в ряде других публикаций и выступлений Маршал Советского Союза В.И. Чуйков высказал мысль, что Берлин можно было взять не в мае, а в феврале 1945 года. Ему возразили Г.К. Жуков, А.Х. Бабаджанян, другие военачальники, в том числе и в печати. Чуйков попытался ответить на критику в "Военно-историческом журнале". Ему отказали. Тогда он написал в ЦК партии. Там посоветовали провести "соответствующую" работу со строптивым маршалом. По поручению ЦК КПСС 17 января 1966 года у начальника Главного политуправления генерала армии А.А. Епишева собрались выдающиеся советские маршалы, генералы, специалисты, чтобы "вразумить" Чуйкова. В своем выступлении Чуйков вновь указал на то, что "советские войска, пройдя 500 километров, остановились в феврале в 60 километрах от Берлина... Кто же нас задержал? Противник или командование? Для наступления на Берлин у нас было войск вполне

достаточно. Два с половиной месяца передышки, которые мы дали противнику на западном направлении, помогли ему подготовиться к обороне Берлина...".

Оппоненты Чуйкова — генерал армии А.А. Епишев, маршалы И.С. Конев, М.В. Захаров, К.К. Рокоссовский, В.Д. Соколовский, К.С. Москаленко, другие участники встречи — пытались объяснить своему коллеге, что наступательный заряд войск к этому времени иссяк, отстали тылы, устали войска, нужны были пополнение, боеприпасы... Возможно, истина была на стороне большинства. Но я усматриваю в этом совещании нечто другое: уже начался период "моратория" на критику Сталина. Рассматривая вопрос, была ли возможность осуществить Берлинскую операцию раньше, участники встречи, как будто договорившись, совершенно не связывали это с решением Ставки и Сталина. Даже постановка этого вопроса встретила решительное осуждение. Епишев, подытоживая результаты обсуждения, заявил, что взгляды Чуйкова по этому вопросу "ненаучны", что нельзя "очернять нашу историю, иначе не на чем будет воспитывать молодежь".

Старые путы догматического мышления, к формированию которого столько сил приложил Сталин, держали этих почтенных людей не только тогда; в немалой мере они удерживают нас и сейчас. Дело совсем не в том, возможно ли было ускорить начало одной из последних операций войны, а в том, что даже сама постановка вопроса представлялась еретической. Сталина давно не было, но стиль его мышления был жив. Даже люди такого высокого ранга, обладающие стратегическим умом, не были готовы обсудить его действия как Верховного Главнокомандующего. А ведь маршалы очень многое знали о нем, но вырваться из своего времени дано немногим.

Но вернемся в годы войны. Мышление Сталина обеднялось его слабым представлением о фронтовой жизни, повседневном быте войск, дыхании той раскаленной линии, где соприкасались, яростно сражаясь, две гигантские военные машины. Когда Сталин окончательно почувствовал, что время работает на Победу (после Сталинграда), он стал выкраивать 30 — 40 минут (чаще ночью), чтобы посмотреть фронтовую кинохронику. Иногда просмотр таких лент подталкивал его к принятию широкомасштабных решений. Мысль кабинетного полководца, получавшая дополнительную информацию, трансформировалась через присущие ему стереотипы тоталитарности, цезаризма, подозрительности, недоверия, настороженности.

В одной из кинолент были, например, кадры, когда во

фронтовой полосе, где-то в полусожженном колхозном сарае поймали двух полицаев, которые не успели скрыться или сдаться. Тут же Сталин приказал направить директивы командующим фронтами (копию — Берии) с требованием неукоснительно выполнять директиву Ставки от 14 октября 1942 года. Согласно этому документу, устанавливалась прифронтовая полоса, из которой без всякого исключения отселялось население в целях "недопущения в расположение частей вражеских агентов и шпионов". Сталин своей рукой написал: "Особо важно. Прифронтовая зона должна стать неприступной для шпионов и агентов врага. Пора понять, что населенные пункты, расположенные в ближайшем тылу, являются удобным убежищем для шпионов и шпионской работы"[79]. Нет, в директиве ни слова не говорится об отселении с целью обеспечения безопасности мирных жителей (ведь это советские граждане!), о проявлении заботы о них. "Шпионское" мышление Сталина и здесь усмотрело прежде всего опасность со стороны освобожденных граждан. В этом отношении Сталин так никогда и не изменился...

Я уже не раз отмечал, что Сталин не обладал прогностическими способностями. Это можно объяснить: склонный к догматическому мышлению ум труднее схватывает те тенденции, которые как бы скрываются за горизонтом завтрашнего дня. Напомню, Верховный, например, ставил задачу сделать 1942 год годом разгрома гитлеровских захватчиков и грубо ошибся. Затем — год 1943-й, и наконец — год 1944-й. Тоже не получилось. Причем не просто ставил задачу, а выражал уверенность в реальности этой программной установки. Это были задачи, основанные на эфемерном прогнозе. Практичный, цепкий ум Сталина плохо видел в сумерках неизвестности. Это объясняется тем, что он так никогда по-настоящему и не овладел диалектикой, ее законами, часто не располагал достоверными данными как о своих войсках, так и о противнике. К сожалению, в докладах ему очень часто преувеличивали потери, понесенные противником, нередко завышали силы немцев в надежде получить дополнительное подкрепление. Эта искаженная фронтовая статистика, которая делала невозможной реальную, трезвую оценку обстановки, анализ соотношения сил, серьезно ослабляла прогностические возможности Ставки и самого Верховного Главнокомандующего. Но в этом он виноват сам. Ложь давно себя чувствовала хозяйкой в его цезаристской жизни. Сталин жестоко наказывал, даже снимал военачальников со своих постов за преувеличенные или приуменьшенные данные, но искоренить случаи деформации истины в донесениях ему не

удалось. Сталин уличал даже Жукова, полагавшегося на непроверенные донесения снизу:

"Тов. Юрьеву (Г.К. Жукову)

Получил Вашу телеграмму, где Вы просите подать Вам свежий штурмовой авиакорпус, так как на 1-м Украинском фронте в строю имеется, как Вы утверждаете, всего 98 штурмовиков... Вас, должно быть, ввели в заблуждение.

На самом деле у Вас в строю имеется 98 штурмовиков, плюс к этому 95 штурмовиков в составе 224-й штурмовой дивизии, расположенной в Прилуках. Всего, значит, в строю имеется у Вас 193 исправных штурмовика. К этому надо добавить 143 штурмовых самолета, направляющихся к Вам россыпью для пополнения штурмовых дивизий. Стало быть, всего у Вас на фронте будет 336 исправных штурмовых самолетов.

16 марта 1944

1 час 45 мин. *Иванов (Сталин)*"[80].

Данные у Верховного и его заместителя расходились: 336 и 98 самолетов. Разница слишком большая. Скорее всего, и та и другая цифры неточны, но это свидетельствует о заинтересованности некоторых командиров, штабов в существовании искаженной статистики.

Если в начале войны Сталин доверялся любым сообщениям, то позже самые драматические донесения он уже воспринимал спокойнее. Кардинально Гитлер уже ничего изменить не мог. Время работало только на союзников. Поэтому, когда поступали непроверенные сигналы, Сталин жестко отчитывал командующих, а заодно и представителей Ставки, находившихся на этом фронте:

"Командующему 1-м Прибалтийским фронтом
генералу армии Еременко
Копия — тов. Воронову

Шум, который Вами был поднят о наступлении крупных сил противника, якобы до двух танковых дивизий со стороны Езерище на Студенец, оказался ни на чем не основанным, паническим донесением... Впредь не допускать представления в Ставку и Генеральный штаб донесений, содержащих непроверенные и непродуманные панические выводы о противнике.

12 ноября 1943 г. 24.00

И. Сталин"[81].

Еще раз подчеркну: мышление Сталина как стратега опиралось на знания и опыт политического руководства, понимание роли и места в вооруженной борьбе экономических, технических, организационных, духовных факторов. Это позволяло

Верховному масштабнее смотреть на процессы войны, видеть их тесную взаимосвязь с международной обстановкой, действиями союзников, других внешнеполитических факторов. Можно, пожалуй, даже сказать, что Сталин обладал волевым умом политика, **вынужденного** заниматься военными вопросами. Его фрагментарные знания в области теории военного искусства, слабое представление об особенностях функционирования всего военного механизма не позволили Верховному подняться до высот подлинного стратегического мышления.

Но он сумел компенсировать эти органические слабости напряженной деятельностью "мозга армии" — Генерального штаба. Все важнейшие идеи, реализованные в оборонительных и наступательных операциях, рождены в "мозговом бункере" Ставки, в среде его военного окружения. При своей военной непрофессиональности Сталин смог подняться до понимания этих идей и замыслов, внося в них иногда существенные добавления. Поэтому более справедливо утверждать, что "интеллектуальное начало" собственно военного руководства осуществлялось Ставкой и Генеральным штабом. Велика роль и штабов фронтов и армий. Роль Сталина в большей степени проявилась в "волевом начале". Облеченный неограниченной властью военного диктатора, Сталин придавал решениям Ставки жестко императивный характер, подчас субъективный, нередко с негативными последствиями. Эту мысль полнее всего подтверждают поспешные, запоздалые или непродуманные решения Сталина в первые полтора года войны.

Вероятно, Верховный в известной мере чувствовал свою ущербность и даже в некотором смысле неполноценность как полководца, не знающего жизни фронта. Этот комплекс уязвимости усиливался еще больше от того, что часть его соратников побывала на фронтах. Жданов был тесно связан с Ленинградом, видел своими глазами блокаду и как член Военного совета фронта был в гуще военных дел. Не вылезал с фронта и Хрущев. Довольно длительное время просидел в блиндаже штаба Сталинградского фронта Маленков, хотя ни в одной части на передовой он так и не побывал. Правда, Сталин еще раз посылал Маленкова на фронт в апреле 1944 года. От члена Военного совета Западного фронта Мехлиса, постепенно оправившегося от сокрушительного крымского фиаско, поступило личное письмо Сталину. Содержание его осталось неизвестным. Однако 3 апреля Сталин издал приказ, в котором говорилось: "Поручить Чрезвычайной комиссии в составе члена ГКО тов. Маленкова (председатель), генерал-полковника Щер-

бакова, генерал-лейтенанта Кузнецова, генерал-полковника Штеменко и генерал-лейтенанта Шимонаева проверить в течение 4 — 5 дней работу штаба Западного фронта..."[82] Трудно сейчас сказать, о чем писал Мехлис, что проверяли, какие сделали выводы, но только после отъезда комиссии командующий фронтом генерал армии В.Д. Соколовский пошел на понижение: начальником штаба 1-го Украинского фронта.

Сталин в течение всей войны держал Маленкова возле себя: тот выполнял различные поручения "вождя" в аппарате ГКО и ЦК, а также курировал авиационную промышленность. Когда дела с выпуском самолетов наладились, Верховный санкционировал в сентябре 1943 года присвоение Маленкову звания Героя Социалистического Труда. И тут же сделал его Председателем Комитета при СНК по восстановлению хозяйства освобожденных районов. Сталин решил попробовать на военной работе и Кагановича. В июле 1942 года он направил его на Кавказ, назначив членом Военного совета Северо-Кавказского фронта. К слову сказать, этим же приказом начальником штаба этого фронта был назначен генерал-лейтенант А.И. Антонов, будущий начальник Генштаба. Каганович ничем положительным на фронте себя не проявил. Как и Маленков, чувствовал себя статистом в военной игре и простым "соглядатаем" Сталина в штабе и политуправлении фронта, но грозные филиппики Сталина до него дошли. Когда Северо-Кавказский фронт в середине августа 1942 года без санкции Ставки отошел с занимаемых рубежей, Сталин телеграфировал Военному совету (С.М. Буденный, Л.М. Каганович, Л.Р. Корниец и другие):

"Нужно учесть, что рубежи отхода сами по себе не являются препятствиями и ничего не дают, если их не защищают... По всему видно, что Вам не удалось еще создать надлежащего перелома в действиях войск и что там, где командный состав не охвачен паникой, войска дерутся неплохо... Суворов говорил: "Если я запугал врага, хотя я его не видел еще в глаза, то этим я уже одержал половину победы; я привожу войска на фронт, чтобы добить запуганного врага..."[83] Здесь, похоже, Сталин что-то сочинил за Суворова, но Верховному очень хотелось вдохновить Военный совет фронта, в котором Каганович, один из его бывших фаворитов, выглядел испуганным стрелочником. Правда, одно "фронтовое" задание Каганович все же выполнил успешно. В тяжелые дни и недели прорыва немцев на юге Сталин поручил ему вместе с Берией наладить работу трибуналов, прокуратуры, других элементов карательной системы,

способной, по мысли Верховного, заставить людей стоять насмерть.

Сталин часто привлекал Берию к решению вопросов снабжения фронтового тыла, "просеивания" в лагерях вышедших из окружения, "мобилизации" сотен тысяч заключенных на работы, стройки, связанные с обеспечением нужд фронта. Берия принимал участие в формировании некоторых соединений и частей. Например, 29 июня 1941 года Ставка своим приказом возложила на Берию формирование 15 дивизий на базе частей НКВД[84]. А в августе 1942-го и марте 1943 годов Берия находился на Кавказе, куда его послал Сталин для оказания помощи в обороне этого региона. Оттуда нарком внутренних дел слал Сталину депеши о том, что он изымает чеченцев и ингушей из воинских частей, как не заслуживающих доверия; давал оценки действиям Буденного, Тюленева и Сергацкова; докладывал о своих решениях по военным назначениям (например, заместителем командующего 47-й армией был назначен сотрудник НКВД подполковник Рудовский, совсем не знакомый с оперативными вопросами) и т.д. По просьбе Берии Сталин отдавал соответствующие распоряжения. Например, 20 августа 1942 года:

"Командующему Закавказским фронтом
Зам. НКО т. Щаденко

1. Изъять из состава 61 стр. дивизии 3767 армян, 2721 азербайджанца и 740 чел. дагестанских народностей...

2. Изъятых из 61 сд армян, азербайджанцев и дагестанских народностей направить в запасные части Зак. фронта, а некомплект в личном составе, полученный в дивизии в результате изъятия, покрыть из ресурсов фронта за счет русских, украинцев и белорусов...

Исполнение донести..."[85]

Берия был настоящим провокатором. Во время войны в национальном вопросе вместе со Сталиным они приняли немало антиленинских решений, эхо которых мы слышим и сегодня.

Во время своих поездок на Северо-Кавказский фронт Берия пытался "обрабатывать" генералов И.В. Тюленева, И.И. Масленникова, В.Ф. Сергацкова, И.Е. Петрова, С.М. Штеменко, других военачальников. Но в ответ в адрес Сталина пошли телеграммы, сообщения с просьбой оградить органы управления от "команды" Берии. Возможно, что Берии удалось лишь в какой-то степени повлиять на Масленникова, долго работавшего под его непосредственным руководством. Об этом свидетельствует заключение генералов Генерального штаба По-

кровского и Платонова, специально исследовавших этот вопрос в 1953 году. Они писали в своем докладе "К вопросу о преступной деятельности Берии во время обороны Кавказа в 1942 — 1943 годах" следующее:

"Для выполнения задачи обороны в восточной части Кавказского хребта 8 августа была создана Северная группа войск Закавказского фронта, командующим которой, по-видимому, по настоянию Берии, был назначен генерал Масленников, до этого неудачно командовавший армией на Калининском фронте... Генерал Масленников, несомненно пользуясь покровительством Берии, нередко игнорировал указания командующего фронтом и своими действиями задержал перегруппировку войск"[86]. Я не хочу утверждать, что И.И. Масленников стал близким Берии человеком. Но после знакомства с рядом писем Масленникова к Берии в 1942 году можно сделать вывод об особых отношениях между этими людьми. Масленников, будучи командующим 39-й армией, через голову военных начальников обращался с просьбами прямо к Берии, "в силу сложной и тяжелой обстановки, а также памятуя Ваше обещание оказывать возможное содействие... С особым уважением к Вам. *Масленников*. 7 июня 1942 г."[87]. Масленников, прочитав статью офицеров Завьялова и Калядина "Битва за Кавказ" в августовском номере журнала "Военная мысль" за 1952 год, прислал в адрес начальника Военно-научного управления Генштаба письмо (24.11.52 г.), в котором выражал свое несогласие с освещением роли Л.П. Берии в статье. В письме говорилось:

"На странице 56, характеризуя мероприятия Ставки Верховного Главнокомандования СССР, авторы лишь вскользь и чрезвычайно бегло упоминают об огромной творческой работе и принципиальных политичсских и организационных мероприятиях, которые осуществил товарищ Лаврентий Павлович Берия, создавший коренной перелом, изменивший всю обстановку, несмотря на чрезвычайно трудное положение, сложившееся на кавказских фронтах к августу 1942 года.

Подобная характеристика деятельности товарища Л.П. Берии не дает исчерпывающей картины всех мероприятий, которые были проведены под личным и непосредственным руководством товарища Лаврентия Павловича Берии.

Л.П. Берия, владея сталинским стилем руководства, личным примером показал образцы большевистского, государственного, военного, партийно-политического и хозяйственного руководства Закавказским фронтом (август 1942 — январь 1943 г.), блестяще претворил указание товарища Сталина..."[88]

Сталин не мог обходиться без Берин. В душе он где-то, видимо, презирал этого человека с капризным выражением лица. Но он ему был нужен. Это был инквизитор, исполнитель и информатор. Например, Берия несколько раз докладывал, что Берлин давно готовит террористическую акцию против Верховного Главнокомандующего. По имеющимся данным, говорил нарком, на специальном самолете фирмы Мессершмитта "Арадо-332" должны забросить опытную группу террористов из власовской РОА, а по другим — немцы, отступая, оставили диверсантов. Нарком внутренних дел почти ежемесячно докладывал Сталину о дополнительных мерах по обеспечению его безопасности. Дальнюю дачу Сталин распорядился еще в 1941 году отдать под госпиталь, а ближнюю, как и подъезды к ней, усилили дополнительной охраной. Но Берия был нужен Сталину и для многих других дел. Вот командующий ВВС Новиков вчера доложил, что из 400 истребителей, выделенных для участия в операциях Калининского и Западного фронтов, 140 самолетов через четыре-пять дней операции вышли из строя[89]. Как это могло случиться? Поручил разобраться Берии; едва ли здесь обошлось без вредительства. Нарком неплохо наладил проверку бывших окруженцев; около половины, по его донесениям, вновь можно использовать в боевых частях, под наблюдением, конечно. Но Сталину не нравилось, когда Берия без нужды совал свой нос в дела штабов, Генштаба. Вообще он слишком много знает... А Сталин по своему характеру желал быть единственным хранителем своих тайн. Верховный не любил делиться воспоминаниями, но Берия о нем знал больше, чем кто-либо. Сталин не хотел бы (но это дело далекого будущего), чтобы Берия пережил его. А пока он был нужен Верховному.

...Когда Берия вернулся в Москву с фронта, то, рассказывая Сталину о поездке, не преминул поделиться "своими личными впечатлениями" о переднем крае, бомбежках, бездарности некоторых "подозрительных" генералов.

Сталин, слушая разглагольствования лоснящегося от сытости Берии, который выглядел совсем не усталым после таких "напряженных" дел, где-то в глубине души вновь почувствовал свою уязвленность. После октябрьской (1941 г.) неудавшейся поездки на фронт, когда Сталин доехал лишь до Волоколамского шоссе, посмотрел на сполохи приближающегося к Москве фронта в 10 — 15 километрах от того места, куда добралась его кавалькада, Сталин больше на передовую не выбирался. После рассказов Берии, а затем и Маленкова о своих "боевых креще-

ниях" Сталин твердо решил, хотя бы для истории, побывать на фронте. И такая поездка, чрезвычайно тщательно готовившаяся, состоялась. Сталин побывал на Западном и Калининском фронтах в начале августа 1943 года. После этого, по его мнению, уязвимых мест в его полководческой биографии не осталось.

1 августа Сталин отбыл на специальном поезде со станции Кунцево. Были подобраны старенький паровоз, полуразбитые вагоны. К небольшому составу прицепили для маскировки и платформу с дровами. Сталина сопровождали Берия, его помощник Румянцев, переодетая усиленная охрана. Прибыв в Гжатск, Сталин встретился с командующим Западным фронтом Соколовским, членом Военного совета Булганиным. Заслушав начальников и высказав общие пожелания, Сталин, переночевав, отправился в сторону Ржева, на Калининский фронт к Еременко. Здесь он остановился в деревне Хорошево в домике простой крестьянки, стоявшем на отшибе от других (хозяйку предварительно со всем скарбом отсюда выселили). Этот небольшой домик, с резным карнизом и мемориальной доской, стоит и поныне, напоминая о фронтовых "подвигах" Верховного. Рассказывают, что, находясь именно в этом домике, Сталин распорядился подготовить приказ о первом орудийном салюте в честь взятия Орла и Белгорода. Но поехать в войска и повстречаться с командирами и бойцами Сталин не пожелал. Без всяких драматических происшествий после ночевки в Хорошево на автомобилях вместе с Берией под усиленной охраной Верховный вернулся в Москву. Он мог быть теперь удовлетворенным: никто не смел думать (говорить-то, естественно, не смел никто!), что полководец видел фронт лишь с помощью кинохроники, докладов генералов Генштаба да представителей Ставки.

Возможно, Верховному действительно незачем было бывать на фронте? Ведь не ездил же Сталин на заводы, а вот осуществил такой рывок в индустриализации страны! Он один раз побывал в селах, а какую там "революцию сверху" провернул! Поле брани разве может быть исключением? Сталин умел все видеть и знать из своего кабинета в Кремле. Повторю, он был непревзойденным мастером кабинетного руководства. Поэтому его "касательное" посещение линии фронта (в действительности он был далеко от него) понадобилось не для ознакомления с делами двух фронтов, не для обогащения впечатлениями от встреч с личным составом частей, готовящихся к наступлению. Нет. Это нужно было для истории. Сталин думал о своем

историческом реноме. Будущие летописцы должны были соответствующим образом отразить сей факт его полководческой деятельности. В его биографии должна быть страница вдохновляющего приезда Верховного в действующую армию.

Но Сталин посчитал необходимым, чтобы о посещении им фронта союзники узнали от самого Верховного Главнокомандующего. Вот несколько выдержек из его писем к Ф. Рузвельту и У. Черчиллю.

"Сталин — Рузвельту. 8 августа 1943 года

Только теперь, по возвращении с фронта, я могу ответить Вам на Ваше последнее послание от 16 июля. Не сомневаюсь, что Вы учитываете наше военное положение и поймете происшедшую задержку с ответом... Приходится **чаще лично бывать** (выделено мной. — *Прим. Д.В.*) на различных участках фронта и подчинять интересам фронта все остальное".

"Сталин — Черчиллю. 9 августа 1943 года

Я только что вернулся с фронта и успел уже познакомиться с посланием Британского Правительства от 7 августа... Хотя мы имеем в последнее время на фронте некоторые успехи, от советских войск и советского командования требуется именно теперь исключительное напряжение сил и особая бдительность в отношении к вероятным новым действиям противника. В связи с этим мне приходится **чаще, чем обыкновенно** (выделено мной. — *Прим. Д.В.*), выезжать в войска, на те или иные участки нашего фронта"[90].

Нет, Сталин это писал не только для того, чтобы отказаться от поездки в Скопа-Флоу для встречи с лидерами двух стран. Для этого было достаточно ссылки на сложность обстановки на фронте. Верховному хотелось, чтобы он не прослыл кабинетным полководцем.

К его удовольствию, Ф. Рузвельт и У. Черчилль в своем совместном послании И.В. Сталину 19 августа 1943 года по достоинству оценили роль личного, непосредственного руководства Верховного на фронте:

"...Мы полностью понимаем те веские причины, которые заставляют Вас находиться вблизи боевых фронтов, фронтов, где Ваше личное присутствие столь содействовало победам"[91].

Сталин был во главе народа и армии в войне. Его воля и целеустремленность как политического и государственного деятеля сыграли свою роль в разгроме фашизма. Если считать, что он, как лидер такой огромной и мощной страны, имел различные грани, то его полководческая грань не была сильнейшей. Лишь в 1944 — 1945 годах он приблизился к полководче-

скому уровню своих военных помощников. Его в значительной мере дилетантское и некомпетентное руководство выражалось прежде всего в катастрофических материальных и людских потерях. Их смог вынести лишь советский народ, который устоял не благодаря, а вопреки "гению" Сталина. Ссылки на внезапность, неподготовленность, вероломство Гитлера, ошибки военачальников и т.д. не оправдывают Сталина, а лишь подчеркивают его стратегическую близорукость и ущербность. Верховный Главнокомандующий, возглавляя Вооруженные Силы, привел их к победе ценой невообразимых потерь. Н. Бердяев, опираясь на свое религиозно-философское мировоззрение, писал, что "война есть вина, но она есть также искупление вины"[92]. Можно добавить: искупление невиновными вины других. Война уносит в вечность тысячи, миллионы жизней людей, не успевших пройти всю длину своей, уготованной судьбой тропы до конца.

Мы знаем, что подлинный талант, стратегическое мышление полководца как раз и ценятся за способность достичь самых высоких целей с наименьшими жертвами. Этого таланта Сталин не проявил. Более двадцати миллионов человеческих жизней пришлось положить советскому народу на алтарь Победы. По данным профессора А.Я. Кваши, основывающихся на математических расчетах, анализе многочисленных точных данных и сопутствующих тенденций, прямые потери нашего народа в годы войны составили примерно 26 — 27 миллионов человек. По моим подсчетам, которые близки к этим, такой страшной цены не платил за свою свободу и независимость ни один народ в истории. Но, кроме прямых, огромна цифра и потерь косвенных (падение рождаемости и др.). Повторюсь: истории неизвестны доселе масштабы таких потерь. И если сопоставить их с "полководческим гением" Сталина, то сразу станет очевидной неуместность приписывания Верховному особых заслуг в Победе. Эти заслуги целиком принадлежат советскому народу.

Вольтеровские слова, послужившие эпиграфом к этой главе, напоминают: полководец, одержавший в конце концов победу, в глазах людей как бы вовсе не совершал ошибок. Эти слова как нельзя лучше относятся к Сталину. Ему никто и никогда не говорил о его ошибках. Зато многие, а их миллионы, говорили о величии полководца "всех времен и народов". Будущий Генералиссимус Советского Союза и сам не сомневался в своей "гениальности", едва ли подозревая, что суд истории вынесет иное решение.

В конце войны Сталин, занимаясь военными делами, все больше времени уделял множеству других вопросов. Единодержец, диктатор, сконцентрировавший всю полноту власти, обрек себя на бесконечный конвейер дел; но ему это льстило: все в его власти, все в русле его воли. Полководец, которого все уже давно и дружно называли "великим", постепенно переключался на другие сферы. Впрочем, многие из этих дел были по-прежнему прямо связаны с войной. Большие и малые, важные и менее значимые. Вот, например, сегодня, 16 марта 1945 года, Берия доложил, что в полосе 2-го Белорусского фронта Цанава обнаружил родственников Рокоссовского. Бог с ними... Еще сообщение, что в Москве давно ждет его приема заместитель католикоса всех армян Георг Чеорекчян. Интересно, что ему от него нужно? Что он пишет? "...В дни Отечественной войны армянская церковь со своим духовенством и верующими в СССР и за границей не отстала от других церквей Советского Союза. Она на деле доказала свою историческую верность великому русскому народу и Советскому государству..." Это ясно. Но что он просит? Ага, понятно... Просит разрешения на восстановление святого Эчмиадзина, открытие Духовной академии, типографии и журнала "Эчмиадзин", согласия на построение разрушенного храма "Звартноц", приезд в Армению заграничных духовников, разрешения открыть инвалютный счет в Ереванском банке и многое, многое другое...[93]

Что же, кое-что придется разрешить. Православная церковь, и не только она, сделала немало для поддержки его, Сталина, в самые трагические месяцы войны.

Что еще положил сегодня в папку Поскребышев? "Лагеря лесной промышленности НКВД за годы Отечественной войны выполнили государственные планы лесозаготовок и обеспечили выполнение заданий по оборонной продукции... авиационная фанерная береза, крепежный лес, спецукупорка..." Просят о "награждении орденами и медалями работников лагерей лесной промышленности..." Пусть награждают... Что еще? Доклад Серова* о встречах в Варшаве с представителем польского эмигрантского правительства Янковским и руководителями польских подпольных партий "Стронництво людове", "Стронництво праци", "Стронництво демократичне", "Стронництво народных демократов", "ППС"... Прежде чем решать, как быть с этими партиями, надо посоветоваться с Берутом и Осубко-Моравским. А вот проект постановления ГКО: выделить для

---

* И.А. Серов — в то время один из ответственных сотрудников НКВД.

охраны президента Чехословакии Бенеша и его правительства батальон войск НКВД и один зенитный полк[94]. Нужно согласиться. Бенеш оказывал ему раньше важные услуги и сейчас ведет себя очень лояльно...

Сталин перелистывал одну за другой десятки бумаг: о количестве военнопленных в лагерях СССР, о работе фильтрационных пунктов по приему возвращающихся на Родину советских граждан (многие десятки тысяч оттуда попали прямиком в лагеря НКВД), об усилении банддвижения в Прибалтике, чекистской войсковой операции под руководством Кобулова, Цанавы и Бельченко в западных районах Белоруссии "по изъятию антисоветских злементов и ликвидации вооруженных бандгрупп", о создании новых спецлагерей для проверки советских военнослужащих, освобождаемых из плена... Берия сообщает, что многие районы страны на востоке охвачены жестоким голодом, особенно Казахстан, Забайкалье... Нет конца и края докладам, справкам, сообщениям... А скоро уже придут военные с очередным докладом. А после военных придет Молотов: настает время говорить не пушкам, а дипломатии. Во весь голос.

Сталин и союзники

Факел войны, зажженный несколько лет назад в Берлине Гитлером, вот-вот должен был погаснуть. Также в Берлине. В последние дни апреля — начале мая Антонов ежедневно докладывал Сталину о встречах наших частей с союзниками. Войска союзников... Для Верховного Главнокомандующего зто была та сторона войны, с которой у него (да и не только у него) связаны долгие ожидания, надежды, разочарования, торги, подозрительное недоверие, вновь надежды и, наконец, достаточно отлаженное военное сотрудничество. Антонов, кроме обобщенной справки Генштаба о соприкосновениях с войсками союзников, положил на стол Сталина целую папку донесений: штаба 58-й гвардейской стрелковой дивизии, штаба 1-го Белорусского фронта, командующего 61-й армией, командующего 2-м Белорусским фронтом, начальников политотделов 5-й гвардейской и 13-й армий, штаба 3-го Украинского фронта, политического управления 2-го Белорусского фронта, других штабов и политорганов. Сталин специально запросил эти донесения. Он хотел почувствовать непосредственные на-

строения генералитета, офицеров, сержантского и рядового состава, узнать о поведении союзников, выверить свой курс по отношению к ним в будущем. Ведь война заканчивалась только на Западе.

Лидеры союзников, протянув друг другу руки в Тегеране, Ялте (и вскоре в Потсдаме), сделали тем самым несколько крупных шагов к тому, чтобы люди планеты, живя в одном космическом доме, несущемся в бесконечных пространствах Вселенной, поняли истину, которая встанет перед ними во весь рост менее чем через полвека после общей Победы. Ни Сталин, ни Черчилль, ни безвременно умерший Рузвельт в то время, видимо, еще не думали, что наша цивилизация уникальна и, возможно, одинока в беспредельном мироздании. Пока никто не доказал обратного. Вокруг нет обитаемых островов и подобных Земле "кораблей". Поэтому всякая попытка одной части землян уничтожить другую, которая живет и думает иначе, может разрушить бесценный очаг. Человечество еще не знало, что оно вступает в ядерно-космическую эру. Но тогда, весной 45-го, казалось, что союз бывших недругов прочен и долговечен. При всей ортодоксальности Сталина во имя антифашистской коалиции он пожертвовал Коминтерном, далеко отодвинул в сторону идеологические постулаты, закрыл глаза на долгий и глубокий антисоветизм Черчилля и западных демократий в целом. В самые критические, переломные моменты на первый план у Сталина всегда выходили прагматические соображения.

Обычно Верховный Главнокомандующий читал лишь сводки Генштаба, донесения фронтов, доклады представителей Ставки. А сейчас, в дни приближающегося триумфа, он просмотрел немало сводок иного содержания. Вот одна из них:

"В 15.30 25 апреля 1945 года в районе моста, что вост. Торгау, произошла встреча между офицерским составом 173 гв. сп и патрулями войск союзников, принадлежащих первой американской армии, 5-му армейскому корпусу, 69-й пехотной дивизии. На вост. берег р. Эльба для переговоров переправилось пять человек во главе с офицером американской армии Робертсоном...

Рудник"[95].

Кто такой Рудник?* Как эти рудники поведут себя в контактах с солдатами союзников того, капиталистического мира? Будут братания или трения?

Сталин вспомнил, что тремя неделями раньше он получил

---

* С.Р. Рудник — начальник штаба 58-й гвардейской стрелковой дивизии.

"особо важную" телеграмму от Абакумова, который на основе доклада отдела "Смерш" 68-го района авиационного базирования в Полтаве сообщил о действиях генерал-майора Ковалева, заявившего: "С американцами у нас не клеится. Не исключена возможность здесь, в Полтаве, вооруженного столкновения с американцами"*. В связи с этим Ковалев приказал провести ряд мероприятий на "всякий случай".

Сталин, прочитав шифровку, негромко чертыхнулся:

— Откуда берутся дураки? Ведь даже план боевых действий составил этот Ковалев...

Наискось документа наложил размашистую резолюцию:

"Т-щу Фалалееву (ВВС)

Прошу унять т. Ковалева и воспретить ему самочинные действия.

И. Сталин".

А теперь вот сообщают: "Встречи с американскими и английскими войсками проходят в восторженной обстановке. Вот что происходило во время встречи генералов: командира 58 сд Русакова и командира 69-й американской пехотной дивизии Рейнхардта... Тосты, речи, подарки, "ура". Начальник политотдела 5-й гвардейской армии Катков сообщает, что на этой встрече американцы старались заполучить на память в качестве сувениров звездочки, погоны, пуговицы... Генерал писал, что советские солдаты удивлены тем, что у американцев трудно отличить генерала от рядового. У всех одинаковая форма. То ли дело у нас: генерал виден издалека..."[96]

Сталин в душе был согласен с советскими солдатами. Ведь он сам любил маршальскую форму и теперь не расставался с ней, нередко задерживаясь на минуту-другую у зеркала. Американцы со своей гнилой демократией не понимают: в обществе должна быть иерархия. В форме она сразу видна для всех... Кстати, на встрече, пишет Катков, был и писатель Константин Симонов. Неплохо пишет о войне, отметил попутно про себя Верховный. Сейчас вот братаются, а сколько сил стоило наладить сотрудничество!

Долгий период недоверия, подозрительности между СССР и западными демократиями надо было перешагнуть. То, что не удалось сделать до войны, было осуществлено с "помощью" Гитлера. Фюрер, ведя войну на два фронта, невольно сделал СССР и западные страны союзниками. Сталин помнил, как 12 июля 1941 года в Кремль прибыл посол Великобритании

---

* Летом 1944 г. полтавский аэродром использовался американской авиацией для "челночных" операций.

С. Криппс со своими сотрудниками, а также с членами британской миссии. Сталин с Молотовым в сопровождении Шапошникова, Кузнецова, Вышинского встретились с англичанами. Сталин еще никак не мог отойти от жестокого потрясения, которое он испытал после начала войны. Ему стоило большого труда надеть на себя маску обычного величавого спокойствия. Только сейчас, за полчаса до этой официальной встречи, Шапошников доложил Сталину: два дня назад 2-я и 3-я танковые группы немцев и часть сил 9-й армии группы "Центр" вышли на широком фронте на рубеж рек Западная Двина и Днепр... Подумать только: немцы на Днепре! Ударный кулак немецких армий численностью около 70 соединений готовился после начавшегося Смоленского сражения нанести смертельный удар дальше, по Москве... Сталин, потерявший душевное равновесие, как-то механически обменялся рукопожатиями с англичанами и отрешенно смотрел на спины Молотова и Криппса, подписывавших соглашение о совместных действиях двух стран.

Он помнил, как через неделю после этого посол СССР в Лондоне И.М. Майский и министр иностранных дел Чехословакии Я. Масарик подписали аналогичное соглашение, а потом, в этом же июле и тоже в Лондоне, соглашение между СССР и польским правительством о взаимной помощи в войне против Германии. По настоянию польской стороны в первом пункте соглашения было зафиксировано: "Правительство СССР признает советско-германские договоры 1939 года касательно территориальных перемен в Польше утратившими силу"[97]. В тот же день Сталин в Москве встретился с личным представителем американского президента Ф. Рузвельта Гарри Гопкинсом. Американец заявил по поручению президента, "что тот, кто сражается против Гитлера, является правой стороной в этом конфликте, и мы намерены оказать помощь этой стороне"[98]. Сталин коротко изложил просьбу о технической помощи, выразив надежду, что президент понимает положение СССР. Соглашение о помощи будет заключено позже, но ознакомительная поездка Гопкинса положила начало налаживанию сотрудничества.

Через год М.М. Литвинов, посол СССР в США, подпишет вместе с госсекретарем Кордэллом Хэллом соглашение о принципах "ведения войны против агрессии". Еще во время беседы с Гопкинсом Сталин, рассказав о критическом положении на фронтах, попросил (он это совсем не умел делать; ведь Сталин никогда, ничего и ни у кого не просил) у Соединенных Штатов

как можно быстрее прислать зенитные орудия среднего калибра, крупнокалиберные зенитные пулеметы, винтовки, алюминий для строительства самолетов и высокооктановый бензин. В последующем, негромко, но настойчиво говорил Сталин, прошу передать просьбу президенту — нам будут нужны самолеты. Много самолетов... Еще в июле Сталин направил специальную миссию во главе с генералом Ф.И. Голиковым в Англию. Сталин лично проинструктировал генерала, поручил это же сделать Шапошникову, Тимошенко, Микояну по конкретным вопросам. У Голикова были две основные задачи: стимулировать стратегический интерес к высадке англичан в Европе или в Арктике, а также способствовать более быстрому оказанию военно-технической помощи. После возвращения в Москву и получасового доклада Сталину Голиков получил распоряжение сразу же направиться и в Соединенные Штаты. Здесь Сталин концентрировал внимание на главном вопросе: налаживание военных поставок в широком объеме и в возможно близкие сроки. Перед угрозой поражения Сталин проявлял большую активность в военно-политической области. Идеологические антагонизмы как-то сразу отошли на второй план, показав свою вторичность и преодолимость.

Сталин как типичный прагматик быстро переступил через идеологические предубеждения и решительно пошел навстречу западным державам. Впрочем, иного рационального выбора у него не было. Вообще нужно сказать, что в создании антигитлеровской коалиции Сталин сыграл заметную роль. С самого начала войны, по мере обретения душевного равновесия, советский лидер стремился заручиться поддержкой как можно большего числа стран, делал все, чтобы Япония и Турция оставались на позициях нейтралитета по отношению к СССР. Но, естественно, особые надежды он возлагал на Великобританию и США.

Сталин сразу же стремился перевести зарождавшееся сотрудничество в деловую плоскость. Так, едва ли не в первом послании Черчиллю 18 июля 1941 года Сталин прямо поставил вопрос: "Мне кажется... что военное положение Советского Союза, равно как и Великобритании, было бы значительно улучшено, если бы был создан фронт против Гитлера на Западе (Северная Франция) и на Севере (Арктика)". Во всех своих последующих переговорах, переписке, телеграммах Сталин не уставал напоминать о втором фронте. Правда, в этом же послании Сталин, как бы отсекая от нынешних реалий свои предвоенные маневры и действия, оправдывая территориальные изменения,

с которыми были не согласны на Западе, писал: "Можно представить, что положение немецких войск было бы во много раз выгоднее, если бы советским войскам пришлось принять удар немецких войск не в районе Кишинева, Львова, Бреста, Белостока, Каунаса и Выборга, а в районе Одессы, Каменец-Подольска, Минска и окрестностей Ленинграда"[99]. Мы знаем, что Черчилль уже 26 июля заявил о фактической невозможности открыть второй фронт во Франции. Сталин, поставленный в августе немецкими войсками в критическое положение, вновь направил личное послание Черчиллю в предельно откровенном, даже беспощадном по отношению к себе и союзникам, тоне. Рассказав о новых крупных стратегических неудачах на советско-германском фронте, Сталин вопрошал: "Каким образом выйти из этого более чем неблагоприятного положения?" И отвечал: "Я думаю, что существует лишь один путь выхода из такого положения: создать уже в этом году второй фронт где-либо на Балканах или во Франции, могущий оттянуть с Восточного фронта 30 — 40 немецких дивизий, и одновременно обеспечить Советскому Союзу 30 тысяч тонн алюминия к началу октября с.г. и ежемесячную минимальную помощь в количестве 400 самолетов и 500 танков (малых или средних).

Без этих двух видов помощи Советский Союз либо потерпит поражение, либо будет ослаблен до того, что потеряет надолго способность оказывать помощь своим союзникам...

Я понимаю, что настоящее послание доставит Вашему Превосходительству огорчение. Но что делать? Опыт научил меня смотреть в глаза действительности, как бы она ни была неприятной, и не бояться высказать правду, как бы она ни была нежелательной"[100].

Приходила ли ему мысль, когда он диктовал эти строки, что он поспешил в августе 1939 года? Кто знает, прояви он терпение, а Лондон и Париж прозорливость, антифашистская коалиция могла бы быть создана еще два года назад... Однако Сталин никогда не показывал своих сомнений. Он уже давно усвоил, что люди должны верить в безошибочность его действий.

Сталин в своем письме обусловил необходимость действенной, эффективной помощи угрозой поражения СССР. И если в конце концов Сталину удалось добиться благодаря доброй воле союзников крупной военно-технической помощи, которая, к сожалению, в наших военно-исторических трудах долго недооценивалась или явно преуменьшалась, то его усилия открыть второй фронт оказались малопродуктивными. Мы знаем, что

Сталин обратился к Черчиллю с этим предложением еще в июле 1941 года. Но прошел тяжелейший 41-й, тяжелый 42-й, затем и нелегкий 43-й... Лишь в июне 1944 года начнется операция "Оверлорд". К слову сказать, когда он спросил Молотова, что означает это английское слово, и, услышав, — "владыка", "властелин", был покороблен. Ему казалось, что настоящий владыка судеб войны идет к Берлину с востока. Черчилль неисправим, это его творчество... К этому времени советские войска готовились серией ударов освободить Белоруссию и Западную Украину, восточные районы Польши и Чехословакии и выйти к границам Германии. Второй фронт был открыт тогда, когда уже ни у кого не вызывала сомнений способность СССР самому, один на один, завершить разгром гитлеровской Германии.

Сталин как Председатель ГКО и Ставки был вынужден уделять самое пристальное внимание дипломатическим вопросам. Чем ближе были видны контуры долгожданной Победы, тем чаще у Сталина допоздна засиживался Молотов, ему больше обычного приходилось встречаться с представителями союзников. Верховный понимал, что в сложившемся антифашистском союзе Англия и США действовали в подавляющем большинстве случаев согласованно, представляя как бы единую западную силу. Но вместе с тем Сталин уже в начале войны почувствовал определенные различия в позициях партнеров. Сам очень хитрый человек, Сталин пытался рассмотреть за конкретными дипломатическими шагами Рузвельта и Черчилля скрытый смысл, выгоду, которые они хотели извлечь из складывавшейся ситуации. Председателя ГКО больше всего заботило, часто вызывало негодование, что союзники бесконечно откладывают и переносят открытие второго фронта в Европе. Получая по дипломатическим и разведывательным каналам данные о первой (декабрь 1941 г. — январь 1942 г.), второй (июнь 1942 г.) и третьей (май 1943 г.) Вашингтонских конференциях, англо-американских встречах в Касабланке и Квебеке, других контактах и обсуждая эти сообщения с Молотовым, Сталин видел стремление союзников начать действовать в Европе лишь наверняка, при критическом состоянии Германии и ее вооруженных сил.

В мае — июне 1942 года Молотов по настоянию Сталина совершил поездку в Лондон и Вашингтон. Предсовнаркома поставил наркому иностранных дел в качестве главной задачи — провести переговоры о принятии союзниками конкретных обязательств по открытию второго фронта в 1942 году. Но Рузвельт и Черчилль делали многочисленные оговорки. Правда, в

совместном англо-советском коммюнике, принятом в Лондоне, говорилось, что во время переговоров "была достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 году"[101]. Но уже вскоре стало ясно, что союзники не намерены выполнять свои обязательства. Сталин не скрывал своего разочарования, раздражения и недовольства. Это можно почувствовать из послания Сталина Черчиллю, отправленного 23 июля 1942 года. В нем, в частности, говорилось:

"Что касается... вопроса... об организации второго фронта в Европе, то я боюсь, что этот вопрос начинает принимать несерьезный характер. Исходя из создавшегося положения на советско-германском фронте, я должен заявить самым категорическим образом, что Советское Правительство не может примириться с откладыванием организации второго фронта в Европе на 1943 год"[102].

После такой телеграммы Черчилль, как он вспоминал позже, не мог ограничиться лишь ответным посланием. Он выразил готовность к личной встрече со Сталиным на территории СССР. Сталин дал согласие, и 12 августа Черчилль прибыл в Москву в сопровождении начальника генерального штаба Брука, заместителя министра иностранных дел Кадогана, других официальных лиц. Вот что вспоминал Черчилль о своем настроении во время перелета из Каира в Москву: "Я размышлял о моей миссии в это угрюмое большевистское государство, которое я когда-то настойчиво пытался задушить при его рождении и которое вплоть до появления Гитлера я считал смертельным врагом цивилизованной свободы. Что должен был я сказать им теперь? Генерал Уэйвелл, у которого были литературные способности, суммировал все это в стихотворении, которое он показал мне накануне вечером. В нем было несколько четверостиший, и последняя строка каждого из них звучала: "Не будет второго фронта в 1942 году". Это было все равно, что вести большой кусок льда на Северный полюс"[103].

Сталин, несмотря на исключительно тяжелую, критическую обстановку на Сталинградском и Юго-Восточном фронтах, провел много часов в беседах с Черчиллем. В них участвовали с советской стороны Молотов и Ворошилов, с английской — посол Керр и личный представитель американского президента Гарриман. Черчилль был вынужден прямо сказать, что в 1942 году второго фронта не будет. Если бы союзники попытались его открыть, то, по словам премьер-министра, наиболее вероятным результатом этой акции союзников было бы их по-

ражение. Сталин долго, многословно возражал, выдвигая, правда, соображения преимущественно нравственного характера.

— Тот, кто не хочет рисковать, никогда не выиграет войну. Не надо только бояться немцев, — приводил доводы Сталин.

— Но второй фронт в Европе — это не единственный второй фронт, — не сдавался английский премьер. Он пытался увлечь Сталина планами союзников по проведению операции в Северной Африке.

Переговоры Сталина с Черчиллем 12 августа, каких бы вопросов они ни касались, настойчиво возвращались к теме второго фронта. Сталина толкала к этому безрадостная фронтовая обстановка. Но Черчилль с помощью Гарримана искал все новые и новые аргументы, дабы доказать невозможность его открытия в 1942 году. Тогда Сталин, посоветовавшись с Молотовым, сделал необычный ход. Во время очередной встречи 13 августа он вручил собеседнику меморандум по вопросу о втором фронте. Хотя накануне Сталин якобы "уступил, признав, что это решение неподвластно его контролю"[104]. В меморандуме констатировалось, что союзники официально отказались от согласованного решения, зафиксированного в англо-советском коммюнике от 12 июня 1942 года. Черчилль был обескуражен. Сталин, находясь в критическом положении, когда на волоске висела судьба Сталинграда и, возможно, всего юга страны, решил переложить значительную долю ответственности на своих союзников. В тексте меморандума были те же слова, с которыми Сталин накануне обращался к Черчиллю и Гарриману. Английский премьер сразу же ознакомился с его содержанием:

"...Отказ Правительства Великобритании от создания второго фронта в 1942 году в Европе наносит моральный удар всей советской общественности, рассчитывающей на создание второго фронта, осложняет положение Красной Армии на фронте и наносит ущерб планам Советского Командования... Мы считаем поэтому, что именно в 1942 году возможно и следует создать второй фронт в Европе. Но мне, к сожалению, не удалось убедить в этом господина Премьер-Министра Великобритании, а г. Гарриман, представитель Президента США при переговорах в Москве, целиком поддержал господина Премьер-Министра.

13 августа 1942 года.

И. Сталин"[105].

Естественно, Черчилль на следующий же день ответил

"памятной запиской", где отмечалось, что "переговоры с г-м Молотовым о втором фронте, поскольку они были ограничены как устными, так и письменными оговорками", не могли быть основанием "для изменения стратегических планов русского верховного командования"[106].

До середины 1944 года вопрос о втором фронте стоял в центре дипломатических усилий Сталина. Правда, когда ветер Победы стал все сильнее надувать его паруса, Верховный Главнокомандующий уже не обострял до предела эту проблему, как в начале войны. Например, когда в октябре 1942 года через посольство США в Москве к Сталину обратился корреспондент Ассошиэйтед Пресс Кэссиди, он не был принят Председателем ГКО, но получил предельно лаконичные письменные ответы.

"1. Какое место в советской оценке текущего положения занимает возможность второго фронта?

Ответ. Очень важное, — можно сказать, — первостепенное место.

2. Насколько эффективна помощь союзников Советскому Союзу?..

Ответ. В сравнении с той помощью, которую оказывает союзникам Советский Союз, оттягивая на себя главные силы немецко-фашистских войск, — помощь союзников Советскому Союзу пока еще малоэффективна"[107].

Сталин, размышляя о линии своего поведения в отношении союзников, прекрасно понимал, что и им и его партнерами движет только суровая необходимость. Волею исторических обстоятельств (к чему прямо причастны как его нынешние союзники, так и он, Сталин) они оказались в одном военном лагере. Но Сталин ничего не забывал. Он помнил высказывания Вильсона, Черчилля, Чемберлена, Даладье, других буржуазных деятелей о Советском Союзе. Сейчас, когда перед союзниками возникла общая грозная опасность, это толкнуло их друг к другу. Так бывало в истории не раз. Сталин уже в 1942 году определил свою принципиальную позицию по отношению к союзникам. Он полагал, что положение страны, несущей на своих плечах главную тяжесть борьбы с фашизмом, полностью оправдывает его линию на особое место в союзе. Особое, с точки зрения его права выдвигать предложения (звучащие как требования) о помощи. В защите интересов страны Сталин проявил себя жестким, неуступчивым политиком, чем, впрочем, заработал себе уважение у своих партнеров. В глазах Рузвельта, Черчилля, де Голля Сталин был умным и жестоким диктатором. Он это знал, но не пытался изменить их впечатления.

Кроме того, стремясь получить максимально большую помощь союзников, особенно в военно-технической области (и надо сказать, что она действительно была внушительной), Сталин искал пути к преодолению идеологических разногласий. Когда в августе 1942 года, ночью, Сталин беседовал с Черчиллем в Кремле, оба знали, что на расстоянии в несколько кварталов от них находится Исполком Коминтерна — выразитель глубокой классовой непримиримости к тем силам, которые олицетворял не только Гитлер, но и британский премьер-министр. Поэтому решение Сталина (оформленное как решение Коминтерна) о самороспуске Коммунистического Интернационала для проницательных аналитиков не явилось неожиданным. Сталин вновь (как и в сентябре 1939 г.) не остановился перед крупными идеологическими "издержками" во имя конкретной цели. Его не очень беспокоило, насколько тщателен камуфляж истинной причины. Выступая 6 ноября 1942 года на торжсственном заседании, посвященном 25-й годовщине Октября, Сталин подчеркнул, что различия в идеологии союзников не являются помехой в военно-политическом сотрудничестве. "...Создавшаяся угроза, — делал упор Сталин, — повелительно диктует членам коалиции необходимость совместных действий для того, чтобы избавить человечество от возврата к дикости и средневековым зверствам"[108]. Слова эти, безусловно, адресованы фашизму. По сути, в докладе Сталиным проведена мысль, что классовая логика в период борьбы за выживание не имеет решающего значения. К этому выводу, и, надеюсь, навсегда, приходит человечество в наши дни.

Судьба Коминтерна была предрешена. Весной 1943 года международная организация трудящихся, которая после Октябрьской социалистической революции, казалось, покроет кумачовыми стягами весь мир, самораспустилась. Сталин, отвечая 28 мая 1943 года корреспонденту агентства Рейтер Кингу, подчеркнул: "Роспуск Коммунистического Интернационала является правильным и своевременным, так как он облегчает организацию общего натиска всех свободолюбивых наций против общего врага — гитлеризма... разоблачает ложь гитлеровцев о том, что Москва якобы намерена вмешиваться в жизнь других государств и "большевизировать" их"[109].

Политический прагматизм Сталина, который не остановил его перед ликвидацией Коминтерна, подтолкнул его и к налаживанию отношений с православной церковью. Бывший семинарист дотоле не баловал вниманием церковь. Более того, по инициативе Сталина с 1925 года не разрешалось избирать

главу Русской православной церкви. Временным главой церкви стал Патриарший Местоблюститель митрополит Сергий. Сталин не давал согласия и на созыв Поместного собора, что в свою очередь не позволяло пополнить состав Священного Синода, который долго не функционировал. И вдруг Сталин 4 сентября 1943 года приглашает к себе на дачу председателя Совета по делам Русской православной церкви Г.Г. Карпова. Во время беседы, в которой приняли участие Маленков и Берия, были обсуждены вопросы роли церкви в условиях войны. Нужно сказать, что Русская православная церковь неоднократно вносила крупные денежные суммы на военные нужды страны, передала крупные ценности в фонд государства. Священнослужители использовали свое влияние для укрепления веры народа в окончательную победу над агрессором.

Выслушав Карпова, Сталин предложил сегодня же принять высших священнослужителей. Уже через несколько часов у него были митрополиты Сергий, Алексий и Николай, немало удивленные этим высоким вниманием. В долгой беседе, состоявшейся у Сталина, было одобрено проведение Собора, избрание патриарха, открытие религиозных учебных заведений. Верховный Главнокомандующий, любуясь своим "великодушием", пообещал материальную помощь, различные послабления, многозначительно поглядывая при этом на Берию. Думаю, Сталин наслаждался невообразимой возможностью бывшего семинариста влиять не только на судьбы высших церковных деятелей, но и религии в целом. Справедливости ради нужно заметить, что значительная часть обещаний, которые дал Сталин, была выполнена.

На следующий день, 5 сентября 1943 года, "Правда" сообщила о знаменательной (единственной до 1988 г.) встрече руководства страны с главой церкви: "...Митрополит Сергий довел до сведения Председателя Совнаркома, что в руководящих кругах православной церкви имеется намерение в ближайшее время созвать Собор епископов для избрания Патриарха Московского и всея Руси и образования при Патриархе Священного Синода.

Глава Правительства тов. И.В. Сталин сочувственно отнесся к этим предложениям и заявил, что со стороны Правительства не будет к этому препятствий".

Почему Сталин вдруг вспомнил о церкви? Думаю, по двум причинам. Первое — Верховный Главнокомандующий оценил патриотическую роль церкви в войне и хотел поощрить эту деятельность. Второе обстоятельство связано с международными

делами. Сталин готовился к первой встрече в верхах в конце года в Тегеране. Он ставил перед собой цель не только добиваться ускорения открытия второго фронта, но и увеличения объема военной помощи. Немалую роль в этом мог сыграть Комитет помощи Советскому Союзу в Англии, возглавляемый одним из руководителей англиканской церкви Х. Джонсоном. Сталин, получивший несколько посланий от настоятеля Кентерберийского собора, решил сделать публичный жест, который бы свидетельствовал о его более лояльном отношении к церкви вообще. Сталин понимал, что на Западе этот сигнал обязательно будет замечен и вызовет благожелательную реакцию. Не тщеславие бывшего недоучившегося семинариста двигало советским лидером, а сугубо прагматические расчеты в отношениях с союзниками.

Отношения с союзниками достигли своего апогея на встречах "большой тройки". Известно, что Тегеранская конференция (28 ноября — 1 декабря 1943 г.), Крымская (4 —11 февраля 1945 г.), Берлинская (17 июля — 2 августа 1945 г.) были пиками военно-политического сотрудничества государств, столь разных во всех отношениях. Может быть, эти конференции, как и само сотрудничество в целом, уже тогда показали приоритет общечеловеческих ценностей над классовыми и идеологическими. Решения конференций и их роль хорошо известны. Я намерен затронуть лишь некоторые вопросы, касающиеся отношения Сталина к проблемам, которые обсуждались на них.

Сталин был "домоседом". Он был готов встретиться с лидерами союзных государств, но не желал далеко и надолго отлучаться. Черчилль и Рузвельт предлагали местом встречи Каир, Асмэру, Багдад, Басру, другие пункты южнее СССР. Черчилль даже рассчитывал, что Сталин согласится на встречу в пустыне, где можно было бы, по словам английского премьера, организовать три палаточных лагеря и совещаться в безопасности и уединении. Сталин настоял на Тегеране, ибо, по его словам, оттуда он мог продолжать осуществлять "повседневное руководство Ставкой". Черчилль и Рузвельт после долгой переписки были вынуждены согласиться. Сталин, разумеется, не сказал, что он побаивался полетов на самолете. В жизни Сталина это был первый полет. Он сам не любил рисковать, не хотел вносить в свою жизнь какой-нибудь элемент случайности. "Вождь" шел к зениту своей славы, и даже сама вероятность (пусть очень незначительная) какого-либо нежелательного события тревожила Сталина. За два дня до вылета он

направил Рузвельту и Черчиллю телеграммы аналогичного содержания:

"Ваше послание из Каира получил. Буду готов к Вашим услугам в Тегеране 28 ноября вечером".

Фраза "буду готов к Вашим услугам..." в устах Сталина звучит более чем необычно. Но советский лидер хотел выглядеть джентльменом.

Сталин сделал все для того, чтобы вопрос о втором фронте на Тегеранской конференции был в центре внимания. Правда, встречаясь вечером 28 ноября с Рузвельтом, они говорили о погоде в Советском Союзе, событиях в Ливане, о Чан Кайши, де Голле, Индии, но не о втором фронте. Разговор зашел даже о будущей политической системе в Индии, и Рузвельт неожиданно сказал, что "было бы лучше создать в Индии нечто вроде советской системы, начиная снизу, а не сверху. Может быть, это была бы система советов". Сталин истолковал это посвоему и ответил, что "начать снизу — это значит идти по пути революции"[110].

Сталин, оказавшись впервые на международной конференции за пределами своего государства, внимательно присматривался к своим партнерам. Все для него было внове. Черчилль его интересовал сейчас меньше; он с ним встречался и убедился в незаурядном уме и хитрости этого политика. Рузвельт, с его проницательными глазами, печатью усталости и болезни на лице, чем-то ему сразу понравился. Может быть, своей откровенностью. Так, в заключительной беседе со Сталиным 1 декабря он внешне простодушно заявил, что не хотел бы сейчас публично обсуждать польские проблемы с границами, т.к. на будущий год он, возможно, вновь выдвинет свою кандидатуру на пост президента. А в Америке "имеется шесть-семь миллионов граждан польского происхождения", и он, будучи "практичным человеком, не хотел бы потерять их голоса". Сталину понравилась его прямота, хотя сам маршал далеко не всегда следовал правилу: говорить то, что думает.

Рузвельт был самым молодым среди "большой тройки" и, высказываясь первым при открытии конференции, назвал ее участников "членами новой семьи". Черчилль добавил, что лидеры, собравшиеся здесь, это "величайшая концентрация мировых сил, которая когда-либо была в истории человечества". Рузвельт и Черчилль посмотрели на Сталина: что скажет он в эти первые минуты конференции?

— Я думаю, что история нас балует, — неожиданно сказал Сталин. — Она дала нам в руки очень большие силы и очень

большие возможности. Я надеюсь, что мы примем все меры к тому, чтобы на этом совещании в должной мере, в рамках сотрудничества, использовать ту силу и власть, которые нам вручили наши народы. А теперь давайте приступим к работе...

Главный вопрос о втором фронте наконец был согласован. На завтраке глав делегаций 30 ноября Рузвельт, памятуя настойчивые вопросы-требования Сталина на беседах в предыдущие дни, развертывая салфетку, с улыбкой обратился к Сталину:

— Сегодня я и г-н Черчилль на основании предложений объединенного комитета начальников штабов приняли решение: операцию "Оверлорд" начать в мае месяце с одновременной высадкой десанта в Южной Франции...

— Я удовлетворен этим решением, — ответил Сталин как можно более спокойно. — Но я тоже хочу сказать г-ну Черчиллю и г-ну Рузвельту, что к моменту начала десантных операций наши войска подготовят сильный удар по немцам... — Домашняя "заготовка" произвела очень благоприятное впечатление на собеседников.

В Декларации трех держав, подписанной Рузвельтом, Сталиным и Черчиллем 1 декабря 1943 года, говорилось: "Мы прибыли сюда с надеждой и решимостью. Мы уезжаем отсюда действительными друзьями по духу и цели". При обсуждении вопросов о Югославии, Турции, Финляндии, Японии, послевоенной Германии, послевоенном сотрудничестве в обеспечении прочного мира Сталин имел свое особое мнение. В Тегеране, как затем в Крыму и Берлине, важное место в переговорах "большой тройки" занял "польский вопрос". На последнем пленарном заседании, перед тем как объявить перерыв, Черчилль огласил предложение, согласованное, видимо, с Рузвельтом:

— Очаг польского государства и народа должен быть расположен между так называемой линией Керзона и линией реки Одер с включением в состав Польши Восточной Пруссии и Оппельнской провинции.

Сталин ответил:

— Если англичане согласны на передачу нам указанной территории (незамерзающие порты Кенигсберг и Мемель. — *Прим. Д.В.*), то мы будем согласны с формулой, предложенной г-ном Черчиллем...[111]

Конечно, многое из того, что говорилось на конференциях лидеров "большой тройки", с точки зрения нравственности выглядит достаточно цинично. Но не будем забывать, что в

прошлом гармония силы и разума никогда не достигалась в международных отношениях. Человечеству, прежде чем подойти к рубежу, от которого началось овладение новым мышлением, потребовалось возникновение угрозы самоуничтожения. Национальные, территориальные ревизии опасны всегда. Сегодня — не менее, чем раньше.

Обмениваясь своими соображениями о будущем Польши уже на Крымской конференции, состоявшейся за три месяца до разгрома гитлеровского фашизма, Сталин изложил давно им выношенное: "Польский вопрос" является не только вопросом чести, но также и вопросом безопасности. Вопросом чести потому, что у русских в прошлом было много грехов перед Польшей. Советское правительство стремится загладить эти грехи. Вопросом безопасности потому, что с Польшей связаны важнейшие стратегические проблемы Советского государства... На протяжении истории Польша всегда была коридором, через который проходил враг, нападающий на Россию... Почему враги до сих пор так легко проходили через Польшу? Прежде всего потому, что Польша была слаба. Польский коридор не может быть закрыт механически извне только русскими силами. Он может быть надежно закрыт только изнутри собственными силами Польши. Для этого нужно, чтобы Польша была сильна. Вот почему Советский Союз заинтересован в создании мощной, свободной и независимой Польши. Вопрос о Польше — это вопрос жизни и смерти для Советского государства"[112].

Обсуждая "польский вопрос", Сталин давал понять, что для него более важной частью является проблема правительства, а не границ. Он сразу сказал, что согласен на линию Керзона, с отклонениями от нее в некоторых районах на несколько километров в пользу Польши. А вот правительство... Нет. Здесь Сталин на уступки не пойдет, хотя в начале войны именно он проявил волю к сотрудничеству. Он помнил, как 18 августа 1941 года по его указанию генерал-майор А.М. Василевский подписал Военное соглашение между Верховным Командованием СССР и Верховным Командованием Польши. С польской стороны соглашение подписал генерал-майор С. Богущ-Шишко. Было условлено, что советская сторона берет на себя не только расходы по содержанию создаваемой на территории СССР польской армии, но и открывает советскую военную миссию при польском Верховном Командовании в Лондоне[113]. А теперь Черчилль и Рузвельт законное правительство Польши называют "люблинским", хотя оно уже в Варшаве и контролирует положение в стране! На всех трех встречах "боль-

шой тройки" поднимался "польский вопрос". Но Сталин, заняв однажды определенную позицию, "гнулся", но не сдавался. Ведь именно по его настоянию Рузвельт и Черчилль согласились на приращение территории Польши на севере и на западе.

В конце войны и сразу после ее окончания на Сталина навалилось так много дел военно-дипломатического характера, что он и не ожидал. Помогал, правда, немало здесь Молотов. Привлекали и его заместителей — А.Я. Вышинского, С.И. Кавтарадзе, И.М. Майского, других лиц. Но часто Верховный, памятуя о договоренностях с союзниками и своих интересах, принимал решения сам. Его раздражало, когда Черчилль слишком часто совал нос в дела Восточной Европы. Сюда пришли советские войска, и, считал Сталин, приоритет в решении будущих дел принадлежит Москве. Разумеется, в согласии с друзьями, теми антифашистскими, демократическими силами, которые помогали и помогают ликвидировать гитлеризм.

Сталин еще раз убедился, каким непреклонным исполнителем его воли является Молотов. Его директива, инструкция были для наркома важнее партийного устава. Уже после войны, где-то в ноябре 1945 года, Молотов расскажет генералиссимусу, как 15 октября его чуть не "изнасиловал" Гарриман, но он установку Сталина выполнил. "Вождь" вопросительно посмотрел на наркома, а тот воспроизвел свой диалог с Гарриманом. Сталин собирался уезжать в первый после войны отпуск, а в это время настойчиво стал проситься на прием к нему американский посол. Сталин тогда сказал наркому:

— Принимай сам. Я не буду. Передашь, что там им нужно.

Так вот, говорил Молотов, пришли ко мне Гарриман и первый секретарь посольства Пейдж. Состоялся разговор, который записан в моем дневнике. (Приведу его почти полностью.)

"Гарриман. Я получил от президента для генералиссимуса телеграмму. Мне поручено лично вручить послание и лично обсудить со Сталиным некоторые вопросы.

Молотов. Сталин выехал на отдых примерно на 1,5 месяца. Он, Молотов, проинформирует Сталина о просьбе президента.

Гарриман. Президент знает, что Сталин на отдыхе, но надеется, что его, посла, все же примет. Речь идет о Лондонской конференции. Он, Гарриман, готов ехать куда угодно.

Молотов. Генералиссимус Сталин не занимается сейчас делами, т.к. находится на отдыхе далеко от Москвы.

Гарриман. Президент надеется, что Сталин сможет принять его.

Молотов. Он сообщит Сталину.

Гарриман. Президент считает, что генералиссимус заслужил отдых.

Молотов. Все мы считаем, что Сталин должен получить настоящий отпуск.

Гарриман. Во время физкультурного парада он обратил внимание, каким крепким выглядел Сталин.

Молотов. Сталин действительно крепкий человек.

Гарриман. В кинофильме о физкультурном параде генералиссимус Сталин выглядит очень бодрым и жизнерадостным.

Молотов. Все советские люди рады видеть Сталина в хорошем настроении.

Гарриман. Хотел бы получить этот фильм.

Молотов. Конечно, получите.

Гарриман. Мне больше нечего добавить к изложению цели своего визита.

Молотов. Он проинформирует Сталина, который сейчас находится на полном отдыхе.

Гарриман. Нет необходимости говорить о важности вопроса...

Молотов. Да, понятно.

Гарриман. Он хотел бы приехать к Сталину как друг...

Молотов. Он передаст Сталину. Но генералиссимус на отдыхе"[114].

Может быть, Гарриман вспомнил и этот эпизод, когда в своей книге "Специальный посланник Рузвельта к Сталину" писал: "Я должен сознаться, что для меня Сталин остается самой непостижимой, загадочной и противоречивой личностью, которую я знал. Последнее суждение должна вынести история, и я оставляю за ней это право"[115].

В. Павлов, записавший этот поразительный, внешне пустой диалог, зафиксировал упорство не только Молотова, но и Гарримана. Никакие конференции, просьбы президента не могли поколебать Молотова, превыше всего на свете почитавшего волю "вождя". Вот так Молотов исполнял его инструкции. О гибкости не могло быть и речи. Сталинская школа. Выслушав этот долгий монолог наркома, Сталин вдруг сказал:

— А может, и впрямь Гарриман хотел тогда что-то важное передать от Трумэна?

Молотов с Берией переглянулись; они не поняли — шутит ли Сталин или всерьез жалеет об упущенной возможности?

Поскребышев завел несколько папок, в которых хранились материалы с распоряжениями Сталина, касающиеся освобожденных стран. Их так много! Недавно разыскивая нужный

документ, он, Сталин, поразился их обилию. У него свежи в памяти маневры Рюти в Хельсинки. От Коллонтай из Стокгольма стали поступать сигналы, что финны "созрели" для выхода из войны, и вдруг 26 июня 1944 года, после приезда Риббентропа в Хельсинки, Рюти выступает с публичным заявлением: "Я, как президент Финляндской республики, заявляю, что не заключу мира с Советским Союзом иначе как по соглашению с Германской империей, и не разрешу никакому правительству Финляндии, назначенному мной, и вообще никому предпринимать переговоры о перемирии или мире, или переговоры, преследующие такую цель, иначе как по согласованию с правительством Германской империи"[116].

Реакция Сталина была быстрой: ускорить проведение наступательной операции на Карельском фронте. Он давно уяснил: сильные удары всегда делают противника сговорчивее. Так и случилось, хотя операция прошла менее успешно, чем ожидал Сталин. В конце войны он был более требователен и не менее суров к тем, кто не оправдал его доверия. Да, финны уже 4 сентября 1944 года примут советские условия о прекращении военных действий против СССР. Но Сталин, будучи верен себе, даст соответствующую оценку тем, кто должен был ускорить сговорчивость Маннергейма. Оценку в своем духе:

"Командующему Карельским фронтом
члену Военного совета Карельского фронта

Ставка Верховного Главнокомандования считает, что последняя операция левого крыла Карельского фронта закончилась неудачно в значительной степени из-за плохой организации руководства и управления войсками; одновременно Ставка отмечает засоренность фронтового аппарата бездеятельными и неспособными людьми. Кроме того, на ряде командных должностей стояли офицеры финской национальности, которые, естественно, не били по-настоящему действующих персд нашими войсками родственных им по национальности финнов и в силу этого не могли пользоваться доверием со стороны подчиненных им войск...

Военному совету Карельского фронта наладить твердое управление войсками и изгнать бездельников и людей, не способных руководить войсками...

Заместителя командующего Карельским фронтом генерал-полковника Ф.И. Кузнецова откомандировать в распоряжение начальника Главного управления кадров НКО. Начальника

штаба фронта генерал-лейтенанта Б.А. Пигаревича, как не обеспечившего должного руководства штабом фронта, освободить от занимаемой должности и откомандировать в распоряжение начальника Главного управления кадров НКО. Начальника Оперативного управления штаба фронта генерал-майора В.Я. Семенова откомандировать в распоряжение..."[117]

Фронт своими действиями способствовал выходу из войны вражеской страны, а Верховный был недоволен. Сталин понимал: победа над Гитлером и его сателлитами рядом. Но и сейчас он остался верен союзническим обязательствам: переговоры с Финляндией по настоянию Сталина вели представители СССР и Англии, выступавшей от имени Объединенных Наций. 19 сентября 1944 года соглашение о перемирии было заключено.

Перебирая в памяти события последних месяцев, Сталин поражался: на что только ему, Верховному Главнокомандующему, не приходится реагировать. Вот, например, его директива командующим фронтами, Председателю Союзной контрольной комиссии (СКК) в Венгрии Ворошилову; заместителю Председателя СКК в Румынии Сусайкову; в Варшаву — Шатилову.

"Особо важная.

За последнее время участились случаи посадки иностранных, в том числе английских и американских, самолетов, на территорию, занятую нашими войсками. Вредное благодушие, ненужная доверчивость и потеря бдительности... способствуют использованию этих посадок враждебными элементами для переброски на территорию Польши террористов, диверсантов и агентов польского эмигрантского правительства в Лондоне..."[118]

А вот еще один документ, подписанный им, Верховным Главнокомандующим:

"Особо важная.

Командующему 2-м Украинским фронтом
Командующему 3-м Украинским фронтом
Копия: Маршалу тов. Тимошенко

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Командующему 2-м Украинским фронтом в 10.00 31.8. ввести войска в Бухарест. Войска в городе не задерживать и после прохождения через город перейти к выполнению задач, поставленных Директивой Ставки № 220 191, стремясь возможно быстрее занять район Крайова. При прохождении войск че-

рез Бухарест иметь в воздухе над городом возможно большее количество самолетов.

2. Командующему 3-м Украинским фронтом моторизованный отряд 46 А, вошедший в Бухарест, направить на Джурджу с задачей занять переправы через р. Дунай...

3. Обратить внимание на порядок и дисциплину в войсках, проходящих через Бухарест...

30 августа 1944 г.

20 часов 15 мин.

И. Сталин
Антонов"[119].

А ведь Антонеску еще в начале месяца был в ставке у Гитлера, пытался организовать оборону по линии Галац — Фокшани, затем круто повернулся к англо-американским войскам. Но надеждам румынского диктатора задержать наступление советских войск и дождаться союзного вторжения не суждено было сбыться. Патриотические силы, воспользовавшись победоносным продвижением Красной Армии, 23 августа покончили с фашистской диктатурой Антонеску. Уже после подписанного перемирия Сталину доложили, что кое-где "органы" стали вылавливать фашистских агентов. Верховный тут же отреагировал:

"Командующему 3-м Украинским фронтом
Командующему 2-м Украинским фронтом
и тов. Тевченкову

Ставка Верховного Главнокомандования воспрещает производить аресты в Болгарии и Румынии. Впредь никого без разрешения Ставки не арестовывать..."[120]

Подумал: кто же к нему будет обращаться за разрешением? Пусть сами разбираются...

"Особо важная.

Маршалу Тито
Копия — Маршалу Толбухину

Вы обратились к Маршалу Толбухину с требованием вывести болгарские войска из Сербии и оставить их только в Македонии. Кроме того, Вы указали Толбухину на неправильные действия болгарских войск при распределении захваченных у немцев трофеев. Считаю необходимым сообщить Вам по этим вопросам следующее:

1. Болгарские войска действуют на территории Сербии по общему плану, согласованному с Вами и по Вашей просьбе, изложенной в телеграмме от 12.10.44 за № 337, оказывая советским войскам существенную помощь... Поскольку на террито-

рии Югославии остается еще крупная группировка немцев, выводить сейчас болгарские войска из Сербии нам нельзя...

2. По вопросу о трофеях. Закон войны таков, что трофеи получает тот, кто их захватывает...

18 октября 1944 г. 19.10 мин.

Алексеев, друг (*Сталин*)"[121].

Листая подписанные им документы, Сталин видел: сколько различных дел и нигде нельзя допустить промашки! Молодец, Антонов, наловчился, многие телеграммы международного характера составляет так, что и Молотову делать нечего. Вот, например:

"Особо важная.

Командующему войсками 3-го Украинского фронта

Члену Военного совета фронта

На Ваше донесение от 4.4. за № 024/ж Ставка указывает:

1. Карлу Реннеру оказать доверие.

2. Сообщить ему, что в деле восстановления демократического режима в Австрии командование Советских войск окажет ему поддержку.

3. Сообщить ему, что советские войска вступили в пределы Австрии не для захвата территории Австрии, а для изгнания фашистов-оккупантов.

4.4.45

19 часов 30 мин.

И. Сталин

Антонов"[122].

Сталин продолжал медленно перебирать документы, которые он подписал только за последнее время. Нужно будет спросить Антонова, сколько директив и приказов за войну издала Ставка. Но разве это все? А постановления ГКО, Политбюро, Наркомата обороны? Задали они работы историкам... У него шевельнулась мысль: нужно поручить надежному человеку просмотреть его переписку, распоряжения, директивные документы... Не должно остаться ничего, что могло бы бросить тень на его деятельность в годы войны. Хотя он помнил, что большинство "сомнительных" распоряжений отдавал устно...

Вот целая папка "венгерских бумаг"... Доклад Сталину о беседе генерал-полковника Кузнецова с генерал-полковником венгерской армии Вереш Яношем о создании нескольких венгерских соединений. Здесь же копии приказов командующего войсками 9-й гвардейской армии генерал-полковника Глаголева о включении в состав объединения 2-й и 6-й венгерских пехотных дивизий, распоряжение Сталина начальнику продо-

вольственного снабжения Красной Армии генерал-лейтенанту Павлову о передаче правительственному комиссару по снабжению Будапешта большого количества продуктов. Следом за этим документом телеграмма Бела Миклоша, Председателя Венгерского Временного правительства:

"Маршалу Сталину

Со времени освобождения доблестной Красной Армией гор. Будапешт от проклятого немецкого владычества трудящиеся города уже вторично чувствуют влиятельную помощь Советского Союза, которая вызывает значительное улучшение дотеперешнего горького общественного снабжения... Согласно постановлению Венгерского Временного правительства выражаю искреннюю благодарность и приветствую великого Маршала Советского Союза..."[123]

Сталин отложил в сторону телеграмму Миклоша и подумал: каких только маневров не предпринимал Хорти, с тем чтобы союзники пришли на территорию Венгрии раньше, а ничего не получилось. Его обращения то к Гитлеру, то к союзникам, то, наконец, к нему, Сталину, окончились тем, что Хорти арестовали немцы. Судьба марионеток всегда такова, в конечном счете они не нужны никому. Последний союзник Германии рухнул. Более того, Сталин настоял, чтобы Румыния, Болгария, Венгрия не просто вышли из фашистского блока, а объявили Германии войну. Союзники не могли бросить камень в огород Сталина; о всех своих шагах, действиях в странах, куда вступили советские войска, Верховный Главнокомандующий информировал державы антигитлеровской коалиции.

Вот документ, который он подписал только на днях:

"Командующему войсками 2-го Украинского фронта и маршалу Тимошенко.

В связи с отходом противника перед 4-м Украинским фронтом Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Главные силы войск фронта развернуть на запад и нанести удар в общем направлении на Йиглава, Улабинг, Гарн, в дальнейшем выйти на р. Влтава и освободить Прагу.

2. Частью сил правого крыла фронта продолжать наступление в направлении Оламоуц.

2 мая 1945 г.
19 часов

И. Сталин
Антонов"[124].

А вот документ, который в день Победы принес Берия. Да, у него свои заботы... Сталин, правда, подписал директиву через

два дня, приказав, чтобы в ней была отражена судьба граждан союзных стран и бывших советских военнопленных.

"Особо важная.

Командующим войсками 1-го, 2-го Белорусских,
1-го, 2, 3, 4-го Украинских фронтов
Тов. Берия, тов. Меркулову, тов. Абакумову,
тов. Голикову, тов. Хрулеву, тов. Голубеву

В целях организованного приема и содержания освобожденных союзными войсками на территории Западной Германии бывших советских военнопленных и советских граждан, а также передачи освобожденных Красной Армией бывших военнопленных и граждан союзных нам стран, Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

Военным советам сформировать в тыловых районах лагери для размещения и содержания бывших военнопленных и репатриируемых советских граждан на 10 000 человек каждый лагерь. Всего сформировать: во 2-м Белорусском фронте — 15, в 1-м Белорусском фронте — 30, в 1-м Украинском фронте — 30, в 4-м Украинском фронте — 5, во 2-м Украинском фронте — 10, в 3-м Украинском фронте — 10 лагерей. Размещение лагерей частично можно допускать и на территории Польши.

Проверку в формируемых лагерях бывших советских военнопленных и освобожденных граждан возложить: бывших военнослужащих — на органы контрразведки "Смерш"; гражданских лиц — на проверочные комиссии представителей НКВД, НКГБ и "Смерш", под председательством представителя НКВД. Срок проверки не более 1 — 2 месяцев.

Передачу освобожденных Красной Армией бывших военнопленных и граждан союзных нам стран представителям союзного командования производить распоряжением военных советов и уполномоченного СНК СССР...

11 мая 1945 г.
24 часа 00 мин.

И. Сталин
Антонов"[125].

Сталин прикинул: около сотни лагерей... Сколько же выжило в плену, в неволе? А сколько там оказалось всего? Но сейчас, когда он, триумфатор, на виду у всего мира, не хотелось об этом думать. Когда-нибудь он поручит Берии назвать официальную цифру. Для историков и писателей. А пока он наткнулся еще на один документ, который продиктовал сам, как когда-то в 1942 — 1943 годах. В конце войны он сам диктовал шифровки редко; не было нужды для экстренного вмешатель-

ства, да и Антонов хорошо его изучил. Начальник Генштаба докладывал проекты именно тех документов, которые хотел видеть Верховный. Словно читал мысли Сталина. Так вот, помнится, эту директиву он продиктовал Штеменко сам:

"Командующим войсками 1-го и 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов

При встрече наших войск с американскими или английскими войсками Ставка Верховного Главнокомандования приказывает руководствоваться следующим:

1. Старшему войсковому начальнику, на участке которого произошла встреча, в первую очередь связаться со старшим начальником американских или английских войск и установить совместно с ним разграничительную линию. Никаких сведений о наших планах и боевых задачах наших войск никому не сообщать.

2. Инициативу в организации дружеских встреч на себя не брать. При встречах с союзными войсками относиться к ним приветливо. При желании американских или английских войск организовать торжественную или дружескую встречу с нашими войсками..."[126]

Половодье братаний, встреч, вечеров его уже начинало раздражать. Вот и Жуков вместе с Вышинским вылетают по приглашению Эйзенхауэра во Франкфурт-на-Майне. Жуков в своей телеграмме просит у Сталина разрешения наградить 10 офицеров штаба Эйзенхауэра орденом Красного Знамени и 10 — медалью "За боевые заслуги"[127]... Сначала они наградят американцев, а затем сами получат награды... Ликуют, торжествуют, а послевоенные дела еще не улажены. Сталин имел в виду подготовку к Берлинской конференции руководителей трех союзных держав, которая должна решить сложные вопросы, связанные с устройством послевоенного мира. Да и война ведь еще не кончилась... Сталин не будет тянуть, как его партнеры, со вторым фронтом. Свое обязательство, данное в Ялте, вступить в войну против Японии через два-три месяца после капитуляции Германии[128] он безусловно выполнит.

Только сегодня, 28 июня, он, Сталин, подписал несколько директив с грифом "Совершенно секретно. Особой важности" о подготовке к 1 августа всех необходимых мероприятий для "проведения по особому приказу Ставки Верховного Главнокомандования наступательной операции". В директивах командующему войсками Дальневосточного фронта, Приморской группы и Забайкальского фронта (с началом боевых действий Приморская группа будет переименована в 1-й Дальневосточ-

ный фронт, а Дальневосточный фронт — во 2-й Дальневосточный) ставились задачи по разгрому Квантунской армии японцев. "Все подготовительные операции провести с соблюдением строжайшей секретности. Командующим армиями задачи поставить лично, устно, без вручения письменных директив фронта"[129]. Сталин уже решил, что пошлет на восток, кроме Василевского, также Мерецкова, Пуркаева, Иванова, Масленникова, Шикина, остальных военных руководителей пусть предложит Главное управление кадров. Воевать теперь умеют многие...

БИБЛИОГРАФИЯ

Глава I. У ДВЕРЕЙ ВОЙНЫ

1. XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М., 1939. С. 18.

2. Там же. С. 26.

3. Там же. С. 2.

4. Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937 — 1939. В 2-х томах. М., 1981. Т. 2. С. 47.

5. ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 2, д. 109, л. 32 — 33.

6. ЦПА ИМЛ, ф. 558, оп. 1, д. 4010, л. 1.

7. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 1235, л. 9.

8. АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 19, д. 206, л. 551.

9. АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 1, д. 5, л. 554.

10. АВП СССР, ф. 082, оп. 22, п. 93, д. 7, л. 798.

11. СССР в борьбе против фашистской агрессии. 1933 — 1945. М., 1976. С. 66.

12. ЦАМО СССР, ф. 5, оп. 176 703, д. 7, л. 431.

13. СССР в борьбе против фашистской агрессии. 1933 — 1945. С. 74.

14. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 1235, л. 57 — 59, 86.

15. АВП СССР, ф. 06, оп. 1б, п. 27, д. 1, л. 766.

16. АВП СССР, ф. 06, оп. 1а, п. 26, д. 1, л. 1176 — 1177.

17. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 1235, л. 66 — 72.

18. Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937 — 1939. Т. 2. С. 10, 11.

19. СССР в борьбе против фашистской агрессии 1933 — 1945. С. 78 — 79.

20. АВП СССР, ф. 06, оп. 1б, п. 27, д. 5, л. 22 — 32.

21. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 1235, л. 73.

22. XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М., 1934. С. 11.

23. Там же. С. 128.

24. Гейден К. История германского фашизма. М.—Л., 1935. С. 60.

25. XVII съезд ВКП(б) ... С. 12.

26. АВП СССР, ф. 011, оп. 4, п. 27, д. 61, л. 1218.

27. АВП СССР, ф. 011, оп. 4, п. 27, д. 59, л. 178 — 180.

28. АВП СССР, ф. 0745, оп. 15, п. 38, д. 8, л. 126 — 128.
29. АВП СССР, ф. 0745, оп. 19, п. 45, д. 4, л. 122 — 125.
30. АВП СССР, ф. 0745, оп. 19, п. 45, д. 9, л. 129 — 132.
31. Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918 — 1945. Bd. VII. Baden-Baden, 1956, S. 131.
32. АВП СССР, ф. 0745, оп. 15, п. 38, д. 8, л. 149.
33. Жилин П.А. О войне и военной истории. М., 1984. С. 145.
34. Правда. 1939. 27 августа.
35. Documents diplomatiques francais. 1932-1939, 2e seric, t. XVIII, p. 243.
36. АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 300, д. 2077, л. 233 — 234.
37. Горбачев М.С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. М., 1987. С. 24.
38. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 1237, л. 379, 381.
39. См.: Сиполс В.Я. Внешняя политика Советского Союза. М., 1987. С. 196.
40. Вторая мировая война. Краткая история. М., 1984. С. 43.
41. Документы и материалы кануна второй мировой войны 1937 — 1939. Т. 2. С. 85 — 86.
42. АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 296, д. 2046, л. 266.
43. Правда. 1939. 18 сентября.
44. ЦАМО, ф. 5, оп. 391, д. 175 704, л. 96.
45. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 1237, л. 436 — 437.
46. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 105, т. III, л. 19 — 22.
47. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 105, т. III, л. 205.
48. ЦГАОР, ф. 5325, оп. 1, д. 244, л. 2.
49. ЦГАОР, ф. 5325, оп. 1, д. 244, л. 9.
50. ЦГАСА, ф. 4, оп. 14, д. 2435, л. 9 — 13.
51. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 1258, л. 134 — 138.
52. ЦГАСА, ф. 25 888, оп. 13, д. 20, л. 6 — 9.
53. ЦГАСА, ф. 33 988, оп. 3, д. 373, л. 130.
54. ЦГАСА, ф. 33 988, оп. 3, д. 373, л. 113.
55. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 1236, л. 376 — 380.
56. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 1366, л. 60 — 62.
57. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 1366, л. 27 — 29.
58. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 1235, л. 99.
59. Известия. 1939. 3 декабря.
60. Известия. 1939. 16 декабря.
61. ЦАМО, ф. 8, оп. 1, д. 23, л. 34.
62. ЦАМО, ф. 15, оп. 11 600, д. 160, л. 96.
63. ЦАМО, ф. 132, оп. 264 211, д. 73, л. 67 — 110.
64. Там же.
65. Военно-исторический журнал. 1987. № 9. С. 50.

66. ЦАМО, ф. 37 837, оп. 10, д. 142, л. 93.
67. Военные кадры Советского государства. 1941 — 1945. М., 1963. С. 12.
68. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 1045, л. 19 — 20.
69. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 993, л. 3, 11.
70. ЦАМО, ф. 5, оп. 176 703, д. 21, л. 16.
71. Архив Верховного суда СССР, ф. 75, оп. 35, д. 319.
72. ЦГАСА, ф. 25 880, оп. 4, д. 1, л. 2— 3.
73. ЦПА ИМЛ, ф. 3, оп. 1, д. 3808.
74. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 1305, л. 175, 192.
75. ЦАМО, ф. 32, оп. 11 309, д. 4, л. 153.
76. ЦГАСА, ф. 4, оп. 18, д. 77, л. 56.
77. ЦГАСА, ф. 4, оп. 18, д. 76, л. 20.
78. ЦГАСА, ф. 4, оп. 18, д. 79, л. 9 — 10.
79. ЦГАСА, ф. 37 977, оп. 5, д. 547, л. 1 — 2.
80. Свечин А.А. Стратегия. Изд. 2-е. М., 1935. С. 236.
81. ЦАМО, ф. 75 284, оп. 1, д. 119, л. 18.
82. ЦАМО, ф. 32, оп. 11 309, д. 3, л. 85 — 91.
83. Военно-исторический журнал. 1987. № 9. С. 49.
84. Жилин П.А. О войне и военной истории. С. 185.
85. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 1302, л. 3.
86. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 130, л. 53 — 56.
87. Устинов Д.Ф. Во имя победы. М., 1988. С. 223.
88. Некрич А.М. 22 июня 1941 г. М., 1965. С. 73.
89. ЦАМО, ф. 15а, оп. 2154, д. 4, л. 224 — 233.
90. ЦГАОР, ф. 8418, оп. 25, д. 199, л. 1 — 5, 45.
91. ЦАМО, ф. 8, оп. 65, д. 179, л. 20 — 21.
92. Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948. С. 78.
93. ЦАМО, ф. 2, оп. 11 569, д. 300, л. 17 — 24.
94. ЦАМО, ф. 15а, оп. 2154, д. 4, л. 224 — 233.
95. ЦАМО, ф. 67, оп. 12 001, д. 141, л. 48 — 53.
96. ЦАМО, ф. 81, оп. 12 079, д. 45, л. 160 — 163.
97. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 653.
98. Правда. 1941. 22 февраля.
99. Троцкий Л.Д. Соч. Т. IX. Европа в войне. М.—Л., 1927. С. 187.
100. Trotsky L. Stalin, N.Y., 1946, p. 336.
101. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 1, д. 14, л. 44.
102. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 390.
103. Quatrieme Internationale, n° 12-13, septembre-octobre, 1938, pp. 168-218.
104. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 19, л. 27 — 28.
105. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 19, л. 15 — 17.

106. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 1, д. 11, л. 37.
107. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 1, д. 11, л. 229.
108. Living Thoughts of Karl Marx. N.Y., 1937, p. 38.
109. Троцкий Л. Дневники и письма. Изд-во "Эрмитаж". 1986. С. 73.
110. Trotsky L. Stalin, vol. II, Benson Vermont, 1985, p. 234.
111. Trotsky L. Stalin, p. 413.
112. Trotsky L. Stalin, pp. 10 — 12, 53, 116.
113. Троцкий Л. Дневники и письма. С. 160 — 162.
114. Сикейрос А. Меня называли лихим полковником. М., 1986. С. 220.
115. Trotsky L. Stalin, vol. II, pp. 280 — 281.
116. Троцкий Л. Дневники и письма. С. 164 — 166.
117. The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt, 1939, pp. 201 — 205.
118. Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. IV. М., 1946. С. 417.
119. История внешней политики СССР 1917 — 1945. Т. I. С. 371 — 372.
120. Военно-исторический журнал. 1987. № 9. С. 49.
121. Shirer W. The Rise and Fall of the Third Reich, N.Y., 1976, p. 383.
122. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 57.
123. ЦГАСА, ф. 3987, оп. 3, д. 1175, л. 33 — 34.
124. ЦГАСА, ф. 32 871, оп. 1, д. 72, л. 216.
125. АВП СССР, ф. 06, оп. 1а, п. 26, д. 1, л. 1179.
126. Leonhard W. Der Schock des Hitler-Stalin-Paktes. Freiburg, 1986, S. 66 — 68, 79 — 84.
127. АВП СССР, ф. 011, оп. 4, п. 25, д. 11, л. 1462 — 1463.
128. ЦАМО, ф. 500, оп. 12 458а, д. 34, л. 17.
129. ЦАМО, ф. 500, оп. 12 462, д. 7, л. 1 — 6.
130. Военно-исторический журнал. 1987. № 9. С. 54.
131. Громыко А.А. Памятное. М., 1989. Т. 1. С. 196 — 205.
132. Churchill W. The Second World War, Boston, 1950, vol. 3, p. 493.
133. Сандалов Л.М. Пережитое. М., 1961. С. 75.
134. ЦАМО, ф. 48а, оп. 3408, д. 90, л. 200.
135. ЦАМО, ф. 32, оп. 11 302, д. 6, л. 522 — 523.
136. ЦАМО, ф. 32, оп. 11 302, д. 6, л. 526 — 561.
137. Известия. 1939. 28 сентября.
138. Правда. 1939. 1 ноября.
139. Правда. 1939. 2 сентября.
140. ЦГАСА, ф. 25 871, оп. 2, д. 285, л. 8 — 9.
141. ЦГАСА, ф. 9, оп. 39, д. 72, л. 44, 133, 536.
142. ЦАМО, ф. 16а, оп. 2951, д. 239, л. 10 — 14.

143. ЦАМО, ф. 16а, оп. 2951, д. 239, л. 84 — 90.
144. ЦАМО, ф. 16а, оп. 2951, д. 239, л. 245 — 279.
145. ЦАМО, ф. 16, оп. 2951, д. 239.
146. ЦАМО, ф. 16а, оп. 2951, д. 242, л. 238.
147. Жуков Г.К. Воспоминаиия и размышлеиия. М., 1969. С. 233.
148. ЦАМО, ф. 32, оп. 11 306, д. 5, л. 140 — 146.
149. ЦГАСА, ф. 33 988, оп. 4, д. 36, л. 56.
150. ЦАМО, ф. 32, оп. 11 309, д. 3, л. 85 — 90.
151. ЦАМО, ф. 127, оп. 12 915, д. 16, л. 199 — 204.
152. ЦАМО, ф. 127, оп. 12 915, д. 16, л. 308 — 314.
153. ЦАМО, ф. 208, оп. 2513, д. 70а, л. 424 — 427.
154. ЦАМО, ф. 15, оп. 725 588, д. 36, л. 214 — 242.
155. Военно-исторический журиал. 1978. № 2. С. 68.
156. Жуков Г.К. Указ. соч. С. 238.
157. ЦАМО, ф. 208, оп. 2513, д. 71, л. 34.
158. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 1368, л. 246.

Глава II. КАТАСТРОФИЧЕСКОЕ НАЧАЛО

1. ЦАМО, ф. 48-А, оп. 1554, д. 90, л. 257 — 259.
2. ЦАМО, ф. 35, оп. 725 588, д. 36, л. 297.
3. ЦАМО, ф. 32, оп. 11 309, д. 101, л. 23, 35, 37.
4. ЦАМО, ф. 16, оп. 2951, д. 239.
5. ЦАМО, ф. 16, оп. 2951, д. 243, л. 123 — 130.
6. Гальдер Ф. Воеииый дневник. М., 1971. Т. 3. С. 27.
7. ЦАМО, ф. 725 588, оп. 36, д. 19 130, л. 197.
8. ЦАМО, ф. 132-А, оп. 2642, д. 41, л. 1 — 2.
9. ЦАМО, ф. 15, оп. 881 474, д. 12, л. 246 — 253.
10. ЦАМО, ф. 48-А, оп. 1554, д. 90, л. 260 — 262.
11. ЦАМО, ф. 32, оп. 1071, д. 1, л. 6 — 8.
12. ЦАМО, ф. 208, оп. 2513, д. 71, л. 203 — 204.
13. ЦАМО, ф. 15, оп. 725 588, д. 36, л. 239.
14. ЦАМО, ф. 132-А, оп. 2642, д. 28, л. 1.
15. ЦАМО, ф. 15, оп. 881 474, д. 12, л. 175 — 190.
16. ЦАМО, ф. 48-А, оп. 1554, д. 9, л. 47.
17. ЦАМО, ф. 48-А, оп. 1554, д. 9, л. 25.
18. Политическое образование. 1988. № 9. С. 75.
19. Бердяев Н. О иазиачеиии человека. Париж: Изд-во "Современные записки", 1931. С. 15.
20. Клаузевиц. О войие. Изд. 5-е. М., 1941. Т. 1. С. 29.
21. Лосский Н. Характер русского иарода. Фраикфурт, 1957. С. 70.
22. ЦАМО, ф. 32, оп. 701 323, д. 38, л. 53.

23. Тарле Е. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М., 1938. С. 117.
24. Правда. 1941. 3 июля.
25. ЦАМО, ф. 3, оп. 11 556, д. 7, л. 290.
26. ЦАМО, ф. 3, оп. 11 556, д. 1, л. 1744.
27. ЦАМО, ф. 35, оп. 30 802, д. 32, л. 22 — 23.
28. ЦАМО, ф. 8, оп. 11 627, д. 954, л. 65.
29. ЦАМО, ф. 48-А, оп. 1554, д. 9, л. 224 — 225.
30. ЦАМО, ф. 48-А, оп. 1554, д. 91, л. 11.
31. ЦАМО, ф. 33, оп. 11 454, д. 179, л. 1.
32. ЦАМО, ф. 8, оп. 1855, д. 7, л. 27.
33. ЦАМО, ф. 48-А, оп. 1554, д. 91, л. 36.
34. ЦАМО, ф. 48-А, оп. 1554, д. 91, л. 40 — 42.
35. ЦАМО, ф. 32, оп. 11 309, д. 70, л. 65 — 71.
36. ЦАМО, ф. 33, оп. 725 588, д. 36, л. 10.
37. Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1918. С. 187.
38. ЦАМО, ф. 3, оп. 11 556, д. 2, л. 252.
39. ЦАМО, ф. 33, оп. 725 588, д. 36, л. 295 — 298.
40. ЦАМО, ф. 33, оп. 725 588, д. 36, л. 308 — 310.
41. ЦАМО, ф. 208, оп. 2513, д. 71, л. 131, 221.
42. ЦАМО, ф. 33, оп. 11 454, д. 179, л. 144 — 145.
43. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 68, т. V, л. 231 — 232.
44. ЦАМО, ф. 33, оп. 11 454, д. 179, л. 320 — 321.
45. ЦАМО, ф. 3, оп. 11 556, д. 9, л. 324.
46. ЦАМО, ф. 35, оп. 11 285, д. 205, л. 1 — 78.
47. ЦАМО, ф. 96-А, оп. 2011, д. 5, л. 21 — 24.
48. ЦАМО, ф. 132-А, оп. 2642, д. 30, л. 12 — 13.
49. ЦАМО, ф. 3, оп. 11 556, д. 1, л. 315.
50. ЦАМО, ф. 208, оп. 2526, д. 5а, л. 443 — 448.
51. ЦАМО, ф. 32, оп. 11 306, д. 36, л. 82 — 84.
52. ЦАМО, ф. 96-А, оп. 2011, д. 5, л. 28 — 30.
53. ЦАМО, ф. 96-А, оп. 2011, д. 5, л. 96 — 99.
54. ЦАМО, ф. 48-А, оп. 1554, д. 9, л. 470.
55. ЦАМО, ф. 229, оп. 161, д. 103, л. 93.
56. ЦАМО, ф. 13, оп. 3028, д. 4, л. 1 — 27.
57. ЦАМО, ф. 8, оп. 11 627, д. 954, л. 61.
58. ЦАМО, ф. 7, оп. 11 250, д. 29, л. 37 — 38.
59. См.: Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании. М., 1976. Изд. 2-е. С. 33.
60. ЦАМО, ф. 48-А, оп. 1133, д. 7, л. 139 — 140.
61. ЦАМО, ф. 48-А, оп. 1554, д. 9, л. 431.
62. ЦАМО, ф. 219, оп. 679, д. 3, л. 17 — 21.

63. ЦАМО, ф. 3, оп. 11 556, д. 2, л. 175 — 176.
64. ЦАМО, ф. 132-А, оп. 2642, д. 30, л. 37.
65. ЦАМО, ф. 67, оп. 12 018, д. 100, л. 263 — 264.
66. ЦАМО, ф. 67, оп. 12 018, д. 100, л. 134 — 135.
67. ЦАМО, ф. 96-А, оп. 2011, д. 5, л. 104 — 107.
68. ЦАМО, ф. 96-А, оп. 2011, д. 5, л. 120 — 123.
69. ЦАМО, ф. 48-А, оп. 1554, д. 91, л. 266.
70. ЦАМО, ф. 8, оп. 72 558, д. 35, л. 8.
71. ЦАМО, ф. 8, оп. 72 558, д. 35, л. 33.
72. ЦАМО, ф. 15, оп. 72 558, д. 35, л. 16.
73. ЦАМО, ф. 132-А, оп. 2642, д. 41, л. 136 — 137.
74. ЦАМО, ф. 3, оп. 11 556, д. 7, л. 362.
75. ЦАМО, ф. 3, оп. 11 556, д. 8, л. 121 — 129.
76. ЦАМО, ф. 3, оп. 11 556, д. 8, л. 332.
77. ЦПА ИМЛ, ф. 326, оп. 1, д. 113, л. 63 — 75.
78. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1983. Т. 2. С. 257.
79. ЦАМО, ф. 3, оп. 11 556, д. 8, л. 80 — 82.
80. ЦАМО, ф. 3, оп. 11 556, д. 8, л. 212 — 214.
81. ЦАМО, ф. 132-А, оп. 2642, д. 30, л. 47, 49.
82. ЦАМО, ф. 69, оп. 14 065, д. 6, л. 117.
83. ЦАМО, ф. 3, оп. 11 556, д. 2, л. 175.
84. ЦАМО, ф. 132-А, оп. 2642, д. 45, л. 26.
85. ЦАМО, ф. 32, оп. 11 306, д. 24, л. 7.
86. ЦАМО, ф. 96-А, оп. 2011, д. 5, л. 141 — 143.
87. ЦАМО, ф. 48-А, оп. 1910, д. 11, л. 16 — 19.
88. ЦАМО, ф. 208, оп. 10 163, д. 27, л. 8.
89. Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1950. С. 35.
90. Encyclopaedia Britannica, L., 1973, vol. 18, p. 563.
91. ЦАМО, ф. 8, оп. 11 627, д. 954, л. 62.
92. ЦАМО, ф. 32, оп. 11 309, д. 70, л. 155.
93. ЦАМО, ф. 3, оп. 11 556, д. 9, л. 16.
94. ЦАМО, ф. 32, оп. 11 306, д. 24, л. 8.
95. Ditte Gerns. Hitlers Wehrmacht in der Sowjetunion. Frankfurt am Main, 1985, S. 41.
96. ЦАМО, ф. 3, оп. 11 556, д. 9, л. 317.
97. ЦПА ИМЛ, ф. 77, оп. 3, д. 135, л. 1 — 2.
98. ЦАМО, ф. 33, оп. 11 454, д. 179, л. 1 — 2.
99. ЦАМО, ф. 3, оп. 11 556, д. 13, л. 445 — 446.
100. ЦАМО, ф. 38, оп. 11 389, д. 2, л. 164 — 166.
101. ЦАМО, ф. 132-А, оп. 2642, д. 42, л. 18 — 22.
102. ЦАМО, ф. 48-А, оп. 1640, д. 26, л. 296.

103. ЦАМО, ф. 32-А, оп. 11 309, д. 163, л. 15 — 45.
104. ЦАМО, ф. 3, оп. 11 556, д. 7, л. 201.
105. ЦАМО, ф. 32, оп. 11 306, д. 195, л. 249 — 253.
106. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 142, т. III, л. 102 — 103.
107. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 68, т. V, л. 102.
108. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 1, д. 2010, л. 1 — 13.
109. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 1, д. 2010, л. 67 — 69.
110. См.: Полнтическое образованне. 1989. № 4. С. 58 — 63.
111. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 64, т. 1, л. 1.
112. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 64, т. 1, л. 158.
113. Леннн В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 360.
114. ЦПА ИМЛ, ф. 58, оп. 2, д. 966, л. 5.
115. Гофманн И. Исторня власовской армии. Ромбах. 1986. С. 3.
116. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 64, т. 1, л. 9 — 12.

Глава III. ВЕРХОВНЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ

1. ЦАМО, ф. 132-А, оп. 2642, д. 41, л. 23 — 24.
2. ЦАМО, ф. 132-А, оп. 2642, д. 30, л. 24.
3. Жуков Г.К. Воспомннання н размышлення. М., 1983. Т. 2. С. 97.
4. Шапошннков Б.М. Воспомннання. Военно-научные труды. М., 1974. С. 391.
5. ЦАМО, ф. 3, оп. 11 556, д. 13, л. 247 — 248.
6. ЦАМО, ф. 132, оп. 2642, д. 233, л. 285 — 286.
7. ЦАМО, ф. 3, оп. 11 556, д. 14, л. 18.
8. ЦАМО, ф. 3, оп. 11 556, д. 6, л. 47.
9. ЦАМО, ф. 3, оп. 11 556, д. 14, л. 62.
10. ЦАМО, ф. 96-А, оп. 2011, д. 5, л. 45 — 52.
11. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 95.
12. ЦАМО, ф. 132-А, оп. 2642, д. 41, л. 75 — 81.
13. ЦАМО, ф. 132-А, оп. 2642, д. 41, л. 75 — 81.
14. ЦАМО, ф. 96-А, оп. 2011, д. 5, л. 70.
15. ЦАМО, ф. 96-А, оп. 2011, д. 5, л. 68 — 70.
16. ЦАМО, ф. 32, оп. 1, д. 16, л. 19.
17. ЦАМО, ф. 3, оп. 11 556, д. 5, л. 51.
18. ЦАМО, ф. 3, оп. 11 556, д. 6, л. 20.
19. ЦАМО, ф. 3, оп. 11 556, д. 13, л. 209.
20. ЦАМО, ф. 132-А, оп. 2642, д. 32, л. 208.
21. ЦАМО, ф. 96-А, оп. 2011, д. 26, л. 78 — 80.
22. Сталнн И.В. О Велнкой Отечественной войне Советского Союза. М., 1946. С. 78.
23. ЦАМО, ф. 132-А, оп. 2642, д. 41, л. 79 — 81.
24. ЦАМО, ф. 96-А, оп. 2011, д. 26, л. 94 — 102.

25. ЦАМО, ф. 96-А, оп. 2011, д. 26, л. 114 — 122.
26. ЦАМО, ф. 96-А, оп. 2011, д. 26, л. 156 — 157.
27. ЦАМО, ф. 132, оп. 1, д. 96, л. 21.
28. Жуков Г.К. Воспоминания и размышлеиия. Т. 2. С. 232 — 233.
29. ЦПА ИМЛ, ф. 77, оп. 3, д. 133, л. 1 — 4.
30. ЦАМО, ф. 3, оп. 11 556, д. 14, л. 86.
31. ЦАМО, ф. 32, оп. 103, д. 109, л. 6 — 29.
32. ЦПА ИМЛ, ф. 386, оп. 1, д. 1, л. 2 — 56.
33. ЦАМО, ф. 132-А, оп. 2642, д. 13, л. 163 — 164.
34. ЦАМО, ф. 132-А, оп. 2642, д. 34, л. 37 — 38.
35. ЦАМО, ф. 132-А, оп. 2642, д. 35, л. 41.
36. ЦАМО, ф. 3, оп. 11 556, д. 9, л. 287.
37. Ustinov P. My Russia, Boston-Toronto, 1983, p. 146.
38. ЦАМО, ф. 3, оп. 11 556, д. 9, л. 316.
39. ЦАМО, ф. 3, оп. 11 556, д. 2, л. 175.
40. ЦАМО, ф. 3, оп. 11 556, д. 9, л. 128 — 129.
41. Лениииский сборник. XII. С. 383.
42. Троцкий Л. Моя жизнь. Берлии, 1930. Т. 2. С. 141.
43. ЦАМО, ф. 3, оп. 11 556, д. 13, л. 210 — 212.
44. ЦАМО, ф. 3, оп. 11 556, д. 10, л. 7, 8.
45. ЦАМО, ф. 3, оп. 11 556, д. 10, л. 9.
46. ЦАМО, ф. 3, оп. 11 556, д. 10, л. 336.
47. ЦАМО, ф. 3, оп. 11 556, д. 10, л. 339.
48. ЦАМО, ф. 32, оп. 11 309, д. 159, л. 87.
49. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. СПб, 1899. С. 51.
50. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 97, л. 178 — 180.
51. Сталии И.В. О Великой Отечествеииой войне Советского Союза. С. 71 — 72.
52. Жуков Г.К. Воспомииаиия и размышлеиия. Т. 2. С. 99.
53. ЦАМО, ф. 96-А, оп. 1711, д. 2, л. 6 — 7.
54. ЦАМО, ф. 3, оп. 11 556, д. 2, л. 396 — 397.
55. Маршал Жуков. Каким мы его помним. М., 1988. С. 81.
56. ЦАМО, ф. 249, оп. 1544, д. 112, л. 144.
57. Симонов К.М. Глазами человека моего поколеиия. Размышлеиия о И.В. Сталине. М., 1988. С. 198.
58. ЦАМО, ф. 48, оп. 7, д. 2.
59. ЦАМО, ф. 132, оп. 264, д. 230, л. 15.
60. Маршал Жуков. Каким мы его помним. С. 245.
61. ЦАМО, ф. 8, оп. 11 627, д. 988, л. 81.
62. ЦАМО, ф. 132-А, оп. 2642, д. 13, л. 223 — 230.
63. ЦАМО, ф. 3, оп. 11 556, д. 18, л. 103.
64. ЦАМО, ф. 48-А, оп. 3412, д. 63, л. 46 — 47.
65. ЦАМО, ф. 132-А, оп. 2642, д. 39, л. 115.

66. Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 1983. С. 470.
67. Гаглов И.И. Генерал Антонов. М., 1978. С. 87.
68. ЦАМО, ф. 32, оп. 11 302, д. 62, л. 546.
69. Наполеон. Избранные произведения. М., 1941. Т. 1. С. 320.
70. Теплов Б.М. Проблемы индивидуальных различий. М., 1961. С. 275.
71. ЦАМО, ф. 96-А, оп. 2011, д. 26, л. 103 — 113.
72. ЦАМО, ф. 3, оп. 11 556, д. 9, л. 231.
73. ЦАМО, ф. 3, оп. 11 556, д. 10, л. 27.
74. ЦАМО, ф. 132-А, оп. 2642, д. 13, л. 7.
75. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 265, т. II, л. 340 — 347.
76. ЦАМО, ф. 132-А, оп. 2642, д. 41, л. 271 — 272.
77. ЦАМО, ф. 3, оп. 11 556, д. 14, л. 82 — 84.
78. ЦАМО, ф. 132-А, оп. 2642, д. 36, л. 428.
79. ЦАМО, ф. 3, оп. 11 556, д. 10, л. 324.
80. ЦАМО, ф. 132-А, оп. 2642, д. 36, л. 66.
81. ЦАМО, ф. 3, оп. 11 556, д. 13, л. 455.
82. ЦАМО, ф. 3, оп. 11 556, д. 17, л. 11.
83. ЦАМО, ф. 132-А, оп. 2642, д. 32, л. 145 — 147.
84. ЦАМО, ф. 3, оп. 11 556, д. 5, л. 6.
85. ЦАМО, ф. 3, оп. 11 556, д. 9, л. 313.
86. ЦАМО, ф. 15, оп. 178 612, д. 86, л. 132, 140.
87. ЦАМО, ф. 15, оп. 178 612, д. 86, л. 345 — 347.
88. ЦАМО, ф. 15, оп. 178 612, д. 86, л. 198.
89. ЦАМО, ф. 3, оп. 11 556, д. 9, л. 165 — 166.
90. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав. Сб. документов. М., 1978. Т. II. С. 52, 53.
91. Там же. С. 54.
92. Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1918. С. 181.
93. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 94, л. 329 — 333.
94. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 94, л. 317, 122 — 126, 275.
95. ЦАМО, ф. 1178, оп. 1, д. 38, л. 93.
96. ЦАМО, ф. 236, оп. 2675, д. 170, л. 108 — 311.
97. Внешняя политика СССР. Сб. документов. М., 1947. Т. V. С. 40.
98. Там же. С. 41.
99. Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании (1941 — 1945 гг.). М., 1976. Т. I. С. 19.
100. Там же. С. 29.
101. Внешняя политика СССР. Сб. документов. Т. V. С. 206.
102. Переписка Председателя Совета Министров СССР... С. 69.
103. Churchill W. The Second World War, 1950, vol. 4, p. 428.

104. The Diaries of Sir Alexander Cadogan. 1938-1945, N.Y., 1971, p. 471.

105. Переписка Председателя Совета Министров СССР... С. 74.

106. Там же. С. 75 — 76.

107. Внешняя политика СССР. Сб. документов. Т. V. С. 236.

108. Сталин И.В. О Великой Отечественной войне. М., 1950. С. 132.

109. Правда. 1943. 30 мая.

110. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав. Сб. документов. Т. II. С. 89 — 92.

111. Там же. С. 167.

112. Тегеран. Ялта. Потсдам. Сб. документов. М., 1970. С. 22.

113. ЦАМО, ф. 32, оп. 11 309, д. 101, л. 338 — 341.

114. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 172, т. II, л. 247 — 248.

115. W. Averell Harriman and Elie Abel. Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941-1946, XII. Random House, N.Y., p. 536.

116. Lundin C.L. Finland in the Second World War, Bloomington, 1957, p. 216.

117. ЦАМО, ф. 3, оп. 11 556, д. 16, л. 87 — 88.

118. ЦАМО, ф. 3, оп. 11 556, д. 18, л. 74.

119. ЦАМО, ф. 3, оп. 11 556, д. 16, л. 239 — 240.

120. ЦАМО, ф. 3, оп. 11 556, д. 16, л. 119.

121. ЦАМО, ф. 3, оп. 11 556, д. 16, л. 183.

122. ЦАМО, ф. 3, оп. 11 556, д. 18, л. 93.

123. Архив ИВИ, ф. 190, оп. 232, д. 7, л. 105.

124. ЦАМО, ф. 3, оп. 11 556, д. 18, л. 133.

125. ЦАМО, ф. 3, оп. 11 556, д. 18, л. 142 — 144.

126. ЦАМО, ф. 3, оп. 11 556, д. 18, л. 110.

127. ЦАМО, ф. 48-А, оп. 3412, д. 63, л. 187 — 188.

128. Крымская конференция руководителей трех союзных держав. Сб. документов. М., 1979. С. 273.

129. ЦАМО, ф. 3, оп. 11 556, д. 18, л. 177 — 190.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

ОГЛАВЛЕНИЕ

Волкогонов Д.А.

B67 Триумф и трагедия/ Политический портрет И.В. Сталина. — В 2-х книгах. — Кн. II. — Ч. 1. — М.: Изд-во АПН, 1989. — 432 с., ил.

Личиость Сталина — одиа из самых сложных н противоречивых в истории. В книге, в которой использоваиы миогие иеизвестиые ранее докумеиты, аиализируется эволюция этого политического деятеля от малозаметиого участника Октябрьской революции до лидера партии и государства. Автор прослеживает процесс усиления едиивластия, подмены диктатуры пролетариата диктатурой "вождя", показывает генезис культа личиости Сталииа, человека, который был главиым вииовником беззакоиий, творившихся в страие в 40-е—иачале 50-х гг. Читатель узнает, как обожествление Сталииа привело к тому, что триумф одиого человека оберичулся трагедией целого иарода.

Киига предиазиачеиа для широкого круга читателей.

ISBN 4 — 7020 — 0025 — 0

В $\frac{4502010000}{067(02)-89}$ Без объявл.

ББК 66.61(2)8

Волкогонов Дмитрий Антонович
ТРИУМФ И ТРАГЕДИЯ
Политический портрет И.В. Сталина
В 2-х книгах

Книга II
Часть 1

Выпускающий *М.Н. Антипов*
Издательский редактор *З.Е. Машкова*
Контрольная проверка *Е.И. Кацман*
Младшие редакторы *Г.В. Ардаьянц, Н.В. Потатуева*
Художественный редактор *В.В. Анохин*
Фоторедактор *Т.П. Макарова*
Корректор *Н.В. Сапронова*
Технические редакторы *Л.А. Крюкова, А.С. Денисова*
Технолог *В.Ф. Егорова*

ИБ 10205

Сдано в иабор 20.06.89 г. Подписано в печать 21.08.89 г. ВТ08015
Формат издаиия 84x108/32. Бумага офсетная 70 г/м^2.
Гарнитура таймс. Офсетная печать.
Усл. печ л. 24,36. Уч.-изд. л. 27,54.
Тираж 300 000 экз. (3-й завод 200 001 — 300 000 экз.)
Заказ № 2023. Изд. № 8276. Цена 2 р. 90 к. (в мягкой обложке).

Издательство Агеитства печати Новости
107082, Москва, Б. Почтовая ул., 7.

Типография Издательства Агентства печати Новости
107005, Москва, ул. Ф. Энгельса, 46.

2 р. 90 к.

Сегодня на Стали́на и сталинизм мы смотрим пока с высоты птичьего полета истории. Думаю, спустя десятилетия, с большей временно́й дистанции, эти мрачные страницы летописи советского народа, полные подвижничества, трагизма, обманутой надежды, будут видеться глубже, основательнее, вернее. Но уже сегодня ясно: Сталин лишь вершина айсберга. Описав эту вершину, я не считаю, что высветил весь айсберг.

''Незаконченное'' прошлое может быть как у отдельного человека, так и у целого народа, не знающего до конца подлинной истории своего триумфа и трагедий. Так назвал я книгу, пытаясь показать, как триумф одного человека обернулся трагедией для великого народа...

Издательство
Агентства печати Новости